

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На правах рукописи

Ларенок Оксана Павловна

**ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА
ТЕРРИТОРИИ
НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ**

Исторические науки:

Специальность 5.6.3 Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н. Кияшко А. В.

Ростов-на-Дону 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. История изучения археологии финального этапа периода средней бронзы Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья	13
1.1. Открытие и накопление источниковой базы (конец XIX века – 50–е годы XX века)	14
1.2. Продолжение формирования источниковой базы и первые теоретические и обобщающие наблюдения (60–х гг. – 90–е гг. XX века)	19
1.3. Развитие теорий культурогенеза финального этапа периода средней бронзы на основе аналитических и комплексных исследований	30
1.4. Характеристика источниковой базы	43
Глава 2. Характеристика погребальных комплексов культур финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	45
2.1. Погребальный обряд днепро–донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья	48
2.2. Погребальные комплексы иных культурных групп финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья	71
2.2.1. Погребальные комплексы каменско-ливенцовской культурной группы исследуемого региона	71

2.2.2.	Погребальные комплексы волго-донской бабинской культуры и лолинской культуры исследуемого региона	78
2.3.	Погребальный инвентарь из комплексов финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	85
2.4.	Общие выводы по исследованию погребального обряда племен финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	94
Глава 3.	Характеристика поселенческих комплексов финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	97
3.1.	Поселенческие комплексы днепро-донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	99
3.2.	Поселенческие комплексы волго-донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	118
3.3.	Поселенческие комплексы каменско-ливенцовской культурной группы памятников на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	121
3.4.	Поселенческие памятники Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в общей системе культур финального этапа периода средней бронзы	138

Глава 4.	Хронология памятников финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья	143
4.1.	Относительная хронология погребальных комплексов днепро–донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья	145
4.1.1.	Соотношение погребальных комплексов позднего катакомбного периода и днепро-донской бабинской культуры исследуемого региона	162
4.1.2.	Соотношение погребальных комплексов днепро-донской бабинской культуры и срубных комплексов исследуемого региона	168
4.2.1.	Относительная хронология поселенческих памятников финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	170
4.2.2.	Относительная хронология памятников каменско-ливенцовской культурной группы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья	173
4.3.	Абсолютная хронология. Данные радиоуглеродного анализа	177
	Заключение	180
	Список литературы	184
	Том 2: Приложения	

ВВЕДЕНИЕ

Географическое положение Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья является одним из факторов, определившим отличительные черты местных культур, существовавших в финальном этапе периода средней бронзы. Специфика эта обусловлена, с одной стороны – взаимодействием с Северным Кавказом и, с другой стороны, контактами с Таманским и Крымским регионами, а также с племенами западных территорий (Закарпатье, Приднестровье).

Выбранная тема охватывает временной промежуток между периодом средней бронзы, когда господствовала катакомбная культура, и периодом поздней бронзы, ознаменованным расцветом срубной и сабашиновской культур. Появление такого своеобразного переходного времени было связано с угасанием характерных черт каменско-ливленцевской группы памятников и усилением влияния днепро-донской бабинской культуры, в последствии оттесненной представителями срубной культуры. Непосредственное влияние на происходящие процессы оказали климатические изменения, связанные с преобладанием высоких температур и как следствие засухой. Целью исследования является реконструкция культурно-исторических процессов на территории Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья в промежуток между XXII-XVIII веками до н. э.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, отсутствием детальных исследований по финальному этапу периода средней бронзы на обозначенной в заглавии работы территории. За последние десятилетия произошло значительное пополнение источниковой базы, совершенствовалась методика анализа данных и теоретические подходы к осмыслению изучаемого периода.

В ходе масштабных новостроечных работ второй половины XX века на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье происходило накопление материала по финальному этапу периода средней бронзы. Однако, как

такового анализа полученного материала не произошло и многие памятники остались не рассмотренными и не опубликованными. Наше исследование ставит задачу заполнить эту лакуну.

Этому способствовала появление калиброванных радиоуглеродных датировок, которые позволили найти место новым памятникам финального этапа периода средней бронзы на хронологической шкале бронзового века. В настоящее время эта новация принята большинством археологов.

Памятники нижнедонского и североприазовского региона занимают особое место в системе древностей финального этапа периода средней бронзы юго-восточной Европы. Они находятся на стыке двух основных культурных региона этой эпохи: обозначаемых, как культурные круги Бабино и Лола (Мимоход, 2022), кроме того, специфика изучаемого региона заключается в заметном южном, кавказском влиянии. Поэтому, особое значение имеет выделение культурных групп, существовавших на данной территории в отмеченный период (днепро–донская и волго–донская бабинские культуры, а также каменско-ливенцовская и лолинская). Для понимания таксономического уровня этих археологических образований использовалась концепция культурогенеза (Бочкарев, 1991, 1995), которая оказалась более эффективным теоретико-методологическим инструментом, чем преобладавшая во второй половине XX века тенденция выделения культурно-исторических общностей (Мерперт, 1968).

Степень разработанности темы. Открытие памятников финала периода средней бронзы произошло в 50-х годах прошлого века, после раскопок поселения Бабино III на Нижнем Днепре и Волынцево на Сейме (Добровольский, 1957). Поселение Бабино III в дальнейшем стало эталонным памятником культуры. Более того, ряд ученых предпочли его название в качестве эпонима культуры, другие же предпочитали называть её культурой многоваликовой керамики.

Начало изучения памятников культуры многоваликовой керамики или бабинской культуры на Нижнем Дону связано с открытием в начале 60-х годов

XX века С. Н. Братченко Ливенцовского комплекса памятников эпохи бронзы. В результате исследования поселения Ливенцовское I, был выявлен культурный слой финального этапа периода средней бронзы с характерной многоваликовой керамикой. Исследователь обосновал правильность именования этой культуры как бабинской – по упомянутому эталонному памятнику.

В последние десятилетия XX века, несмотря на большой объем новых курганных материалов изучаемой эпохи, нижнедонские и североприазовские памятники рассматривались лишь в трех статьях Э.С. Шарафутдиновой (Шарафутдинова, 1987, 1990, 1996), где большое внимание было уделено вопросам относительной хронологии и культурных взаимосвязей этих древностей.

С началом XXI века основной вклад в изучение проблематики финала периода средней бронзы внесли многочисленные статьи и диссертации Р. А. Литвиненко и Р. А. Мимохода, связанные с изучением культур финала средней бронзы. Р. А. Литвиненко обосновал и досконально изучил памятники днепродонской бабинской культуры, расположенные в основном и западном ареалах распространения культуры (Литвиненко, 2002). Р. А. Мимоходом были описаны и выделены синхронные культурные образования на соседних с Нижним Доном восточных и юго-восточных территориях (лолинская культура и волго-донская бабинская культура).

В масштабных исследованиях Р.А. Мимохода, как и Р.А. Литвиненко, бассейн Нижнего Дона оказывался периферийной территорией. Авторы, безусловно, учитывали памятники изучаемого региона, но далеко не все (например, поселенческие комплексы).

Таким образом, проведенный историографический обзор показывает, что регион Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья является наименее изученным в контексте выявления и анализа посткатакомбных древностей финала периода средней бронзы.

Целью исследования является формирование репрезентативной источниковой базы и первичная классификация этих данных, а также реконструкция культурно–исторических процессов на финальном этапе периода средней бронзы в нижнедонском и североприазовском регионе в контексте культурно-исторического развития населения Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа в бронзовом веке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд поставленных **задач**:

- сформировать репрезентативную базу данных, включающую погребальные, поселенческие, культовые и другие комплексы изучаемого периода;

- провести научный анализ и первичную обработку материала с целью его классификации (выделения разновидностей поселений, обрядовых групп погребений, ведущих типов изделий и т. д.);

- выполнить локально–хронологическое членение комплексов изучаемого периода, разработать относительную периодизацию изучаемых древностей, привлекая имеющиеся абсолютные даты;

- осуществить культурную атрибуцию разновидностей групп памятников Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья с учетом многообразия культур изучаемого периода на соседних территориях;

- оценить степень общности и своеобразия исследуемых древностей в контексте традиций периода финала средней бронзы каспийско–черноморских степей;

- определить значение каменско-ливенцовской культурной группы в ходе процесса культурного взаимодействия в финале средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья, включая Крым, Тамань и Северный Кавказ.

Объект исследования – процессы культурного развития в финале периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья.

Предмет исследования – материалы погребальных и поселенческих памятников финального этапа периода средней бронзы на изучаемой территории.

Географические рамки – исследуемая территория включает бассейн нижнего течения реки Дон, до излучины у г. Калач с её притоками, а также примыкающие к Нижнему Дону районы Северо–Восточного Приазовья.

Хронологические рамки исследования – традиционно определяются финальным этапом периода средней бронзы и, согласно новым абсолютным датировкам, укладываются в рамках XXII–XVIII веков до н.э.

Источники исследования представлены базой данных, на основе выборки из опубликованных материалов – монографий, статей, публикаций разных исследований, находящихся в открытом доступе, а также архивных материалов научных отчетов, хранящихся в фондах музеев (Ростовский областной музей краеведения, Азовский музей–заповедник, Таганрогский краеведческий музей) и архивах археологических организаций (ООО «Южархеология», РРОО «Донское археологическое общество», ГАУК «Донское наследие»). Таким образом, в работе было проанализировано 188 погребальных комплексов и 320 погребений включительно, а также 12 поселений и 6 пунктов сбора подъемного материала. Полный список рассмотренных памятников приведен в Приложении №1. Наиболее значимыми источниковедческие архивные материалы представлены несколькими археологическими комплексами и памятниками. Соответственно, основные опорные памятники определены в рамках Ливенцовского археологического комплекса, введенного в науку как базового, поселений (Ягодинка II, Вареновка) и целого ряда курганных могильников, содержащих наиболее яркие обрядовые черты (Бургуста I, Репный I, Гать III, Новая Бараниковка, Кудинов, Аксайский I). В работе также приводятся более широкие аналогии со смежных территорий (Тамань, Крым, Северный Кавказ, памятники среднего течения Северского Донца).

Научная новизна. Впервые на обширных материалах показаны культурно–исторические процессы и непосредственные контакты исследуемых культурных групп населения с территориями Нижнего Дона, Северо–Восточного Приазовья, Тамани, Крыма и Северного Кавказа. В работе разработана и предложена классификация обрядовых групп для ДДБК и определена основная зона нахождения этого культурного явления в рамках исследуемого региона. Выявлены различия в керамическом комплексе Ливенцовской и Каратаевской крепостей, а также сходство между материалами Каратаевского укрепления и поселениями Восточного Крыма каменной культуры.

Методика исследования обусловлена поставленными целями и задачами. Основой стали традиционные приемы археологической обработки данных в сочетании с использованием естественнонаучных методов (картографический, типологический, сравнительно-стратиграфический). В результате материалы вошедших в работу памятников упорядочены по основным типологическим признакам и нанесены на карту исследуемого региона. Стратиграфический анализ погребальных комплексов показал их хронологическое соотношение в курганных могильниках. А также сформирована схема локально-хронологического развития культур Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья в финале средней бронзы. Дополнением к работе стали результаты таких естественно-научных дисциплин, как радиоуглеродное датирование, антропология, археозоология, химический состав металла.

Это позволило не только диагностировать, но и реконструировать элементы системы жизнеобеспечения древнего населения и степень этнокультурного единства изучаемых материалов, но и определить основной вектор культурных влияний (или его смену) в финале средней бронзы на смежных территориях Нижнего Дона, Северо-Восточного Приазовья, Крыма, Тамани и Северного Кавказа.

Практическая ценность работы. Разработана методология исследования и сравнения материалов различных культурных контактов, в том числе и вызывающих в теоретическом и практическом плане противоречия. Данная работа может послужить практической основой для проведения других исследований. Не маловажно, что на основе данного исследования могут быть предложены практические курсы на уровне высшей и средней школы, дополнительных занятий и кружков. Многие положения и конкретные выкладки данной работы представлены публикациях и читаемых курсах лекций.

Положения, выносимые на защиту:

1. В финальный этап периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья присутствовали четыре культурных образования – днепро–донская и волго–донская бабинская культура, каменско–ливенцовская группа и лолинская культура.

2. Каменско–ливенцовская группа памятников является сложным культурно–хронологическим образованием. Его восточно-крымская составляющая – каменская культура – сформировалась на основе местных памятников катакомбного времени, безусловно при взаимодействии с северными (днепро-донецкая бабинская культура) и с южными (специфические памятники Тамани и Северо-Западного Кавказа) культурами финального этапа периода средней бронзы. В свою очередь, взаимодействие населения Северного Приазовья с каменской культурой, привело к появлению памятников ливенцовско-каратаевского типа в низовьях реки Дон.

3. Окончание развитого этапа финала средней бронзы на Нижнем Дону и Северо–восточном Приазовье характеризуется угасанием характерных черт каменско-ливенцовской культурной группы и доминирующим влиянием днепро–донской бабинской культуры.

4. Все культурные явления, представленные в исследуемом регионе, имеют своеобразные и характерные черты в погребальном обряде.

5. Показаны основные возможные пути проникновения культурных традиций в регион, на основе которых происходило сложение и развития специфических местных особенностей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

За весь период работы мною было принято участие в 6 международных конференциях, в том числе при Институте археологии РАН и Институте истории и материальной культуры Санкт–Петербурга.

В рамках данного исследования, под моим личным руководством были проведены археологические исследования поселения Ливенцовка I, результаты которого были учтены при написании работы. Непосредственно было опубликовано 27 статей, из которых 21 индексируемых в базе РИНЦ и 6 ВАК.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО–ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ.

Анализ историографии является неотъемлемой частью любого исследования, призванного обобщить новые источниковые, экспериментальные и теоретико-методологические данные. Изучение памятников финального этапа периода средней бронзы (культуры многоваликовой керамики (КМК) – Бабино и каменско-ливенцовской группы) в последние десятилетия получило стимул в процессе осмысления новых материалов с территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, степного Предкавказья, предгорий Северного Кавказа и Северного Причерноморья, в частности, с Таманского и Крымского полуостровов. Другими основаниями прогресса в изучении названных памятников стали калиброванные радиоуглеродные датировки, удлинившие периоды бронзового века, и методологические новации: переход от теории культурно-исторических общностей к представлению о формировании блоков культур в очагах (центрах) культурогенеза.

Хронологический диапазон изучения финального этапа периода средней бронзы охватывает временной промежуток с конца XIX века и по настоящее время. Данный период был условно разделен нами на 3 взаимосвязанных этапа, что позволяет более детально проанализировать историографию:

1-й этап - с конца XIX века по 50-е годы XX века – открытие и накопление источниковой базы;

2-й этап – с 60-х гг. по 90-е гг. XX века – продолжение формирования источниковой базы и первые теоретические и обобщающие наблюдения;

3-й этап – с конца 90-х гг. XX века по настоящее время. Характеризуется углублением теоретического осмысления накопленного материала и расширением региона исследований.

1.1. Открытие и накопление источниковой базы (конец XIX века – 50-е годы XX века).

Первый этап характеризуется открытием, накоплением и первыми попытками осмысления памятников финального этапа периода средней бронзы. В этот промежуток времени был исследован ряд поселенческих и погребальных комплексов, давших первоначальные представления о традициях КМК-Бабино. Большую часть материалов с поселений на раннем этапе изучения удревняли и относили к позднекатакомбным, из-за схожести керамического комплекса этих культур. Обрядовые признаки погребений КМК-Бабино напротив, омолаживали, нередко включая найденные комплексы в состав срубной культуры.

Первые случаи нахождения керамики финала средней бронзы с валиковым орнаментом относятся к концу XIX века и связаны они с исследованиями на территориях Поднепровья и Приднестровья. Например, при раскопках поселения Княжеская гора, расположенном на правом берегу Днепра, около устья реки Рось, Н. Ф. Беляшевский обнаружил фрагменты лепных сосудов с валиками, явно не похожую на характерную для этого памятника, славянскую керамику (Беляшевский, 1892. С. 73).

К этому же времени относится и одна из первых находок костяных пряжек-медальонов, которая была найдена при раскопках курганов в Бессарабии членом императорской археологической комиссии Ф. И. Кнауэром (Кнауэр, 1893. С. 85). У села Павловка, на берегу реки Когильник были исследованы два рядом стоящих кургана, соединенных между собой досыпкой, под которой и было обнаружено погребение с костяным предметом (Кнауэр, 1893. С. 82, 85). Само захоронение описано плохо, указана только общее положение скелета – скорчено на левом боку и ориентировка – головой на запад. Тем не менее, предоставлен достаточно подробный рисунок костяной находки, позволяющий отнести изделие к группе ПА (по Литвиненко

Р.А.), которая маркирует ранний промежуток развитого периода (Кнауэр, 1893, С. 85, рис. 65).

Основополагающим на данном этапе является исследование В. А. Городцова, который впервые заметил и описал памятники финального этапа периода средней бронзы юго-восточной Европы и разработал периодизацию бронзового века бассейна Северского Донца. В категории срубные древности ученым были описаны погребения с деревянным перекрытием ямы, в которых захороненный размещался на левом боку, скорчено, головой на запад, отличающиеся от классической срубной культуры (Городцов, 1905. С. 202). Важными находками стали круглые костяные пряжки-медальоны, характерные для изучаемых нами погребений и являющиеся хронологическим маркером финального этапа периода средней бронзы (Городцов, 1905. С. 393, табл. XIII). А также большое значение имело описание жертвенных приношений животных: «При четырнадцати погребениях найдены остатки голов и ног овец и коров. Ноги животных отрезались с копытами в костных сочленениях.» (Городцов, 1905. С. 203). Места расположения были отмечены следующим образом – в срубе, между стеной сруба и стеной ямы, на крыше сруба (Городцов, 1905. С. 203). Такой обряд жертвоприношения характерен для бабинских племен и, как и костяные пряжки, является отличительной чертой. Благодаря такой детальной фиксации материалов в настоящее время можно с уверенностью интерпретировать описанные погребения к финалу средней бронзы и бабинской культуре.

Впервые захоронение, в котором было обнаружена костяная пряжка-медальон овальной формы, на территории Крыма, относится к 1934 году, в кургане около села Прибрежное, под Евпаторией. Судя по приведенному в статье описанию, изделие можно отнести к III периоду, за счет его формы, одного большого овального отверстия и двух маленьких сбоку (Шульц, 1937. С. 252).

На территории Нижнего Дона подобный тип костяных изделий впервые был найден при раскопках кургана «Гиреева могила», в рамках Кобяковской

экспедиции, под руководством С. И. Капошиной в 1959 году около города Аксай. Обнаруженная пряжка-медальон имеет округлую форму, тонкий бортик вокруг основного отверстия и дополнительное маленькое отверстие сбоку, что позволяет отнести изделие к типу ПБ (по Р. А. Литвиненко).

Также одним из важных событий данного периода историографии является открытие в 1952 году поселения Каменка В. В. Веселовым со слоем финала средней бронзы. В своей работе 1957 года ученый приводит описание месторасположения и подъемного материала с обнаруженных поселений на Керченском полуострове около одноименных поселков – Каменка, Глейки и Маяк (Веселов, 1957. С. 35-39). Изначальная культурно-хронологическая интерпретация была определена В. В. Веселовым в широкое понятие бронзового века (Веселов, 1957. С. 39).

Дальнейшее изучение культур финального этапа периода средней бронзы связано с находками при раскопках поселений особой керамики с рядами налепных валиков (Козубовский, 1933. С. 98, Добровольский, 1957. С.40) и с обнаружением Бородинского клада (Штерн, 1912. С. 1-14). Одним из таких комплексов стало выявленное в 1951 Д. И. Блифельдом поселение Бабино III, у одноименного села в Верхнерогачинском районе Херсонской области Украины. Схожий материал, при раскопках урочища Городок в Сумской области, обнаружила С. С. Березанская. Материал, собранный с данных памятников, вызвал большой научный интерес, и в 1954 году А. В. Добровольский приступает к исследованию поселения Бабино III. В результате, было обнаружено две жилых постройки и различный инвентарь, включающий керамику с валиками, изделия из металла, кости, кремня (Добровольский, 1957. С. 42). Датировка комплекса была определена ученым как середина II тысячелетия до н. э., но с оговоркой на дальнейшее уточнение (Добровольский, 1957. С. 45). А. В. Добровольский отмечал: «Исследованием поселения Бабино III положено начало изучению памятников, характерной особенностью которых является наличие так называемой многоваликовой керамики» (Добровольский, 1957. С. 45). Благодаря увеличению работ на

новостройках и накоплению материалов с валиковой керамикой, возрастает интерес к интерпретации и хронологии таких древностей.

Таким образом, к финалу первого этапа исследований, формируются два основных взгляда на культурную принадлежность данных памятников. О. А. Кривцова-Гракова и ее ученица Т. Б. Попова считали, что керамика с валиковой орнаментацией характерна для поздних катакомбных древностей и не является отличительным признаком какой-либо культурной группы. В своей монографии О. А. Кривцова-Гракова на основании типологических особенностей керамики срубных поселений и захоронений на территории бассейна Дона выделяет два периода срубной культуры (Кривцова-Гракова, 1955. С. 17). При этом, памятники с керамическими комплексами КМК-Бабино были причислены к позднекатакомбным. В монографии «Племена катакомбной культуры» Т. Б. Попова четко определяет место КМК в пласте поздних катакомбных древностей. Она пишет: «Керамика этого этапа довольно специфична. ... Появившиеся на предшествующем этапе налепные валики широко применяются для орнаментации всех сосудов». Отличительная черта в виде валиков не единственная, также ученая отмечает упрощение самих форм: «Вместо прежних красивых, аккуратных сосудов, покрытых орнаментом, мы видим сосуды более крупных размеров, почти с незаглаженной поверхностью...» (Попова, 1955. С. 30).

В 1960 году в 4 номере журнала «Советская археология» выходит статья С. С. Березанской, в которой автор публикует результаты анализа материалов с поселения Бабино III и сопоставляет их с другими памятниками с аналогичными керамическими комплексами и каменными жилищами. Отмечая при этом особую специфику постройки - «Оно указывает на какую-то совершенно особую традицию домостроительства, не находящую себе аналогий среди культур бронзового века на юге Украины и ближе стоящую к трипольскому домостроительству». (Березанская, 1960. С. 38). Грубую и большого размера, керамику С. С. Березанская сортирует по типам, выявляя более часто встречаемые, а также определяет характерные примеси в тесте

сосудов. Маркером культуры автор считает украшение горшков богатым валиковым орнаментом и врезными линиями (Березанская, 1960. С. 39). Относительную хронологию изучаемых материалов она определяет по стратиграфии поселений, и делает вывод об их синхронности на определенных этапах с катакомбной и срубной культурами. Сама же КМК-Бабино, по мнению С. С. Березанской, существовала короткий промежуток времени (Березанская, 1960. С. 40). Возникновение самой культуры ученыя предполагает, что связано с гумельницкой культурой Румынии, отмечая сходство в керамическом стиле и основном инвентаре (Березанская, 1960. С. 41).

В специальной статье того же выпуска журнала Т. Б. Попова критикует работу С. С. Березанской, оценивая приведенные аргументы о КМК-Бабино как особой культурной группе не объективными и слабыми (Попова, 1960. С. 44). Дискуссия идет о принадлежности сосудов с наклепными валиками, культурной атрибуции памятников в целом и о территории их распространения. Т. Б. Попова отмечает, что мало объясним факт появления племен КМК-Бабино на такой большой территории вне связи с предшествующим населением (Попова, 1960. С. 44). Критике подвергаются и определенные С. С. Березанской хронологические рамки и периоды синхронности с катакомбной и срубной культурами: «...между тем оказывается, что на территории, занятой этими памятниками, в то же самое время существуют памятники катакомбной и срубной культур...» - пишет Т. Б. Попова (Попова, 1960. С. 44). Как видим, споры о датировках и последовательности культур бронзового века в тот период проходили в рамках «короткой хронологии», которая практически не предоставляла КМК-Бабино временной ниши.

1.2. Продолжение формирования источниковой базы и первые теоретические и обобщающие наблюдения (60–х гг. – 90–е гг. XX века).

Второй этап изучения памятников финального этапа периода средней бронзы связан с бумом новостроечных работ на территории Нижнего Дона, Приазовья, Северного Причерноморья, Поволжья, Поднепровья, пополнивших базу по преимуществу курганных погребальных комплексов. В то же время, следует отметить значимые для нашей темы исследования Ливенцовского поселения и крепости в начале 60-х годов (Братченко. 1968. С. 210). Основным результатом масштабных раскопок 60-90-х годов стала разработка многочисленных региональных схем культурно хронологического развития памятников бронзового века, основанная в значительной степени на типологии материалов погребений и курганной стратиграфии. Достижением этого этапа явилось четкое типологическое обособление погребений КМК - Бабино от предшествующих катакомбных и последующих срубных комплексов. Начало второго этапа в историографии археологии финального этапа периода среднего бронзового века неразрывно с концом первого этапа и априори не имеет четких границ. Ряд работ первой половины 60-х годов продолжают дискуссии, начатые на первом этапе. Так, несмотря на прозвучавшую критику, С. С. Березанская настаивает на особой культурной принадлежности погребений с сосудами, украшенными характерным валиковым орнаментом. Данные для исследования ученая берет из раскопок первой половины 20-го века на территории Нижнего Днепра в пределах Одесской, Херсонской, Николаевской и Днепропетровской областей (Березанская, 1962. С. 6). В итоге исследователь сделала два важных наблюдения. Во-первых, выявила такую особенность КМК-Бабино, как скорченность костяков на левом боку, головой в западный сектор. Во-вторых, взаимовстречаемость в некоторых комплексах сосудов, украшенных многорядными валиками, с баночной и острореберной керамикой автор посчитала подтверждением своего вывода о синхронности КМК со срубной

культурой (Березанская, 1962. С. 15). Иное объяснение места КМК-Бабино среди культур бронзового века предложил Б. А. Латынин. Ученый считал, что работы Т. Б. Поповой и С. С. Березанской лишены комплексного подхода и представляют лишь типологию вещественного материала (Латынин, 1964. С. 66). По его мнению, для полноты исследования необходимо учитывать всю зону степи и лесостепи Евразии от Днестра до Енисея и от Оки до Южной Туркмении в период III, II и начала I тыс. до н. э. (Латынин, 1964. С. 70). Проведя сравнение изучаемых материалов с катакомбными и срубными древностями Б. А. Латынин, заключил, что они не относятся к катакомбной культуре, но и не образуют самостоятельное культурное явление. Он утверждал, что речь может идти об «украинском» варианте срубной культуры, образованном под влиянием местной катакомбной культуры, а не в результате миграции племен (Латынин, 1964. С. 70). Такое ответственное предположение заставило автора предпринять обширный источниковедческий анализ, с учетом всех характеристик памятников КМК-Бабино.

Параллельно формируется мнение о сложении КМК-Бабино из харьковско-воронежской катакомбной культуры, в симбиозе с местными элементами. Хронологически древности КМК-Бабино были отнесены к середине II-го тысячелетия до н. э. (Писларий, 1972. С. 72). Важным событием в исследовании финала средней бронзы является открытие – Ливенцовско – Каратаевского комплекса, включающего в себя поселение Ливенцовка 1, могильники, а также два взаимосвязанных монументальных укрепления – Каратаевскую и Ливенцовскую крепости (Братченко, 1967, 1969, 1976, 1985, 1985а, 2006). При анализе полученных археологических данных из крепостей С. Н. Братченко сделал два значительных вывода: первый – об отличии материалов Ливенцовской крепости и Ливенцовского поселения, относимых им к одному периоду - финалу средней бронзы; второй - о том, что керамика с наличием валика в крепости не является преобладающей (Братченко, 1976, 1985, 1985а). В связи с этим С. Н. Братченко предложил новое название для

изучаемой культуры: вместо КМК, культура Бабино, по названию памятника, изученного А. В. Добровольским в Днепровском Надпорожье – Бабино III, ставшим эталонным (Братченко, 1977. С. 23). Позднее, к предложению С. Н. Братченко об эпонимном наименовании культуры присоединился И. А. Писларий (1991). Находки с поселения Ливенцовка I были соотнесены С. Н. Братченко с Бабино III, а материалы Ливенцовской крепости с древностями Северного Кавказа и Восточного Крыма. Ученый отмечал, что «проведённый анализ показывает, что Ливенцовская и Каратаевская крепости относятся к особой культурной группе, неизвестной ранее на Дону» (Братченко, 1976. С. 119). Наиболее полное описание бабинской культуры и каменско-ливенцовской группы было дано С. Н. Братченко в авторских статьях коллективной монографии «Археология УССР». Появление КМК-Бабино ученый связывал с трансформацией катакомбных культур и появлению смешанных памятников с участием племен лесостепной харьковско-воронежской катакомбной группы и среднеднепровской культуры (Братченко, 1985. С. 457). Угасание Бабино, по мнению Братченко, было связано с миграцией срубной и сабашиновской культур (Братченко, 1985. С. 458). При описании каменско-ливенцовской группы памятников, ученым было отмечено основное отличие от бабинской культуры. Заключалось оно, прежде всего в керамике, а именно отсутствии собственно многорядных валиков и прочерченных сложных узоров, покрывающих зачастую всю поверхность сосуда (Братченко, 1985а. С. 462). Также различия были определены в домостроительстве: каменные постройки Ливенцовской крепости контрастировали с полуземлянками и глинобитными сооружениями Бабино (Братченко, 1985а. С. 462). Наиболее многочисленной категорией находок с Ливенцовской крепости были кремневые наконечники стрел – 682 экземпляра и 10 штук из обсидиана. Наконечники были найдены на древнем горизонте, на дне рвов, в проходах и с тыловой стороны (Братченко, 2006. С. 128). Обладая общими морфологическими очертаниями, они различались по своим основным параметрам. На основании отличительных особенностей, С. Н.

Братченко выделил два отдела наконечников с подгруппами – выемчатые и черешковые (Братченко, 2006. С. 128). Обилие такого типа инвентаря на памятнике позволило сделать вывод о произошедшем конфликте между жителями крепости и иными племенами. Сопоставление с наконечниками других культурных групп эпохи бронзы не дало определенного ответа, кто именно осаждал крепость. Группа черешковых изделий находит аналогии с рядом культур от Поднепровья до Сибири и Средней Азии, юге Восточной Европы, Крыма, Поволжья, Среднего Дона. Хронологически охватывая периоды от катакомбного до срубного времени (Братченко, 2006. С. 170-171).

В дальнейшем, вопрос о культурной принадлежности штурмовавшего племени крепость попытался разобрать Л. С. Ильюков. Применяя сравнительно-сопоставительный метод, ученый делает вывод о явном отличии покровских наконечников и схожести изделий с синташтинскими (Ильюков, 2012, 2013. С. 26-27). Подкрепляет свои наблюдения ученый найденным бронзовым наконечником «синташты» в окрестностях крепости и наличием в Ливенцовской коллекции реплик таких орудий из кремня (Ильюков, 2013. С. 27). В это же время была предложена другая интерпретация событий, в которой нападавшие на крепость племена пришли в нижнедонской регион с территорий Предкавказья (Литвиненко, 2010. С. 221-223). Развитие последней теории произошло спустя практически десять лет (Мимоход, 2022. С. 79-96). На основании сопоставления наконечников стрел из крепости с аналогичными материалами из погребений финала средней бронзы, Р. А. Мимоход предположил, что в осаде Ливенцовско-Каратаевской крепости участвовали представители лолинской и невинномысской культур (Мимоход, 2022. С. 87). Датировку происходящих событий ученый связывает с развитым этапом существования бабинской и лолинской культур (Мимоход, 2022. С. 87-90).

В 1975 году И. А. Писларий провел сопоставительный анализ двух групп погребений в срубах на территории бассейна Северского Донца. За основу была взята работа В. А. Городцова 1905 года, дополненная материалами из

новых раскопок. В результате И. А. Писларий разделил погребения на две большие группы (Писларий, 1975. С. 89). Отличия заключались в размерах ям, конструкции, погребальном инвентаре, позе захороненного и наличии либо отсутствии костей жертвенного животного (Писларий, 1975. С. 90). При этом I и II группы сопоставлялись как ранняя – КМК и поздняя – срубная. Важным наблюдением было соотношение костяных поясных пряжек – «костяные кольца с одним большим отверстием в центре, особыми роговыми с выступом...» были отнесены к ранней группе. Те костяные пряжки, у которых было с боку дополнительное маленькое круглое отверстие, ученый считал поздними (Писларий, 1975. С. 90). Позже, в 1991 году, автор окончательно определил рациональность использования термина «культура Бабино» и привел ряд отличительных характеристик КМК от катакомбной и срубной культур (Писларий, 1991). Основные различия заключались не только в инвентаре, и, в частности, в керамическом комплексе. Это были особенности в топографии и планировки курганных могильников, надмогильных сооружений, расположение самих погребений в насыпи, способ захоронений и очистительные обряды. Выделяя при этом значимость в племенах КМК-Бабино трупосожжения и изначального возведения курганных насыпей (Писларий, 1991. С. 57). В возведении каменных надмогильных сооружений он прослеживает связь с Кавказом и Закавказьем (Писларий, 1991. С. 59). Также основным показателем отличия от других культур бронзового века является положение захороненного, в приоритете головой на запад, как правило, скорченно на левом, реже правом боку (Писларий, 1991. С. 56).

При исследовании Э. С. Шарафутдиновой и И. В. Каминской Гамовской балки на Северном Кавказе было отмечено явное сходство с находками поселения Каменка в Восточном Крыму и Ливенцовской крепости на Нижнем Дону, что позволило говорить об отнесении этого памятника к каменско-ливенцовской группе. «Сходство гамовской и ливенцовской керамики по основным характерным типам с их богатой и разнообразной орнаментацией

указывает, скорее всего, на культурно-генетическое родство обоих памятников» - отмечает Шарафутдинова (Каминская, Шарафутдинова, 1999. С. 96). Этот факт стал катализатором для дальнейшей дискуссии о культурной принадлежности каменско-ливенцовских материалов. Оппонентом С. Н. Братченко и Э. С. Шарафутдиновой в этом вопросе выступил А. Е. Кислый. По его мнению, памятники каменной культуры Восточного Крыма схожи по материалам с КМК-Бабино и Ливенцовскими, но в тоже время являются более ранними и имеют четко определенную территорию, ограничивающуюся лишь Крымским полуостровом (Кислый, 1999. С. 22, 2000. С. 208). Определяющим маркером в исследованиях А. И. Кислого выступает керамический комплекс, на основании анализа которого ученый делает вывод о местном локальном отличии крымских поселенческих памятников от нижнедонских укреплений. Так, например, между сосудами с более ранних западных каменных поселений, типа Слюсаревы и Белинское и материалами Ливенцовской и Каратаевской крепостей ученый не отмечает общих черт (Кислый, 1990. С. 20-22, 2005).

Продолжением в дискуссии о наименовании и культурном определении выступает работа Г. Н. Тощев. В ней ученый предложил иное название - каменско-планерская культура (Тощев, 2007, с. 171). Необходимость отразить в наименовании культуры название поселения Планерское 1 было обусловлено наличием в комплексе ярких и уникальных находок (Тощев, 2007, С.170). При этом, ученым в соавторстве с И. Т. Черняковым была выдвинута теория об «общности культур многоваликовой керамики», объединивших в себе как все причерноморские местные элементы, так и определенные компоненты культур соседних регионов (Тощев, Черняков, 1985. С. 28). В обобщенное понятие входили такие культурные группы финала средней бронзы, как бабинская, ливенцовская и каменско-планерская (каменная), объединенные культурно-исторической общностью многоваликовой керамики (Тощев, 2005. С. 146, 2007. С. 141). В дальнейшем

теория получила развитие в работах таких исследователей, как Р. А. Литвиненко, Р. А. Мимохода, подробнее этот вопрос будет рассмотрен в следующем разделе.

С появлением новых археологических источников С. С. Березанской удалось сопоставить и выявить варианты КМК-Бабино с характерными чертами для каждой определенной территории – Юго-Западный, Среднеднепровский, Восточный и Нижнеднепровский варианты. Основные отличия заключались в разнообразии орнаментации керамики и своеобразии различных форм погребального инвентаря (топоры, украшения, изделия из кости) (Березанская, 1986). Внутреннее хронологическое деление было условно разграничено ученой на 2 периода – ранний и поздний (Березанская, 1986. С. 39). Каждый этап был сопоставлен с синхронными культурными явлениями. В результате первый период был соотнесен с поздним этапом катакомбной культуры. Второй же этап С. С. Березанская сопоставляла с ранними покровскими группами (Березанская, 1986. С. 35–37).

Генеалогическую преемственность КМК-Бабино и ямной культуры отмечал И. Т. Черняков. Взаимосвязь прослеживалась в таких категориях как развитие погребального обряда, сходной ориентировки захороненных и форме погребальной ямы. Однообразие форм керамики КМК-Бабино и наличие в Северном Причерноморье грунтовых могильников, ученый считает преемственностью между культурами ямной, КМК-Бабино и сабатиновской (Черняков, 1985. С. 144). А также своеобразным свидетельством перехода к сабатиновскому времени (Черняков, 1985. С. 143).

Локальную классификацию погребений КМК-Бабино предложила О. Р. Дубовская, для бассейна среднего течения реки Северский Донец. В основе были заложены следующие категории: тип погребального сооружения, ориентация костяка и наличие инвентаря. Как отдельный маркер было принято наличие или отсутствие костяных поясных пряжек в захоронении (Дубовская,

1985. С. 19). Итогом стала разработка двух групп, которые в свою очередь делились на подкатегории. При распределении на подварианты учитывалась детальная характеристика положения скелета. В которой немаловажную роль играло положение рук (Дубовская, 1985. С. 19–20). Позже, В. В. Отрощенко согласился с критериями О. Р. Дубовской для ранней группы КМК-Бабино, определявшими принадлежность к ней погребений с богатым погребальным инвентарем. Захоронения с правобоким расположением и восточной ориентировкой были отнесены к женским, по причине наличия разного рода украшений в виде двурожковых бус, очковидных подвесок и т. д. (Отрощенко, 1992. С. 163–165). Параллельно работам С. С. Березанской по локально-хронологическому членению памятников КМК-Бабино на территории Украины, Э. С. Шарафутдинова проводила анализ имеющихся материалов с уже открытых памятников бабинского типа на территории Нижнего Дона. В результате ее наблюдений были выделены основные признаки КМК-Бабино, отражающиеся в типах инвентаря и специфики погребального обряда. Ученой были выделены категории костяных поясных пряжек с их видовыми изменениями в различные периоды формирования КМК-Бабино, проанализирован керамический комплекс, в котором шло разделение по типам форм сосудов и их орнаментации (Шарафутдинова, 1987. С. 30–35). Также Э. С. Шарафутдинова и С. С. Березанская в своих работах проводили сопоставительный анализ между памятниками Бабино с ранними покровскими и северокавказскими комплексами, встречающимися на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Причерноморья. В итоге была предложена картина взаимодействия КМК-Бабино с покровскими племенами (Березанская, 1987; Шарафутдинова 1990). Датированными изделиями Э. С. Шарафутдинова считала металлические ножи, костяные пряжки и псалии, каменные наконечники стрел и топоры (Шарафутдинова, 1987. С. 44). Анализ костяных поясных пряжек проводил и В. В. Отрощенко. Ученый выявил, что костяные пряжки с двумя отверстиями разных размеров, также относятся к КМК-Бабино

и могут являться надежным маркером в выделении культуры (Отрощенко, 1978. С. 34–35).

Позже, С. Н. Братченко сопоставил пряжки КМК-Бабино с пряжками гинчинской культуры Северного Кавказа (Братченко, 1995. С. 11). Ученый отмечал, что, несмотря на различия, так как Кавказские изделия были по большей части зооантропоморфной формы, по системе расположения отверстий, предметы схожи (Братченко, 1995. С. 11). Анализируя данный тип инвентаря, С. Н. Братченко выделил три типа, основываясь на расхожести форм и их региональной локализации (Братченко, 1995. С.18-19). В итоге, ученым был сделан вывод о том, что территория распространения пряжек финала средней бронзы совпадает с предшествующими культурными областями – ямной и катакомбной. А сами пряжки являются «структурным возрождением в новых формах старых поясных и прочих наременных наборов с молоточковидными булавками» (Братченко, 1995. С. 22-23).

Линии синхронизации с Северным Кавказом отмечались также в комплексах украшений. З. П. Марина соотнесла некоторые формы бусин КМК-Бабино с северокавказскими и пришла к выводу об их идентичности (Марина, 1983. С. 26) Попытка классификации погребальных украшений была предпринята О. Г. Вангорской. Территориально рамки исследования распространились от степных и лесостепных регионов Украины, охватили Молдавию и бассейн реки Дон. В результате было выделено две группы украшений (ранняя и поздняя). При этом отмечалось, что ранний период сложения и стабилизации КМК-Бабино связи еще оставались прежними, с характерными чертами более ранних культур бронзового века. Как и З. П. Марина, ученная отмечала связи с Кавказом, откуда поступала основная часть изделий из металла и таких украшений как бородавчатые и двурожковые пастовые, металлические бусы, браслеты. В поздние периоды увеличивается количество украшений из бронзы, которые находят аналогии в культурах Карпато–Дунайского региона (Вангорская, 1987. С. 38-48). В дальнейшем,

аналоги пастовых бус КМК-Бабино были зафиксированы на Ближнем Востоке. В. В. Рогудеев в своей работе отмечает, что украшения из пасты и стекла были дешевле, чем из камня и являлись самым частым видом в товарообороте Закавказья – Южнороссийских степей (Рогудеев, 2000. С. 52).

Изучение бабинских древностей приобретает актуальность в районах Приднестровья и северо-восточной части Балканского полуострова (В. А. Дергачев, Е. Н. Савва, И. А. Писларий). Публикуются две наиболее обширные работы по изучению проблематики Бабино и бронзового века в целом. Включающие в себя все необходимые аспекты для раскрытия индивидуальности культуры – историографию, характеристику памятников, инвентаря, периодизацию и хронологию (Дергачев, 1986, Савва, 1992). В дальнейшем, для балканского варианта Бабино, И. А. Писларий вводит в научный оборот новое название – «культура Делакуэ-Бабино» (Pâslaru, 2006, Пыслару, 2009. С. 150). Отмечая, что в сложении культуры входит как ямный, так и катакомбный элемент, заключающийся в особенностях погребального обряда (Пыслару, 2009. С. 151).

Таким образом, второй этап истории изучения памятников КМК-Бабино может быть определен как период окончательного обособления их от катакомбных и срубных древностей, а также от материалов каменско-ливенцовского типа (работы С. С. Березанской, С. Н. Братченко, А. Е. Кислого, И. А. Пислария, Э. С. Шарафутдиновой). Наметилась тенденция называть изучаемую культуру Днепро-Донского региона по эпонимному поселению на Днестре – «бабинской». При этом керамика Ливенцовской крепости, Каменского поселения, Гамовской балки, которая не содержала «богатых многоваликовых и прочерченных композиций» (Братченко, 2006. С.219), показала, что памятники финала средней бронзы не ограничиваются кругом древностей КМК-Бабино (Кислый, 1990, 2005, Черняков, 1985, Колотухин, Тоцев, 2000, Тоцев, 2005, 2007). Много было сделано для характеристики локальных вариантов Бабино, в том числе к западу от Днестра и востоку от

Дона, для хронологического членения культуры и анализа одного из основных её маркеров – костяных пряжек (работы С. С. Березанской, Э. С. Шарафутдиновой, О. Р. Дубовской, В. В. Отрощенко и др.).

1.3. Развитие теорий культурогенеза финала средней бронзы на основе аналитических и комплексных исследований.

Последний этап историографии финального этапа периода средней бронзы, начавшийся в середине 90-х годов прошлого века, отличен от предыдущих небольшим спадом в накоплении информации, и в то же время смещением археологических изысканий в сторону Северного Причерноморья (Крыма, Тамани, Кубани) и Северного Кавказа. Добавление новых погребальных и поселенческих комплексов, со своими интересными отличительными чертами, внесли некоторые коррективы в уже сложившуюся систему. Определенно значимым достижением можно считать калибровку дат С14, благодаря которой древности финала средней бронзы уверенно заняли свою локацию.

Рядом ученых продолжает развитие теория С. С. Березанской о локальных вариантах КМК-Бабино. С середины 90-х годов Р. А. Литвиненко выпускает серию работ о месте памятников КМК-Бабино в системе восточноевропейского бронзового века (Литвиненко, 1995; 1996; 1998; 1999; 1999а, 2001). В эти же годы ученый уделяет немало внимания изучению отдельных обрядовых признаков и категорий предметов изучаемого периода. Речь идет и об особенностях каменной архитектуры бабинских курганов (Литвиненко, 2000), и о инвентаре древнейших погребений КМК-Бабино (Литвиненко, 1997), и об отдельных составляющих этого инвентаря: сурьмяных украшениях (Литвиненко, 1996а), костяных пряжках (Литвиненко, 1996б), наконечниках стрел (Литвиненко, 1998а), производственных наборах (Литвиненко, 1998б), отдельных типах керамики (Литвиненко, 1999б). В более общих работах уже относительно недавнего периода ученый вводит понятие «культурный круг Бабино», объединяя в нем локальные варианты (Литвиненко, 2011. С. 110). В основу термина была заложена теория Г. Н. Тощева о «культурно-исторической общности многоваликовой керамики», а в наименований групп остался территориально-географический принцип,

примененный С. С. Березанской, но с некоторыми существенными коррективами. В итоге Р. А. Литвиненко выделяет следующие категории: Днепро-Донская бабинская культура и Днепро-Прутская, которая делится на Днепро-Днестровский, Днепро-Бугский и Днестровско-Прутский вариант. При этом материалы для анализа Р. А. Литвиненко использует в большей части из погребальных комплексов, отмечая, что поселения из-за своей слабой изученности не могут подвергаться анализу (Литвиненко, 2011. С. 110). Общее территориальное расположение КМК-Бабино вписывается между реками Прут и Дон, с условными границами Приазовья и начала лесной зоны с севера. Расширение культурного круга Бабино становится возможным при проведении исследования А. В. Кияшко о погребениях пришлых культур средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья. Из общего массива включенных в работу погребений выделяется пласт схожих по обряду с бабинскими захоронений. Наличие в погребальном инвентаре таких характерных вещей как костяные пряжки и керамика с валиками позволяет ученому соотнести с первым этапом КМК-Бабино (Кияшко, 2003. С. 31). Большая их часть локализуется в районе Кривой Луки, вследствие чего данному культурному явлению присваивается название криволукской культурной группы (Мимоход, 2004). Дальнейшее изучение Р. А. Мимоходом криволукских погребений финала средней бронзы, не только подтвердило выводы А. В. Кияшко о том, что криволукская группа является не чем иным, как частью ареала бабинских племен, но и позволило ученому ввести в научный оборот новое измененное название - волго-донская бабинская культура - ВДБК (Мимоход, 2014а. С. 110). Наличие валиковой керамики в комплексах ВДБК автор не связывает с контактами с днепро-донской бабинской культурой (ДДБК), за счет удаленности таких памятников от контактной зоны на север. А также керамика ВДБК имеет отличительные черты от сосудов ДДБК – специфические валики и наличие елочного орнамента. Такой узор автор считает генетическим субстратом кривой луки (Мимоход, 2014. С. 115-116).

Выделение новых культурных групп на последнем этапе историографии принимает повсеместный характер. Р. А. Мимоходом вводится новое понятие - «посткатакомбного блока» (Мимоход, 2005), позднее включившее в себя значительное количество синхронных культур финала средней бронзы, в числе лолинскую, невинномысскую, бабинскую и архонскую (Мимоход, 2022).

Одной из вошедших в это понятие культур стала следующая группа памятников. Спустя более 20 лет после раскопок на осетинской равнине С. Н. Кореневского, в совместной работе с Р.А. Мимоходом в полной мере публикуются археологические материалы, и дается их характеристика (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 5). При анализе полученных данных становится очевидным выделение новой культурной группы финала средней бронзы - архонской (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 5). Ученым удалось доказать, на основе сопоставительного метода, синхронность архонской культурной группы с бабинской и лолинской культурами на втором этапе их существования (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 30). Одним из опорных моментов в определении хронологии стали фаянсовые бородавчатые и двурожковые бусы с двумя или тремя выступами, являющиеся своеобразным маркером культур финала средней бронзы (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 50). В этот же период в северо-западном Прикаспийском районе Р. А. Мимоход, на основании материалов курганных комплексов, выделяет лолинскую культурную группу финала средней бронзы (Мимоход, 2013). Важное значение в исследовании Р. А. Мимохода представляют полученные из некоторых лолинских и архонских комплексов калиброванные даты С14. Благодаря полученным данным, произошло уточнение датировок и подтверждение отношения вышеупомянутых культур к финальному этапу периода средней бронзы (Мимоход, 2013. С. 547; 2014б. С, 77). Сопоставление Лолы с другими культурными группами финала средней бронзы позволило выявить линии взаимодействия и контактные точки (Мимоход, 2013. С. 228).

Разработанная хронология лолинской культуры и определение характерных комплексов для каждого периода, дали возможность сопоставить её материалы с культурами круга Бабино (Мимоход, 2013. С. 551, 562). На основании наработанных данных о культурах финального этапа периода средней бронзы происходит формирование и введение в научный оборот теории о «культурных кругах». Согласно которой сложение бабинской культуры связано с миграционными импульсами с территории Центральной Европы и карпато-балканского региона (Lytvynenko, 2013), а лолинской – с миграциями населения восточного Кавказа в степь (Мимоход, 2018. С. 142-143). Более детально формирования ДДБК было описано Р. А. Литвиненко. К катакомбной основе, по мнению ученого, добавляются внешние инновации и комплекс внутренних инноваций, являющихся результатом саморазвития (Lytvynenko, 2013. С. 121). В сложении этих составляющих и происходит сложение отличительных признаков ДДБК. Под внешними инновациями ученый указывает влияние эпи-шнуровых культур Карпато-Дунавья. Проявляются они в своеобразном наборе украшений и деталях одежды, использовании деревянных конструкций разностороннего положения мужчин и женщин в погребениях (Lytvynenko, 2013. С. 122).

Генетическая связь культур Карпато-Дунавья и Днепро-Донского региона финала средней бронзы была выявлена и на основе краниологического анализа. В исследование антрополога А. А. Казарницкого вошла подборка из 37 бабинских мужских черепов и 10 женских. Изначально автор определяет основные анатомические признаки, присущие населению Бабино. В дальнейшем сопоставляет данные с различными культурными явлениями разных периодов бронзового века - катакомбной, криволукской (волго-донской бабинской), лолинской. Исследуемые группы разграничены разными локализациями от Кавказа до Центральной Европы. В итоге формируется несколько выводов. Во-первых, краниологическая выборка Бабино, Кривой Луки и Лолы имеют некоторые схожие показатели. Но

бабинская оказалась ближе к эпи-шнуровым группам, а Кривая Лука и Лола к Северному Кавказу и южным катакомбным группам. Во-вторых, близость показателей бабинской и фатьяновской групп автор трактует как наличия у обеих одного популяционного пласта, на основе которого происходило формирование населения. Также наблюдаются схожие показатели с группами Северо-Кавказского и Закавказского населения (Казарницкий, 2013. С. 70-78). Из этого следует, что формирование бабинской культуры происходило на локальной основе с взаимодействием культур Центральной Европы и Кавказских регионов, что подтверждает исследование Р. А. Литвиненко (Lytvynenko, 2013).

Одна из попыток деления на внутренние группы бабинской культуры была осуществлена С. И. Берестневым. На основании выявленных погребальных комплексов на территории восточнукраинской степи, ученый выделил две обрядовые группы. Их разграничение основывалось на «социальном критерии», а именно по объему общественного труда, затраченного в процессе самого захоронения и его материального обеспечения (Берестнев, 2001. С. 62). Отмечая при этом, что такие группы не могут являться локальными вариантами, существующими в одну историческую эпоху и отразившимися в материальной и духовной культуре характерные ее особенности. Единственным консолидирующим признаком является наличие многоваликовой системы орнаментации и прочерченные геометрические композиции (Берестнев, 2001. С. 59). При этом ученый поддерживает основную теорию о основном ареале КМК-Бабино в среднем и нижнем течении Северского Донца, в Нижнем Подонье, Северном Приазовье и степном Поднепровье, где известны сотни погребальных памятников и пока единичны поселения (Берестнев, 2001. С. 60).

Регион изначального обитания бабинских племен стал основным фактором в рассмотрении рядом ученых вопроса об использовании медных рудников Бахмутской котловины племенами финала средней бронзы

(Писларий, 1983, Братченко, 1995, Литвиненко, 2003, Санжаров, 2013). Наиболее полная проработка этой тематики выполнена Ю. М. Бровендером. Применяя метод картографирования погребальных памятников ДДБК, ученый выявляет их тяготение к Бахмутовскому месторождению (Бровендер, 2016. С. 233). Наибольшая концентрация погребальных памятников с металлом определена в пределах Донецкой области, наименьшая – на правобережной части Ростовской области (Бровендер, 2016. С. 234). При этом общий процент использования металла довольно низок, в сравнении с предшествующей катакомбной общностью. Дефицит металла на финальном этапе периода средней бронзы косвенно подтверждается немногочисленными погребениями литейщиков и металлопроизводственного инвентаря поселений. Следует отметить, что материалы с бытовых комплексов ДДБК и каменско-ливленцевской группы идентичны. В основном представлены орудиями для дробления руды, литейных форм, абразивов, наковален (Бровендер, 2016. С. 246). Спад в использовании металла, а также возвращение к ямным погребальным традициям Ю. М. Бровендер связывает с палеоэкологическим кризисом. Ученый пишет: «В условиях и без того обедненной водой рудоносной территории Донбасса, аридизация приводила к падению активности (объема) горных работ, а в итоге, получаемого, в результате металлургического передела, металла. Данное обстоятельство, как представляется, отразилось и в составе погребального приданого. Металлические изделия в погребениях БКИО становятся большой редкостью» (Бровендер, 2016. С. 229). Параллельное использование кремневых наконечников стрел и серпов также является подтверждением экономии металла, при этом сохраняется тенденция замещения кремния на бронзовое изделие (Бровендер, 2016. С. 248). Доминирующее значение металла способствовало угасанию культур финала средней бронзы и увеличение влияния более рудоносных Волго-Уральских территорий, в изучаемом регионе. Подтверждением климатических изменений в рассматриваемый период являются результаты палеопочвенных исследований, которые

показали, что в период с поздеямного и до начала срубного времени происходит постепенное истощение черноземного слоя и уменьшается обводненность речных пойм (Иванов, 1985. С. 30). Такое ухудшение климатических условий приводит не только к сложности ведения скотоводства и земледелия, но и к затруднению разработки рудников. Следствием таких факторов может являться передвижение племен в поисках плодородных земель и освоение новых территорий.

Вопрос о заселении Нижнего Подонья бабинскими племенами рассматривает в своих работах Р. А. Литвиненко, продолжая исследования Э. С. Шарафутдиновой. Ученый применяет метод отдельного картографирования при анализе погребальных памятников финала средней бронзы и приходит к выводу о неоднородности их распространения на различных хронологических этапах (Литвиненко, 2002. С. 78). Основным фактором поэтапного деления, как и в работах Э. С. Шарафутдиновой, выступают костяные поясные пряжки. Изменение и усложнение их форм является ключом в определении периодов существования Бабино. Возникает вопрос о постепенной культурной трансформации, при которой нет четких границ перехода от одних обрядовых предпочтений к другим. Из чего следует, что бабинская культура раннего этапа существовала параллельно с родственной ей среднедонской финальнокатакомбной и воронежской. А на среднем этапе с поздней воронежской и ранней покровской. При перемещении последних и их трансформации в срубную культуру происходит отеснение бабинцев в южные и юго-западные направления (Литвиненко, 2002. С. 82-83, 2003. С. 147).

В результате, Р. А. Литвиненко делает очень значимый вывод, соглашаясь с В. С. Бочкаревым, о блоках посткатакомбных образований, на основе различных территориальных очагов культурирогенеза. Аргументом является то, что на 1-м хронологическом этапе Бабино распространено в Днепро-Донском регионе, создавая своеобразное культурное ядро.

Продвижение бабинских племен ученый связывает с военными походами, а захоронения с т.н. сосудами-амфорками – воинскими комплексами (Литвиненко, 2020. С. 340). Важным аргументом своей теории Р. А. Литвиненко считает доминирование в донском регионе погребений мужчин в возрасте 20-40/45 лет по ритуалу днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 2020. С. 339). В дальнейшем, на 2-м этапе продвигаясь восточнее и западнее, достигают районов Нижней Волги и южных районов левобережного Среднего Подонья, что идет в разрез с теорией о южноуральском происхождении. Р. А. Литвиненко отмечает – «в случае реальности сценария, по которому культура Бабино родилась на осколках разбитой отрядами колесничих и оттесненной в степь среднедонской катакомбной культуры, и потому должна была с самого начала испытывать постоянное военное давление с востока и северо-востока. В действительности такая угроза возникла лишь на позднем этапе развития бабинской культуры, когда ее население было вытеснено из степного Волго-Донского и Доно-Донецкого междуречья на запад и юго-запад носителями раннепокровской срубной культуры» (Литвиненко, 2003. С. 149). Параллели между культурами Доно-Волго-Уралья и Доно-Днепро-Дунавья ученый объясняет наличием катакомбной подосновы, со своими отличительными характеристиками (Литвиненко, 2003. С. 149).

Противоположное мнение о культурогенезе финала средней бронзы принадлежит С. Н. Санжарову. Анализируя харьковско-воронежскую культуру и первый этап Бабино, ученый делает вывод о недостаточности факторов, для выделения последней в отдельную культуру. Исходя из этого, С. Н. Санжаров относит первый этап Бабино к позднекатакомбным древностям (Санжаров, 2000. С. 72, 2010. С. 415). Сложение же бабинской культуры как отдельной категории происходит на последующих этапах, когда появляются вариации обряда и материального содержания, при влиянии ранней покровской группы. Ученый пишет: «Если на Среднем Дону

катакомбная культура эволюционировала, то на Северском Донце финальнокатакомбные древности сформировались в результате катакомбно-абашевского синкретизма и восприняли абашевскую традицию лимитирования всего погребального приданного» (Санжаров, 2013. С. 76). Выводы подкрепляются ранее опубликованными предположениями И. А. Пислария и С. С. Березанской о контактах и взаимосвязях КМК и абашево-покровской группы (Санжаров, 2000. С. 73). А также анализируя материалы с бытовых памятников Донецкого региона, С. Н. Санжаров отмечает наличие пласта с ранними покровскими и харьковско-воронежскими древностями. Критикуя Р. А. Литвиненко за анализ лишь погребальных памятников, ученый в своих исследованиях больше склоняется к рассмотрению поселенческих комплексов, неоднократно упоминая о необходимости комплексного изучения всех видов памятников (Санжаров, 2000. С. 74). В ответ на критику, Р. А. Литвиненко отмечает ошибочную трактовку некоторых понятий С. Н. Санжаровым о формировании якобы культурного пласта с ранними покровскими и катакомбными древностями. Допуская факт неправильной интерпретации стратиграфии и планеграфии при анализе данных с бытовых памятников Северскодонецкого региона (Литвиненко, 2000. С. 77). Ученый отмечает, что данные стратиграфии курганных могильников дают более верную картину в хронологическом соотношении (Литвиненко, 2000. С. 79). Поставленный С. Н. Санжаровым вопрос о взаимодействии катакомбной культуры (харьковско-воронежской) и ранних покровцев, ученый считает не обоснованным, приводя данные ряда исследований о наличии раннего Бабино, как промежуточного периода между ними (Литвиненко, 2000. С. 79).

Своеобразное противоречие двух, казалось бы, диаметрально противоположных взглядов на памятники финала средней бронзы на самом деле является обоснованием их глубинного единства. Поселенческие материалы, прежде всего керамика, используемые С. Н. Санжаровым, действительно подтверждают локальную преемственность между

позднекатакомбными и посткатакомбными группами в различных регионах понто-каспийских степей.

Взаимодействие и хронология культур финала средней бронзы– позднего бронзового века отражено в работе В. С. Бочкарева. В этих исследованиях КМК - Бабино синхронно с этапами развития покровских культуры, а каменско-ливенцовская группа памятников отнесена к первому этапу бабинских древностей (Бочкарев, 2013. С. 484). Бочкарев отметил большое значение изучения металла для понимания межплеменных связей и последующего преобладания, и доминирования Волго–Уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 2013. С. 485). Подкрепляет теорию о хронологической взаимосвязи культур серия калиброванных дат C14 эпохи бронзы, используемых в исследовании Е. Н. Черных. Ученый проводит сопоставительный анализ в выбранных трех зонах исследования (Дно-Донецкий регион, Прикаспийский и Днепро-Днестровский), отмечая при этом фактор непрерывности существования культур – «синдром культурной непрерывности». Который находит отражение в частичной синхронности ямной и катакомбной общностей, в рамках около 600 лет (Черных, 2016. С. 47). Более того, катакомбная культура сосуществует недолгий временной промежуток с ранней бабинской в Дно-Донецком регионе. В западных же ареалах распространения Бабино, в более долгий период (Черных, 2016. Рис. V). В свою очередь, поздние этапы Бабино синхронны со срубными древностями (там же).

В связи с этим, можно утверждать, что глобальных процессов смены населения в финале периода средней бронзы не произошло. На что указывают не только данные калиброванных дат C14, но и археологические материалы. Помимо керамики, преемственность прослеживается и в облике изделий кавказской металлургии, ещё сохраняющей свое преобладание в это время, и в элементах погребального обряда посткатакомбных погребений, и в ряде категорий украшений и амулетов. Однако, общая парадигма погребального

обряда претерпела радикальное изменение, не менее значимое, чем смена ям катакомбами в начале периода средней бронзы. Достаточно отметить такую радикальную социокультурную трансформацию, как гендерную дифференциацию погребального ритуала, в целом не свойственную катакомбному обряду. Таким образом, в отношении древностей изучаемого периода вполне закономерно употреблять термин: блок посткатакомбных культур финального этапа периода средней бронзы (по Р. А. Мимоходу).

Продолжение в историографии финала средней бронзы связано с открытием новых поселенческих памятников в Северо-Восточном Причерноморье. Благодаря археологическим работам, проводимым на Таманском полуострове и в Крыму, связанным со строительством Керченского моста и сопутствующей ему инфраструктуры, были открыты новые материалы финального этапа периода средней бронзы. Поселения, исследованные на Таманском полуострове в 2016 году: Балка Лисовицкого 4 (раскопки Ю.К. Гугуева) и Балка Хреева III (раскопки Д. В. Кутукова и В.П. Мокрушина) являются опорными для этого региона и уникальными памятником. Их инвентарь схож с материалами Ливенцовской крепости, Каменского поселения, а также с находками Гамовской балки (Кияшко, Ларенок, 2020. С. 101). Результаты проведенного сопоставительного анализа форм керамики и других типов находок позволили отнести слои указанных выше поселений Тамани к ливенцовско-каратаевской культурной группе (Кияшко, Ларенок, 2020. С. 102).

Но последующие исследования материалов памятников Кавказа, Тамани, Крыма и Нижнего Дона внесли существенные коррективы в уже сложившиеся наработки. Так, например, в последние годы было исследовано святилище Рансырт I, находящееся в пограничье Западного и Центрального Кавказа, керамический комплекс которого авторами раскопок был соотнесен с находками Гамовской Балки и Ливенцовской крепости (Райнхольд, Белинский, Атабиев, 2020. С. 427-438). При этом, для памятника Рансырт I

была получена серия радиоуглеродных дат, определившая существование комплекса в рамках 1780 и 1530 гг. до н.э. (Райнхольд, Белинский, Атабиев, 2020. С. 428). По наблюдениям А. В. Кияшко, хронологическая позиция Рансырта и Гамовской не позволяет учитывать эти памятники в роле кавказского импульса в сложении Ливенцовской крепости и Каменки (Кияшко, 2022. С. 27).

Исследование новых поселенческих памятников на территории Крыма позволило также внести коррективы в изначальную теорию о распространении каменско-ливенцовской группы. Существенный вклад в эту сферу внес А. Е. Кислый (1990, 2000, 2005, 2015, 2016 и т.д.). Ученым был проведен масштабный анализ керамических коллекций с поселений типа каменки Восточного Крыма. В результате, А. Е. Кислый установил, что, некоторое сходство с материалами нижнедонских крепостей наблюдается в наличии горшков с S-образным профилем, характерных для восточнокрымских поселений финала средней бронзы и доминирующим в коллекции форпоста. Исходя из этого, А. Е. Кислый предположил, что сложение Ливенцовского укрепления началось позже, чем каминской культуры Восточного Крыма (Кислый, 2022. С. 77). Еще одно немаловажное заключение, сделанное ученым, касалось неуместности отождествления каменных поселений побережья и предгорья со степными, КМК-Бабино, за счет отличия основных форм и орнаментации сосудов. По мнению А. Е. Кислого, изначальное сопоставление культур являлось лишь необходимой мерой для исследования (Кислый, 1990. С. 21).

Дальнейшее изучение и сравнение материалов поселений финала средней бронзы Таманского полуострова, а также некоторых поселений Северного Кавказа и Ливенцовской крепости Нижнего Дона, показало, что керамика с Таманских комплексов больше тяготеет к материалам Северного Кавказа и Причерноморья. Однако, наличие на поселениях с указанных территорий сосудов с особым способом нанесения орнамента (керамика

таманского типа), позволяет говорить о культурных контактах, сложившихся в исследуемый период (Кияшко, Ларенок, 2023. С. 162-167).

В заключении следует отметить, что важной особенностью современного этапа историографии изучения памятников финального этапа периода средней бронзы является введение в научный оборот и анализ большого массива новых археологических данных, полученных при раскопках памятников Тамани, Крыма и Северного Кавказа. Полученные материалы отличаются специфическими характерными чертами, существенно отличными от памятников КМК-Бабино и являются связующим звеном в цепочке взаимоотношений Кавказ – Северное Причерноморье – Нижний Дон. Исследуемая территория является своеобразной контактной зоной племен финала средней бронзы. Основанием для данного предположения можно считать несколько факторов. Во-первых, наличие в рассматриваемом регионе близко расположенных археологических памятников, относящихся к различным культурам (например Ливенцовская крепость и поселение Ливенцовское I). Во-вторых, свидетельством присутствия инокультурных групп на исследованной территории является падение Ливенцовско-Каратаевской крепости на развитом этапе развития блока поскатакомбных культур (по Р. А. Мимоходу). Произошедшее событие Р. А. Мимоход связывает с военным конфликтом, произошедшим между местным населением форпоста и пришлыми группами с территорий Предкавказья – лолинской и невинномысской (Мимоход, 2022. С. 87).

1.4. Характеристика источниковой базы.

Имеющаяся источниковая база по археологии финального этапа периода средней бронзы, на данный момент, составляет достаточное количество ресурсов для описания процесса культурогенеза на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Основной массив материалов разделяется на несколько разновидностей археологических памятников – курганные комплексы, поселения и места сбора подъемного материала (керамики). Все вышеперечисленные категории в культурно-хронологическом соотношении представлены блоком посткатакомбных древностей.

Основными опорными поселенческими комплексами являются Ливенцовское поселение и крепость рядом с ним, относящиеся к Бабино и каменско-ливенцовской группе соответственно. Остальные поселенческие памятники финала средней бронзы представлены лишь слабовыраженными культурными слоями и подъемным материалом. Как вспомогательные используются комплексы Северного Причерноморья (Крыма, Тамани), Северного Кавказа и памятники среднего течения Северского Донца, также относящиеся к финалу средней бронзы.

Самую многочисленную группу памятников составляют погребальные комплексы. Большая часть захоронений совершалась с последующим возведением курганных могильников и лишь 9 погребений были обнаружены без насыпи во рву Ливенцовской крепости. На исследованной территории отмечены как одиночные курганы, так и многокомпонентные курганные могильники, состоящие из нескольких насыпей. В некоторых случаях встречаются курганы «верблюды», сросшиеся полами насыпей, с поминальными комплексами в межкурганных пространствах. Погребения финального этапа периода средней бронзы в курганных могильниках, могут быть как основными, так и впускными, в некоторых случаях образуя целые обрядовые комплексы одного хронологического периода. В культурном

определении погребальные памятники относятся в большей массе к ДДБК, в наименьшем числе встречены лолинские, ВДБК и каменско-ливенцовские захоронения.

Определенную сложность при трактовке культурно-хронологической принадлежности того или иного археологического памятника составляет степень их документированности и доступности материалов отчетов. Стоит также учитывать возможные полевые ошибки, ведущие к затруднению определения комплекса, заключающиеся в его неправильном стратиграфическом соотношении в общей картине курганного могильника, либо поселения.

Все включенные в работу памятники приведены в Приложении 1, а также нанесены на карту Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья с разделением на культурные группы (рис. 1).

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КУЛЬТУР ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО- ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ.

Изучение погребального обряда необходимо для понимания духовного мира племен, существовавших за долгое время до нас. Чтобы попытаться реконструировать религиозные представления носителей различных культур необходим анализ археологических источников, входящих в общее понятие погребального обряда. Данный термин является совокупностью определенных нормы поведения, отражающий не только религиозные верования, но и социальное значение захороненного, и общие представления о системе мироздания в целом.

Результаты, полученные при анализе погребальных комплексов, позволяют сформировать внутреннюю периодизацию развития общественного уклада и произвести расстановку хронологических рамок существования культуры. Особую роль здесь играет сопоставление различных категорий погребального инвентаря синхронных культурных групп, для выяснения возможных контактов и взаимоотношений внутри одного временного отрезка. Подкрепляют выводы, полученные в ходе таких исследований, данные радиоуглеродного анализа. Совершенствования и нововведения в этой области дают все более узкие датировки, позволяющие более точно определить место исследуемого комплекса в хронологической цепочке древностей.

Наиболее доступным методом в определении относительной хронологии той или иной культурной группы являются данные стратиграфии погребальных комплексов. Как неоднократно отмечалось, при точной полевой фиксации данные стратиграфии курганных могильников позволяют реконструировать процесс сооружения насыпи со всеми конструктивными

особенностями (Литвиненко, 2000. С. 79). Проводя дальнейший анализ комплексов необходимо учитывать все особенности и характеристики, начиная от расположения захоронения в кургане, формы могилы и заканчивая фиксацией места расположения каждой категории инвентаря. При отсутствии вещей в погребении важным критерием является положение скелета – направление по сторонам света, поза рук, угол скорченности ног. Правильная трактовка таких данных также позволяет определить хронологическую принадлежность захоронения и может выступать подтверждением стратиграфических наблюдений. Основной методикой фиксации положения скелета является работа И. С. Каменецкого – «Код для описания погребального обряда» (Каменецкий, 1986). В этом труде ученым были приведены четкие нормы и понятия для более полного и общедоступного осмысления археологической информации. Данная методика не имела конкретной временной привязки к какому-либо археологическому периоду и может применяться для всех этапов и культур.

Более узконаправленный принцип в описании подкурганных комплексов для эпохи бронзы, а именно бабинской культуры, был разработан в 1991 году И. А. Писларием. За основу были взяты памятники КМК-Бабино, открытые к тому моменту на территории между Северским Донцом и Днепром (Писларий, 1991. С. 52). Система полного анализа комплексов состоит из следующих пунктов: топография и планировка курганов и курганных могильников, надмогильные сооружения, планировка погребений в курганах, погребальное сооружение, способ захоронения, очистительные обряды, сопровождающий инвентарь (Писларий, 1991). Попытки выявить основную составляющую погребального обряда для дальнейшей реконструкции прошлого мира были предприняты многими учеными. Результатом таких исследований стало выделение различных видов обрядовых групп и их хронологических периодов (О. Р. Дубовская, С. И. Берестнев, Р. А. Литвиненко, Р. А. Мимоход).

С учетом существующих наработок и исследований по классификации и выделению обрядовых групп в сочетании с культурно-хронологическими таблицами и основными выявленными признаками культурных групп эпохи бронзы (Бочкарев, 2013, Братченко, 2006, Литвиненко, 2002, 2021, Мимоход, 2013) была осуществлена реконструкция культуругенеза финала средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

Учтённые в работе 320 погребальных комплекса исследуемого периода были разделены на четыре культурные группы. Самыми многочисленными оказались погребения днепро-донской бабинской культуры 303 штук из 181 курганного могильника. Захоронения остальных культурных явлений представлены сравнительно небольшим количеством: волго-донской бабинской культуры - 4, лолинской - 2 и каменско-ливенцовской группы 13 штук.

Основные признаки необходимые для анализа культурных групп на изучаемой территории, сведены в Приложениях 2-8. В них также отмечены общие схожие и отличающие черты, присущие каждому погребальному комплексу, отдельно выделены сравнительные материалы с инвентарем из захоронений культурных групп исследуемого региона и синхронными культурами на различных территориях (рис. 35, 36). Для ДДБК выделены основные позы и обрядовые группы (Приложение 7, 8), а также приведены статистические данные по конструктивным особенностям надмогильных сооружений и половозрастными показателями (Приложение 2, 3).

2.1. Погребальный обряд днепро–донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья.

Погребальный обряд днепро-донской бабинской культуры (ДДБК) обладает характерными признаками, выделяющими захоронения как из всего массива памятников эпохи бронзы, так и из ряда синхронных комплексов. Погребения ДДБК на исследуемой территории являются восточной периферией распространения культуры и представлены примерно 1\3 от общего количества памятников основного ареала распространения. Для полного анализа погребальных комплексов ДДБК использована методика поэтапного описания И. А. Пислария (Писларий, 1991).

Топография курганов и планировка курганных могильников схожа для всех периодов развития ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья и не имеет существенных отличий. Курганы ДДБК в исследуемом регионе в большинстве случаев размещаются не далеко от крупных водных артерий и на водоразделах в верховьях балок. Встречаются случаи, когда курганы образуют группы (Бургуста I, Аксайский I), а иногда и целые сросшиеся цепочки насыпей, как например в курганных могильниках Репный I, Крутенький I (рис. 1).

Картографирование погребальных памятников показало, что локализация комплексов тяготеет к берегам водных артерий. Зачастую, курганные могильники концентрируются на надпойменных террасах таких водоемов как Дон, Маныч, Сал, Миус, Северский Донец, Чир Цимлянское водохранилище. Из них большая часть сосредоточена в низовьях Дона, в Азовском районе, по берегам Северского Донца и Маныча. Остальные памятники находятся на водоразделах более мелких речушек и притоков крупных рек – Кундрючья, Гнилуша, Тузла, Большой Несветай, Мертвый Донец, Самбек, Кагальник и так далее (рис. 1).

Курганные могильники с погребениями ДДБК состоят из нескольких насыпей, в единичных случаях, сросшихся полами, со сложными поминальными комплексами в межкурганных пространствах, либо тризнами около захоронений (рис. 2). Стратиграфия расположения захоронений зачастую приобретает классическую линию, намеченную еще В. А. Городцовым, занимая свое место между катакомбными и срубными древностями (рис. 53, 54, 55).

В большинстве случаев погребения впускные, иногда с сооружением дополнительной насыпи. Захоронения ДДБК, являющиеся основными в кургане, сопровождаются различными надмогильными конструкциями с использованием камня, дерева, камыша (Чикмари II к1/п3, Бургуста I к4/п4). Размещение погребений ДДБК в курганах не имеет определенной систематизации, но при этом, предпочтение отдавалось центральной части насыпи, как для основных, так и для впускных захоронений (рис. 4). В некоторых случаях, погребения ДДБК совершались по бокам основной катакомбной насыпи, тем самым, не повреждая ранние комплексы и производя досыпку кургана (Аксайский I к5, Гать III к16, 24). Иногда, между двух уже существующих курганов размещалась поминальная площадка, над которой также возводилась насыпь, объединяя курганы в один сложный сросшийся комплекс (Бургуста I к5-6, к3-4). Тризны представляют собой площадки разной формы и размеров, зачастую с хорошо прокаленным грунтом, следами сожжения, сопровождающиеся концентрацией фрагментов керамики и обломками костей животных (Аксайский I, Кузнецовский II). Также отмечены случаи, когда в основную насыпь кургана ДДБК раннего этапа впускались захоронения поздних периодов ДДБК, дополненные сложными связками ритуальных комплексов (Ясиновы III, Репный I, Ребриковка II, Кисилев II).

Дальнейшее рассмотрение погребальных комплексов разделено по хронологическим периодам развития ДДБК (по Р. А. Литвиненко), для того чтобы выявить характерные черты и признаки каждого временного этапа существования ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного

Приазовья и сопоставить с синхронными памятниками финального этапа периода средней бронзы смежных регионов.

Основным маркером для выявления хронологической принадлежности погребений являются изделия из кости и рога, отличающиеся своими формами на каждом этапе (рис. 19-23). В литературе такие предметы изначально именовались «поясными пряжками», определяя их функциональное значение в креплении ремня (Городцов, 1905, Добровольский, 1957, Литвиненко, 1996, Усачук, 1998). Позже, появилось еще несколько мнений, в которых изделия были определены как застёжки (Дергачев, 1986, Ильюков, 2014), или «костяные медальоны» (Рогудеев, 2001, Литвиненко, 2004). На данный момент самым объективным, по нашему мнению, является интерпретация Р. А. Мимохода, согласно которой костяные изделия могли использоваться и как часть ременного набора и как подвеска-медальон (Мимоход, 2023. С. 187-203).

Пряжки-медальоны стали основой анализа, в результате которого были сделаны выводы Э. С. Шарафутдиновой о восточном и северо-восточном распространении бабинской культуры (Шарафутдинова, 1996). В дальнейшем, Р. А. Литвиненко установил, что памятники ДДБК каждого периода локализуются по-разному на одной территории, и исходя из этого, сделал вывод об определенной динамике расселения (Литвиненко, 2002. С. 78).

Картографирование памятников ДДБК 1-го периода показало наибольшую концентрацию комплексов в западной части исследуемого региона. Скопления погребальных памятников выявлено на берегах таких рек как Миус, Тузлов, Северский Донец, Кундручья, Керчик (Рис. 1А).

Количество основных погребений в курганах ДДБК мало, но преобладает для первого этапа, в отличие от последующих двух (рис. 4). Для захоронений раннего периода отмечается использование тризны, связанной с основными погребениями в кургане (Кузнецовский II). Поминальная площадка сооружалась на специально подготовленном месте неподалеку от могилы. На выбранном для тризны участке выкапывалась не глубокая яма в материке – Бургуста I, кб объект 1, Гать III, к16, иногда с заплечиками –

Бургуста I к3 объект 3, Кузнецовский II комплекс XXII. В одном случае, Веселый I к1/п32, тризна относилась к впускному погребению №4 и находилась около полы кургана, без углублений в насыпь и материк (рис. 18). В дальнейшем, на подготовленном месте выстилали камыш и иногда посыпали охрой (Веселый I, Бургуста I, Аксайский I). В КМ Бургуста I к6, объект 1 была высыпана древесная зола с вкраплениями комочков обожжённой глины, принесенные с места сожжения.

Находки на ритуальных площадках представлены кальцинированными костями животных, древесными угольками, кремневыми обломками и фрагментами характерной керамики с налепными валиками. Части таких сосудов зачастую находят не только в тризнах, но и в насыпях курганов (рис. 17). В редких случаях встречены практически целые формы, как например в комплексе XXII КМ Кузнецовский II, в котором обнаруженные части одного большого сосуда с валиковой орнаментацией, восстановленного графически (Узянов, 1983. С. 161, рис. 13). В КМ Веселый I, к1/п32 (тризна) были обнаружены 2 разноразмерных сосуда полностью восстановленные (Рис. 18). Один из них, биконической формы, является редкой находкой на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ближайший аналог обнаружен в КМ Бургуста I, к4/ п4. Такой тип сосудов – «амфорок» Р. А. Литвиненко относит к особому поминальному инвентарю, характерному только для мужских погребений раннего периода ДДБК (Литвиненко, 2020. С. 340).

С поминальными площадками также связан обряд очищения огнем. Свидетельством совершения такого ритуала являются находки кальцинированных костей и древесных угольков на поверхности тризн. Культ огня в погребальном обряде племен ДДБК связан не только с поминальными площадками. Так, например, в КМ Репный I в насыпе над погребением был зафиксирован прокаленный грунт. А также, в ряде случаев встречены угольки или прослойка пепла на перекрытии могильной ямы (Краснозоринский к6/п12, Столетовский к1/п5), либо внутри погребения, около захороненного

(Приложение 5). Проявлением очистительного обряда и культа огня в захоронении также можно считать использование охры (Писларий, 1991. С. 57). В отличие от ямной культуры, где минералом мог быть посыпать весь погребенный, в позднее катакомбное время, а потом и в финале средней бронзы, охра используется частично и в разной консистенции. Чаще применяется порошок, который рассыпается по подстилке около тела захороненного (Прогресс I к2/п4, Маленький I к2/п2, Москва I п16). В двух случаях на дне могильной ямы были встречены хаотично разбросанные кусочки минерала (Самарский II к3/п4, Новосадковский к30/п2). Использование в обряде охры не имеет привязки к какому-то определенному периоду существования культуры, но при этом отсутствует на позднем этапе, как и угольки в погребениях (Приложение 5).

Еще одной архаичной составляющей погребального обряда племен бабинской культуры является размещение «чучела» или «шкуры» животного, состоящего из головы животного и метаподий в сочленении уложенных в шкуру (Грязнов, 1977. С. 82). Согласно наблюдениям Р. А. Литвиненко, традиция размещения «шкур» животных происходит еще в раннем бронзовом веке в погребальных комплексах Нижнего Прикубанья и получает широкое распространение в средний бронзовый период (Литвиненко, 2022). В катакомбный период «чучело» помещалось во входном колодце, а позднее укладывалось в подбой. В бабинское время чучела размещались либо на перекрытии могильной ямы, либо между ящиком и стенкой, либо под одной из стенок (рис. 33). Для ритуала использовались в основном бык и овца, реже лошадь (Приложение 4). Погребения с «чучелом» в большинстве случаев относятся к раннему периоду ДДБК. По наблюдениям Р. А. Литвиненко, наличие «шкур» в захоронениях является маркирующим признаком ДДБК, при полном их отсутствии в других региональных группах Бабино (Литвиненко, 2006. С. 183).

Тем не менее, схожий обряд широко известен во многих культурах. В своей статье, о курганах Чатал Оба, П. А. Ларенок, характеризуя катакомбный обряд дельты Дона, выделяет ряд специфических черт. Одна из них — это наличие в захоронении «жертвенной пирамиды», то есть «особым образом сложенная шкура овцы с черепом и нижними частями конечностей, укалываемая в камере так, что череп животного венчает уложенные параллельно друг к другу трубчатые кости». В большинстве случаев схожий обряд встречается у народов средневековья и практически доживает до 20 века у народов Сибири. Детальное описание типичного обряда тюркских племен представлено в работе В. В. Радлова при описании шаманства и их культов — «Из Сибири». Сам обряд — это очень длительный процесс, мучительный для жертвенного животного, сопровождающийся песнопениями, специальными танцами и окуриваниями травами. Для проведения культового обряда выбиралась лошадь исключительно светлой масти. Умерщвление животного — чудовищная пытка. Происходит следующим образом: Лошадь ставят головой на восток, затем очень туго связывают пасть веревкой. К каждой ноге также привязывается веревка. Затем вдоль спины животного кладется массивная жердь, и наматывают на жердь привязанные к ногам лошади веревки так, что задние ноги вытягиваются назад, а передние вперед, равномерно приближаясь к жерди. В результате чего, позвоночник лошади оказывается переломанным, а ноги выдернуты из суставов. При этом все без исключения отверстия животного забиваются травой, чтобы кровь не вытекала. Когда измученная лошадь умирает, с нее сдирают шкуру таким образом, чтобы весь череп и ноги до колен остались в шкуре. Язык вырывают из пасти. Шкура разрезается не шее и брюхе так, чтобы можно было вынуть все туловище, не повредив кожу. В дальнейшем кости собирают и кладут на березовые ветки, затем поднимают на помост для жертвоприношения и там покрывают еще одним слоем березовых веток и листьев. Смысл поведения данного обряда заключался в прощении у богов удовлетворить какие-либо земные потребности и нужды.

Лошадь же должна была доставить послание шамана на небеса (Радлов, 1989. С. 369-376).

В отличие от тюркских племен, прямое назначение такого обряда у представителей ДДБК определить сложно. На данный момент существуют различные версии о значении «чучел» в ритуале, наиболее объективными, на наш взгляд, являются две из них. Согласно первой, «шкура», имитировавшая само животного, сопровождала усопшего на тот свет, то есть была задействована в обряде перехода между двумя мирами (Отрощенко, 1989. С. 9, Кияшко, 2001. С. 100, Литвиненко, 2006. С. 182). Вторая версия принадлежит С. С. Березанской, которая сделала вывод о том, что основу хозяйства бабинцев составляло скотоводство. Как подтверждение данной мысли выступают следующие аспекты. Первое – это использование в погребальном обряде животных не только как погребальную пищу, но и в виде «чучел» (конечности животного в сочленении с метоподиями + череп), которые укладывались сверху перекрытия могилы. Второе – нахождение псалиев может говорить о том, что лошади использовались не только на убой, но и как тяговая сила. Третье – наличие соответствующего инвентаря на поселениях в виде крючков, грузил, гарпунов, при полном отсутствии серпов и орудий для обработки земли. Первое вышеизложенный аспект, по нашим наблюдения, находит подтверждение и в том, что далеко не на всех захоронениях бабинской культуры выкладывались «чучела» животных. Вполне вероятно, что именно такого рода погребения принадлежали скотоводам. При этом данный вид хозяйства имел в социальной структуре особо значимый статус (Березанская, 1986. С. 40-41). Обе версии не исключают друг друга, значимое при жизни животное вполне могло и в дальнейшей загробной жизни оставаться вместе с хозяином, тем самым обозначая его привилегированность в обоих мирах.

Погребальные конструкции 1-го хронологического этапа можно разделить на несколько групп и дополнительных типов, по форме грунтовой

ямы, наличие и отсутствие надмогильного сооружения над ямой (Приложение 3, рис. 5). Изначальное деление основано на форме самой грунтовой ямы - прямоугольной и овальной. Каждая из них имеет свои типы, зависящие от конструкции и материалов, используемых при сооружении.

Упрощение погребальной конструкции и так называемое возвращение к обряду ямной культуры является одной из составляющих характеристик бабинских древностей, начавшаяся еще в предшествующий поздний катакомбный период. Самая распространенная форма могильной ямы раннего этапа ДДБК - прямоугольная. Следует отметить, что в данную категорию также были включены такие термины как – «подпрямоугольные» и «прямоугольные со скругленными углами», так как при исследовании захоронений зачастую сложно проследить изначальную форму и использование терминологии при описании не всегда соответствует реальности.

Сохранение традиций позднего катакомбного периода прослеживается как в форме самой ямы, так и в использовании дерева при сооружении погребальной конструкции. В некоторых случаях деревянные материалы заменялись каменными плитами, перекрывавшими могилу. Исходя из этого, а также из различных модификаций применения дерева, для 1-го периода ДДБК были выделены следующие типы с конструкций (рис. 5, 8):

Тип 1 – прямоугольная яма с заплечиками:

- а) – деревянное перекрытие, закрывавшее деревянный ящик;
- б) – деревянное перекрытие ямы.

Тип 2 - прямоугольная яма без заплечиков:

- а) - деревянное перекрытие, закрывавшее деревянный ящик;
- б) - с деревянным перекрытием;
- в) - с деревянным перекрытием, камышовым настилом и каменным закладом;
- г) - с деревянным перекрытием на столбах;
- д) – с каменным закладом.

Тип 3 -прямоугольная яма без дополнительных конструкций.

Тип 1 представлен основными погребениями в кургане (Бургуста I, к4/п4) и основными для дополнительной насыпи (Бургуста I, к3/п12, Аксайский I к3/п12). Сооружение погребальной конструкции варианта «Тип 1, а» можно реконструировать следующим образом. В могильную яму был помещен деревянный короб из тесаных плах без дна. Доски длинных стенок короба на концах были затесаны, а на торцевых плахах были вытесаны пазы, для соединения всех элементов ящика. На дно ямы выкладывали подстилку из камыша, посыпанную мелом, на которую помещали погребенного и сопутствующий инвентарь. Сверху, поперек ямы, захоронение закрывалось настилом из деревянных плах, на которые укладывалось «чучело» животного.

Положение захороненных в могилах типично для ДДБК, с западной ориентировкой, на левом боку, скорчено. Ноги согнуты в бедренных суставах под прямым углом, в коленях под острым. Руки сложены в позицию 1.1 (Бургуста I, к3/п12). В случае с погребением Бургуста I к4/п4, кости захороненного были сложены «пакетом», но с соблюдением западной ориентировки и сохранении позы рук в позиции 2 – «кисти у лица». Оба погребения мужские (Приложение 2).

Тип 2. Конструкция варианта «Тип 2, а» также состоит из деревянного ящика и перекрытия над ним, но совершено в обычной яме, без заплечиков (рис. 5, 8). Процесс конструирования ящика, как и закрытие его деревянными плашками, схож с сооружением конструкций в захоронениях группы 1 (Нижняя Бараниковка к5/п10). В одном случае стенки ящика отсутствовали, но на дно могильной ямы были уложены параллельно плахи, накрытые камышовым настилом - Красный IV к12/п7 (Рис. 33). Можно предположить, что таким образом была сделана имитация ящика, в отсутствии необходимого материала для полной конструкции. Наличие «чучела» животного на перекрытии прослежено только в части захоронений (Нижняя Бараниковка к5/п10, Александровский к1/п4). Общее положение умерших, как и в прошлой группе, стандартно для ДДБК. Ноги в бедренных суставах имеют отклонение

к острому углу, положение рук разнообразно (поза 1.2 - Нижняя Бараниковка к5/п10, поза 6 - Красный IV к12/п7). Все погребения мужские. Инвентарь представлен костяными поясными пряжками типа ИБ по Литвиненко, в обоих погребениях. А также костяной каплевидной подвеской и кремневым отщепом (Красный IV к2/п7), и кремневым наконечником стрелы, бронзовыми скобами и каменными литейными формами (Нижняя Бараниковка к5/п10).

Варианты «Тип 2, б-д» обладают одним и тем же конструктивным значением (рис. 5). Отличием от прошлых двух групп является отсутствие деревянного ящика, или его части. Могильная яма перекрывалась только настилом, который различался составом используемого материала и наличием или отсутствием столбов-подпорок. Наиболее распространен был вариант «Тип 2, б», в перекрытии ямы деревянным настилом - Бургуста I к5/п10 и п11, Самарский II к1/п3, Гать III к16/п5, Новосадковский к30/п2 (рис. 8), Кузнецовский II к1, погребения 3-5, Молодогвардейский к2/п4, Большенаполовский IX к1/п5. Остальные варианты второго типа встречены в относительно равных случаях. Каменные заклады сооружались в виде нескольких ярусов плит – Хапры-7 к1/п32 и Чикмари II к1/п4 (рис. 9). Сложные комбинации из камня, дерева и камыша также укладывались в два-три слоя (Кисилев II, к3/п17, п18), образуя единую «кровлю» в виде каменного панциря (рис. 9, 1). Использование камней – пластушек вероятно служило заменой дерева и его дополнением.

Дно захоронений устилали камышом, тлен которого был прослежен во всех случаях. Достаточно редко встречается посыпка или кусочки охры по дну могилы (Новосадковский, Кузнецовский II). Использование мела в обряде третьей группы не встречено. Общее положение захороненных делится на западную и восточную ориентировки, с секторальными отклонениями. Фиксируются женские погребения с восточной ориентировкой – Бургуста к5/п11, Чикмари II к1/п4, Репный I к7/п7. К таким захоронениям можно также отнести Кузнецовский II к1/п5, в отсутствии антропологических заключений, о принадлежности погребенного к женскому полу можно говорить исходя из

ориентировки, но с определенной долей вероятности. Позиции рук в таких захоронениях зачастую аналогичны прошлым группам и варьируется между положениями 1 и 2, так и встречаются случаи в положении рук в позе 5 (Бургуста I к5/п11) (рис. 12, Приложение 7). В мужских погребениях сохраняется западная ориентировка. Положение рук разнообразно и в основной массе заключается в позах 2 и 3 групп. Особо интересны погребения из КМ Репный I к7/п7 и Бургуста I к5/п10. Оба захоронения парные, в первом случае женщина и ребенок – уложены головами по диаметрально разным сторонам света (ребенок – запад, женщина – восток). Во втором, оба погребенных – мужчины, имеют западную ориентировку. Из этого следует, что предположительно, ребенок из погребения Репного I, может быть мужского пола, по аналогии с погребением Бургуста I к5/п10 (Приложение 2).

Определить половую принадлежность погребенного возможно не только по ориентировкам по сторонам света для данной группы, но и по сопроводительному инвентарю. Характерной составляющей женских захоронений являются различные наборы или единичные украшения, состоящие из следующих категорий: очевидные подвески (Бургуста I к5/п11, Чикмари II к1/п4), цилиндрический и двурожковый пастовый бисер (Бургуста I к5/п11, Репный I к7/п7), бронзовые трубочки пронизи, сердоликовые бусы, бронзовые нашивные бляшки, сверленные клыки (рис. 27). Мужские же погребения сопровождаются пряжками типов IA (Самарский II к1/п3, Новосадовский к30/п2, Большенаполовский IX к1/п5, Хапры-79 к1/п32), фрагментами или целыми сосудами (Молодогвардейский к2/п4, Бургуста к5/п10), в одном случае встречена бронзовая гривна и каменный топорик (Гать III к16/п5) (рис. 28, 6, рис. 31).

Инвентарь последнего типа конструкций – грунтовых ям, без дополнительных сооружений, представлен схожими со всеми типами категориями. В женских погребениях присутствуют такие же украшения типа пастовых бусин разной формы, трубочек-пронизей, изделий из раковин (Высочино VII к14/п3, Керчик к17/п1). В погребении Керчик к17/п1 вместе с

бусинами найдены кремневый наконечник стрелы и обработанный кремнь (рис. 28, 7-8). Следует отметить, что в данных захоронениях сохраняется восточная ориентировка. Мужские погребения были оснащены кремневым ножом, костяной пряжкой типа IA (Шкляр к2, п1) и кремневым наконечником стрелы, обнаруженным в ребрах захороненного - Веселый I к1, п4 (рис. 18).

Положение рук в женских захоронениях сохраняет устойчивую традицию в рамках позиции 1 и 3. В КМ Веселый I к1/п32 положение рук относится к позиции 3, в остальных случаях погребения были сильно разрушены и восстановление позы невозможно (Приложение 7).

Погребения 1-го хронологического периода ДДБК в овальных ямах дробятся всего на два типа и представлены малым числом по сравнению с прошлыми группами (Приложение 3, рис. 5). Первый тип – грунтовая яма овальной формы без дополнительных конструкций, в нее включено женское погребение, с восточной ориентировкой (Керчик к21/п5). Положение рук, как и в части вышеописанных захоронений, имеет позицию 2. Сохраняется и традиционный инвентарь для женских погребений – пастовый бисер цилиндрической и двурожковой формы.

Второй тип имеет более сложную конструкцию, состоящую из овальной ямы, выдолбленной в известняковой материковой плите с двумя заплечиками по северной стенке (рис. 5). В верхней части яма выкопана в слое мелкого щебня, а ниже – в известняке. Нижняя часть могилы была впущена в желто-бурый песок, подстилавший материковую плиту. Поверх ямы было уложено деревянное перекрытие, сверху которого разместили каменный заклад (Ясиновский III к1/п19. Мимоход, 2018. С. 46-47). Погребенный мужчина лежал скорченно на левом боку, головой на запад. Позу рук можно предположить, как в позиции 2. В заполнении ямы была найдена единственная находка, принадлежащая к этому погребению – небольшая бронзовая заклепка (Мимоход, 2018. С. 47).

Большую часть всех погребений 1-го периода представляют захоронения, у которых при полевых исследованиях не удалось проследить

форму ямы (Приложение 3). Часть из них с каменным закладом над погребением (Русский колодец северная группа кIV/2/п3, Ясиновский III к1/п10). Захоронения либо не содержат никакого инвентаря (Ясиновский III к1/п10), либо присутствует только костяная поясная пряжка-медальон (Русский колодец северная группа кIV/2/п3). В одном случае, помимо каменного заклада, была прослежена частичная облицовка стен могилы плитами известняка - Ясиновский III к1/п10.

В случаях, когда форма ямы не прослежена и отсутствует какая-либо конструкция, общий вид обряда сохраняется. Положение скелета, поза рук, сопроводительный инвентарь – все эти категории соответствуют двум группам в прямоугольной и овальной ямах.

Следует отметить, что для погребений в овальных ямах и в тех случаях, когда форма ямы была не прослежена, отсутствуют «чучела» животных. В тех случаях, когда не была сооружена дополнительная конструкция ямы, применительно для прямоугольной формы, «чучела» размещались с южной стороны на дневной поверхности (Высочино к14/п3).

Второй период существования ДДБК в рамках территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья представлен большим количеством погребений, также различающихся по типам сооружений могильных конструкций (Приложение 3, рис. 5). По сравнению с первым этапом, существенно сокращается применение дерева в перекрытии захоронения, практически исчезают ящики и всевозможные их имитации, именуемые Р. А. Литвиненко деревянными рамами (Литвиненко, 2004. С. 170). Очертания грунтовой ямы становятся более плавными, угол округленности увеличивается, преобладает овальная форма. В одном случае встречена круглая яма, в которой был захоронен ребенок (Четыре брата II к12/п10). При этом остается доминирующим число с неопределенными формами и не прослеженными конструкциями. Практически единственным признаком хронологической принадлежности для таких погребений является костяная пряжка с бортиком (Жиреевка 4, к1/п4, Сухой Чалтырь, к1/п11, Дюнное V, п5).

Положение рук захороненных сохраняет традиции первого периода, в различных вариациях основных позиций (Отрадный XIII, к2/п3, Аглицкий, к1/п1, Кудинов к2/п3).

Вторую группу грунтовых ям составляют овальные по форме могилы (Приложение 3, рис. 5). Они подразделяются на обычную яму и на яму с различными дополнительными надмогильными сооружениями. Наиболее распространенной конструкцией является перекрытие могилы каменным закладом (Русский колодец северная группа, кII/2/п7, ТЭЦ 2, к5/п3). В некоторых случаях заклад сооружался в несколько ярусов, создавая своеобразную «насыпь» над погребением, а иногда, каменная насыпь накрывала сразу два погребения, создавая единую засыпку (Кисилев II, к3/п17-18). Наименее представлены сооружения с использованием дерева, во всех случаях плашки укладывались поперек могилы, в один - два яруса (Федоровка II, к1/п10). В некоторых случаях деревянное перекрытие было уложено поверх ямы с подбоем (Базки к1/п8). Подбой для овальной формы без перекрытий встречается чаще, чем в предыдущей группе (Мокро-Дюдеревский, к11/п4, Лимарево к1/п13, 20). Самой редкой конструкцией является овальная яма со ступенькой. Такую особенность удалось проследить в КМ Гать II, к14/п7, где небольшой уступ был сооружен с узкой западной части могилы.

Особо интересна сложная конструкция в КМ Мухин I, к5/п3 (рис. 10, 1). С одной из длинных сторон ямы с заплечиками частично был скрыт грунт, создавая достаточно длинную ступень – подбой, сверху него, перекрывая яму, были положены деревянные плахи. Завершающим ярусом этой сложной конструкции служил каменный заклад, закрывавший весь погребальный участок и образующий единую насыпь.

В большинстве погребений, не имеющих конструкций, по дну прослеживается подстилка в различных вариациях (Приложение 5). В основном, это камышовый или травяной настил, дошедший до нас в виде коричневого или желтого тлена (Отрадный XIII, к2/п3, Федоровка-II, к1/п10, Киреевка 4, к1/п5). В некоторых погребениях фиксируются остатки золы,

пепла и мелкие угольки (Горный, к2/п4). Использование под подстилкой деревянных досок по дну практически отсутствует.

Положение скелета сохраняет общие характерные черты, выделенные на первом этапе, с некоторыми добавочными вариантами в положении рук (Приложение 7, рис. 10). Доминирует левобокое размещение покойного – 90% от общего числа. Самой многочисленной остается поза - кисти рук у лица. Позиция ног не меняется, с небольшими расхождениями в градусах скорченности. В очень редких случаях захороненные укладывались на спину, с подогнутыми ногами (Багаевка, к2/п13, Гиреева могила, п4). Иногда, скелет погребенного был завален на бок, либо на живот (ТЭЦ-2, к5/п3). Встречается сильно скорченная поза, на левом боку, с одной из преобладающих поз рук – кисти у лица, но ориентировка погребённых в большинстве таких случаев северная, с небольшим отклонением на восток. Более редким является южное направление (Глушица, к1/п1). Довольно малочисленно количество погребений с правобоким положением захороненного, ориентированного головой как на север (Берданосовка, к3/п13), так и на запад (Дюнное V, п4, п5).

По соотношению с первым периодом, в наименьшем количестве прослеживается разное положение по сторонам света для мужчин и женщин. Увеличивается число женских захоронений с западными ориентировками и секторальными отклонениями (Киреевка 4, к1/п4, Гать II, к14/п5), но сохраняется устойчивая обрядовая традиция для мужского пола с западным направлением головы (Сторожевой, п8, Поляков, к4/п2). Южные и северные ориентировки на развитом этапе характерны для обоих гендеров. Для таких направлений остаются неизменными общие черты поз захороненных (Горный, к2/п3, Аглицкий II, к1/п1).

Основным типом инвентаря развитого периода являются костяные пряжки-медальоны двух типов ПА и ПБ (по Р. А. Литвиненко). Первый тип – круглая, с отверстием по середине и выделенным бортиком (Рис. 20). Второй тип отличается наличием одного или двух дополнительных маленьких отверстий с боку (Рис. 21). Возникновение второго типа связано с более

поздними погребениями ДДБК в рамках одного периода, что было подтверждено рядом ученых (Шарафутдинова, 1987. С. 42-43, Братченко, 1995. С. 20, Литвиненко, 2002. С. 80). Костяные пряжки устойчиво фиксируются преимущественно в мужских захоронениях (Репный I, к7/п9, Аглицкий II, к1/п1), реже в женских (Киреевка 4, к1/п4) и детских (Гать II, к14/п5, Каменный II, к2/п3).

Сосуды в погребениях второго этапа имеют более простую форму, чем на первом периоде и зачастую не украшены орнаментом (Рис. 24, 7-9, 26, 2). Горшки разных размеров, представлены баночной и биконической формой, последние могут быть средней высоты с открытым устьем (Федосеевка II, п8) и небольшого размера с зауженным горлом (Киреевка 4, к1/п5). Баночные сосуды своими очертаниями аналогичны с керамикой первого периода и не имеют существенных отличий. На биконические горшочки орнамент наносился по верхней части, немного охватывая тулово, горло и венчик. Сходство в стилистике узоров таких сосудов прослеживается с орнаментацией на горшках раннего этапа. Различие заключается лишь в сокращении общей площади, на которую был нанесен рисунок. Использование косых линий в сочетании с точечным орнаментом, выполненным палочкой, отражает общую семантику данного этапа. Биконические сосуды со схожим орнаментом были встречены в ряде погребений с разными группами конструкций. Мокро-Дюдеревский I, к2/п4 – яма с подбоем, Первая Веселовская группа к3/п1 – прямоугольная яма, Балабинский I к36/п1 – овальная яма. В некоторых случаях орнамент нанесен аккуратно (Первая веселовская группа, к3/п11), в других же, немного небрежно, как будто наспех (Мокро-Дюдеревский I, к2/п4). Захоронения с биконическими орнаментированными сосудиками относятся к ранней стадии второго периода. Аргументом в пользу такой датировки выступает сопутствующий инвентарь в виде костяных пряжек-медальонов. К сожалению, половозрастных данных не было установлено, но возможно предположить, по аналогии с первым периодом, что такой тип погребального инвентаря относился, по большей части, к мужским захоронениям.

Большинство находок из погребений относятся к тем случаям, когда не удалось проследить конструкцию могильной ямы. Гораздо реже на развитом этапе в захоронениях встречается кремневая индустрия - наконечники стрел (Рестумов II, к1/п2), ножи (Ясырев I, к8/п9), обломки и отщепы (Мухин I, к5/п3, Аглицкий к1/п1) (рис. 30). Зачастую, кремневые наконечники были обнаружены достаточно близко к кости, что может говорить о прижизненной полученной травме (Рестумов II, к1/п2). В комплексе Хавалы II, к3/п2, наконечник застрял в левой большой берцовой кости, какое-то время человек прожил с этой травмой, о чем свидетельствует костяной нарост.

Особую категорию составляют каменные топоры-молотки, как в детском погребении Четыре брата II, к12/п10, отнесенные Р. А. Литвиненко к атрибуту власти (Литвиненко, 2006. С. 179). Аналогичные изделия встречаются и в мужских захоронениях первого периода, например Гать III, к16/п5, в комплекте с шейной бронзовой гривной и пряжкой типа IA (рис. 31).

Характерная валиковая керамика встречается только в виде фрагментов, локализуясь в основном в насыпи над погребением (Репный I, к7/п9). Практически исчезает из погребального обряда развитого времени положение «чучела» животного. Кости мелкого рогатого скота фиксируются только в виде напутственной пищи (Сторожевой п8, Горный, к2/п3).

Своеобразное упрощение погребального обряда развитого этапа находит отражение не только в уменьшении типов конструкций ям, но и в оскудении инвентарной составляющей и в практически в полном отсутствии ритуального «чучела» животного. О постепенном характере этого процесса говорит упрощение форм керамики и количество орнаментированных сосудов с уменьшающейся долей площади покрытия узора. Причиной ослабления ритуальной составляющей вероятно является не стабильная обстановка, связанная с началом постепенной экспансии на территорию Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья племен покровской или ранне-срубной культуры, которые в свою очередь оттеснили племена ДДБК и постепенно

заняли ареал обитания (Шарафутдинова, 1983, Братченко, 1985, Литвиненко, 2001).

Финальный период существования ДДБК в исследуемом регионе представлен маленьким количеством погребений (рис. 11). Все захоронения впускные, либо в насыпи первых двух этапов ДДБК (Кудинов к3/п14), либо в курганы более ранних периодов бронзового века (Поповка V к1/п1). Преобладает прямоугольная форма могильной ямы, с большим процентом не прослеженных контуров (Приложение 3). Погребения принадлежат взрослым, без точной антропологической оценки пола и возраста. Поза варьируется от классической среднескорченной, до сильноскорченной. Позиция рук в большинстве случаев, как и для предыдущих этапов, сохраняется в расположении кисти рук у лица. Достаточно редкой является положение рук, более присущее катакомбному обряду – кисти обеих рук под согнутыми коленями (Поповка V, к1/п1) (рис. 11). Ориентировка захороненных в большей степени с преобладанием восточного и западных секторов с небольшими отклонениями и отсутствием южного направления. Также ни в одном из выявленных погребений не была зафиксирована подстилка, кроме одного случая, когда небольшой участок около головы захороненного был посыпан мелом (Поповка V, к1/п1).

Маркирующим инвентарём третьего этапа, как и двух предыдущих, является костяная пряжка-медальон (Рис. 11, 2-5, 7, 22). Изделие позднего периода имеет свои отличительные особенности в виде вытянутой овальной или подовальной формы, большого округлого отверстия по середине и маленького дополнительного с боку. Такой тип инвентаря был встречен во всех погребальных комплексах данного этапа. В некоторых случаях пряжка была единственным сопутствующим предметом (Шахаевская II, к3/п4, Кудинов к2/п14, курган у института Виноградарства п3). Реже, костяную пряжку-медальон дополнял лепной горшочек. Сосуды третьего периода представлены более простыми формами, ближе к баночным (Рис. 25. 8, 9). Орнаментация становится не такой насыщенной, сокращаются типы узоров.

Преобладает рисунок с использованием оттисков палочкой в комбинации с прочерченной горизонтальной линией (Поповка V, к1/п1). Богатые и сложные узоры в виде наlepных валиков с пальцевыми или ногтевыми вдавлениями заменяется на один валик, опоясывающий сосуд по горлу (Берданосовка, к3/п13). Нанесение такого типа орнамента на верхнюю часть горшка является характерной чертой более поздней сабапиновской культуры. Вполне вероятно, проявление монотонной валиковой орнаментации на позднем периоде ДДБК может говорить о преемственности культур (Черняков, 1985. С. 144).

Процесс смены культурных традиций, вызванный экспансией покровско-срубных племен, несет постепенный характер, начиная с второй стадии развитого этапа. Его завершение связано с возвращением бабинских племен на исходную территорию и дальнейшим преобразованием религиозных верований.

Если хронологическое разделение погребальных комплексов ДДБК имеет свои маркеры и особенности, то иная ситуация складывается с выделением внутренних микрогрупп, обладающими индивидуальными чертами. Попытки выделения обрядовых групп на основании ряда схожих признаков, как ДДБК, так и бабинской культуры в целом, предпринимались неоднократно (Писларий 1975, Дубовская, 1985, Берестнев, 2001, Литвиненко, 2006). Сложность группировки различных характеристик погребального обряда заключается в том, что основные показатели (конструкция могильной ямы, ориентировка, положение рук, инвентарь) не поддаются четкому разграничению. В классификации, предложенной С. И. Берестневым за основу, был взят «социальный критерий». Разделение на две группы с высоким и низким социальным статусом основывалось в первую очередь на сложности погребальной конструкции и качеству/количеству инвентаря. При этом хронологически не ограничиваются и характерны для всех этапов. Исходя из этого, получается, что слой населения с высоким социальным статусом угасает к третьему периоду существования культуры, так как на финальном этапе отсутствуют захоронения со сложными надмогильными

конструкциями. Если такое предположение вполне допустимо, из-за оттеснения бабинцев покровско-срубными племенами, то остается открытым вопрос о «разносоциальных» погребениях в одном кургане.

Так, например в КМ Бургуста I в доминирующем числе «богатых» захоронений присутствует одно (к4/п5) простое, без конструкций, сопровождающееся только несколькими астрагалами баранов (Приложение 2.7). И с другой стороны, КМ Ребриковка II, погребения без сложных конструкций, но с богатым инвентарем. Обратная ситуация в КМ Шипиловка, с использованием деревянных конструкций, но с отсутствием погребального инвентаря. Особый интерес вызывает ситуация в КМ Крутенький I, где в общей массе простых комплексов, выделяется одно захоронение с деревянной конструкцией и одно с костяной пряжкой позднего типа III. Как следствие, из-за трудности отделения и интерпретации социальных групп в рамках ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, данная теория не находит применения.

Имеет смысл рассмотрения и группировки захоронений на основании положения рук и ориентировки, с дальнейшей разбивкой по сложности конструкций и инвентарю, так как при анализе выборки на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья присутствуют устойчивые положения рук, отраженные в Приложение №7 и имеющие свои вариации. Следовательно, для данной работы ближе исследования О. Р. Дубовской и Р. А. Литвиненко, где за основной маркер взяты аналогичные категории (Дубовская, 1985, Литвиненко, 2006). Такой же принцип был заложен в работах Р. А. Мимохода, при описании лолинской и волго-донской бабинской культур (Мимоход, 2013, 2022) и в соавторстве с С. Н. Корневским характеризуя архонскую группу (Корневский, Мимоход, 2011). Применение схожих схем для выделения обрядовых групп позволит в дальнейшем производить системный анализ общего пласта культур финала средней бронзы.

Исходя из вышесказанного и на основании проведенного анализа погребений различных этапов ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, выделяются несколько обрядовых групп (ОГ), охватывающих весь промежуток существования культуры (Приложение 8, рис. 12).

Первая ОГ. Основная масса захоронений относится к раннему этапу и в меньшей степени к развитому, с полным отсутствием финального периода. В группу входят погребения, совершенные в прямоугольной яме, включая те случаи, когда не удалось проследить форму, а также ямы с заплечиками. Конструкции захоронений представлены деревянными перекрытиями могилы, реже с ящиками, каменными закладами и комбинированными сооружениями. Применение камыша характерно, как и в перекрытии, так и по дну ямы в виде подстилки. Ориентировка погребенных в частых случаях головой на запад, в редких – на восток с небольшими отклонениями к северу и югу. Разносторонняя ориентировка для мужских и женских захоронений не характерна для данной группы. Основным фактором, характеризующим обрядовую группу, является положение тела захороненных. При условно постоянной позиции ног в скорченном состоянии, с небольшими отклонениями, важным определителем выступает расположение рук. Для данной группы преобладающая поза рук это левая вытянута вдоль корпуса, правая согнута в локте и ее пересекает. Возможны вариации, в которых левая чуть согнута, либо правая больше заходит за сустав, либо чуть отдалена от локтя.

Вторая ОГ. Практически в равном количестве представлена на раннем и развитом периодах. Первая обрядовая группа, которая существует и на финальном этапе ДДБК. Определяющее значение здесь имеет положение рук в позе - обе руки согнуты в локте и кисти находятся около лица. Для данной группы также характерны простые грунтовые ямы, в некоторых случаях с применением дерева и камня в перекрытии. Отсутствуют ямы с заплечиками, но появляются подбойи. К третьему хронологическому этапу остается только

грунтовая яма, без дополнительных надстроек. Ориентировки более многообразны, чем для первой ОГ. К западно-восточным направлениям и их небольших вариациям добавляются северный и южный сектора.

Третья ОГ. Охватывает два периода существования ДДБК, за исключением финального. Большинство погребений относятся к раннему этапу. Конструктивные особенности ям сохраняют основные характеристики прошлых групп, за исключением наличия ям с заплечиками и подбоем. Ориентировка погребенных варьируется в рамках запад-восток с небольшими отклонениями. Определяющим является не только положение рук – вытянуто, вдоль корпуса, но и своеобразный отголосок ямной культуры, а именно поза – лежа на спине (Веселый I, к1/п32, Репный I, к7/п5). Такой архаичный признак Р. А. Литвиненко считал значимым моментом, маркирующим первый этап культуры (Литвиненко, 2006). Но, благодаря новым археологическим раскопкам и пополнению базы памятников удалось установить, что такая поза встречается и на развитом периоде ДДБК. Надежным временным определителем в данном случае являются костяные пряжки-медальоны с бортиком и одним большим отверстием (КМ Кудинов, к2/п13). Поза на спине также включает в себя некоторые корректировки, когда одна из рук не значительно согнута в локте, либо отодвинута от корпуса (Керчик, Озерки I, к16/п5).

Четвертая ОГ также как и предыдущая существует на двух основных хронологических периодах. Доминирует прямоугольная грунтовая яма, в редких случаях перекрытая деревянным настилом. В одном случае, около ямы, закрытой деревянными плахами, была сооружена каменная оградка из плит известняка (Самарский II, к2/п6). Ориентировка погребенных варьируется в рамках западно-восточных направлений с некоторыми отклонениями. Характерной позой является скорченное положение на левом боку, кисть левой руки у лица, правая рука согнута в локте и как бы подпирает локоть левой.

Пятая ОГ на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья представлена только захоронениями раннего периода ДДБК. Для нее характерна простая грунтовая яма и яма с заплечиками. Дополнительные могильные конструкции сооружаются из дерева, чаще перекрытие, реже ящик, либо его имитация. Сверху настила в большинстве случаев клали «чучело» животного. Ориентировка погребенных чаще в западную и восточную стороны, реже с отклонениями на северо-запад и северо-восток. Маркирующее положение захороненного – скорченно на левом, либо правом боку, руки согнуты в локтях и сложены на груди, кисти около локтей (Бургуста к5/п11).

Последняя шестая ОГ включает в себя погребения, всех трех хронологических периодов. Использование дерева встречено в одном случае (Новосадовский к30/п2). Остальные захоронения были совершены в обычных грунтовых ямах. Ориентировка западно-восточная с некоторыми отклонениями. Поза рук, характерная для этой группы, схожа с катакомбной, когда при общем положении погребенного - скорчено на левом боку, руки сведены вместе либо под колени, либо в область паха.

Выделенные обрядовые группы полностью характеризуют ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. С учетом того, что группы включают в себя несколько хронологических периодов, а также те захоронения, которые не поддаются внутреннему датированию, имеет смысл детально рассмотреть погребальный инвентарь ДДБК и синхронных ей групп в изучаемом регионе отдельно.

2.2. Погребальные комплексы иных культурных групп финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

В процессе расселения на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья на финальном этапе периода средней бронзы участвовали не только племена ДДБК. Свидетельства присутствия синхронных Бабино культур частично находят свое отражение в погребальных комплексах. Их количество значительно меньше рассмотренной выше ДДБК. На данный момент выделено три культурных группы, отличающихся по обряду, но хронологически относящиеся к исследуемому периоду. Одна из них входит в культурный круг Бабино – волго-донская культурная группа (ВДКГ), выделенная впервые Р. А. Мимоходом, как криволукская (Мимоход, 2004, 2014). Вторая, была исследована С. Н. Братченко и представлена в основном поселениями – каменско-ливенцовская группа (КЛГ) (Братченко, 1975). Памятники третьей группы синхронны с бабинскими, но отличаются от них по ряду признаков и в изучаемом регионе встречаются значительно реже. Речь идет о лонинской культуре, выделенной Р. А. Мимоходом в начале 21-го века (Мимоход, 2007, 2013).

2.2.1. Погребальные комплексы каменско-ливенцовской культурной группы исследуемого региона.

Начнем с рассмотрения каменско-ливенцовской группы, одновременной, по мнению С. Н. Братченко, с бабинской (Братченко, 2006). При исследовании погребальных комплексов ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья были выявлены захоронения, имеющие ряд отличий в обряде от классических захоронений ДДБК. В их состав вошли погребения выделенные С. Н. Братченко из рва крепости и рядом расположенных курганов, а также 7 дополнительных комплексов.

При исследовании С. Н. Братченко Ливенцовской крепости, во рву под завалами крепостных стен, а также в рядом стоящих курганах, было обнаружено 10 погребений, которые ученый считал соотносимыми либо с поздней бабинской культурой, либо с КЛГ (Братченко, 2006. С. 93) (рис. 14). Следует отметить, что на данный момент это фактически единственные погребальные комплексы, получившие культурное определение, хоть и под вопросом, как каменско-ливенцовские. Основанием для отнесения захоронений к финальному этапу периода средней бронзы послужила стратиграфия могил. Они находились между более ранними донецкими катакомбными захоронениями, курганные насыпи которых были разрушены, и более поздними срубными. Погребения, отнесенные к Бабино-КЛГ, которые были обнаружены во рвах, датировались при помощи соотношения впускной глубины. С. Н. Братченко заметил, что более поздние срубные погребения находятся выше, по отношению к дну рва, чем Бабино-КЛГ. Вопрос о точной интерпретации погребений усложнялся наличием схожих черт в погребальном обряде между непосредственно бабинскими и каменско-ливенцовскими захоронениями во рву крепости. Сходство прослеживалось в таких обрядовых составляющих, как ориентировка и некоторый инвентарь, а отличием являлась сильная скорченость умерших и наличие уникального костяного изделия – кольца с планкой и отверстием (погребение б) (рис. 14, 4). Аналогии такому предмету были найдены на территории Северного Кавказа в гинчинской культуре II этапа, в ранних покровских и абашевских комплексах, а также на поселении Каменка в Крыму. Но, при этом, С. Н. Братченко отмечал его функциональную близость с костяными пряжками – медальонами ДДБК (Братченко, 2006. С. 93). В своей докторской диссертации Р. А. Мимоход соотнес изделие с поясной пряжкой типа Ипатово-Типки, датирующееся вторым этапом лонинской культуры (Калмыков, Мимоход, 2005. С. 201-234, Мимоход, 2018. С. 249-275; 2021. С. 52-66; 2022. С. 258). Таким образом, ряд погребений во рву крепости получил свою датировку в рамках развитого этапа бабинской культуры и фазой ПКБ II по Р. А. Мимоходу.

В находящиеся рядом с крепостью курганах также были обнаружены несколько захоронений, по наблюдениям С. Н. Братченко, близких к КЛГ. Такой вывод был основан на сопоставлении схожих по орнаментации фрагментов горшков и целых сосудов из погребений (к11/п20, Ливенцовский мог. IV пб-А, п17) и керамики крепости (Братченко, 2006. С. 92). Сосуды, обнаруженные в захоронениях, отличались от катакомбных горшков в ливенцовских могильниках. Иным было и положение захороненных, в отличие от среднебронзовых погребений (Братченко, 2006. С. 92.). Такой параметр обряда, как северная ориентировка сближает погребения из курганов с комплексами, происходящими из рва крепости, по при этом различная скорченность костяков и разные формы сосудов указывают на две иные в своем роде культурные традиции (рис. 13-14).

Складывается довольно запутанная ситуация, с одной стороны, в курганах около крепости есть ряд погребений, керамика из которых схожа с сосудами из укрепления, но при этом, захоронения обладают явными признаками позднего катакомбного периода, а именно, северная ориентировка, правобокое положение и поза рук – вытянутые к коленям. С другой же стороны, погребения во рву, отнесенные С. Н. Братченко под вопросом к Бабино-КЛГ, на данный момент так и не получили свое культурное определение, но промаркировали финальный этап существования форпоста. Для того, чтобы найти решение поставленного вопроса необходимо проанализировать доступные материалы как крепости, так и погребений и сопоставить с известными на данный момент захоронениями ДДБК исследуемого региона.

Для первоначального сопоставительного анализа были отобраны 4 позднекатакомбных погребения, происходящие из курганов около крепости (к10/п15, к11/п20, 21, 22). Выбраны комплексы были не случайно, найденные в них сосуды имеют некоторые близкие черты с керамикой Ливенцовской крепости (рис. 13). Сходство прослеживается прежде всего в типах орнамента,

украшавших сосуды. Первый тип узора представлен одним или двумя рядами опоясывающих прочерченных волнистых линий, аналогичный мотив был нанесен на наклепные валики высокого биконического горшка. Схожий орнамент, только в более небрежном исполнении украшал приземистый сосуд с прямой шейкой (рис. 13, 1, 5, 6, 7). Второй тип состоит из более сложных композиций прочерченных линий, штамповочного орнамента и вдавлений палочкой, образующих треугольники вершинами вверх, или вниз, елочный орнамент, ряды насечек, а также прочерченный узор. Такие многосоставные узоры наносились по широкой части, ниже горла, либо покрывали всю поверхность горшка (рис. 13, 2, 3, 10-12). Богато украшенные узором сосуды имели с четырех сторон наклепные миниатюрные ручки, на некоторых из них были проделаны отверстия, вероятно для подвешивания. Похожие ручки, в комбинации с прочерченным елочным орнаментом вершинами вниз, встречены на небольшом горшочке из Ливенцовского мог. I п5 (рис. 16, 1).

Последний тип орнамента, по сути, не имеет прямых аналогий, но некоторые его составные части повторяются в предыдущих двух типах (рис. 13, 4). Основной интересующий компонент узора представлен в виде маленького круга, входящего в круг побольше и опоясанного вдавлениями палочкой. Схожая комбинация, дополненная оттисками шнура, была нанесена на высокий сосуд, от широкой части до венчика, полностью опоясывая его поверхность (рис. 13, 13).

В погребальных комплексах финала средней бронзы, вошедших в исследование, было выделено единственное погребение, с сосудом, украшенным схожими мотивами второго типа (Темерницкий I кб/п3). Сам горшочек небольшого размера, слеплен немного небрежно (рис. 16, 2). В отличие от позднекатакомбных захоронений из курганов около крепости, поза погребенного из комплекса Темерницкий I отличается большей скорченностью костяка положением рук в позу – кисти рук у лица, или поза 2 по нашей классификации. Близкие черты обряда прослеживаются с

захоронением из Ливенцовского мог. I п5. Схожи по размеру между собой и сосудики из обоих комплексов (рис. 16). Следует отметить, что аналогичные части орнамента второго типа встречаются на некоторых горшочках из погребений ДДБК, относящиеся к этапам I и II.

На основе результатов проведенного сравнительного анализа можно предположить, что рассмотренные погребения из курганов 10 и 11 около крепости, были совершены еще при ее функционировании. Аргументом может служить и следующие наблюдения. Так, например, слой средней бронзы поселения Ливенцовское I представлен керамикой с тесемчатой и гребенчатой орнаментацией, характерной для донецкой катакомбной культуры (Братченко, 1969. С. 216, 1976. С. 34). Погребения, содержащие аналогичные сосуды, были обнаружены в курганах и могильнике около крепости и поселения (Братченко, 1976. С. 40, рис. 17,3, с. 44, рис. 20,4, Братченко, Шарафутдинова, 2000. С. 202, рис. 28). При этом, керамика из захоронений к10/п15, к11/п20, 21, 22 не находит аналогий в материалах поселения Ливенцовское I, как в слое средней бронзы, так и в бабинском.

Таким образом, определяется не только культурная взаимосвязь погребений и крепости, но и выявляется возможная точка в формировании комплекса - позднее катакомбное время. Следует отметить, что данное предположение является первоначальным и требует дальнейшей проработки и аргументации. С учетом того, что финальный этап жизни форпоста связан с развитым периодом и захоронениями во рву, можно выделить два основных периода, жизни крепости, связанных с изменениями в погребальном обряде.

Погребения раннего этапа совершены либо в катакомбе (рис. 13, 3-4), либо в грунтовой яме (рис. 13, 1-2). Положение захороненных средне скорченное на правом боку, с северной или западной ориентировками. Руки вытянуты к ногам в прямом положении, либо чуть согнуты. Конструкция погребений второго этапа проследить не удалось. Основное различие таких

захоронений это сильноискорченное положение усопшего, с ориентировками на север и юг (рис. 14).

На территории Нижнем Дону и Северо-восточном Приазовье на основе сопоставительно-сравнительного метода были выявлены несколько погребений, инвентарь которых схож с находками крепости и отличен от типичного бабинского. Первое из них находится на относительно близком расстоянии к северу от крепости. В одном из исследованных курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону в 1968 году было обнаружено захоронение к13/п9. Форму ямы удалось проследить частично, сохранилась только ее восточная часть. Судя по всему, это была прямоугольная яма со скругленными углами. Захороненный был уложен на правый бок в среднескорченном положении, руки вытянуты к бедрам. Над головой усопшего находилась нижняя часть жаровни, а на плечевой кости каменный топор-молоток бородинского типа. Аналогичный тип инвентаря, но другой формы, происходит из комплекса Реконструктор-IV к10/п3. Погребение по обряду и контуру ямы схоже с захоронением из ростовского кургана. Отличием является северо-восточная ориентировка и тлен от подстилки под костяком. В сравнении с бабинскими топорами, молот из Реконструктора исполнен более грубо, из светлого камня, возможно, известняка. Объединяет между собой эти два комплекса не только наличие каменных изделий, но и сам погребальный обряд в целом, позволяющий датировать захоронения поздним катакомбным временем.

Близки по типу к топору-молоту из ростовского кургана изделия, обнаруженные во рву Ливенцовской крепости (Братченко, 2006. С. 146, 147, рис. 75,6), а также в погребении (Балабино к1/п2) и в виде случайной находки в западной части ареала ДДБК. Датировка последних двух изделий авторами статей была определена как ранний этап КМК (Антонов, 1998. С. 107, Нефедов, 1998. С. 108). Если с определением даты случайной находки возникают определенные сложности, то хронологическое отношение

погребения к ранней КМК-Бабино вполне вероятно. Подтверждением является среднескорченное положение усопшего, его западная ориентировка и поза рук – вытянуты к бедрам. Находки таких типов топоров-молотов в погребениях поздней катакомбной культуры и ранней бабинской свидетельствует не только о близкой временной связи, но и фактически показывает неравномерный процесс смены обрядовых традиций.

Безусловно, сами по себе приведенные выше признаки, являются немного размытыми, для выделения КЛГ, так как в бабинских комплексах тоже присутствуют сильно скорченные погребения и захоронения без сопутствующих предметов. Если предположить, что такие погребения, отнесенные изначально к Бабино, являются исключительно КЛГ, то в исследуемом регионе можно выделить следующие комплексы, которые имеют северную или южную ориентировку, сильную скорченность и отсутствие определенных форм могильной ямы (Рис. 14А), об одном из них уже говорилось выше - Темерницкий I кб/пЗ.

Другие комплексы Рясни-88, к1/п9 и Ясиновский III к1/п6 и Засальский II к5/пЗ, схожи с КЛГ по сильно скорченной позе и северной ориентировке. В обоих погребениях были обнаружены костяные пряжки-медальоны, в одном случае дополненная сосудом, баночной формы (Рясни-88 к1/п9), с не совсем характерным для Бабино орнаментом в виде оттисков веревочки в верхней части. В общей выборке также присутствуют сильно скорченные захоронения, но с южными ориентировками (Ясырев I к8/п9, Елкинский I к1/п6, Другой I к1/пЗ, Засальский II к5/пЗ). В двух из них (Ясырев I, Елкинский I) были обнаружены кремневые наконечники стрел, не типичные для Бабино. По мнению Р. А. Мимохода такие находки, как и само расположение могильников, на юго-восточной периферии ДДБК, является свидетельством военных столкновений ДДБК и Лолы (Мимиоход, 2022. С. 236-237). Хронологическим индикатором, подтверждающим выводы, выступают

костяные пряжки медальоны периода ПА из погребений Ясырев I к8/п9 и Засальский II к5/п3.

С учетом того, что из общего количества захоронений ДДБК на исследуемой территории, сильноискорченное положение встречается лишь в 7 комплексах, можно с осторожностью интерпретировать такие комплексы как каменско-ливенцовские позднего периода.

2.2.2. Погребальные комплексы волго-донской бабинской культуры и лолинской культуры исследуемого региона.

Наиболее полное исследование в современной науке были посвящены двум следующими культурным группам, присутствие которых отмечено на изучаемой территории на финальном этапе периода средней бронзы – ВДБК и лолинская (Рис. 40-42). Погребения, представленные данными культурами, имеют четкую стратиграфию, располагаясь между захоронениями катакомбной общности и позднебронзовыми комплексами. В случае с ВДБК, предшествующими являются погребения волго-донской или левобережной среднедонской катакомбных культур, последующими выступают захоронения, относящиеся к покровскому времени, как например в могильнике Ромашкин II (Мимоход, 2014. С. 109). Особый интерес вызывает ситуация, прослеженная в курганном могильнике Репный I, где было отмечено, что в общем составе погребений ДДБК присутствуют два захоронения, отличающиеся от остальных (Репный I к7/п5, 6) (рис. 34). В результате анализа, Р. А. Литвиненко пришел к выводу, о принадлежности этих двух могил к ВДБК (Литвиненко, 2012. С. 49, 50, рис. 3). Такое расположение в стратиграфической колонке определяет место древностей ВДБК не только периодом финала средней бронзы, но и показывает прямую взаимосвязь с племенами ДДБК.

В исследуемом регионе ВДБК представлена четырьмя курганными могильниками и 7-ю погребениями из 140 известных захоронений на данный момент (Мимоход, 2014. С. 102). (рис. 15, 34).

Распространены комплексы преимущественно в восточной части рассматриваемого региона, за исключением км Репный I расположенного на правом берегу Северского Донца. Основной ареал распространения волго-донской бабинской культуры – Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье. Локализуются памятники в основном в восточной части изучаемого региона, по берегам Дона, Цимлянского водохранилища (рис. 1), далее цепочка комплексов тянется по берегам Волги, а также на ее притоках - Аксай Есауловский, Аксай Курмояровский, Ахтуба и т.д., занимая пограничные территории Ростовской, Волгоградской областей и Калмыкии.

Погребения впускные, не встречено ни одного случая, когда захоронение было основным под насыпью кургана, соответственно отсутствуют и курганы, сооруженные над несколькими погребениями ВДБК. Но основном ареале такие случаи прослеживаются, также как и небольшое число грунтовых могильников. Над впускными погребениями достаточно редко сооружается досыпка, по данным Р. А. Мимохода лишь в 4,5 % от общего количества (Мимоход, 2014. С. 102).

Форма могильной ямы для всех погребений ВДБК на территории Нижнего Дона одинакова – прямоугольная, с округленными углами. Аналогичные очертания погребальных ям характерны и для основного ареала распространения культуры и являются доминирующей формой. Дополнительная конструкция могильной ямы, в виде деревянных плах перекрытия, отмечена только для одного захоронения (Репный I к7/п5).

В исследованном регионе встречены только одиночные захоронения, хотя в остальном ареале присутствуют погребения с несколькими костяками. По наблюдениям Р. А. Мимохода, такие захоронения в основном

принадлежали взрослому и ребенку, в редких случаях, только взрослым. В большинстве погребений ВДБК на Нижнем Дону по дну по дну могильной ямы прослежены остатки мела и органической подстилки в виде коричневого (Репный I к7/п17, Ромашкин II п11), либо черного тлена (Репный I к7/п5, 13).

Одной из отличительных черт погребений ВВБК от ДДБК является доминирующая северная ориентировка с преобладанием положения скорчено на левом боку. Аналогичное положение является доминирующим и для захоронений Нижнего Дона (Чир II к2/п1, Верхне-Рубежный I к3/п4). Исключением выступает комплекс Репный I к7/п17, где погребенный был уложен на правый бок, но с сохранением северного направления. Такие захоронения редки и для основного ареала, также как и широтные отклонения или направление в южный и восточный сектор.

Угол скорченности ног сохраняет общие традиции культурного круга Бабино в пределах 45-90 градусов. Отличительным признаком ВДБК является положение рук умершего, встречающееся в трех вариациях. Первая и самая распространенная – левая рука вытянута к бедрам, а правая слегка согнута в локте и лежит на тазе (Репный I к7/п13, Чир II к2/п1, Верхне-Рубежный I к3/п4). Вторая – обе руки протянуты к бедрам (Репный I к7/п5). И третья – одна рука вытянута к бедрам, вторая согнута в локте и предплечье располагается в районе локтя вытянутой руки (Репный I к7/п17).

На основании вышеизложенных признаков, для всех погребальных комплексов ВДБК, Р. А. Мимоходом была предложена группировка захоронений на 4 обрядовых группы. К определяющим маркерам было отнесено обязательное наличие в захоронении костей МРК и КРС, но в отличие от ДДБК, где на перекрытие выкладывалось целое «чучело» животного, в обряде ВДБК это лишь конечности, либо лопатки. При этом кости расположены внутри могилы, около погребенного. В итоге, обрядовые группы содержали в себе следующие характеристики: ОГ I – погребения в ямах

с северной, северо-восточной и северо-западной ориентировкой. ОГII – ямная конструкция, с восточной ориентацией. ОГIII – захоронения в ямах, но с южными ориентировками. ОГIV – яма с подбоем и северными ориентировками, с отклонениями к широтам (Мимоход, 2014. С. 103). Все погребения ВДБК на территории Нижнего Дона относятся только к ОГI (Рис. 15).

Инвентарь вошедших в исследование захоронений состоит из двух находок. Первая, относится к группе украшений и представлена одной пастовой бусиной (Чир II к2/п1). Вторая находка наконечник кремневой стрелы из комплекса Верхне-Рубежный I к3/п4. В основном ареале ВДБК Р. А. Мимоход выделил самый встречаемый вид инвентаря – керамические сосуды – 11,4% из общего количества (Мимоход, 2014. С.110). Реже встречаются изделия из кости, камня, кремня, раковины, а также украшения и фрагменты бронзовых предметов.

К сожалению, отсутствие костяных пряжек-медальонов в погребениях ВДБК на исследуемой территории, не позволяет соотнести хронологически с периодами ДДБК. На основании данных стратиграфии для кургана 7 могильника Репный I Р. А. Литвиненко соотнес захоронения ВДБК с развитым этапом ДДБК (Литвиненко., 2012). Также усложняет датировку отсутствие каких-либо черт, позволяющих говорить о верхней границе лишь по общим наблюдениям и выводам Р. А. Литвиненко и Р. А. Мимохода, касающимся всего ареала ВДБК. Исходя из этого, существование данного локального варианта бабинской культуры рассматривается в рамках трех этапов IA-IB-IIA ДДБК (Литвиненко, 2012. С. 48). Отсутствие какой-либо информации о существовании ВДБК на двух поздних периодах может быть обусловлено еще не достаточным количеством открытых памятников, а также своеобразным подтверждением теории о продвижении бабинских племен на восток и последующим их смещении покровской культурой в обратном направлении (Литвиненко, 2012. С. 69, 2020. С. 339, Мимоход, 2014. С. 115).

Соседние территории Прикаспия, в период финала средней бронзы, были заняты племенами лолинской культуры, входящей в блок посткатакомбных культур (по Р. А. Мимоходу). Основной ареал распространения лолинской культуры изначально был определен в рамках Северо-западного Прикаспия. Включая Калмыкию, Ставропольский край, Астраханскую и юг Волгоградскую области (Мимоход, 2013. С. 3-4). Лолинская культура в исследуемом регионе представлена наименьшим количеством погребений по сравнению с другими группами финала средней бронзы. В выделенный регион попали лишь два комплекса из основного массива лолинских памятников – Кировский IV и Колдыри. Между этими двумя памятниками довольно большое расстояние. Км Кировский IV находился на берегу левого притока реки Мечетка, а км Колдыри на левом берегу р. Маныч (рис. 1). Оба могильника представлены цепочками насыпей, расположенных на высоких надпойменных террасах, образованных течением рек.

Как и для других культур финала средней бронзы, лолинские комплексы основного ареала представлены одиночными курганами в составе более ранних могильников и самостоятельными скоплениями насыпей (Мимоход, 2013. С. 23). В процентном соотношении следующие показатели: основные захоронения составляют 22%, 2% - с дополнительными досыпками, а остальные были впущены в уже существующую насыпь (Мимоход, 2013. С. 26). В исследуемом регионе погребения Лолы, как и ВДБК, встречены только впускные в более ранние курганы.

Интересующие нас погребения были обнаружены в кургане 7 Кировского IV могильника и кургане 24 могильника Колдыри. Форма погребальной ямы для этих двух погребений одинаковая и представлена подбойно-катакомбной конструкцией. Следует отметить, что в комплексе Колдыри к24/п3 яма была частично разрушена более поздним захоронением и грабительским лазом (рис. 34). Входные колодцы обоих погребений

располагались с юго-восточной стороны. Захороненные помещались под задней стенкой камеры в скорченной позе, головой на север (Кировский IV к7/п2) и на юго-запад (Колдыри к24/п3). Руки были уложены в позу 2 (Колдыри к24/п3) и 1 (Кировский IV к7/п2) по Р. А. Мимоходу (Мимоход, 2013. С. 472, рис. 15). В одном случае прослежены остатки подстилки в виде коричневого тлена (Колдыри к24/п3).

Могильные сооружения основного ареала лолинской культуры были разделены Р. А. Мимоходом на две группы, с соответствующими подтипами. Основой для такой градации был выбран принцип трансформации погребальной конструкции. Такие изменения на прямую взаимосвязаны с хронологическими этапами развития лолинской культуры (Мимоход, 2013. С. 28-29). На основе метода картографирования Р. А. Мимоход выявил взаимоотношение между территориальным расположением и типам конструкций. В исследуемый ареал в основном попадают погребения с подбоем, относящиеся к раннему этапу (Мимоход, 2013. С. 29).

Для лолинской культуры, так же, как и для ВДБК, Р. А. Мимоход выделил обрядовые группы, в количестве 10 штук. Основные маркеры, заложенные в типологию в основном, соответствуют принципам деления обрядовых групп ВДБК. Неизменным фактором, определяющим принадлежность к Лоле, выступает положение захороненного в могиле - скорченно на левом боку (Рис. 41). При наложении остальных признаков: типа могильной конструкции, положения рук и ориентировка погребенного им были сформулированы обрядовые группы со своими индивидуальными характеристиками (Мимоход, 2013. С. 46), которые объединялись по ориентировкам захороненных в общие «традиции». Рассмотренные погребения представлены традициями С и Ю и ОГПБ (Кировский IV к7/п2), VIIIБ (Колдыри к24/п3).

Погребальный инвентарь, обнаруженный в рассматриваемых комплексах, представлен следующими категориями (Рис. 34). Первая это изделия из кости. В обоих комплексах были найдены орудия выполненные из лопатки МРС и КРС. Но при этом, на одном изделии из Колдыри к24/п3 были отмечены следы обработки. Вторая категория погребального инвентаря представлена предметами из бронзы. В км Колдыри был найден обломок узкой, тонкой бронзовой пластины, а в км Кировский было обнаружено изделие, отнесенное Р. А. Мимоходом к скорлупковидным бляшкам первого варианта (Мимоход, 2013. С. 180), овальной формы, с двумя маленькими отверстиями (рис. 34). Схожие предметы встречаются и в комплексах ДДБК на исследуемой территории (Бургуста I к5/п11).

Линии синхронизации с Бабино также прослеживаются и в такой части погребального обряда, как наличие костей животных. По наблюдениям Р. А. Мимохода, именно этот признак сыграл очень важную роль при выделении лолинской культуры (Мимоход, 2013. С. 39). Погребения Лолы, попадающие в исследуемую зону, в большинстве своем, не отражают основных ярких черт ее характеризующих. Например, роговых фигурных пряжек, являющимся общей определяющей финала периода средней бронзы, или целых могильных комплексов, представленных в основном регионе распространения культуры. Отсутствие этих признаков указывает на то, что погребения в исследуемом регионе находились на периферии обитания лолинцев.

2.3. Погребальный инвентарь из комплексов финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

Анализ погребального инвентаря является неотъемлемой частью в исследовании древних культур. Именно на сопоставлении типов предметов их захоронений различных племен эпохи бронзы происходило изначальное выявление линий синхронизации и возможных связей между культурами. На основе сопоставительного метода С. С. Березанской была установлена преемственность между поселениями с многоваликовой керамикой и погребениями, содержащими аналогичные сосуды (Березанская, 1962. С. 6-7). Такой подход в дальнейшем позволил по-новому рассмотреть захоронения в деревянных рамах, отнесенные ранее к срубной культуре и определить их принадлежность к КМК-Бабино (Писларий, 1983. С.17). Благодаря сопоставлению инвентаря из захоронений удалось установить взаимосвязь каменско-ливленцевской культуры с Восточным Крымом и Северным Кавказом (Братченко, 2006), а ДДБК с племенами Центральной Европы (Братченко, 1976, Lytvinenko, 2013, Мимоход, 2021).

Наличие инвентаря в погребениях финального этапа периода средней бронзы явление достаточно редкое. Как не раз было отмечено, именно отсутствие предметов в захоронениях выступает одним из отличительных признаков этого временного промежутка (Березанская, 1979, Берестнев, 2001, Мимоход, 2005, 2013). Так, например, из всех рассматриваемых погребений ДДБК инвентарь отсутствовал в 53% от общего числа. Показатель для всего ареала распространения ДДБК близок к нижнедонскому и составляет 47,7% (Литвиненко, 2006. С. 175). Немного меньшее процентное соотношение характерно для лолинской культуры, где «пустые» захоронения составили 38,4% (Мимоход, 2013. С. 55). Преобладание безынвентарных комплексов отмечено для ВДБК, их численность существенно превышает захоронения с инвентарем – 70,6% (Мимоход, 2022. С. 77). Из 10 известных погребений,

отнесенных к КЛГ, сопутствующие предметы были обнаружены в шести комплексах. Но такая статистика не является достоверной, в виду малой численности захоронений и отсутствия представления об ареале распространения культуры.

Как уже было отмечено, в комплексах ВДБК и Лолы, вошедших в исследуемый регион, были обнаружены только три категории инвентаря – украшения, кремневый наконечник стрелы и орудия из кости. Не разнообразен вещевой набор и из погребений КЛГ, состоящий из керамических сосудов, костяного изделия и бронзового ножа (рис. 35). Наиболее широкий список погребальных предметов, по сравнению с другими синхронными группами, характерен для ДДБК.

Изначально, первые выявленные погребения финала средней бронзы, бабинской культуры, считались «пустыми», так как в основном они были безинвентарны. Типичным предметом погребального инвентаря являлись костяные пряжки-медальоны, разновидности которых стали определяющими для каждого периода существования и всего культурного круга Бабино (рис. 21-23). Зато такой тип инвентаря как сосуды с валиковой керамикой, по которым получила изначально название культура, встречались в захоронениях крайне редко (Круча II, к2/п5). Как уже говорилось выше, горшки богато орнаментированные валиковыми узорами, были обнаружены и на поминальных площадках, оборудованных для основных захоронений, на погребенной почве, в заполнении могилы, либо в межкурганном пространстве (КМ Бургуста I, к6/объект 1). По общим морфологическим признакам и характеру орнамента сосуды схожи с керамикой поселенческих памятников ДДБК - Бабино III, Ливенцовское I (рис. 13). Аналогичное соотношение между горшками из погребений и сосудами из Ливенцовской крепости было описано в главе 2.2.1 (рис. 17).

Керамический комплекс из погребений КЛГ и ДДБК практически не имеют схожих форм. Единственное, что объединяет две культурные группы, как уже было отмечено, это стиль орнаментации на миниатюрных сосудах раннего периода КЛГ и этапов I и II для ДДБК (рис. 16). Орнамент состоит из прочерченных линий, составляющих вертикальные и горизонтальные елочные узоры. Для ДДБК такие сосудики являются определяющими предметами раннего хронологического горизонта. По нашим наблюдениям, такой тип на территории Нижнего Дона встречен исключительно в мужских захоронениях (Ларенок, 2020). Р. А. Литвиненко отмечал распространение таких сосудов преимущественно на территории Днепро-Донской бабинской культуры, а также частично, по некоторым соответствиям, в других локальных вариациях (Литвиненко, 2011. С.114, 120). Практически прямая аналогия к5/п10 КМ Бургуста была найдена в могильнике Губниха 3 (4(11) \10). Захоронение парное, с аналогичным орнаментированным сосудом, костяной пряжкой и кремневым отщепом. Сходство проявляется в стилистике нанесенного орнамента, но присутствует отличительная черта - украшение на горшочке из Голубихи в виде налипных шишечек, по всему ребру (Куштан, 2013. С. 107, рис.58. 1-4). Также, наиболее схожие по орнаментации и форме сосуды были найдены в Багаевском районе, КМ Первая веселовская группа, к34/п10, Самойлово к1/п3 и в погребении 2, кургана №2 могильника Веселый II (рис. 24.3). На развитом этапе ДДБК такой тип миниатюрных сосудиков преобразуется, их форма становится более простой, а орнамент наносится только на верхнюю часть горшка, за исключением сосуда из Почтовый II к1/п9 (рис. 16).

Остальные сосуды из ранних погребений КЛГ представлены округлобкими приземистыми и биконическими формами, украшенными орнаментом, отличающейся от типичной бабинской керамики (рис. 13, 1-4). Горшки второго периода КЛГ, имеют более простые формы, ближе к баночным, с неорнаментированной поверхностью (рис. 14, 4, 8, 9).

Сосуды ДДБК представлены большим количеством форм. Для первого хронологического периода характерным типом является крупный биконический сосуд, именуемый корчагой (Ковалева, 1981. С. 19, 83 рис. 6. 1-б) или позднее «амфоркой» (Литвиненко, 1999. С. 86) (рис. 24.8). Специфической особенностью таких керамических горшков можно считать равнозначный диаметр горла и дна, с наличием достаточно широкого тулова. Термин «амфорка» был предложен Р. А. Литвиненко, на основе анализа схожих форм и их распространению (Литвиненко, 1999. С. 83-86). Позже, ученый предположил, что такой тип сосудов принадлежит к воинским погребениям, подтверждая теорию наличием их исключительно в мужских захоронениях не только с классическими позами «кисти у лица» и вытянутыми руками, но и в расчлененных погребениях, где скелет уложен «пакетом» (Литвиненко, 2020).

Остальной керамический комплекс ДДБК из погребальных памятников состоит из различных по размеру и форме орнаментированных и не орнаментированных сосудов (рис. 25-26). Некоторые из них уже упоминались, при описании хронологических периодов и комплексов, относящихся к ним. Они встречаются в разной степени как в мужских, так и женских захоронениях.

Изделия из кости являются самой распространенной группой погребального инвентаря финала средней бронзы за счет маркирующих период костяных пряжек-медальонов, имеющих культовое значение (Рогудеев, 2001, Литвиненко. 2004). Функциональное назначение изделий в ряде работ было установлено как застежка (Дергачев, 1986. С. 137) и украшение одежды (Березанская, 1982, Савва, 1992). Описание аналогичных изделий из алебаstra, раковины, камня, дерева, с явным культовым значением, Е. Н. Савва отмечает в этнографических источниках (Савва, 1992. С. 136). Противоположное мнение высказывает А. Н. Усачук. Проведя трассологический анализ изделий, ученый определил стертость и сработанность на определенных участках, которые указывают именно на

использование предмета в виде пряжки. При этом, А. Н. Усачук уточняет, что пряжка могла быть не только ременная, но и портупейная (Усачук, 2013. С. 176). Обе теории не исключают друг друга, так как изделие могло носить различный функциональный характер и это же время оставаться культовым или ритуальным предметом (Лысенко, 2011). Ряд определенных сомнений вызывает предположение об использовании колец в виде именно ременных пряжек, о чем неоднократно было написано (Писларий, 1983, Рогудеев, 2001, Литвиненко, 2006).

В исследуемом регионе костяные изделия фиксируются не только для всех хронологических этапов ДДБК, но и для КЛГ (рис. 19-23). Помимо сильноискорченных захоронений, отнесенных в данной работе к КЛГ, схожее изделие было обнаружено в разрушенном погребении п2А Ливенцовского могильника I. Костяной предмет интересно исполнен, по общему виду он схож с медальонами-пряжками типа ПА, но при этом профиль более рельефный, а бортик плавный.

Редкие являются экземпляры костяных медальонов-пряжек ДДБК встречаются на первых двух этапах развития. На паре изделий типа IA были сделаны насечки, на одном по всей поверхности (Шкляр к2/п1) и по краю на другом (Аксайский I, к5/п1). В одном случае сбоку на пряжке-медальоне первого периода проделано второе отверстие небольшого размера (Соколовский к5/п12). Как известно, дополнительные отверстия характерны для изделий этапов IIБ и III. В редких случаях пряжки медальоны типа IIБ дополнялись еще одной маленькой дырочкой. На некоторых изделиях одно из отверстий сломано, но дублирующее не проделано (Федоровка II к1/п10).

Пряжки-медальоны встречаются не только во всех группах культурного круга Бабино, аналогичный предмет был обнаружен в дольмене №37 на Дегуакской поляне, у ст. Даховской (Марковин, 1978. С. 129, рис. 66,7). Период существования изделий также не ограничивается периодом финала средней бронзы. В захоронениях на территории Приазовья и Нижнего Дона, относящихся к среднему бронзовому периоду, были выявлены аналогичные

кольцевые роговые изделия (Рогудеев, 2001. С. 107, Санжаров, 2003. С. 242, Литвиненко, 2004. С. 283). Костяные изделия из катакомбных комплексов различны по своим размерам и сечению. Большинство предметов отличаются от пряжек-медальонов большим внутренним отверстием и тонким сечением, но некоторые из них схожи по форме. Так, одно из изделий, найденное в погребении донецкой группы, КМ Аглицкий I, по профилю и внутреннему уступу отдаленно напоминает пряжки-медальоны типа ПА ДДБК (по Р. А. Литвиненко).

Интересной категорией украшений из кости являются каплевидные подвески. На исследуемой территории их найдено две штуки, одна в мужском захоронении Красный IV к12/п7 (рис. 33, 1), другая относится к женскому захоронению в могильнике Аксайский-2012 к1/п2 (рис. 56).

Изделия из кости также представлены игральными костями, сделанными из бараньих и овечьих астрагалов. Они встречаются в погребениях обоих полов и всех возрастных групп. Количество астрагалов в захоронениях может варьироваться от одной штуки (Самарский II, к2/п6), до целых игровых наборов – Манычский I, к1/п13 – 31 штука, Четыре брата II, к12/п10 – 36 штук. В редких случаях удается проследить стертость краев на костях, преимущественно, с одной стороны, у всех в наборе (Теплый, к1/п5). Наличие такого типа инвентаря в погребениях ДДБК можно интерпретировать как одно из прижизненных увлечений покойного и особую значимость для него этих вещей.

Орудия, сделанные из кости, являются редкой находкой в погребениях ДДБК и зачастую входят в состав производственных наборов, вместе с черешковыми выпрямителями для стрел (Александровский к1/п49). Уникальной находкой не только для Нижнего Дона, но и для всего ареала культур посткатакомбного блока является костяное пряслице из суставной кости быка, найденное в комплексе Аксайский I к1/п2. Для ДДБК это лишь второй случай нахождения такого типа изделия. Более распространены

костяные пряслица в лолинской культуре и памятниках эпохи бронзы Кавказа (Мимоход, 2013. С. 94-95).

Изделия из камня редки и в основном составляют каменные топоры-молотки и орудия (рис. 31А). В большем количестве представлена кремневая индустрия, состоящая из обломков стрел, либо ножей, отщепами, реже целыми стрелами (рис. 30). На исследуемой территории было обнаружено мужское погребение мастера - Российский II п8 (рис. 31). Производственный набор находился под берцовыми костями левой ноги. Он состоял из 27 кремневых нуклеидных обломков и отщепов, сложенных в кожаный мешочек, от которого остались следы темно-коричневого тлена. Интересно то, что часть отщепов совпадают со сколом на нуклеидных обломков (частичный ремонт).

Исключительно женская группа инвентаря включает в себя различные украшения (Приложение 6, рис. 27): бусы из сердолика и раковин, двурожковые, трехрожковые и цилиндрические пастовые бусы, сверленные клыки собаки, ожерелье из трубочек-пронизей выполненных либо из бронзы (Бургуста I, к5/п11), либо из кости (Высочино VII, к14/п3), биспиральные или очковидные подвески (Бургуста I, к5/п11, Чикмари II, к1/п3, Ребриковка II, п4, Шахтерск к1/п1). Женские украшения фиксируются как в единственном экземпляре (Нижнедонские частые курганы, к20/п6), так и целыми комплексами, с различными комбинациями (Бургуста I, к5/п11, Ребриковка II, к1/п7, Озерки I, к17/п1).

Другие категории металлических изделий характерны не только для женских захоронений, но встречаются еще реже, чем очковидные подвески (рис. 28). Всего в погребениях региона исследования зафиксировано десять видов бронзовых предметов: очковидные подвески, трубочки-пронизы, нашивные диски-бляшки, витые кольца, бусины, шейные гривны, шилья, пластины, скрепки-проволоки для деревянной посуды и изделий из дерева, ножи. Малое количество бронзовых вещей во всех погребениях бабинской культуры свидетельствует об уменьшении использования рудников, по

сравнению с прошлой катакомбной культурой (Бровендер, 2016). Такое явление может быть связано с ухудшением общей климатической обстановке в регионе, о чем свидетельствует небольшое количество литейных форм и заготовок (Бровендер, 2016).

В комплексах реже чем остальные предметы из металла, встречаются нашивные диски, или бляшки, небольшие по размеру, округлой формы с небольшим отверстием по центру (рис. 28.1). В комплексе Бургуста I к5/п11 они были зафиксированы вместе с пастовым цилиндрическим бисером на черепе захороненной. Такое расположение позволило интерпретировать находки как расшивку головного убора – шапочки, либо повязки (Ларенок, 2018, 2019). Бронзовые бляшки не являются исключительно женским инвентарем, они встречаются и в мужских погребениях. Но, к сожалению, в ряде случаев бляшки удается лишь зафиксировать в полевых условиях. Из-за своих небольших размеров и недостаточной толщины, нашивные диски не выдерживают длительного нахождения в земле и при изъятии из могилы рассыпаются (Хапры-79, Ясиновский III).

В состав погребального инвентаря мужских захоронений входит следующий вид бронзовых изделий – шейная гривна (рис. 28, б). Р. А. Литвиненко отмечал, что гривны маркируют не только половую принадлежность погребенного, но и составляют одну из определяющих раннего периода бабинской культуры (Литвиненко, 2006). Распространены изделия по всему ареалу культурного круга Бабино. На данный момент известна одна гривна на Нижнем Дону в КМ Гать III, к16/п5.

В небольшом количестве в исследуемом ареале также представлены бронзовые шилья. Одно из них найдено в парном погребении КМ Мокрый IV к1/п9 (Рис. 27, 10). Не многочисленны и находки металлических ножей, составляющие всего 6 штук из всей выборки.

В погребениях ДДБК зачастую находят мелкие обломки и фрагменты изделий, полностью не сохранившихся до наших дней. В некоторых случаях прослеживаются только следы окислов бронзы на грунте (Верхне-Чирский II,

к2/п12). Сохранившиеся фрагменты основном представлены либо небольшими частями колец (Новолакедемоновка, п13), либо тонкими пластинками (Чикмари II, к1/п3) (рис. 27. 1).

Еще один предмет инвентаря, изготовленный из металла, это бронзовые скобы, или скрепки (рис. 29). Изделия бывают разных размеров и форм. Но объединяет их одно функциональное значение – скрепление деревянных предметов. Исходя из этого, их можно разделить на два типа. Первый, это скобы небольших размеров, используемые на деревянных сосудах. В частых случаях от деревянной посуды оставался лишь фрагмент, скрепленный скобой, либо только сами скобы (КМ Комаров II, к13/п2, Хапры-87, к7/п15). Второй тип — это широкая проволока, опоясывающая деревянные или берестяные шкатулки. Наиболее сохранившаяся такая коробочка была найдена в КМ Кузнецовский II, к1/п3 и реконструирована графически (рис. 29). Аналогичные предметы, но более плохой сохранности присутствовали еще в двух комплексах – Поляков, к4/п2 и Западный III, к2/п3.

Инвентарный комплекс погребений финала средней бронзы имеет ряд схожих предметов с предшествующей катакомбной культурой. Связь смежных периодов прослеживается в схожей орнаментации сосудов и наличии таких изделий как бронзовые украшения и костяные пряжки-медальоны. Постепенно, к этапу ПКБ III (по Р. А. Мимоходу), разнообразие инвентаря угасает, исчезают предметы из бронзы, камня, кости, в погребальном наборе остаются лишь редкие сосуды и овальные пряжки-медальоны.

2.4. Общие выводы по исследованию погребального обряда племен финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья.

Анализ погребального обряда представленных культурных групп на исследуемой территории позволил раскрыть несколько существенных отличий и особенностей, обусловленных региональной спецификой.

В первую очередь, на основе сравнительно-сопоставительного метода были выделены погребения, связанные с возникновением и ранним этапом существования Ливенцовской крепости (рис. 13). Также приведены пара захоронений с аналогичным типом инвентаря, обнаруженным в укреплении, датирующихся позднекатакомбным периодом. Полученные результаты позволяют наметить относительную дату появления форпоста в низовьях Дона поздним катакомбным периодом.

Погребения, совершенные во рву крепости соотносятся с периодом ПКБ II и определяют финальный этап жизни памятника. По аналогии погребального обряда и инвентаря в исследуемом регионе отмечено 7 схожих комплексов (рис. 14А). Наличие в них таких типов инвентаря как костяные пряжки-медальоны и кремневые наконечники стрел идентичные ливенцовским, подтверждает связь погребений с КЛГ.

Для культурных групп финала средней бронзы на исследуемой территории удалось проследить несколько сходств и различий каждой из них. Так, например, для погребального обряда ДДБК характерно использование дополнительных надмогильных конструкций из дерева и камня. В синхронных же культурных группах отмечается использование дерева только для ВДБК, в виде перекрытия могильной ямы (Репный I к7/п5). Для погребений лолинской культуры, на исследуемой территории, не характерно использование каких-либо материалов для могильных сооружений.

Таким образом, можно отметить, что для ДДБК, в отличие от других синхронных культурных образований, характерны сложные надмогильные конструкции, меняющиеся на протяжении всего финала средней бронзы. При этом, на раннем этапе отмечено широкое использование деревянных конструкций, отличающихся по своей сложности и манере исполнения (Бургуста I к5/п11, Молодогвардейский к2/п3, Николаевка к1/п8), которое постепенно исчезает на развитом этапе и полностью отсутствует в финальном. При этом, во II-м хронологическом периоде на смену дерева постепенно приходит камень. Общее число захоронений с камнем в архитектуре было минимальным на раннем этапе (Хапры-79 к1/п32, Чикмари II к1/п4) и достигает своего пика в развитом периоде (Кисилев II к3/п17-18, ТЭЦ-2 к5/п3, Мухин I к5/п3). Некоторые из погребальных комплексов ДДБК в рамках одного могильника сохраняют устойчивую традицию применения того или иного материала. Так, например, в КМ Кисилев II, Ясиновский III и Репный I фиксировалось использование в надмогильном сооружении как дерева, так и камня. Иная ситуация сложилась в КМ Кузнецовский II, Бургуста I и Молодогвардейский, где в погребальной архитектуре применялось только деревянные материалы.

Еще одной чертой, как обобщающей культурные традиции, так и индивидуальной для каждой является положение погребенного в могиле. Для всего финального этапа периода средней бронзы характерна скорченная поза. В зависимости от культурной принадлежности варьируется угол скорченности ног, положение рук и ориентировка головой по сторонам света. Выделение по этим признакам обрядовых групп стало возможно для ДДБК, ВДБК и Лолы. Небольшое число погребений КЛГ, к сожалению, не позволяет провести классификацию такого рода. Тем не менее, для КЛГ группы были определены основные параметры погребального обряда, на основании которых из общего массива памятников финала средней бронзы были выделены схожие комплексы.

Также важной составляющей хронологического периода является инвентарный комплекс. Наличие в погребениях такого типа изделий как костяные пряжки-медальоны, является основной чертой, связывающей погребения в рамках одного культурного круга и всего периода в целом. Такие изделия из кости встречаются во всех культурных группах, отличаясь по форме и, вероятно, использования в быту и погребальном обряде. На основе морфологического анализа пряжек-медальонов подтверждены линии синхронизации и взаимодействия племен финала средней бронзы с территориями Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Контакты с данными регионами прослеживаются и в других формах инвентаря – бронзовых подвесках, двух и трех рожковых пастовых и сердоликовых бусинах для ДДБК и Лолы, и в стиле орнаментации для сосудов КЛГ и гинчинской культурой. Отделяет ДДБК от синхронных культурных групп на изучаемой территории наличие в женских погребениях очковидных подвесок. Такой тип инвентаря имеет аналогии с племенами Северного Кавказа (Гинчинская культура), северо-восточных групп (Фатьяновская, Абашевская).

Следует отметить, что выделенные признаки являются не только характерной чертой финального этапа периода средней бронзы для Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, но и имеют широкое распространение даже в таких отдаленных регионах, как Центральная Европа и Закарпатье (Lytvynenko, 2013). Наличие общих черт погребального обряда на столь обширной территории может свидетельствовать об общих или схожих культурных и религиозных традициях этого периода (рис. 36). Распространение было бы невозможно без установления контактов между культурами и их товарным обменом.

ГЛАВА 3. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО- ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ.

Поселения финала средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья представлены в гораздо меньшем количестве, чем погребальные комплексы (рис. 1). Тем не менее, памятники обладают своими особенностями, которые позволяют дополнить изучение культурогенеза исследуемого периода. Поселенческие комплексы представлены двумя типами и относятся к трем культурными группам. Первый тип – поселения ДДБК, к настоящему времени известно десять пунктов, а также одно поселение со слоем многоваликовой керамики, предположительно отнесенное к ВДБК. К возможным поселениям причислены также места сбора подъемного материала, на которых были обнаружены фрагменты характерной валиковой керамики (рис. 1). Второй тип – это фортификационное укрепление, представленное Ливенцовско-Каратаевской крепостью каменско-ливенцовской культурной группы. Материалы из раскопок поселения Лагутник в дельте реки Дон схожи с древностями КЛГ и на данном этапе сопоставимы с находками на территории крепости. Следует отметить, что поселения лонинской культуры не представлены в исследуемом регионе (Мимоход, 2013, 2022).

Неотъемлемой частью исследования являются поселения, расположенные по берегам Северского Донца и такие эталонные памятники финала средней бронзы, как Бабино III и Проказино (рис. 46, 60). Связующими северодонецкие и нижнедонские комплексы выступают такие поселения, как Закатное, Россошь II, Трехизбенки и Капитаново. Особое значение для понимания процессов взаимосвязи культурных групп в исследуемом временном промежутке, имеет культурогенез каменской культуры Восточного Крыма, непосредственно связанной с Ливенцовско-Каратаевской крепостью Нижнего Дона.

Анализ имеющихся данных позволил составить более полное представление о процессе расселения племен финала средней бронзы, а также установить взаимосвязь рассмотренных памятников: выявить общие черты в топографии и планиграфии поселений, их керамическом и общем материальном комплексе.

Также для сравнительного анализа в работе учитываются материалы поселений Северного Причерноморья, расположенных на полуостровах Тамань и Крым, а также Северного Кавказа. Сопоставление данных нижнедонских, северодонецких и причерноморских поселений выявило ряд отличий и схожих признаков. Всё это, наряду с погребениями, существенно дополнило сведения о процессе культурогенеза на финальном этапе периода средней бронзы.

3.1. Поселенческие комплексы днепро–донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья.

Открытие поселенческих памятников ДДБК на территории Нижнего Дона в 60-х годах 20-го века имело ключевое значение в понимании распространения культуры (Братченко, 1969, 1976). В последующие годы ростовскими учеными были проведены разведки по берегам реки Дон, в результате которых удалось собрать подъемный материал, представленный фрагментами керамики с характерным валиковым орнаментом. В своей работе 1976 года С. Н. Братченко отмечает 16 таких памятников археологии: – Ливенцовка I, V, VI, Каратаево, Гниловская, бугры II, III, VII (дельта Дона, дюны), Усть-Койсуг (в низовьях Дона), Донской, ст. Бессергеновка, Соленовская, оз. Суслово, Верхнекурмоярская, оз. Подовское, Потайновский, Жуков (на левобережье, близ Цимлянска), Ляпичев (около известного срубного поселения в излучине Дона) (Братченко, 1976. С. 108-109). За последние 25 лет археологических исследований на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье список поселенческих памятников ДДБК существенно пополнился. Расположены комплексы преимущественно в юго-западной и северо-западной областях исследуемого региона, на высоких береговых террасах рек (рис. 1). Древности ДДБК составляют на некоторых памятниках мощные стратиграфические слои с керамикой и другими изделиями, но зачастую, это всего лишь единичные находки небольших фрагментов сосудов с налепными валиками (рис. 45).

Несмотря на возросшее количество поселенческих памятников ДДБК, наиболее исследованным в регионе, остается поселение Ливенцовское I, открытое С. Н. Братченко (рис. 37). Дополнением к работам С. Н. Братченко стали научные изыскания, проведенные к западу от крайнего IV раскопа, в 2021 году под непосредственным руководством автора (Ларенок, 2021). Поселение Ливенцовка I, благодаря своей информативности, считается локальным эталонным памятником, наравне с Бабино III. Сходство этих двух комплексов отмечается не только в инвентарной составляющей, но и выборе

поселенцами места расположения для обитания – на высоком берегу реки. Такая характерная черта прослеживается и на остальных памятниках со слоями ДДБК как на исследуемой территории, так и по всему ареалу распространения культурного круга Бабино.

Аналогичная картина наблюдается и на Северском Донце. По наблюдениям С. Н. Санжарова, почти 80% исследованных бытовых памятников располагаются на надпойменных террасах рек и озер, чаще с локализацией на высоких мысах с пологими спусками. Обязательным фактором выступает наличие по близости ручьев с пресной водой. Остальные 20% занимают невысокие всхолмления и возвышенности рядом с ручьем. (Санжаров, 2010. С. 249). Выбор таких участков для не случаен, так как расположение на возвышенности обеспечивает контроль над окружающим пространством, а нахождение около водоема позволяет обеспечивать все необходимые нужды поселенцев – питье, гигиена, ведение домашнего хозяйства и ремесла. Как отмечает С. Н. Санжаров, использование именно таких мест для поселения обеспечивало водное снабжение и безопасный спуск домашнего скота в пойму для выпаса (Санжаров, 2010. С. 249).

Для большинства поселений Северского Донца и части нижнедонских комплексов (Ливенцовка I, Закатное, Россошь II и Раздорское) характерна классическая схема расположения слоев, в которой ДДБК занимает место между катакомбными и позднебронзовыми древностями. Исключением являются три поселения, в материалах которых отсутствует предшествующий бабинскому катакомбный слой (Ягодинка II, Малая Сопка I и Вареновка). Пласт позднего бронзового века на этих памятниках представлен сабастиновскими или срубными древностями, с типичной керамикой и иногда каменным домостроительством. Аналогичное соотношение финально- и позднебронзовых слоев характерно для всех поселений Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Разница между ними состоит лишь в том, что материалы из верхних пластов могут относиться к сабастиновской (Ливенцовка

I, Вареновка), срубной (Россошь II, Малая Сопка I), белозерской или несколькими культурами периода поздней бронзы сразу (Ягодинка II, Раздоры).

Такая взаимовстречаемость не случайна и вполне может говорить не только о выгоде расположения используемого места, но и о возможной родовой преемственности племен. По наблюдениям И. Т. Чернякова, применение камня в постройке жилища также может являться косвенным признаком взаимосвязи с более ранними культурами. Использование именно этого материала в соответствующем контексте объединяет архитектуру на всем протяжении от финального этапа средней до периода поздней бронзы, в степной зоне Северного Причерноморья (Черняков, 1985. С. 26).

Для памятников Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья выявленная взаимосвязь не всегда актуальна. Даже на эталонном поселении Ливенцовское I, отмечены различные приемы в домостроительстве. В период поздней бронзы при строительстве построек использовался камень, а в предшествующий бабинский этап, жилища имели более легкую конструкцию, от которой остался только котлован и очажная яма посередине (Братченко, 1963, 1969. С. 217, 220-221, 1976). Вполне вероятно, что такая особенность может быть связана с наличием верхнего сабашиновского пласта, перекрывшего бабинские древности и не оставившего следа от прежней архитектуры жилища.

Слой Ливенцовки I с бабинской керамикой имел свои особенные характеристики, выделявшие его из остальных напластований. Грунт представлял собой пыльно-золистую структуру, с отдельными прослойками золы, мелких камней, костей рыб и чешуи, раковин *Unio*, фрагментами керамики (Братченко 1969. С. 211, 1976. С. 111). На дне котлована постройки были зафиксированы части большого сосуда, украшенного многоваликовой орнаментацией, обломок каменного топора, кремневые наконечники стрел, вкладыши, различные изделия из кости (рис. 37). Общая площадь раскопа с открытыми бабинскими древностями на Ливенцовке составила около 180 м² с наибольшей концентрацией около жилища (Братченко, 1976. С. 111). Одним

из главных отличий слоя ДДБК поселения являются найденные остатки рыб, в виде костей и чешуи. Аналогичные свидетельства употребления рыбы поселенцами фиксировались и в ранних слоях, но при этом полностью отсутствовали в верхнем позднебронзовом пласте (Братченко, 1969).

Наибольшее количество находок составляет керамический комплекс. Он был разделен С. Н. Братченко на три отдела, основанных на разной форме сосудов: 1 – короткошейные горшки со слабовыделенной шейкой и боками; 2 – сосуды с выраженной высокой шейкой, стройных пропорций; 3 – миски – небольшие сосуды в форме усеченного конуса, со слабо выгнутыми стенками, с округленным краем, без бортика. Второй отдел подразделялся на две группы по изгибу горла – горшки с прямой или слегка выгнутой и с резко отогнутой раструбной шейкой. Кроме того, выделялись сосуды с орнаментом и без него. Два первых отдела объединяла общая манера украшения горшка, характерная для бабинской традиции и встречающаяся повсеместно. Более редкой была форма третьего отдела - миски. Они практически все не имели орнамента. Только на одном фрагменте на боковой части находился вертикальный налест, слегка выступающий за край сосуда (Братченко, 1976. С. 111-115).

Обобщающим признаком для всех выделенных категорий был состав теста горшков. Глина, из которой они были изготовлены, содержала примеси в виде речного песка и мелкой дробленой ракушки, в некоторых случаях известняка. Еще одно важное наблюдение, отмеченное С. Н. Братченко, касалось применения техники заглаживания поверхности сосудов, от которой оставались царапины по всей поверхности. Такой признак ученый считал характерным для Бабино и отделяющим от керамики других культур, наряду с многоваликовой орнаментацией (Братченко, 1976. С. 111-112).

Принадлежность к бабинской культуре Ливенцовского поселения заключалась не только в керамическом комплексе (рис. 59-60). Находки из камня составляли небольшую часть коллекции, но были представлены обломками топоров, пестов и терочников, типичных для финального этапа периода средней бронзы. Аналогии топоров были отмечены С. Н. Братченко

не только на поселении Бабино III, но и на памятниках по течению рек Северский Донец, Дон, Днепр (Братченко, 1976. С. 115). В составе находок из кремня отсутствовали такие традиционные орудия для бытовых памятников как скребки и ножи. Основная масса кремневой индустрии состояла из отщепов, наконечников стрел и единичной находки вкладыша серпа.

Изделия из кости, найденные на поселении, в основном относились к категории орудий и включали следующие типы предметов: остря, ложила, трубочки. В единственном числе был найден фрагмент округлой заготовки под пряжку – медальон, изготовленный из стенки крупной трубчатой кости. По центру изделия заметны следы начатого и не оконченного сверления, которое по все видимости привело к поломке диска. (рис. 37, 1). В количестве 8 штук были найдены костяные трубочки разного размера, с отполированной поверхностью и ровно или наискось срезанными концами (рис. 37, 2). На одном экземпляре С. Н. Братченко отмечал внутреннюю расточку, что по мнению ученого, свидетельствует о прямом назначении предмета в качестве рукояти ножа, либо других металлических инструментов (Братченко, 1976. С. 116).

Не представлены в материалах слоя ДДБК Ливенцовского I изделия из металла и предметы для выплавки и переплавки бронзы (Братченко, 1976. С. 116). Отсутствие таких типов инвентаря может быть связано как с трудностью добычи металла в период финала средней бронзы, так и с доминированием других ремесел у поселенцев.

Полное отсутствие металлических предметов и изделий из камня и кости на поселениях Бабино не единичный случай. На большинстве памятников слой ДДБК представлен только фрагментами керамических сосудов.

Аналогичный состав инвентаря, состоящий из фрагментов керамики с валиковым орнаментом, был обнаружен на поселении Вареновка. Памятник располагался на береговой террасе реки Самбек к югу от одноименного села. В 2007 году была исследована достаточно большая территория, которая была поделена на 3 раскопа (III, IV, V). На всех трех участках фиксировались

материалы позднего периода бронзы, представленного сабастиновской культурой, перекрывавшиеся средневековыми древностями. Во втором и четвертом слоях раскопов III (рис. 39) и IV (рис. 40) встречались фрагменты сосудов финального этапа средней бронзы. Поскольку в поздний период бронзового века участок застраивается каменными сооружениями, слой с многоваликовой керамикой был практически уничтожен.

Иная ситуация сложилась на западном раскопе V. Сохранившийся небольшой участок с бабинскими древностями удалось проследить в южной части исследованной площади, около траншеи под электрокабель (рис. 38). Остальная часть поселения была застроена сабастиновскими жилищами с каменными кладками. На этих участках бабинская керамика была представлена единичными фрагментами, начиная со второго слоя и заканчивая четвертым (рис. 40). К сожалению, поселение было исследовано не полностью, о чем свидетельствует насыщенный слой с валиковой керамикой, в южном секторе раскопа.

Инвентарный комплекс ДДБК с поселения Вареновка представлен фрагментами сосудов, украшенных валиковой орнаментацией (рис. 39-40). К сожалению, не было обнаружено ни одной целой формы или частей, поддающихся графической реконструкции. Керамическая коллекция состоит из стенок сосудов, верхних профильных частей и фрагментов нижних частей. По всей видимости, это были достаточно высокие и большие сосуды, во многом схожие с материалами Ливенцовки I и других бытовых памятников (рис. 46, 60). Внешняя поверхность черепков серо-коричневого цвета, в изломе от темно-коричневого до практически черного оттенка. Орнамент составляют несколько рядов налепных валиков, сверху украшенных рассеченными пальцево-ногтевыми вдавлениями, либо треугольных в сечении без узора.

Валиковую орнаментацию керамики можно разделить на два типа, в зависимости от характера самих валиков, а также способа их нанесения. Первый тип, это тонкие треугольных в сечении валики, не имеющие какого-либо дополнительного украшения. Второй - более широкие и покатые валики,

украшенные ногтевыми, либо пальцевыми вдавлениями, образующими аккуратные ямки.

Комбинации узоров также можно разделить на три группы (рис. 54). Первая – прямые параллельные ряды, либо один ряд, валиков обоих типов. Могут располагаться под венчиком и занимать все пространство сосуда (рис. 39, 4-7, 40, 3-9). Вторая – наклонные параллельные линии, расположенные на стенках горшков (рис. 39, 1). Третья – к основной горизонтальной линии примыкает наклонная или прямая линия, в виде прочерченного углубления, либо валика (рис. 39, 2-3, 40, 2).

На ближайшем расстоянии от поселения Вареновка находится несколько мест сбора подъемного материала, среди которого встречаются фрагменты керамики ДДБК (рис. 45). Все пункты сбора подъемного материала, расположены по берегам реки Самбек, впадающей в Таганрогский залив. Сборы материала были проведены П. А. Ларенком, при исследовании средневекового памятника Самбек в 70-х годах прошлого века. Находки представлены первой разновидностью налепных валиков, образующих простую комбинацию параллельных рядов. При картографировании таких мест создается общее представление о возможном расселении, либо продвижении племен ДДБК (рис. 1). Дополняют и подтверждают такую гипотезу пункты сбора с валиковой керамикой, отмеченные С. Н. Братченко (Братченко, 1976. С. 108-109). В результате, выстраивается линия, протянувшаяся по северному побережью Таганрогского залива, с запада на восток, включая Ливенцовское поселение, и уходящая выше по течению реки Дон (рис. 1). Есть пункты сбора подъемного материала к югу от этой условной линии в дельте Дона, а также уже на исследованном там поселении Лагутник. Следует отметить, что на последнем памятнике обнаружены материалы близкие именно к материалам Ливенцовской крепости, нежели к поселению Ливенцовка I (Ларенок, 2019).

На более отдаленном расстоянии к востоку, находится еще один сложный комплекс с хорошо сохранившимся слоем ДДБК, протянувшийся по

берегам реки Кадамовки, относящейся к системе правых притоков низовий р. Дон (Ягодинка I, II, III, IV). Изначально исследования проводились на поселении Ягодинка II (Цыбрий, 2009. С. 160-165). Памятник занимает мысовидный участок первой надпойменной террасы левого берега реки. Позднее, были исследованы поселение Ягодинка III и IV, на противоположном правом берегу, в инвентарном комплексе которых также присутствует керамика ДДБК. В настоящий момент материалы с этих двух комплексов находятся в стадии обработки и подготовки к включению в отчет (раскопки А. А. Орленко). Исходя из того, что в слоях памятников Ягодинка II, III и IV были найдены фрагменты сосудов с валиковой орнаментацией, можно предположить, что по берега реки Кадамовка в финальный этап периода средней бронзы были плотно заселены, также как и бассейн соседней более крупной реки Северский Донец (Санжаров, 2010).

Комплекс Ягодинка II располагался на площадке мыса, плавно повышающейся с запада на восток. С запада и юго-запада естественной границей площадки служит берег реки Кадамовка. Общая площадь раскопа составила около 10000 кв. м (рис. 41). На поселении были зафиксированы слои, относящиеся к эпохе энеолита, финала средней бронзы, срубной, сабатиновкой, белозерской культур и средневековья: горизонты с бабинской керамикой перекрывались остатками крупных построек позднесабатиновского периода. Кроме того, зафиксирован промежуточный срубный слой с остатками жилищ, скоплениями костей и фрагментов керамики (Цыбрий, 2009. С. 160-165, 2011. С. 101-108).

Планиграфия материалов, относящихся к бабинской культуре, показала их местоположение на территории памятника (рис. 41). Основная концентрация находок тяготеет к северной части раскопа с наибольшим скоплением в северо-западной части участка 2 и северо-восточной зоне участка 1. Наименьшая часть материала неравномерно распределена по третьему участку раскопа, без какой-либо определенного места скопления. Следует отметить, что юго-восточная сторона участка 1 совсем не содержала

находок, относящихся к данному периоду, но именно в этом секторе раскопа были выявлены самые большие постройки эпохи поздней бронзы. Похожая ситуация была прослежена на поселении Вареновка, рассмотренном выше, где часть с ранним бабинским слоем осталась практически не тронутой, а сабашиновские сооружения располагались севернее. Но в отличие от Вареновки, где и в пластах с позднебронзовыми находками попадались фрагменты бабинской керамики, на юго-восточной стороне участка 1 Ягодинки II были найдены только позднебронзовые древности (рис. 41).

Иная ситуация наблюдается в северной части раскопа Ягодинки II. В квадратах, с наибольшей концентрацией находок Бабино, часть слоя была перекрыта более поздней срубной постройкой, от которой остался только котлован, частично перекрытый позднесабашиновской большой землянкой. Находки в этом месте единичны, но все же присутствуют, в отличие от юго-восточной стороны участка 1. Таким образом, можно определить основной сектор заселения бабинских племен на данной исследованной территории поселения (рис. 41). Но, при этом, раскрыт был не весь участок с древностями финала средней бронзы, о чем свидетельствуют следующие факты. Первое, это концентрация материалов, тяготеющая к определенному участку. И второе, что котлован одной из срубных построек был изучен частично (Цыбрий, 2011. С. 102). Часть его находилась за северным бортом раскопа и доследована не была (рис. 41). Таким образом, открыта лишь часть поселения со слоем бабинских древностей, и, соответственно общая площадь бабинской части не может быть определена, как и в случае с Вареновкой.

Тем не менее, найденное количество материала является достаточным, для проведения анализа и выявления общих характеристик, присущих данному комплексу. Находки, относящиеся к периоду финалу средней бронзы, представлены фрагментами керамических сосудов (рис. 42). Основная масса состоит из обломков стенок сосудов, в меньшем количестве были обнаружены верхние и нижние профильные части. Черепки с внешней стороны от желтовато-коричневого цвета до темно-серого, с внутренней – зачастую

темно-серые, реже серовато-коричневые, на изломе – темно-серые или черные. Обжиг неравномерный, пятнистый, некоторые фрагменты сильно обожжены, иногда попадаются сильно заизвесткованные части сосудов. Тесто грубое, рыхлое или средней плотности, с примесью мелкого окатанного песка и мелкодробленой известковой дресвы.

Все без исключения фрагменты украшены узором в виде одного или нескольких рядов налепных валиков, обоих типов, как и на поселении Вареновка (рис. 42).

Группы орнаментов, образованных налепными валиками, разнообразнее, чем на поселении Вареновка. Всего выделено 6 групп, состоящих как валиков одного, так и обоих типов, объединенных вместе в сложные узоры (рис. 60). Первая группа представлена одним или несколькими горизонтальными рядами налепных валиков, относящихся только к одному из выделенных типов. Встречается эта комбинация в основном на стенках сосудов, иногда по широкой части горла, либо под венчиком. В некоторых случаях одна линия проходит под венчиком, а вторая – по широкой части горла (рис. 42, 10-12, 16).

Вторая группа комбинации узоров также состоит из нескольких рядов налепных валиков, но отличается их наклонным расположением. Может состоять как из нескольких полос одного типа, так и в сочетании обоих, нанесенных на стенки горшков (рис. 42, 1, 2). Третья группа представляет более сложные узоры, сложенные из валиков второго типа, когда несколько рядов наклонных рядов, примыкают к основному, идущему под венчиком налепу (рис. 42, 6, 18).

Еще две комбинации представлены другими геометрическими орнаментами. Четвертая группа состоит из соединенных в угол, под разными градусами, валиками. Может сочетать в себе, как только второй тип валиков, так и быть дополненной первым и образовывать несколько рядов узора (рис. 42, 3, 9, 15). Чаще располагается на стенках от широких частей сосудов, реже на верхних частях. Пятая комбинация аналогична предыдущей, но отличается

тем, что состоит только из валиков второго типа и имеет только один ряд, образующий угол (рис. 42, 5, 7). Последняя группа представлена узором из наклонной линии и соединенных между собой налепов, угол которых сглажен. Располагается этот узор на нижней преддонной части сосудов, вплотную примыкая к ранту горшка (рис. 42, 8-9).

Описанные комбинации орнамента на сосудах комплекса Ягодинка II полностью соответствуют бабинскому времени. Они широко представлены как на поселениях, так и на поминальных площадках, сопутствующих захоронения в курганах (рис. 60). Характерные валики, образующие нередко сложные группы узоров, без исключения являются своеобразной визитной карточкой культуры и отличаются от, казалось бы, схожих на первый взгляд, валиков более раннего катакомбного и более позднего сабатиновского периодов.

Рассмотренные поселения и материалы финала средней бронзы, не вызывают каких-либо сомнений в определении как их культурной составляющей, так и принадлежности к бытовым комплексам. Включенный в работу памятник Малая Сопка I, при его археологическом открытии, вызвал ряд вопросов, касательно его функционального назначения. В отчете А. И. Юдин определил памятник, как культовый комплекс, но с условием дальнейшего уточнения его типа. Причиной возникновения споров о данном памятнике стали загадочные конструкции, вырытые в грунте – ровики, зафиксированные на всем участке с некоторым отдалением друг от друга. При этом, самый ранний пласт относится к бабинской культуре, а ровики были впущены в слой погребенной почвы и поэтому отнесены к тому же периоду времени. Для ответа на этот вопрос следует проанализировать все имеющиеся материалы с поселения и сопоставить с уже исследованными комплексами.

Памятник Малая Сопка I расположен в левобережной пойме реки Аюта и занимает ее надпойменную возвышенность. С южной, западной и восточной сторон место окружено понижающимися участками, которые затапливаются в весенние периоды. Общая локализация памятника вполне соответствует

критериям подбора места обитания древним населением финала средней бронзы. В последующие археологические периоды участок не потерял свою актуальность. Дальнейший жизненный цикл, после бабинских племен, был продолжен в эпоху поздней бронзы, о чем свидетельствуют находки срубной керамики. Финальный этап существования поселения связан уже со средневековьем. Следует также отметить, что был исследован не весь участок поселения, размер изученной площади составил 10000 м² (рис. 43).

Одним из маркеров, определяющих памятник как поселение, является наличие свидетельств о жилых и бытовых постройках в виде котлованов, следов очагов или хозяйственных ям. В отсутствии этих пунктов основным фактором, указывающим на заселенность в древности определенного участка, предстает инвентарный комплекс. В таком случае, вероятнее всего предположить сезонный характер поселения и соответственно, сооружение легких мобильных жилищ, не оставивших следа в культурном слое памятника. На большей части поселений бабинской культуры постройки, либо котлованы от них прослежены не были (Ягодинка II, Закатное, Россошь II и Вареновка). Схожая ситуация отмечается и в верховьях Северского Донца. По наблюдениям С. Н. Санжарова, бабинские племена (финальнокатакомбные по терминологии С.Н. Санжарова) в основном использовали наземный тип жилищ. Следы от наземных построек фиксировались в виде очажных пятен на грунте, скоплений бытовых отходов и в редких случаях в виде столбовых ям (Санжаров, 210. С. 250). Таким образом, выявление места обитания древних племен зачастую определяется только по наличию слоя, содержащего фрагменты керамики и кухонные отходы.

Еще одну трудность вносит значительная переотложенность слоев поселения, при которой в стратиграфической колонке выделяется только средневековый слой. Пласты с находками двух разных периодов бронзы не имеют четного разграничения, о чем также свидетельствует неоднородность распределения материала. Сравнительный анализ инвентаря поселения Малая Сопка I позволил отделить находки, относящиеся к финалу средней бронзы от

более позднего периода. Из общей массы материала выделяются фрагменты сосудов, с характерными для Бабино комбинациями узоров, представленных наклепными валиками двух типов (рис. 44). Остальные горшки из коллекции орнаментированы оттиском веревочки, либо ногтевыми вдавлениями под венчиком. Такого рода узоры не характерны для комплексов финала средней бронзы и являются более поздними элементами.

Костяная индустрия памятника полностью соответствует срубной культуре. В основном это орудия из челюсти животного, или фрагментов лопатки. В технологическом применении орудия предназначались для обработки кожи – тупики, ложила и проколки. Наличие на поселение таких типов костяных изделий является характерной чертой развития кожевенного производства. Широкий охват эта индустрия приобретает именно в поздний период бронзы, о чем свидетельствуют находки на бытовых памятниках (Усачук, 1993. С. 184). Еще одно обнаруженное изделие - прямоугольная пластина с отверстием по центру и закругленными углами схоже с заготовками под пряжки – медальоны бабинской культуры, но по размерам оно не соотносится с ними, уступая почти в половину диаметра, в сравнении с самыми ранними пряжками.

Культурное определение остальных предметов – из камня, кремня и бронзы также достаточно спорно и может принадлежать обеим культурам.

Теперь, когда было определено хронологическое соотношение материала, по подробнее рассмотрим находки финала средней бронзы. Как уже говорилось выше, они представлены исключительно фрагментами сосудов с наклепными валиками. Как и на поселении Ягодинка II, в рассматриваемом комплексе валиковый орнамент встречен двух типов. Комбинации узоров на поселении Малая Сопка I представлены первой, второй и третьей группой (рис. 44, 46). За счет того, что в рассматриваемом комплексе встречаются фрагменты керамики довольно крупных размеров, комбинации орнамента сохранились в более полном виде. Благодаря чему можно проследить, что выделенные типы узоров складываются в более сложные

мотивы. Появляется подтип первой группы и две новых комбинации – седьмая и восьмая. Выделение подтипа обосновано расположением налепных горизонтальных валиков, один из которых проходит под венчиком, а второй прямо по нему, оба с пальцевыми вдавлениями. Седьмая группа состоит из налепных валиков первого типа, хаотично нанесенных по всему черепку, практически не оставляя ровной поверхности (рис. 44, 8). Восьмая группа – горизонтальный ряд валиков второго типа соединен с вертикальным рядом второго типа, образуя прямой угол. Последняя комбинация орнамента встречается только на фрагментах стенок (рис. 44, 10, 12).

Таким образом, инвентарный выделенный комплекс поселения Малая Сопка I полностью соответствует времени финала средней бронзы и ДДБК. Наличие в слое исключительно фрагментов керамики не является редкой ситуацией, а наоборот, вполне характерно для данного промежутка времени (Ягодинка II, III, Вареновка, Закатное, Росошь II).

Интерпретация ровиков, впущенных в грунт, более затруднительна. Для того чтобы попытаться решить данный вопрос, попробуем привести ряд аналогий. Но изначально, необходимо описать сами ровики. Они представляли собой округлые и прямые канавки, углубленные в материк (рис. 43). Всего на территории раскопа было обнаружено 10 хаотично рассредоточенных комплексов. Отличались ровики по образованными ими фигурами. Часть из них практически заключалась круг, разъединенный перемычками, другие были в виде дуговидных линии, дополненные примыкающими канавками, иногда образующие сложные фигуры. Конструкции в разрезе имеют наклонные стенки, на некоторых участках внешняя стенка более покатая. Дно плоское, чаще полукруглое. Округлые ровики в диаметре достаточно большие, около 8-9 метров, вытянутые, доходили до 18 метров. Присутствуют и маленькие, удлиненные углубления, в некоторых случаях дополненные канавками. В заполнении некоторых ровиков фиксировались фрагменты керамики, обломки кремня и костей животных, каменных пестов. В комплексе 9, по внутренней части ровика была прослежена каменная кладка из

ракушечника. Она состояла из семи камней разного размера, которые были поставлены на ребро, под небольшим наклоном к внешней стенке ровика. Кладка имела длину на 1,5 метра. Схожие плиты ракушечника фиксировались около комплекса 10, самого южного в группе. К западу от него располагалось скопление семи ямок диаметром от 28 до 40 см, в заполнении которых находки обнаружены не были.

Помимо ровиков и ямок, на поселении фиксировалось несколько различных объектов в виде скоплений костей животных, несколько развалов лепных сосудов и одиночных камней, названные А. И. Юдиным ситуациями. Согласно полевым наблюдениям, все ситуации относились к третьему слою, определенному как погребенная почва. При этом, по определению автора раскопок, костяные остатки, найденные на поселении, не имели следов кухонной обработки, а большая их часть состояла из крупных частей туши животного - конечностей и черепов (Юдин, 2018. С. 76). Место расположения костей отмечено на основном плане (рис. 43) и находится на участке концентрации керамики поздней бронзы (срубной культуры).

Найденный лепной сосуд в комплексе 1 представлен простой баночной формой со слегка отогнутым устьем. Горшки такого типа встречаются в материалах периода поздней бронзы и не характерны для бабинского времени. Керамика из заполнения рвов, состоит из фрагментов сосудов как с валиковым, так и со штамповочным орнаментом. Как уже отмечалось, последний тип орнамента появляется в поздние периоды бронзы.

На основании приведенных данных и в добавление к ним некоторых аналогий, можно предположить пару трактовок для памятника Малая Сопка I.

Первая версия подтверждает наблюдения автора раскопок А. И. Юдина в определении памятника как культового места. Аналогии приводит сам автор раскопок в своей монографии, посвященной Малой Сопке I. Схожий комплекс был обнаружен на юге Воронежской области – поселение Журавка 1. В южной части комплекса было открыто пять рвов различной формы (круглые, овальные и квадратные). Один из ровиков был перекрыт срубным

погребением с сосудом-банкой, из-за чего датировка ритуальных сооружений определена рубежом средней и поздней бронзы. Проводя параллели с Малой Сопкой I, А. И. Юдин приходит к выводу о появлении ровиков в период конца бабинской культуры и появления на нижнедонских территориях раннесрубных племен (Юдин, 2023. С. 96). В подтверждение вида памятника как культового комплекса ученый также сравнивает курганные ровики и другие комплексы иных культур и регионов, находя в них общие черты (Юдин, 2023. С. 104-107). Еще одним аргументом в пользу ритуального предназначения памятника А. И. Юдин приводит сравнение общих характеристик поселения. Заключаются они в наличии таких основных составляющих как остатки очагов, наличие стационарных построек, находки определенных фрагментов костей животных (Юдин, 2023. С. 98-100). Отсутствие на Малой Сопке I перечисленных пунктов, по мнению ученого, является фактом уникальности памятника и отнесения его к культовым местам (Юдин, 2023. С. 114).

Следует отметить, что схожие ровики были найдены на поселениях Таманского полуострова Балка Лисовицкого и Тузла 7. Форма объектов практически аналогична комплексам Малой Сопки I 1, 4 и 6. На поселении Балка Лисовицкого ровик был частично перекрыт более поздней сабашиновской постройкой из камня. На Тузле 7 ровики находились около жилых сооружений и были отнесены автором раскопок к периоду поздней бронзы (С. А. Буравлев). Для обоих случаев окончательное значение ровиков определено не было.

Вторая версия основывается на концентрации находок при распределении их на плане раскопа. Скопление фрагментов с валиками выявлена в центральной части, около комплексов 4 и 5, а также западнее комплекса 9. В меньшей степени наблюдается скопление в южной части рва 9 и около объектов 2,6,8. Планиграфия керамики поздней бронзы показывает более четкую картину. Насыщенность материала преобладает в центральной и южной частях раскопа. При этом наблюдается концентрация находок около

двух округлых комплексов – 4 и 6. Исходя из этого, можно поставить под сомнение принадлежность комплексов к бабинскому периоду. Своеобразным подтверждением служит наличие внутри самих комплексов, то есть на участке, окруженном рвом, сосудов срубного типа и горшка внутри объекта 1 и 9. В таком случае, изначально существовавшая территория бабинского поселения в дальнейшем используется поздними племенами для своих нужд. Аналогичная ситуация характерна практически для всех памятников и не является редкостью. Таким образом, вторая версия заключается в определении памятника как поселенческого комплекса, а ровики в этой ситуации могут быть следствием определенной бытовой деятельности. Решающим фактором в данном вопросе могли бы выступить более четкие данные стратиграфии, что не представляется возможным, из-за сильной переотложенности культурных пластов эпохи бронзы.

Таким образом, приведенные версии являются лишь предположением и окончательного вывода по принадлежности памятника к поселению или культовому комплексу нет. Окончательное определение типа памятника, вероятно, будет возможно при появлении таких же комплексов, с более четкой стратиграфией.

Неразрывно с поселениями периода финала средней бронзы Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона связаны комплексы, расположенные по берегам среднего течения Северского Донца. Поселения с двух смежных территорий обладают такими схожими характеристиками, как расположение самих комплексов, стратиграфия и инвентарь.

Как уже отмечалось, бытовые памятники со слоем посткатакомбных древностей Северского Донца, локализуются на возвышенных местах, с наличием родника, либо располагаются на разграниченном балками и оврагами правом берегу реки (Санжаров, 2010. С. 250).

Жилища представлены полуземлянками, немного впущенными в грунт и наземными сооружениями овальной формы. Внутри них размещали очаги, иногда в несколько штук (Ильичевка). В некоторых комплексах удавалось

проследить кладку стен, состоящую из необработанных плит. Присутствуют сложные двухкамерных помещения, не облицованные камнем (Раздольненское). В сооружении построек, несомненно, использовались деревянные конструкции, составляющие основу каркаса, в отсутствии каменных кладок (Санжаров, 2010. С. 252).

Основу коллекций с поселений Северского Донца составляют керамические горшки, различных форм и размеров. Изготавливались сосуды из глины с примесью шамота, органических включений и мелкого песка. Керамика подвергалась значительной термальной обработке, из-за чего поверхность обретала красноватые и желтые оттенки и покрывалась мелкой паутиной из трещин (Санжаров, 2010. С. 253). Такая тенденция замечена и на погребальных сосудах. Примером может служить корчага из комплекса Бургуста I к4/п4, поверхность которой имеет желтоватый оттенок, а стенки достаточно плотные и хорошо прокалены (рис. 25, 8).

Характерной чертой керамики поселений Северского Донца можно считать преемственность форм от поздней катакомбной общности (среднедонской или харьковско-воронежской), с сохранением некоторых комбинаций орнамента. Доминирующим остается количество сосудов с раструбной шейкой и различные вариации такой формы. Основные комбинации орнаментов изменяются незначительно и проявляются лишь в пропорциональности использования того или иного элемента декора. Преобладают такие узоры, как зигзаг, паркетные мотивы, многорядные и однорядные пояски. Составляющей орнамента являются наклепные валики и прочерченные линии, соответствующие общей моде периода финала средней бронзы. Также, по наблюдениям С. Н. Санжарова, практически отсутствует узор, выполненный оттисками шнура (Санжаров, 2010. С. 260).

Поскольку керамические коллекции с поселений Северского Донца имеют гораздо большее количество целых форм, либо поддающихся реконструкции, возможно определить основные комбинации, тяготеющие к частям сосудов (рис. 46). Для шеек горшков характерны один или несколько

рядов налепных валиков с пальцевыми вдавлениями, иногда встречаются одиночные ряды из оттисков ногтя и насечек по шейке или на венчике. По плечикам и боковинам размещаются пояски из косых прочерков и валиков, зигзаги, треугольники вершинами вверх и паркетные узоры. Придонные части сохраняют катакомбные черты в виде композиций елочек, рядов валиков, геометрических фигур (Санжаров, 2010. С. 260).

Общее сохранение орнаментальных мотивов поздних катакомбных групп для керамики финала средней бронзы может являться косвенным свидетельством преемственности культур. Данный факт нередко оговаривается в научной литературе и является основным для выявления сложения не только Бабино, но и синхронным ей культурным образованиям (Братченко, 1976, Санжаров, 2010, Литвиненко, 2011, Мимоход, 2013).

Керамический комплекс поселений среднего течения Северского Донца и Нижнего Дона практически аналогичен (рис. 46, 60). Сходство прослеживается как в комбинациях узоров, нанесенных на поверхность сосудов, так и в их составляющих. Объединяет поселения с двух смежных территорий также выбор места их расположения представителями финала средней бронзы и структура самих комплексов. Отсутствие остатков фундаментальных жилищ и столбовых конструкций является отличительной чертой бабинской культуры на исследуемой территории, в отличие от позднего бронзового периода. Сезонный характер поселений финала средней бронзы определяет общий образ жизнедеятельности представителей ДДБК, обусловленный перегонно-кочевым скотоводством. Подтверждением такого образа жизни древних племен выступает и выбор места размещения. При котором расположение на возвышенности обеспечивает контроль над окружающим пространством, а также водное снабжение, и безопасный спуск домашнего скота в пойму для выпаса (Санжаров, 2010. С. 249).

3.2. Поселенческие комплексы волго–донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья.

Самым восточным поселенческим комплексом со слоем посткатакомбных древностей является памятник Сухой Лог I. Он расположен на правом берегу реки Чир, на высокой мысовидной площадке между отрогами балки Сухой Лог. Основные культурные остатки были зафиксированы на третьем стратиграфическом пласте. В слое слабогумусированной супеси находились обломки керамических лепных сосудов, по всем внешним признакам, относящимся к бабинскому времени (рис. 55). Верхний, перекрывавший древности финала средней бронзы, пласт был насыщен фрагментами глиняных лепных сосудов, отнесенных к срубной культуре эпохи бронзы.

Керамический комплекс поселения, относящийся к бабинской культуре, состоял из 362 фрагментов сосудов. Из них большую часть составили непрофилированные стенки – 70%. Остальная часть стенок представлена слабопрофилированными, округлобокими (25%) и биконическими (5%) горшками. В меньшем количестве представлены венчики – 66 штук, донца – 22 штуки. Поверхность черепков светло-серая либо песочная, с внутренней темной стороной – от темно-серого до черного цвета. В тесте керамики особых отличий между собой нет, основная примесь — это мелкие включения слюды. В составе некоторых фрагментов примесей либо нет совсем, либо встречается дресва (Захариков, 2010. С. 79).

Орнаментированные фрагменты сосудов составляют наименьшее количество от всего керамического комплекса. По технике исполнения декора на горшках выделяется несколько вариантов: глубокие наклонные вдавления лопаточки и штампа, в том числе треугольного, ногтевые вдавления на поверхности черепка и на наlepном валике и оттиски «веревочки». Композиционно элементы орнамента складывались в следующие узоры: несколько параллельных рядов наlepных валиков с вдавлениями, сложные комбинации из нескольких техник, образующих елочный орнамент, в

некоторых случаях дополненный горизонтальными прочерченными линиями (рис. 61).

Инвентарный комплекс финала средней бронзы также содержал небольшое количество изделий из камня – кремневые отщепы, нуклиус, кварцитовые отщепы, обломок кварцита и абразив, выполненный из песчаника (Захариков, 2010. С. 81).

Находки на поселении Сухой Лог I, по общей морфологии и стилю орнаментации, вполне соотносятся с материалами бабинского времени, как на других бытовых комплексах, так и на погребальных памятниках. В этом плане автор раскопок верно определил принадлежность данных древностей (Захариков, 2010. С. 81). Отношение к культурному кругу Бабино не вызывает сомнений, однако, встает вопрос о более узкой характеристике комплекса. При детальном анализе выявляются некоторые особенности, явно отличающие данный памятник от поселений ДДБК, связанные с локализацией поселения и стилистикой орнаментации (рис. 61).

Территориальное расположение в низовьях реки Чир и непосредственная близость к Волго–Донскому междуречью приближает памятник к ВДБК. Тем не менее, погребальные памятники волго-донской культуры занимают ареал гораздо восточнее исследуемого поселения (рис. 3). В непосредственной близости на данный момент не было исследовано курганных могильников или поселенческих комплексов, со схожими материалами, что затрудняет интерпретацию памятника.

Керамический комплекс поселения имеет отличительные черты от нижнедонских древностей бабинской культуры. Некоторые композиции, в виде рядов налепных валиков, характерны для ДДБК, но присутствует веревочный орнамент, отсутствующий на сосудах, найденных на таких поселениях, как Ягодинка III, Вареновка, Малая Сопка I (рис. 54). В единичных случаях аналогичный узор встречается на сосудах из керамических коллекций поселенческих памятников среднего течения Северского Донца. Мотивы орнамента, украшавшего сосуда с поселения Сухой Лог I, по

стилистике гораздо ближе к комбинациям узоров на горшках из погребальных комплексов ВДБК основного ареала культуры (рис. 54).

Помимо орнаментации керамики, отличительным моментом служит морфология сосудов. Для сравнения можно сопоставить сосуды с поселения Ливенцовское I с керамикой, найденной на памятнике Сухой Лог I. Часть ливенцовских горшков украшены схожим орнаментом, в виде многочисленных рядов налепных валиков, но профиль сосудов более плавно изогнут, а шейка отогнута наружу. Керамика с поселения Сухой лог I, украшенная аналогичными композициями, имеет более резкое ребро перегиба. Схожий целый сосуд был найден в погребении Жареный бугор к3/п1 (Кияшко, 2003. С. 33, рис. 2). Следует отметить, что керамический комплекс из погребений ВДБК основной территории сочетает в себе как общие характеристики бабинского круга, так и локальные региональные черты.

Выделенные характеристики имеют важное значение в интерпретации комплекса. Орнаментация сосудов является одним из важных моментов, в определении культурной принадлежности и локальных особенностей. Отсутствие в ближайшем радиусе какого-либо вида памятников, позволивших более точно соотнести комплекс, затрудняет определение, но тем не менее, имеет смысл отнести данный памятник именно к ВДБК.

3.3. Поселенческие комплексы каменско–ливенцовской культурной группы памятников на территории Нижнего Дона и Северо–Восточного Приазовья.

Открытие на правом берегу реки Мертвый Донец, притока Дона, в 60-х годах прошлого века Ливенцовской крепости, позволило иначе рассматривать культурно-исторический процесс финала средней бронзы. В результате исследований С. Н. Братченко определен синхронность КЛГ и бабинской культуры, но при этом наметил ряд различий между двумя группами, позволившие отделить каменско-ливенцовские древности как независимое явление. На основе сопоставления материалов крепости с находками поселений Крыма и Северного Кавказа, ученый сделал вывод о близости некоторых форм сосудов, их орнаментации, а также предметов из камня, кости и бронзы (Братченко, 2006. С. 206).

Поселенческие комплексы каменско-ливенцовской группы (КЛГ) на исследуемой территории представлены двумя оборонительными укреплениями – Каменской и Ливенцовской крепостями, а также условно отнесенным на данный момент слоем на памятнике Лагутник. Следует отметить, что две крепости являются единым археологическим ансамблем, разделенным оврагом. Исходя из топографического расположения двух составляющих комплекса, около одноименных поселков, одной части крепости было дано название Ливенцовская, а другой – Каратаевская (Ильюков, 2013. С. 21).

Полный анализ бытовых памятников КЛГ был бы невозможен, без сопоставления с поселениями финала средней бронзы Северного Причерноморья, а именно полуостровов Крым и Тамань. Еще во второй половине 20-го века рядом ученых отмечалась близость комплексов и их явная культурная взаимосвязь (Братченко, 1976, Кислый, 1987, Шарафутдинова, Рыбалова). В последние годы за счет масштабных работ на Таманском полуострове была намечена линия взаимосвязи материалов Ливенцовской крепости и поселений Тамани (Кияшко, Ларенок, 2020). Детальное

рассмотрение каждого бытового комплекса, выявление его специфических черт и характеристик позволило не только выделить определенные отличительные особенности, но и сопоставить с известными на данный момент комплексами в более южных регионах.

Прежде всего, необходимо рассмотреть нижнедонские крепости. В настоящий момент, Ливенцовская часть изучена лучше, чем соседствующая с ней Каратаевская. Конструкция Ливенцовского оборонительного сооружения описана и проанализирована автором ее раскопок – С. Н. Братченко, чему посвящена монография ученого. Особое значение имеет описание самого комплекса построек крепости и их детальная реконструкция. План сооружений и рвов крепости был реконструирован в виде извилистой оборонительной линии, разъединенной на промежутки-проходы (Братченко, 2006. С. 162).

Как отмечал С. Н. Братченко, специфика укрепления, прежде всего, заключалась в том, что сосредоточение строительных и бытовых остатков концентрировалось по периметру. В основном находки были представлены скоплениями керамики, костями животных и рыб, золы, кремневых отщепов и осколков, залежавших в развалинах бывших построек. Такое расположение культурных остатков позволило предположить, что они находились непосредственно в сооружениях, и при его разрушении сместились с частями строительного материала. Внутри крепости построек обнаружено не было, фиксировались лишь редкие обломки костей животных и литейных форм (Братченко, 2006. С. 156).

Все открытые в комплексе сооружения были разделены С. Н. Братченко по принципу размерности и особенности элементов конструкции на три типа. Самые большие постройки (8-13 на 5-6 метров), с мощной внешней стеной, были отнесены к первому типу. Их отличительная особенность заключалась в том, что наружная часть сооружений опиралась на основную каменную кладку стенок рва. Таким образом, постройки первого типа обладали усиленной устойчивостью и могли служить как дополнительная защита. По одной из

сохранившейся кладки такого жилища, С. Н. Братченко предположил, что на их крыше располагались оборонительные площадки, с примыкающими деревянными лестницами.

Ко второму типу были отнесены короткие сооружения (площадью 6 на 6 метров), стоящие около небольших рвов. При этом стенки рва около таких построек, не были облицованы камнем, и находились на небольшом отдалении от них. Более узкие, но длинные сооружения (11-14 на 3-3,5 метра) составляли третий тип. В отличие от первых двух категорий, эти постройки примыкали ко рвам, у которых не была облицована камнем внутренняя стенка. Внешняя кладка сооружений находилась на расстоянии около полуметра от края рва (Братченко, 2006. С. 156-157).

По общему пространственному соотношению, как жилые были выделены постройки первого типа и самая крупная постройка третьего. Остальные же, по мнению ученого, относились к бытовым сооружениям. Также отмечалось наличие дополнительных деревянных столбовых конструкций, расположенных по углам, от которых остались углубления в земле. Назначение определялось определялся как фиксирующая опора стен и крыши.

Расположение построек в крепости имело свою логику. К каждому жилому сооружению присоединялось хозяйственное помещение. С внутренней стороны к ним примыкали участки – дворы, оснащенные летним очагом, о чем свидетельствует прокаленные участки почвы и очажные ямы. К каждому из таких дворов вели дорожки от въезда в крепость, которые в свою очередь примыкали к большим мощным постройкам. В общей сложности, по наблюдениям С. Н. Братченко, количество жилых подворий составляло около 18 штук (Братченко, 2006. С. 164). Такая организация пространства может говорить не только об особенностях фортификации, но и о присутствии определенных семейных ячеек, живущих за стенами укрепления (Братченко, 2006. С. 162).

Материалы, найденные в жилых и хозяйственных постройках крепости, являются прямыми свидетельствами деятельности поселенцев и их специализации. Как и на других бытовых комплексах, самой распространенной категорией инвентаря является керамическая посуда. Сырье для ливенцовских сосудов использовалось, в большинстве случаев, с добавлением в глину толченой ракушки и известняка в различных пропорциях. При этом, обильное включение ракушки отмечалось у керамики со слабым обжигом, а у сосудов с сильным обжигом – более редкое. Реже встречались черепки, тесто которых содержит примеси песка, слюды, шамота. Помимо этого, С. Н. Братченко отмечал еще несколько особенностей керамики крепости. Первая это более сильный обжиг, по сравнению с ямными и катакомбными экземплярами. Вторая - оформление поверхности керамики. Некоторые сосуды не только были зашлифованы, как бабинские, но и покрыты слоем ангоба. Один горшок обладал уникальной особенностью - на внешней стороне дна осталась вмятина, от применения поворотного столика (Братченко, 2006. С. 102-103).

Вся коллекция сосудов была разделена, также, как и поселенческая, на три отдела, в зависимости от высоты шейки. Из них: А – бесшейные, Б – низкошейные и С – среднешейные сосуды. В дальнейшем отделы разбивались на внутренние группы. Основными показателями при делении выступали профилировка шеек, характер венчика и техники исполнения орнамента (Братченко, 2006. С. 107-113).

При распределении на отделы и группы, ученый обратил внимание на соотношение видов орнамента с формами и размерами сосуда. Крупным низкошейным горшкам был присущ валиковый пояс в основании шейки, изредка на плече или боках. А шнуровая и прочерченная орнаментация, наоборот, была характерна для низких сосудов со средней шейкой, и совсем редко для мисок (Братченко, 2006. С. 121). В общей массе разнообразия орнамента выделялись такие элементы, как горизонтальная линия, зигзаг, мелкие кружки, овалы, петли, вертикальная линия. В ряде редких

композиционных составляющих выступали треугольники, ромбы, елки, паркет. По технике исполнения преобладала валиковая орнаментация, но при этом с довольно низким количеством многоваликовых рядов, около 6%. Далее следует шнуровая и самая редкая – прочерченная вместе с желобчатой орнаментация (Братченко, 2006. С. 122).

В общих чертах керамический комплекс Ливенцовской крепости хоть и близок к сосудам поселения Ливенцовка I, но обладает своими специфическими чертами, которые заключаются в разнообразии форм сосудов, их орнаментации и составе теста. А также интересно, что по сравнению с поселением, крепостная коллекция керамических изделий в наименьшей степени представлена мисками, чашами и крупными сосудами для хранения.

Отличается и остальной инвентарный комплекс крепости, в котором преобладают разнообразные формы изделий из камня, глины, кремния. В очень малом количестве найдены на территории памятника бронзовые предметы. Они представлены двумя четырехгранными стержнями, черешком ножа, куском бронзового сплава и обломком бронзового тонкого листа. При этом наличие глиняных литейных форм, а также каменных плиток-наковален, с сохранившимися следами от ударов, позволяют предположить, что одним из направлений деятельности поселенцев крепости была металлургия. Более того, благодаря тщательной фиксации находок, С. Н. Братченко удалось установить, что концентрация глиняных форм и льячек находится около сооружения 1, рядом с которым были обнаружены бронзовые предметы. По всей видимости, сооружение 1 являлось мастерской литейщика, собравшего металлолом для дальнейшей переплавки и создания новых предметов (Братченко, 2006. С. 152). По мнению М. Ю. Бровендера, наличие такого богатого набора для обработки металла свидетельствует о высоком уровне металлопроизводства. Анализ бронзовых изделий показал доминирующее содержание мышьяка, характерной примеси месторождений Северного Кавказа (Бровендер, 2016. С. 246).

Каменные орудия, помимо принадлежностей для металлообработки, представлены обломками топоров-молотков, пестами, терочниками, точильниками-абразивами, ядрищами и самой загадочной категорией – камнями с лунками.

Фрагменты найденных топоров-молотов относились либо к нижней клиновидной стороны, либо к верхней обушковой. По форме орудия восстанавливаются как прямые и слабоизогнутые, с диаметром отверстия 1,8-2 см. На некоторых изделиях отмечены следы интенсивной работы в виде сбитой поверхности и повреждениями острия клина. Только один топор удлиненно-ромбической формы был найден целым, без отверстия для насаживания на рукоять. Возможно, изделие было не завершено, либо крепление производилось методом привязывания к рукояти (Братченко, 2006. С. 145). Локализация находок топоров-молотов, в некоторых случаях, около проходов в крепость, могло свидетельствовать о их применения при обороне, но противоречит этому скопление бытовых отходов в данных местах. Вполне вероятно, что поломанный и распавшийся на две части предмет могли выбросить за ненадобностью.

Следующая категория инвентаря – камни с лунками, представляли собой кусок необработанной известковой породы с рваными краями, в которых было сделано углубление с затертой поверхностью. На одном экземпляре зафиксированы следы охры, но его неоднозначная форма и мягкость самой породы не позволило отнести его к ступам. Обнаружение схожих лунок на камнях-ракушечниках кладки стен позволило предположить их отношение к строительным материалам, но это не было окончательной версией. В процессе поиска аналогий С. Н. Братченко отмечал нахождение аналогичных предметов в различных регионах Азии, где применение камней с лунками относили либо следами бура при разработке карьера, либо к следствию применения в металлургической деятельности (Братченко, 2006. С. 147-148). На данный момент нет определенных исследований и наблюдений по поводу функциональной принадлежности этих предметов. Вероятно, самым

логичным объяснением может быть широкая область применения камней, в результате чего образовывались лунки, как в строительной, так и производственной сфере.

Еще одной хозяйственной деятельностью населения крепости было рыболовство. По мимо обнаруженных на территории крепости костей рыб, также были найдены различные по форме рыболовные грузила, изготовленные из известняковых пород. Некоторые из них сделаны в виде утюжка с продольной ручкой, оснащенной отверстиями, другие более простой форме, обматывались посередине веревкой, от которой остался желобок (Братченко, 2006. С. 150).

Интересной находкой, происходящей из рва крепости является глиняное изделие, интерпретируемое Л. С. Ильюковым как сосудик-кузовок. Данную находку ученый относит к культовым предметам, аналогии которым имеются в катакомбных могильниках на Северном Кавказе и в Сальских степях (Ильюков, 2016. С. 89-90). Предназначались такие сосудики-кузовки для ритуальных целей. В них могли хранить специальные предметы для проведения ритуала. Позднее преобразование форм данного изделия Л. С. Ильюков связывает с деревянными шкатулками с бронзовыми скобами, относящимися к бабинской культуре. Сосуд из Ливенцовской крепости ученый датирует заключительным этапом катакомбного времени (Ильюков, 2016. С. 91).

Самой обширной группой инвентаря, обнаруженного на территории крепости, являются кремневые изделия. Более 1200 предметов подразделялись на следующие категории: скребки, отщепы, ретушеры разного направления деятельности, нуклеусы, отбойники, осколки, заготовки наконечников стрел и сами наконечники. Последний тип изделий составлял весомую часть от всей коллекции находок. Всего было собрано 682 единицы, различающихся по способу крепления с древком (Братченко, 2006. С. 128). Наибольшую часть составляли черешковые – около 660 и меньшая часть была представлена выемчатыми – 10 штук. При фиксации наконечников на плане раскопа стало

очевидно, что крепость подверглась ожесточенному нападению, так как большая их часть была найдена около внешних сторон стен крепости.

По сравнению с каменными предметами, костяные изделия не многочисленны. В основном это лоцила и скребла, применяемые при обработке кожи, а также пара костяных колец, трубочка и заготовка с поперечными срезами из рога оленя. Как отмечал С. Н. Братченко, сильно заизвесткованные кости обрабатывались раствором соляной кислоты в процессе реставрации, что могло повлиять на пропуски при отборе орудий из костных остатков. Особо интересны находки частей раковин с зазубринами – «гребней», их функциональное назначение было определено как изделие для выравнивания стенок в процессе изготовления керамики (Братченко, 2006. С. 151).

Материалы рядом расположенной Каратаевской крепости не были так тщательно исследованы, как соседней Ливенцовской. Первые археологические работы проводились С. Н. Братченко в 60-х годах на Каратаевском мысу, где были заложены шурфы и траншея. Немногочисленные материалы, полученные в ходе раскопок, полностью соответствовали ливенцовским (Братченко, 2006. С. 184). Исследование памятника продолжилось в 80-х годах под руководством Л. С. Ильюкова в центральной части Каратаевской крепости. В результате был открыт могильник с каменными кромлехами, датируемый автором раскопок ранним железным веком (Ильюков, 2002. С. 168-203).

Спустя практически 20 лет изучение памятника было продолжено, в рамках проекта реконструкции участка нефтепровода. В ходе работ был исследован могильник и открыта большая часть территории - 872 м² (Ильюков, Ромащенко, Шеф, 2002. С. 100). Культурный слой располагался на материковой скале, а в некотором отдалении от края террасы был обнаружен прямоугольный ровик, выдолбленный в каменистом основании. Из-за своей формы ровик был интерпретирован автором раскопок как постройка (Ильюков, 2002). Дальнейшая попытка определения назначения

прямоугольной конструкции была предпринята Л. Н. Водолажской. Основываясь на находках, происходящих с территории постройки, ученая предположила, что это была мастерская плавильщика, аналогичная ливенцовскому сооружению 1. Внутри сооружения фиксировались две ямы от кострищ, одна из которых, большего размера, по мнению Л. Н. Водолажской, относилась к очагу. Вторая, поменьше, предназначалась для переплавки бронзы, так как в ней находились остатки шлака и пережженных красных камней песчаника (Водолажская, Ильюков, 2019. С. 156). Около помещения была найдена яма, в заполнении которой фиксировались обломки костей овец. На остальном участке раскопа была открыта серия столбовых ямок и коротких канавок, от полуземляночных жилищ (Ильюков, 2002. С. 101). Анализируя данные материалы, Л. Н. Водолажская предположила, что исследованный комплекс, включая постройку и столбовые ямки, имеет культовое значение и связан с астрономическими явлениями (Водолажская, Ильюков, 2019).

Для того, чтобы попытаться определить функциональное значение ровиков была рассмотрена и проанализирована коллекция Каратаевской крепости и прилагающийся к ней отчет Л. С. Ильюкова 2001 года. В результате, удалось установить, что некоторые фрагменты амфор происходят из ровиков и ям, отнесенных Л. Н. Водолажской к археоастрономическому комплексу, а Л. С. Ильюковым к постройке бронзового века. Само по себе наличие более «молодой» находки в заполнении археологических объектов является существенным фактором для переосмысления датировки ровика и ямок. Таким образом, учитывать выявленные ровики, как остатки от жилища в едином комплексе с крепостью не представляется возможным. Более верным источником информации, непосредственно связанным с временем существования форпоста, являются находки фрагментов лепной керамики.

К сожалению, целых форм обнаружено не было, вся керамическая коллекция состоит из фрагментов различных частей сосудов. Лепная керамика периода существования крепости отличается от лепных черепков железного века более плотной структурой. В тесте встречены мелкие песчаные

включения, дробленая ракушка и редко частички кварца. Поверхность некоторых черепков сильно залощена, коричнево-серого, практически черного цвета, встречаются фрагменты с красно-оранжевой пережжённой поверхностью (рис. 53-54).

По некоторым фрагментам верхних частей сосудов, находящим аналогии в коллекции Ливенцовской крепости, можно реконструировать форму горшков (рис. 50, 52, 53). Также, для упрощения сопоставления материалов Ливенцовской и Каратаевской крепостей, при типологии сосудов последней использовалась уже существующая схема группировки С. Н. Братченко (Братченко, 1976, 2006).

В итоге, формы сосудов Каратаевской и Ливенцовской крепости практически идентичны. Керамические горки представлены в большом количестве Отделом В – среднешейные сосуды (рис. 51, 53). Фрагменты такого типа сосудов Каратаевской коллекции встречаются с орнаментом и без него. В основном среднешейные горки украшались опоясывающим горло наlepным валиком в вдавлениями, либо прочерченной линией (рис. 51). Бесшейные сосуды представлены горшками с ободковыми шейками и выступающим наружу венчиком. Подобные формы сосудов встречены и в коллекции Ливенцовской крепости. В обоих случаях такие горшки являются редкими находками – 3 фрагмента из ливенцовской коллекции (Братченко, 2006. С. 112) и 2 из Каратаевской коллекции (рис. 53).

Одной из отличительных черт между керамическими комплексами двух форпостов является наличие фрагментов больших бесшейных сосудов, близких по всей видимости к реповидникам, в коллекции Каратаевской крепости (рис. 54). Черепки толстостенные, плотные по своей структуре, поверхность пережженная, красноватого оттенка, венчик слегка отогнут наружу. Украшены сосуды одним или несколькими рядами пальцевых вдавлений, расположенных либо ближе к венчику, либо по широкой части (рис. 54).

Орнаментация сосудов двух соседних укреплений схожа, но имеет и существенные различия. Преобладающим способом украшения горшка является налепной опоясывающий валик с аккуратными пальцевыми/ногтевыми вдавлениями (рис. 52). К сожалению, из-за сильной фрагментированности каратаевской коллекции установить на какую именно часть сосуда был нанесен валик по большей части затруднительно. Исключением являются фрагменты верхних частей сосуда и стенок с переходом на плечо. Валиковый пояс в таких случаях наносился либо под горлом, либо по широкой части горшка (рис. 52).

Схожими элементами для украшения сосудов двух крепостей являются также налепные волнообразные валики и шишечки (рис. 52). В коллекции Каратаевской крепости фрагменты стенок с такими украшениями найдены по одному экземпляру и, к сожалению, определить их расположение на горшке невозможно. Аналогичный элемент волнового узора в ливенцовском комплексе располагается на плече высокого низкошейного сосуда. Налепной волнообразный валик с низу и с верху обрамляет опоясывающий горшок орнамент в виде ряда зигзагов (рис. 52). Налепные шишечки на ливенцовских сосудах также встречаются чаще, чем на каратаевских. Такой элемент декора сохранился и на целых формах в Ливенцовской коллекции, располагаясь на широкой части сосуда (рис. 52).

Штамповочный орнамент, выполненный либо веревочкой, либо оттисками палочки встречается на керамике из обоих комплексов. Узоры могут состоять из различных комбинаций только горизонтальных, либо горизонтальных в сочетании с наклонными линиями штампа (рис. 50).

Не находит аналогии в Ливенцовской коллекции орнамент в виде опоясывающих сосуд нескольких рядов треугольных в сечении валиков (рис. 52). Для Каратаевской коллекции данный тип узора не является редким, а количество украшенных им черепков близко к фрагментам с валиковым орнаментом с пальцевыми вдавлениями (приложение № 9).

Отсутствует на ливенцовской керамике и опоясывающий узор в виде нескольких рядов прочерченных линий (рис. 51). Тем не менее, в обеих коллекциях присутствуют фрагменты верхних частей сосудов, украшенных прочерченной линией по низу горла, также опоясывающих горшок (рис. 51).

В итоге, были выделены следующие типы орнамента, нанесенного на поверхность сосудов Каратаевской крепости:

1. Налепные валики:

1.1. Прямые, треугольные в сечении

1.2. С пальцевыми вдавлениями

1.3. Прямые волнообразные

1.4. Шишечки

2. Прочерченный:

2.1. Параллельные горизонтальные линии;

2.2. Линии образующие угол, либо елочку:

А) расположенные горизонтально

Б) вертикально

3. Вдавления:

3.1. Пальцевые или ногтевые

3.2. Выполненные концом палочки

3.3. Оттиск веревочки

3.4. Штамповочный (выполненный колесиком с зубьями)

4. Комбинированный:

4.1. Сочетание валика с вдавлениями, сделанными концом палочки с косыми прочерченными линиями

4.2. Сочетание ряда насечек, выполненных концом палочки, либо оттиском веревочки с горизонтальными параллельными линиями под ним.

При раскопках крепости также были найдены и такие предметы, как костяная пряжка-медальон (тип ПА), набор астрагалов, кремневые наконечники стрел, обломки каменного топора и терочника. Найденные предметы схожи своими формами с аналогичными изделиями из

Ливенцовского укрепления (рис. 48, 49). Кремневые наконечники по форме разделяются на несколько типов изделий (по типологии Братченко для Ливенцовской крепости). Первая группа – черешковые наконечники, в нее включен один целый экземпляр листовидной формы, три фрагмента нижней части башневидных стрел и наконечники с овальным основанием. Вторая разновидность – выемчатые наконечники. Также в коллекции присутствуют заготовки под изделие, с уже обработанными частями, но не доведенными до конца. Интересен тот факт, что типы наконечников кремневых стрел обеих крепостей практически идентичны (рис. 49). Аналогичное изделие листовидной формы было найдено при раскопках поселения Лагутник, в одном слое с фрагментами керамики, сопоставимыми с крепостными (рис. 48, 56).

Сходство керамических коллекций Ливенцовской и Каратаевской крепостей отражает отношение памятников к одной хронологической эпохе. Несомненна и их принадлежность к каменско-ливенцовской группе памятников. Но имеющиеся различия, заключающиеся в наличии определенного типа керамики в материалах Каратаево и отсутствие аналогичных форм в Ливенцовской коллекции, вносят некоторые сомнения в уже сложившуюся трактовку комплексов.

Для реконструкции культурогенеза финального этапа периода средней бронзы на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье необходимо рассмотреть более южные синхронные поселенческие памятники, расположенные на территории Крымского и Таманского полуостровов. Анализ материалов с комплексов отмеченных территорий также необходим для подтверждения теории С. Н. Братченко о северокавказских истоках КЛГ (Братченко, 1976, 2006).

При изначальном сопоставлении материалов Ливенцовской крепости и поселений Восточного Крыма, С. Н. Братченко отмечал близость керамического комплекса памятников (Братченко, 1976. С. 127-128). В более поздней работе, посвященной нижнедонским укреплениям (Братченко, 2006),

ученый выделил ряд схожих признаков и отличий в керамики поселений Крыма и донских укреплений. Сходство прослеживалось в формах сосудов, технике и некоторых сюжетах орнаментации, составу теста, обработке поверхности горшков, применение ангоба, изредка лощения и сильного обжига (Братченко, 2006. С. 206-207).

Различия в керамических комплексах хоть были и не многочисленны, но существенны (рис. 48). В первую очередь, это соотношение количества форм сосудов с прямой и раструбной шейкой, которые преобладают на крымских поселениях и практически отсутствуют в коллекции нижнедонских крепостей. Также для крымских памятников характерно отсутствие бокового ребра и елочного орнамента вершинами вверх и паркетных композиций (Братченко, 2006. С. 208-209). Чаще встречаются на крымских сосудах и валиковый орнамент в виде двух или трех рядов на шейке, а также одного ряда у самого венчика (Братченко, 2006. С. 209).

Керамический комплекс каменной культуры А. Е. Кислый разделил на два типа по формам сосудов. В первый тип включены горшки вытянутых пропорций, трехчастного изломанного S-образного профиля, верхняя часть которых отогнута наружу. Второй тип представлен сосудами округлых приземистых пропорций с прямостоящей или отогнутой шейкой (Кислый, 1990, 2005, 2022). При этом, ученый отмечает наличие переходных вариантов форм между двумя типами. В керамической коллекции также присутствуют небольшие открытые сосуды – миски и плошки (Кислый, 2022. С. 74-75).

На основании сопоставления выделенных типов керамических горшков с катакомбными древностями, А. Е. Кислый приходит к выводу о том, что каменная культура сформирована на основе катакомбной. Одним из главных отличий между памятниками развитой каменной культуры и более ранними с катакомбными чертами, ученый считает локализацию последних в западных и открытых степных районах Крыма (Кислый, 1990. С. 20-21, 2022. С. 79). При этом, отмечая, что между сосудами с более ранних западных каменных поселений, типа Слюсареве и Белинское и материалами Ливенцовской и

Каратаевской крепостей нет общих черт (Кислый, 1990. С. 20-22). Для одного из наиболее ранних комплексов Коктебель, А. Е. Кислый отмечает следующее – «поселение представляет уже в какой-то мере такое культурное образование, где соединены черты как катакомбной, так и новой каменной культуры» (Кислый, Ислямов, 2013, Кислый, 2022. С. 80). Исходя из этого, ученый предположил, что сложение Ливенцовского укрепления началось позже, чем Каменной культуры Восточного Крыма (Кислый, 2022. С. 77).

Еще одно немаловажное заключение, сделанное ученым, касалось неуместности отождествления каменных поселений побережья и предгорья со степными, КМК-Бабино, за счет отличия основных форм и орнаментации сосудов. Изначальное сопоставление культур являлось лишь необходимой мерой для исследования (Кислый, 1990. С. 21). Таким образом, каменная культура Крыма получила ряд отличительных признаков, выделяющих ее из общего массива памятников финала средней бронзы.

В сравнении каменных и ливенцовско-каратаевских сосудов А. Е. Кислый предполагает, что исходя из доминирующего количества горшков с S-образным профилем в крепостной керамике, сложение последней началось позже, чем Каминской культуры (Кислый, 1990, С. 21, 2005, 2022. С. 77).

Другие типы изделий, свидетельствующие о наличии на поселении металлургии, каменного и костяного производства. Отражается это в первую очередь в таких находках как литейные формы и ложки льячки, кремневые обломки и стрелы.

Отличия от Ливенцовски-Каратаево прослеживаются и в локализации памятников Восточного Крыма на местности. По наблюдениям А. Е. Кислого, большинство поселений каменной культуры располагаются в долинах, окруженных холмами, с подветренной их стороны. Более крупные поселения основывались около больших водоточных балок, удобных для устройства плотин. Прибрежные поселения располагались у больших лиманов, открывающих водные морские пути (Кислый, 2016. С. 273). Эпонимное поселение Каменка расположено на холмистой возвышенности, в 1 км от

Керченского пролива, с западной и северной частями оно ограничено холмами, с юга – обрывом (Рыбалова, 1974. С. 19). Помимо этого, при изначальном осмотре территории, В. В. Веселов отмечал наличие валообразных конструкций с южной стороны комплекса (Веселов, 1957. С. 36).

Хозяйственно-бытовые сооружения каменной культуры Крыма также отличаются от Ливенцовско-Каратаевских. Так, например, на поселении Каменка было исследовано 12 не сильно углубленных в землю котлованов от бывших больших построек и примыкающим к сооружениям более малого размера. Нижняя часть сооружений была укреплена в основании кладкой из камня (Рыбалова, 1974. С. 19). Хронологически все постройки были разбиты на два периода – более ранние и поздние. Основой для такого вывода послужила керамика, обнаруженная на полу сооружений и в слое рядом с ними (Рыбалова, 1974. С. 20). Остатки каменных укреплений, положенных с особой строительной технологией, были зафиксированы на поселении Планерское (Кислый, 2016. С. 280). При изучении стратиграфии раскопов на Планерском, А. Е. Кислый сделал вывод, что такие стены необходимы были для укрепления склонов холма в условиях достаточно сильных селевых потоков (Кислый, 1991, с. 108–109, 2016. С. 284).

Продолжает южную линию культурной взаимосвязи ряд поселений на полуострове Тамань, открытых в связи с масштабными новосторочными работами по проекту моста Тамань – Керчь. Особенность бытовых комплексов Тамани заключается в том, что во многих случаях исследователям удалось проследить прямую стратиграфию слоев от раннего финального этапа периода средней бронзы до поздних сабашиновских (Кияшко, 2018). Важной составляющей таких комплексов является керамика, отличающаяся своими формами и манерой орнаментации, именуемая как «таманский тип» (Кияшко, Ларенок, 2023).

Сосуды таманского типа были обнаружены в коллекциях с поселений Северского Донца (Алешин Ручей, Надтеррасное, Серебрянское), Бабино III, Каменка и Ливенцовско-Каратаевского укрепления (рис. 52).

Таким образом, поселения финального этапа периода средней бронзы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья неразрывно связаны с более южными комплексами, расположенными в Северо-Восточном Причерноморье (п-ва Крым и Тамань) и на Северном Кавказе.

3.4. Поселенческие памятники Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в общей системе культур финального этапа периода средней бронзы.

Рассмотрение материалов поселений, локализованных на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья и сопоставление с находками из комплексов, расположенных в среднем течении Северского Донца, на полуостровах Крым, Тамань, а также на Северном Кавказе позволило выявить ряд объединяющих характеристик и отличительных черт (рис. 48-55, 57-60).

Применяя метод картографирования, прослеживается взаимосвязь в расположении поселений Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Поселенческие комплексы протянулись длинной цепочкой по берегам водоемов, включая северный берег Таганрогского залива, дельту реки Дон, ее правый берег, а также притоки - Мертвый Донец и Северский Донец (рис. 1). Выбор места обитания около водоема не случаен, и может быть связан с намеченными в древности путями продвижения племен. Дополняют цепочки поселенческих пунктов курганные могильники, тяготеющих к берегам таких рек как Миус, Тузлов, Керчик, Аксай, Маныч, Сал, Северский Донец, Чир. Таким образом, можно представить, как проходили пути сообщения между группами, населявшими Нижний Дон и Северо-Восточное Приазовье в финальный этап периода средней бронзы. Но культурные контакты населения Подонья не ограничивались лишь выделенным регионом. Так, например, пришедшие с запада в начале финального этапа катакомбного периода носители ДДБК постепенно расширялись в восточном и северном направлениях (Литвиненко, 2020. С. 335). При этом, на протяжении первых этапов существования культуры (IA, IB по Литвиненко), племена ДДБК поддерживали культурные и экономические контакты с уже существующим населением, пришедшим в более ранний период с территорий Северного Кавказа и основавших Ливенцовско-Каратаевскую крепость (Братченко, 1985а. С. 458).

Свидетельством наличия между двумя синхронными культурными группами обменно-торговых взаимоотношений является наличие особого таманского типа керамики на поселениях (рис. 58). Одной из важных отличительных особенностей сосудов такого типа является орнамент, украшающий их поверхность. Узоры состояли из отдельных, либо комбинированных опоясывающих рядов пальцевых или ногтевых вдавлений, прочерченных прямых или волнистых линий, а также росчерков, выполненных палочкой (рис. 58). При этом, места нанесения такого орнамента аналогично расположению налепных валиков на классических сосудах финала средней бронзы. Выбор именно верхней части сосуда для нанесения узоров может считаться именно местной Таманской особенностью, получившей распространение благодаря культурно-торговым контактам. Территориальное расположение поселений с таким типом керамикой обширно, начиная с Западного Кавказа они протянулись по побережью Таманского полуострова, Крыма, по берегам рек Дон и Северский Донец. Крайней западной точкой, является эталонное поселение Бабино III, расположенное на левом берегу Днепра, а крайней северной – поселения среднего течения Северского Донца. Не исключено, что таманский тип керамики будет встречен и в более отдаленных комплексах, относящихся к финалу средней бронзы, и территория его распространения может существенно расширяться.

Подтверждением данного вывода может служить не только наличие таманского типа керамики, но и сопоставление обнаруженных на территории крепости топорков с аналогичными изделиями, происходящими из комплексов Северного Кавказа, Северского Донца и основного ареала ДДБК (рис. 59).

В сложившейся системе контактов групп населения в финале средней бронзы Ливенцовско-Каратаевская крепость имела ключевое значение. Образованное выходцами с Северного Кавказа еще в поздний катакомбный период укрепление, стало обменно-торговым и производственным центром. Сооружение оборонительных стен могло быть обусловлено не только исключительно защитой самого населения, но и нуждой сохранить

имущественные блага, для дальнейшего торгового обмена (Братченко, 2006. С. 180-181).

В этом заключается и главное отличие Ливенцовки и Каратаево от других синхронных комплексов Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Признаки жилых сооружений в виде столбовых ямок, котлованов и очагов были обнаружены только на поселении Ливенцовское I и на более северных памятниках Северского Донца (Ильичевка, Раздольненское). При этом, образование Ливенцовского поселения явно связано с поздним периодом ДДБК, после падения форпоста, о чем говорилось ранее. На остальных же памятниках (Вареновка, Ягодинка II, Россошь II, Закатное) следов от жилых сооружений и очагов зафиксировано не было, что свидетельствует об их сезонности. На летних селищах могли возводиться легкие сооружения для укрытия от непогоды, сделанные из плетня, обмазанного глиной. Такой тип жилища, вполне соответствует полукочевому образу ведения хозяйства, с необходимостью выпаса стада в теплые времена года. Зимники же были оснащены более крепкими сооружениями, для которых выкапывался котлован, либо ямки для столбовых конструкций (Санжаров, 2010. С. 361).

Предпочтение в выборе места под поселения зимнего типа не зря отдавалось более северным территориям. Связано, по всей видимости, это было с несколькими факторами. Во-первых, с родовой преемственностью, о чем свидетельствует наличие слоев с материалами двух сменяющих друг друга временных периодов – позднекатакомбного и посткатакомбного (Ильичевка, Раздольненское, Алешин ручей). Во-вторых, выбору мест способствовало наличие как кормовой растительности для выпаса скота, так и леса, необходимого для постройки жилищ и дальнейшего отопления (Санжаров, 2010. С. 361).

Таким образом, можно предположить, что в периоды летних кочевий племена ДДБК спускались в низовья Дона не только для выпаса скота, но и для товарного обмена с жителями крепостей. Последующее падение Ливенцовско-Каратаевского укрепления могло спровоцировать

возникновение Ливенцовского поселения, расположенного на нижней террасе. Причина выбора именно этого места, вероятно, заключалась в необходимости продолжении торговых отношений между представителями ДДБК и обитателями соседних, более южных территорий. При этом, нельзя утверждать, что во времена бабинского поселения (Ливенцовское I) предшествующие контакты были сохранены и продолжены. Существенными доводами в этом вопросе могут служить различия материалов Ливенцовского поселения и Ливенцовко-Каратаевской крепости. Пожалуй, самое весомое отличие заключается в отсутствии в коллекции Ливенцовского поселения таманского типа керамики, являющегося одним из основных связующих звеньев между памятниками Кавказа, Тамани, Крыма и Нижнего Дона (рис. 37). Также важно отметить обломок каменного топора, найденного на поселении (рис. 37,21, 59,5). Ромбовидный небольшой топорик явно отличается от вытянутых и более массивных экземпляров Ливенцовско-Каратаевкой крепости. По своей форме изделие больше схоже с каменными орудиями, найденными на поселенческих бабинских памятниках среднего течения Северского Донца и в погребениях ДДБК исследуемого региона (рис. 59).

Культурные процессы, происходившие в период финала средней бронзы, были связаны непосредственно с южными регионами и северокавказским импульсом. Начало торгово-обменных отношений было положено еще задолго до прихода на Нижний Дон представителей ДДБК (Нечитайло, 1991). Бабинское население было активным участником таких взаимодействий и активно участвовало в сложившемся товарообороте. Произошедший на этапе II военный конфликт между жителями крепости и представителями лолинской и невиномысской культур внес существенные коррективы в сложившуюся систему (Мимоход, 2022б). После чего, вероятно, связь с южными регионами была утрачена и доминирование Кавказского металлургического центра постепенно угасло. В этот же период начинается экспансия нижнедонских территорий срубно-покровскими племенами, в

результате которой, происходит постепенное оттеснение на запад племен ДДБК.

Подводя итог можно отметить, что специфика поселенческих комплексов Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья во многом обусловлена наличием в регионе большого количества водных артерий, создающих своеобразные пути продвижения для племен финала средней бронзы. Выход через протоки Дона и его рукава в Азовское море стал связующим центром для культурной взаимосвязи и путем освоения новых территорий обитателями Северного и Западного Кавказа. Возникшая в поздний катакомбный период Ливенцовско-Каратаевская крепость, является не только важным обменно-торговым пунктом, но и опорным комплексом, связывающим два археологических периода.

Нижнедонские поселения Вареновка, Ягодинка II, Раздорское, Россошь II и Закатное формами сосудов и другими типами инвентаря тяготеют к бытовым памятникам Северского Донца, и соответственно к основному ареалу ДДБК (рис. 46). Культурная принадлежность материалов финала средней бронзы памятника Малая Сопка I определена как днепро-донская бабинская культура, однако не совсем понятен его тип. Внести ясность в определение памятника как поселения или культового центра может только открытие новых схожих комплексов и наработка соответствующей сравнительной базы.

Самый восточный памятник, относящийся к бабинскому кругу - поселение Сухой Лог I. Наличие узоров, выполненных оттисками веревочки, отдаляет керамику памятника от классических днепро-донских методов украшения сосудов. Аналогичные горшки встречены в погребальных комплексах волго-донской бабинской культуры, как например горшок из Жареный бугор к3/п1 (Кияшко, 2003. С. 33, рис. 2).

ГЛАВА 4. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ.

Важной составляющей в определении хронологической последовательности культур является стратиграфия поселенческих памятников и курганных комплексов. В данной главе будут проанализированы наиболее информативные комплексы, для иллюстрации процесса сложения и распада культур финального этапа периода средней бронзы. Для исследования были использованы памятники, содержащие каменско-ливенцовские и бабинские древности. Исключение двух других посткатакомбных образований – волго-донской бабинской и лолинской культур, частично вошедших в прошлые главы, обосновано следующими факторами. Во-первых, малая численность как погребальных, так и поселенческих памятников данных культур в изучаемом регионе не позволяет выполнить качественный аналитический обзор. Второй фактор вытекает из первого и заключается в том, что более детальный анализ потребовал бы расширения территориальных рамок исследования, что не является целью настоящей работы. В-третьих, для ВДБК и Лолы уже существуют достаточно подробные исследования о сложении, становлении и дальнейшей судьбе культур, выполненные Р. А. Мимоходом (Мимоход, 2005, 2007, 2009, 2011, 2013, 2014, 2018, 2021, 2022).

Немного иная ситуация складывается для ДДБК, в рамках Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Основными работами здесь являются исследования С. Н. Братченко, посвящённые раскопкам Ливенцовского комплекса, анализу синхронных памятников и их взаимосвязи с нижнедонскими, хронологическому соотношению с предшествующими и последующими культурами, а также отдельным работам об определенных категориях инвентаря и их аналогиях (1976, 1977, 1979, 1985, 1995, 2000, 2005, 2006, 2011). Значительный вклад в исследование ДДБК в исследуемом регионе также внес Р. А. Литвиненко. Как уже упоминалось, именно он предложил внутреннюю схему деления бабинских памятников, изначально

отделив именно ДДБК (Литвиненко, 2006), а в последующем описав ДПБК с региональными подвариантами (Литвиненко, 2011). Погребальные памятники ДДБК нижнедонского региона не раз были задействованы в работах ученого (Литвиненко, 1996, 1996б, 1998, 1998а, 2000, 2002, 2004, 2006, 2007, 2011, 2020). Из них в наиболее полной мере бабинская культура на рассматриваемой территории, описана в работе 2006 года – «Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд)». Но в этом исследовании отсутствуют поселенческие памятники, так как на тот момент их количество не позволяло произвести качественный анализ. За прошедшее время, с момента выхода статьи Р. А Литвиненко, произошло существенное пополнение базы как погребальных, так и поселенческих комплексов ДДБК. Часть из таких новых памятников содержат значимые материалы, для определения хронологии, контактов с другими синхронными явлениями, а также соотношению с посткатакомбными древностями. Исходя из этого, сопоставление памятников ДДБК с материалами предшествующих и последующих периодов является необходимым условием для реконструкции процессов сложения и распада культуры.

Одним из важных вопросов периода финала средней бронзы на исследуемой территории является культурогенез каменско-ливенцовской группы. Поиск решения этой сложившейся дилеммы в разные временные промежутки были заинтересованы многие ученые (Рыбалова, Шарафутдинова, Братченко, Кислый, Мимоход). В последние годы, благодаря масштабным археологическим работам на полуостровах Крым и Тамань были обнаружены материалы с поселений финала средней бронзы. При сопоставлении их с находками Ливенцовской крепости выявился ряд общих и отличительных черт в формах керамических сосудов и некоторых изделий (Кияшко, Ларенок, 2020, 2023).

Хронологическое положение культур финала средней бронзы Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона представлено в синхронистической

таблице (рис. 66). В ней отражены основные предшествующие, синхронные и последующие культурные группы, как исследуемого региона, так и смежных территорий. При составлении таблицы были использованы данные хронологии Р. А. Мимохода и В. С. Бочкарева (Бочкарев, 2013. С. 484, рис. 5, Мимоход, 2022. С. 457, илл. 239), которые существенно дополнили общую хронологическую картину.

4.1. Относительная хронология погребальных комплексов днепродонской бабинской культуры на территории Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья.

Еще в 70-х годах прошлого столетия С. Н. Братченко сделал вывод о том, что памятники бахмутского типа близки к бабинским (КМК). Основой послужил анализ керамического комплекса, а также стратиграфия погребений в курганных могильниках. В то время как маньчские древности резко отличались от бабинских и явно не имели общих черт в вещевом комплексе (Братченко, 1976. С. 136-137). Особая роль в формировании Бабино, по мнению Б. А. Латынина, принадлежит харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуре (Латынин, 1964. С. 63-70). Данная позиция была поддержана С. Н. Братченко, но при этом ученый не отрицал влияние культур Предкавказья, Правобережья Днепра и Прикарпатья (Братченко, 1977. С. 31, 40, 41; 1985. С. 457). Также С. Н. Братченко отмечал влияние на формирование новых традиций группы смешанных памятников – бахмутской со среднедонскими элементами (Братченко, 1976. С. 118).

Для сопоставления данных стратиграфии курганных могильников и поселений были отобраны комплексы, наиболее ярко иллюстрирующие относительную хронологию для связки, катакомбная культура – бабинская – срубная, сабашиновская. Анализируемые курганные могильники представляют цепочки насыпей, зачастую слившиеся полами, с дополнительными отдельно стоящими курганами (рис. 2, 1-2).

КМ Гать III, связка курганов 24-16. Группа Гать III состоит из 8-ми насыпей, протянувшихся с запада на восток, и является частью одного большого погребального комплекса Керчик, расположенного на берегу одноименной реки, около хутора Озерки. В ряду отдельно стоящих насыпей цепочки могильника выделяется одна большая, вытянутая, овальной формы, состоящий из двух курганов №16 и 24, сросшихся между собой. Формирование этого сложного погребального комплекса началось в эпоху ранней бронзы – к16/п16 и чуть позже дополнилось к16/п14. Основное преобразование форм насыпи происходит в среднюю бронзу, вокруг основных ямных погребений кургана 16 размещаются катакомбные захоронения, перекрытые двумя дополнительными насыпями. В этот же период, в небольшом отдалении к юго-западу сооружается небольшой курган 24, над тремя погребениями в Н-видных катакомбах. В дальнейшем по западным и восточным краям курганов совершают захоронения представители ДДБК. Свой окончательный вид курганы получают в период поздней бронзы, производится досыпка над погребениями и поминальной площадкой срубной культуры. Финальный этап в использовании могильника связан с впускными захоронениями и признами эпохи раннего железного века в кургане 16.

Погребения из рассматриваемого могильника, совершенные в катакомбах, авторами археологических работ получили широкое определение в рамках «эпоха средней бронзы» (Парусимов, 1999. С. 18-23). Более узкую датировку дает в своей работе Р. А. Литвиненко, для захоронения к16/п9, относя комплекс к харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуре (Литвиненко, 2001. С. 167, рис. 1.10-12). Важным хронологическим маркером в погребении является характерный сосуд с высоким горлом, украшенный орнаментом в виде горизонтальных наlepных валиков, дополненных круглыми треугольными в сечении наlepами (Парусимов, 1999. Рис. 41.2-5). Сосуд явно выделяется из керамических комплексов других захоронений могильника, относящимся к средней бронзе, в которых преобладают горшки с пышным узором донецкого типа.

Учитывая стратиграфическое расположение погребения к16/п9, над донецким захоронением к16/п15, можно с уверенностью его отнести к позднему этапу периода средней бронзы.

В этой связи особо интересно рассмотреть погребения следующего временного промежутка, представленные ДДБК. Всего в двух сросшихся насыпях было обнаружено 9 захоронений данного периода – 5 в к16 и 4 в к24. Самое раннее погребение ДДБК к16/п5, было совершено с юго-западной стороны кургана. Его хронологический маркер в виде костяного изделия медальона-пряжки с центральным отверстием, достаточно точен и определяется самым ранним этапом существования культуры (рис. 19, 4). Через сравнительно небольшой промежуток времени около к16/п5 совершается еще одно захоронение к16/п3, в котором было обнаружено аналогичный предмет из кости, но относящийся к этапу ІБ, с плоским основанием. С противоположной стороны кургана 16 была устроена поминальная площадка, углубленная в грунт. В ее заполнении фиксировались фрагменты сосудов с налепными валиками. Вероятно, тризна связана с погребением к16/п19, по обряду схожим с ДДБК, но имеющим южную ориентировку. Такое расположение покойного крайне редкое для ранних периодов ДДБК и наиболее характерно уже для развитого этапа. Использование дерева и камыша в перекрытии могильной ямы не является определяющей только начального периода ДДБК, исчезая только на финальном ІІІ этапе. Таким образом, определить узкую датировку данного погребения, к сожалению, не представляется возможным, из-за отсутствия характерных маркеров. Аналогичная ситуация сложилась и для захоронений ДДБК в кургане 24. В них погребенные имеют «классическую» западную ориентацию, а также все составляющие обряда, кроме сопутствующего инвентаря.

Тем не менее, при наличии таких захоронений как к16/п9 харьковско-воронежского (среднедонского) типа и двух погребений ДДБК с ранними костяными изделиями, можно предположить их близкую взаимосвязь. Иная

картина складывается со следующим хронологическим горизонтом курганного могильника. Судя по всему, прошел более долгий промежуток времени от последнего использования могильника представителями ДДБК до прихода племен срубной культуры. При условии, что последние захоронения были совершены бабинцами в период ІБ, а продвижение покровцев-срубников на территорию Нижнего Дона связывают с ІІІ этапом ДДБК (Литвиненко, 2020. С. 350).

Еще одним аргументом, в пользу преемственности погребений к16/п9, к16/п5 и к16/п3 может считаться отсутствие захоронений как харьковско-воронежского типа, так и ДДБК в остальных курганах группы Гать ІІІ. Так, например, к25 был сформирован в период существования племен донецкой катакомбной культуры, возможно синхронно с к24, а к28 в эпоху поздней бронзы. Курганы 26 и 27 относятся к более позднему времени – раннему железному веку.

Таким образом, прослеживается определенный временной промежуток в использовании могильника Гать ІІІ с позднего катакомбного периода по конец этапа ІБ существования племен ДДБК, относящихся к посткатакомбному блоку, а выбор места для совершения своих захоронений носителями бабинской культуры имел явно не случайный характер.

Аксацкий І. Могильник представляет собой цепочку из 8-ми насыпей, протянувшихся по направлению с запада на восток. Памятник занимает водораздельную возвышенность между балками Камышеваха, Пороховая и Кизитеринка. Исследования могильника происходило в 2 этапа, изначально были раскопаны курганы 7 и 8 В. П. Глебовым в 1995 г. (Глебов, 2002. С. 224-230). Оставшиеся насыпи были полностью исследованы в 2010 году под руководством Н. М. Власкина (Власкин, 2012).

Могильник состоит из 8-ми курганов, двое из которых, 3 и 4, срослись полами, остальные насыпи отделены и находятся отдаленно друг от друга. Изначальное освоение места происходит в период существования ямной культуры и связано с формированием первых насыпей курганов 3, 4, 6. В

дальнейшем, происходит досыпка уже существующих и сооружение новых насыпей над погребениями катакомбной культуры. На этом этапе могильник дополняется еще пятью курганами, составляющими полную цепочку памятника.

В период средней бронзы могильник используется очень активно, большинство погребений в нем относится именно к этому временному промежутку. Такие захоронения относятся к разным этапам существования катакомбной культуры. Особый интерес вызывают погребения двух смежных периодов – позднего катакомбного и финала средней бронзы. Захоронения этого временного промежутка исключительно впускные. Наибольшая концентрация таких погребений сосредоточена в кургане 5, при полном отсутствии в курганах 2 и 7 (рис. 56).

Для того, чтобы подробно проанализировать и проследить взаимосвязь между погребениями позднего катакомбного периода и бабинского, рассмотрим каждый курган с такими комплексами по отдельности.

В кургане 1 было обнаружено погребение 5, совершенное в прямоугольной яме (рис. 56). Поза захороненного и его ориентировка в южный сектор вполне могли бы указывать на принадлежность к ДДБК, но об обратном свидетельствует сопутствующий инвентарь в виде лепного низкошейного сосуда, украшенного по венчику косыми оттисками торца трубочки. Схожий по форме и орнаментации горшок был обнаружен в захоронении в КМ Шахтерк к2/п5. Комплекс из шахтерского могильника был определен С. Н. Санжаровым как поздний катакомбный, а сам сосуд отнесен к бахмутскому типу (Санжаров, 2011. С. 332, рис. 220. 5-7, с. 333). Аналогичный горшок происходит из погребения к3/п2, курганного могильника около г. Лисичанска (Санжаров, Черных, 2021. С. 31, рис. 11. 9-11, с. 32). В обоих случаях сосуды были не единственным погребальным инвентарем. В захоронении к2/п5 Шахтерска дополнительно была положена миска для плавки руды, а в комплексе из Лисичанска – костяное кольцо, отдаленно напоминающее округлые изделия ДДБК периода IA из аналогичного материала.

Объединяющим пунктом для всех трех погребений также является и расположение сосудов в комплексах – около головы покойного.

Итак, погребение к1/п5 Аксайского курганного могильника по приведённым схожим комплексам справедливо можно отнести к позднему этапу средней бронзы.

Следующий период в кургане представлен захоронением к1/п2. О его принадлежности к ДДБК говорит ориентировка и поза погребенной, но некоторый сопутствующий инвентарь является исключительным для финала средней бронзы (рис. 56). Например, костяная овальная подвеска с циркульным орнаментом не находит пока аналогий как в захоронениях ДДБК, так и в более ранних катакомбных комплексах. Достаточно редко встречаются и цилиндрические бусины из янтаря, уступающие по численности украшениям из сердолика (КМ Бургуста I, Репный I).

Само по себе наличие предметов из металла (бронзы) в погребениях ДДБК, как уже говорилось в главе 2, явление не частое, но все же присутствуют определенные формы вещей, встречающиеся не однократно, например трубочки пронизи, нашивные диски-бляшки или витые кольца, аналогичные находке из захоронения к1/п2. По статистике приведенной М. Ю. Бровендером, такой тип изделий встречается в 2/2,8% процентах от общего числа найденных предметов в комплексах ДДБК (Бровендер, 2016. С. 235, 640, рис. Ж.3.57. 3-4, 13).

Дополняет инвентарный комплекс погребения два предмета из кости быка - пряслице из суставной кости и зуб (рис. 56).

Исходя из состава погребального инвентаря данного захоронения, можно сделать вывод о принадлежности его к раннему периоду ДДБК. Дополнительными аргументами можно считать положение рук погребенной и ее ориентировку в восточном направлении.

В расположенном рядом кургане 3 было обнаружено одно захоронение к3/п12, относящиеся к раннему периоду ДДБК. Оно было совершено в межкурганном пространстве насыпей 3 и 4. Поверх ямы с заплечиками были

уложены поперек деревянные плашки, по нижней части стенок ямы удалось проследить остатки облицовки из дерева. Положение погребенного в могиле, включая ориентировку и позу рук без сомнения указывает на принадлежность к ДДБК, отсутствие погребального инвентаря также является нормой. К северу от захоронения был найден фрагмент сосуда с валиковой орнаментацией, вероятно связанный с проведением погребального обряда для к3/п12.

К этому же периоду можно отнести две тризны, зафиксированные с юга от описанного выше погребения. Ритуальные площадки представляли собой разные по форме пятна прокаленного грунта, с мелкими древесными угольками, обломком кости (ритуальная площадка 1) и фрагментом лепного сосуда с налепным валиком (ритуальная площадка 2). Оба объекта перекрывала общая насыпь, в которую в дальнейшем было впущено погребение к3/п12.

Погребения финала средней бронзы, найденные в кургане 5, обладают редкими параметрами обряда, сочетая в себе поздние катакомбные и бабинские признаки. Всего было обнаружено 5 захоронений, относящихся к рассматриваемому периоду – к5/п1, к5/п2, к5/п9, к5/п11, к5/п12. Из них погребения 1, 2, 9 и 11 были объединены одной насыпью, в которую было впущено захоронение 12.

При анализе погребений выделяется ряд признаков объединяющих часть погребений между собой. В первую очередь следует отметить, что все захоронения, были совершены в прямоугольных ямах с разной степенью округленности углов. Ямы двух погребений к5/п1 и к5/п11 имели перекрытие в виде деревянного настила из плах, уложенных поперек.

Следующим признаком является бинарная оппозиция захороненных, которая сохраняется только для трех погребений – к5/п1, к5/п9 и к5/п12. Захоронение к5/п2 принадлежит подростку, без установления его половой принадлежности. В то время как погребение к5/п9 мужское, оно не

соответствует бинарному расположению, присущему раннему этапу бабинской культуры (Литвиненко, 2006. С. 173-174).

Позы рук погребенных - еще один разделяющий и в тоже время объединяющий признак для рассматриваемых погребений. В двух из них руки были уложены в позу одна вытянута вдоль корпуса, вторая кистью соприкасается с ней в районе локтя (к5/п1 и к5/п12). В остальных погребениях руки были сложены в позе «кисти рук у лица» (рис. 56).

Инвентарный комплекс в наибольшей степени иллюстрирует особенность захоронений, заключающуюся в их временной принадлежности. Так, например, вещевой набор из погребения к5/п2 является характерными для позднего катакомбного периода. В него входят: высокошейный сосуд с широким туловом и богатым орнаментом в верхней части и по венчику, мисочка, укушенная по венчику и два костяных плоских диска разного размера (рис. 56). По своей форме и нанесенному узору горшок из рассматриваемого погребения соотносится с аналогичными сосудами позднедонецкого типа (Санжаров, 2013. С. 309). Костяные плоские диски довольно редко встречаются в погребениях бабинской культуры. находку схожих предметов на территории Молдавии отмечает в своей монографии Е. Н. Савва. Изделия отличаются от обнаруженных в аксайском могильнике богатым узором по одной из сторон в виде циркулярного орнамента и удлиненных лучей-насечек. По мнению ученого, костяные округлые диски относились к категории украшений (Савва, 1992. С. 45-46).

Характерным инвентарем бабинских погребений является костяная округлая пряжка-медальон из захоронения к5/п1. Такой тип изделия относится к самому раннему этапу существования ДДБК IA (по Р. А. Литвиненко) и выступает его индикатором. Идущие в дополнение к костяному кольцу астрагал и обломок кремневого ножа встречаются как в катакомбный, так и в бабинский периоды.

Связующим звеном двух периодов позднего катакомбного и финала средней бронзы является инвентарный комплекс погребения к5/п12.

Фянсовые и сердоликовые бусы разных размеров и форм встречаются исключительно в женских бабинских захоронениях раннего периода. Такая традиция наследуется с прошлой катакомбной эпохи, где схожие по форме украшения делали не только из камня, но и из бронзы.

При выделении С. С. Березанской нижнеднепровского варианта КМК, в учтённые погребальные комплексы было включено захоронение (КМ Компанейцы) с практически идентичным инвентарем и обрядом в целом с к5/п12 (Березанская, 1986. С. 32, рис. 11, 1). Помимо набора украшений, состоящего из различных по форме и материалу бусин, в погребении был найден сосуд-миска, схожий с горшком из аксайского могильника. Единственным отличием является богатый орнамент, полностью нанесенный на поверхность сосуда из Компанейцев. Украшения в виде налепных шишичек, также как и форма, полностью аналогичны аксайской мисочке. В предшествующий поздний катакомбный период существовали похожие типы сосудов. Приземистые мисочки обладали более плавным профилем и округлым дном, не отделенным рантом. Узоры, украшавшие их, состояли из различных композиций в виде прочерченных линий, дополняемых налепными шишечками (Санжаров, 1999. С. 54, рис. 7, 7, 12). Миски со схожим профилем и близкими размерами к аксайской, могли не украшаться рельефным декором, но обладали налепными горизонтальными ручками (Санжаров, 1999. С. 53, рис. 6, 2, рис. 7, 3). Погребения с такими сосуда-мисочками позднего катакомбного периода С. Н. Санжаров относил к финальному этапу существования ингульской культуры (Санжаров, 1999. С. 44).

В могильнике Аксайский I можно проследить еще одну цепочку взаимосвязи позднего катакомбного и финала средней бронзы. В кургане 7 было обнаружено впускное погребение, разрушенное грабительским лазом. От костяка остались только разрозненные кости, но в северо-восточном углу камеры сохранился развал лепного сосуда. Также удалось проследить форму погребальной ямы, Н-видная катакомба имела в плане округлый колодец и овальную камеру (Глебов, 2002. С. 224). Такой тип конструкции характерен

для позднего периода существования катакомбной культуры. По наблюдениям С. Н. Братченко, преобладание овальных форм катакомб присуще бахмутской культуре (Братченко, 1976. С. 32, рис. 11, с. 61).

Определяющим позднего катакомбного времени является и сосуд, наеденный в погребении. Горшок средних размеров, с широким туловом, средней шейкой и отогнутым венчиком. По плечикам сосуд украшен двумя рядами налепных валиков, ниже которых расположены рельефные шишечки. Комбинация таких составляющих орнамента по своей манере исполнения близка к узору горшка из комплекса к16/п9 курганного могильника Гать III.

Южнее погребения 3 в финальном этапе периода средней бронзы было впущено захоронение к7/п1 ДДБК. Интересно, что перекрытие могилы, в отличие от других бабинских комплексов могильника, было сооружено из каменных плит. Поза погребенной, ее ориентировка, головой на север и отсутствие инвентаря усложняет датирование захоронения в рамках бабинской хронологии. Стоит отметить, что направление на север очень редки для первого периода и чаще встречаются на развитом этапе ДДБК. Вероятно погребение является самым поздним в ряде всех захоронений периода финала средней бронзы могильника Аксайский I. Положение рук погребенной из к7/п1 выступает связующим звеном с другими захоронениями, в то время как ориентировка наоборот - единственная с направлением на север во всем комплексе. Похожая ситуация складывается для погребения в поле между курганами 3 и 4 (к3/п12). В нем сохранено западное направление для погребенной, но при этом, поза рук выделяется из всех представленных в могильнике (рис. 56). Такое расположение рук захороненных в большей степени преобладает на развитом этапе ДДБК и по мнению Р. А. Литвиненко, является определяющей позой на равне с расположением рук «кисти у лица» (Литвиненко, 2006. С. 175, табл. 2). Подтверждает вывод ученого и статистика, полученная в ходе настоящего исследования для погребений ДДБК, приведенная в Приложении 7.

Хорошо иллюстрируют взаимосвязь позднего катакомбного этапа и финала средней бронзы погребения из курганов, расположенных в бассейне Северского Донца. Большинство из таких комплексов уже получили наиболее полное освещение в археологической литературе (Братченко 2001, 2003, 2004, 2008, 2009, Берестнев, 1995, Писларий 2008, Санжаров 1991, 2001, 2005, 2010, 2013, 2021). Рассмотрим два курганных могильника – Нижняя Бараниковка и Александровский (Братченко, 2003, 2004, Санжаров, 2010), расположенных в разных частях бассейна Северского Донца. Выбраны эти комплексы были не случайно, поздние катакомбные погребения, происходящие из этих курганов, имеют свои уникальные черты, а захоронения ДДБК представлены ранним периодом существования культуры.

Поздние катакомбные погребения из КМ Нижняя Бараниковка были совершены в прямоугольных ямах с заплечиками (к1/п3, к2/п5, к3/п2). Форма ямы одного из таких захоронений (к3/п2) была усложнена подбойной конструкцией в северной части. В подбой были уложены череп и кости ног быка. Погребение к2/п5 сверху перекрывалось досками, уложенными поперек ямы в заплечики. Для каждого захоронения характерна своя ориентировка погребенного и положение рук, кроме к3/п2, которое сохранилось частично. Керамический комплекс захоронений представлен различными формами и элементами узоров, нанесенных на поверхность горшков. По мнению С. Н. Санжарова, низкошейные сосуды из погребений к1/п3, к2/п5 и к3/п2 обладают признаками позднедонецкой культуры, находящей свое отражение в преобладании шнуровых и тесемчатых мотивов орнамента. Амфорка, с высокой шейкой из захоронения к2/п5, украшенная рядами тесьмы и прочерченных линий, больше характерна для среднедонской культуры (Санжаров, 2010. С. 338-339). По мнению С. Н. Братченко, орнаментация и форма такого сосуда находят аналогии в культурах Северного и Южного Кавказа и Триалети (Братченко, 2003. С. 214, 218). В дополнение к сосудам в погребения были уложены украшения – фаянсовые и костяные бусы, бронзовые бусины и трубочки-пронизи, серебряные витые кольца.

Погребения бабинской культуры были обнаружены в кургане 5 в количестве трех штук (п10, 11, 12-А). Все захоронения впускные, п10 и п11 перекрывались общей насыпью, а п12-А имело собственную досыпку. Погребения совершены в прямоугольных ямах, перекрытых поперечным деревянным настилом. Единственное захоронение п10 имело западную ориентировку, остальные были уложены головой в юго-западное направление (Братченко, 2003. С. 223). Погребальный инвентарь был обнаружен только в к5/п10 и состоял из костяной пряжки-медальона периода IA, остатков деревянной миски со скобами, желобчатых абразивов, кремневого наконечника стрелы и конкреции. По мнению С. Н. Братченко, наличие производственного стрелкового набора в захоронении является свидетельством наследия катакомбной культуры (Братченко, 2003. С. 223).

Курганный могильник Александровский располагался на правом берегу Северского Донца, на левом берегу его притока реки Луганка. К позднему катакомбному периоду было отнесено 46 погребений могильника. Большинство из них совершено в Н-видных катакомбах с округлыми входными колодцами, реже с овальными или прямоугольными. Захоронения в ямах представлены в наименьшем количестве, всего 3 штуки, две из которых имели дополнения в виде заплечиков (Братченко, 2008. С. 201). В нескольких погребениях позднего катакомбного периода обнаружены «чучела» из костей таких животных как овца-коза или бык (Братченко, 2008. С. 203). Формы и орнаментация сосудов разнообразна, по наблюдениям С. Н. Братченко, во многом схожа с аналогичными изделиями, происходящих с территории Среднего Дона, Маныча, Оскола-Краснянска (Братченко, 2008. С. 204). Тем не менее, ученый отмечает основное влияние именно донецкой (донецко-донской) культуры, а сходство в керамическом комплексе связывает с миграциями с южных частей в сереные регионы (Братченко, 2008. С. 213).

Бабинские захоронения александровского могильника маркируются разными периодами существования культуры. Определяющими являются костяные изделия, найденные в погребениях – кольцевые пряжки-медальоны

и узкопланочная пряжка. Часть захоронений совершена в прямоугольных ямах с облицованными деревом стенками (к1/п4, к1/п23), над одним погребением был прослежен заклад (к8/п1). Все захороненные уложены в среднескорченную позу, ориентированы головой на запад, реже на север и юг (Братченко, 2008. С. 215). Положения рук разнообразны и только в двух случаях имеют одинаковую позу – одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте (поза 1) (к1/п3, к1/п4). Связывает эти два погребения и их хронологическая принадлежность к раннему периоду.

КМ Бургуста I. По сравнению с предыдущим курганными могильниками, в рассматриваемом могильнике не так ярко представлены захоронения позднебронзового периода, но погребения ДДБК не уступают аксайским и в определенных компонентах обряда имеют общие черты. А также важным моментом является наличие ряда погребений последующего этапа бронзового века, представленного срубной культуры.

КМ Бургуста I состоял из 5 курганов, из которых 3,4 и 5,6 были соединены между собой, а курган 7 располагался отдельно от цепочек насыпей. Образование могильника связано с ямным погребением в кургане 7. Следующий этап связан с периодом средней бронзы и созданием основной насыпи кургана 3, а также впускными захоронениями в кургане 7 и 3. Погребение к3/п10 по основным параметрам погребального обряда можно отнести к позднему катакомбному периоду (Братченко, 1976. С. 32, рис. 11, с. 61, 62, Санжаров, 2001. С. 111). В этом захоронении был найденный сосуд с широким туловом и средней шейкой. От горла до широчайшей части нанесен орнамент в виде пяти рядов оттисков зубчатого штампа, образующими ёлочный узор. Схожие по форме и манере украшения сосуда С. Н. Санжаров относит к бахмутским древностям (Санжаров, 2001. С. 114, с. 123, рис. 39,4).

Как и в предыдущих рассмотренных курганных могильника, следующий этап Бургусты I связан с финальным этапом средней бронзы и днепро-донской бабинской культурой. В этот период происходит формирование основных насыпей курганов 4 и 5 (к4/п4 и к5/п11), а также впускные погребения к3/п12,

к4/п5 и к5/п10 (рис. 57). На основании данных стратиграфии можно детально реконструировать хронологическую последовательность погребений ДДБК. Самым первым было совершено захоронение к4/п4. Через небольшой промежуток времени курган 4 дополняется впускным погребением 5, курган 3 погребением 12 и возводится отдельная насыпь над погребением 11 кургана 5. Последним было совершено парное захоронение к5/п10, завершившее период ДДБК. Своеобразным подтверждением такой хронологической колонки для бабинского времени является отличие в расположении рук погребенных. Самое раннее вторичное захоронение к4/п4, для которого была соблюдена «традиционная» западная ориентировка. Более поздние погребения к4/п5, к3/п12 и к5/п11 объединяет одинаковая поза рук захороненных, когда обе руки сложены перед собой квадратом. В самом позднем бабинском захоронении к5/п10 были погребены двое мужчин, руки их уложены в одинаковую позу – одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте (поза 1). Следует отметить, что оба варианта расположения рук характеризуют именно ранний этап ДДБК, о чем уже говорилось в Главе 2 настоящей работы.

Период поздней бронзы представлен самым большим количеством погребений в могильнике (29 штук). Все захоронения были совершены в рамках одного обряда, с соблюдением позиции рук «кисти рук у лица», левобоким положением и восточной и северо-восточной ориентировками. Инвентарь погребений состоит в основном из сосудов остросереберных и баночных форм. Орнаментация, украшавшая горшки, разнообразна, от простых прочерченных линий и штамповочного зигзагообразного узора до сложносоставного меандра. В одном захоронении к3/п4 были обнаружены два бронзовых височных кольца в 1,5 оборота каждое.

Сочетание всех приведенных признаков погребального обряда, для срубных захоронений, позволяет определить их раннему горизонту существования культуры (Литвиненко, 1999. С. 4, 14, Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 44).

Курганы Миусского полуострова.

Исследованные в конце 70-х годов группы курганных могильников на Миусском п-ве Л. С. Ильюковым и Л. М. Казаковой наиболее полно отражают взаимосвязь периодов от средней до поздней бронзы. Концентрация погребальных комплексов сосредоточена на небольшом участке территории, ограниченном Миусским лиманом и Таганрогским заливом. В 12 курганах отдельных групп были зафиксированы погребения бабинской культуры. Все захоронения впускные в более ранние насыпи, над некоторыми из них создавались досыпки (Ильюков, Казакова, 1988. С. 86). Основными же в курганах были захоронения ямной и катакомбных культур. Массив погребений средней бронзы представлен в большей степени поздним периодом двух культурных групп донецкой и ингульской с вытянутыми костяками (Ильюков, Казакова, 1988. С. 50). Инвентарь таких захоронений представлен сосудами с характерными формами и орнаментом, мисками для плавки металла, жаровнями, бронзовыми украшениями и изделиями из камня и кремния.

Погребения ДДБК делятся на два хронологических периода. Ранний этап маркируется такими изделиями из кости, как округлые пряжки-медальоны с одним отверстием и узкопланочные поясные пряжки (рис. 23, 2). Отличительным признаком погребений развитого периода являются схожие округлые изделия, но уже с двумя отверстиями и иной профилировкой (рис. 21, 4). Различия в обряде двух периодов также прослеживаются в положении рук, и архаичная – одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте - сменяется на «кисти рук у лица».

Преобладание такого расположения рук характерно и для погребенных в эпоху поздней бронзы, с восточной ориентировкой (Ильюков, Казакова, 1988. С. 96). Инвентарный комплекс захоронений состоит в основном из сосудов, разных по высоте и профилю. В двух погребениях горшки были дополнены бронзовыми височными кольцами в 1,5 оборота. Аналогичные металлические изделия встречены в захоронении к5/п2 из км Бургуста I. Набор украшений встречен в еще одном погребении миусского полуострова –

Гайевка-Каймакчи, к1/п45. Он содержал ожерелье из пастовых бус, бусины из зеленого камня и ромбическую сурьмяную подвеску (Ильюков, 1979. С. 138, рис. 6.1). Захоронение со схожими предметами было обнаружено в курганах верховья реки Чир и отнесено Э. С. Шарафутдиновой к срубной культуре (Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 54). Своеобразным «переходными» признаками ритуала, по мнению Л. С. Ильюкова обладает захоронение КХV/1/П21 Гайевка-Каймакчи, заключающимися в умеренной скорченности костяка, наличии охры и острореберного сосуда (Ильюков, 1979. С. 141).

КМ Ясиновский и Ейский.

Ярко иллюстрирует хронологическое соотношение бабинской и срубной культур курганные могильники, исследованные Э. С. Шарафутдиновой и В. Г. Житниковым в верховье реки Чир.

Курганные могильники Ясиновский и Ейский являются самыми северными комплексами, вошедшими в данную работу. В обоих могильниках полностью отсутствуют погребения катакомбного периода, а самый ранний этап в сооружение курганных насыпей связан с захоронениями бабинского времени. Захоронение в км Ейский ДДБК можно считать более ранним, по отношению к Ясиновскому погребению этой же культуры. Основанием для такого суждения служит обнаруженная округлая костяная пряжка-медальон, относящаяся к периоду ПА, с одним отверстием и тонким бортиком вокруг него. В то время как в Ясиновском захоронении аналогичный предмет имеет большое центральное отверстие и два маленьких, одно из которых было обломано в древности. Положение погребенных и их ориентировки характерны для бабинской культуры. К сожалению, невозможно было восстановить позу рук захороненного из км Ясиновский, из-за действий землеройных животных. Положение рук для Ейского погребения, кисти рук у лица, является распространённой позой для развитого периода ДДБК.

Интересно, что в км Ясиновский насыпь, возведенная над основным бабинским погребением, не была использована на последующем этапе эпохи

бронзы. Рядом с ней был сооружен отдельный курган, в последствии слившийся с первым полами. Но все захоронения срубной культуры совершались исключительно во второй насыпи, игнорирую первую.

В период поздней бронзы могильники активно используются, создаются новые насыпи и достраиваются уже существующие. Все погребения, обнаруженные в курганах верхнего Чира, были распределены Э. С. Шарафутдиновой в хронологической последовательности, на основании данных стратиграфии и характерных черт обряда. В итоге, по мимо бабинского периода, удалось выделить еще три группы, для погребений поздней бронзы (Шарафутдинова, Житников, 2011. С.37-44). Каждая из групп обладала своими отличительными признаками, что позволило проследить постепенное изменение в обряде от ранних покровских до развитых срубных традиций (Шарафутдинова, Житников, 2011. С.44-54).

Самая ранняя группа погребений, для Ясиновского могильника, характеризуется преобладанием слабой скорченности, левобоким положением, положением кистей рук у лица, а также доминированием северный и северо-восточных ориентировок. Сосуды из погребений этой группы представлены в основном горшковидной и баночной формами. Сочетание таких признаков погребального обряда Э. С. Шарафутдинова относил к покровским признакам, а положение рук – классическим для покровской культуры (Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 39, 44).

Немного иная ситуация складывается для позднебронзовых захоронений Ейского могильника. Одно из них, к1/п2 имело ряд покровских признаков, заключающихся в общем положении тела, ориентировки и расположению рук погребенного. Второе захоронение отличалось позой рук, когда обе руки сведены вместе и направлены к ногам. Такую позицию рук Э. С. Шарафутдинова считала архаичной, заимствованной у культур прошлых периодов (Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 44). Различными были и формы сосудов, в первом – горшковидный, во втором острореберный. В итоге, рассмотренные погребения были отнесены ученой к третьей группе. Этот

хронологический период связан с расцветом срубной культуры, в обрядах которой изредка встречаются более ранние покровские признаки (Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 42).

4.1.1. Соотношение погребальных комплексов позднего катакомбного периода и днепро-донской бабинской культуры исследуемого региона.

Рассмотренные курганные могильники с погребениями катакомбной и бабинской культур дают полное представление о стратиграфическом взаимоотношении двух периодов. Захоронения позднего этапа средней бронзы во всех без исключения случаях предшествовали погребениям ДДБК. Обратной стратиграфии не было выявлено ни в одном из комплексов. Располагались бабинские захоронения чаще по сторонам уже существующего кургана, образуя дополнительную насыпь (Гать III к24-16, Бургуста I к3, Крутенький к2, Аксайский I к7, 3, 5). В редких случаях погребения впускались ближе к центру насыпи, иногда садясь на колодец катакомбного захоронения (Аксайский I к1).

Постепенное преобразование форм могильной ямы с катакомбного по бабинский период прослеживается в упрощении конструкции. Доминирование в поздний катакомбный период прямоугольных ям с подбоем и ям, дополненных заплечиками, передается и для последующего периода, угасая к третьему этапу существования ДДБК. Частично такой процесс прослеживается в км Аксайский I и Александровский, в которых был обнаружен ряд погребений средней бронзы с различными формами катакомбных конструкций, в том числе и поздние Н-видные с овальными контурами и совершенные в обычных ямах. В последующем бабинском периоде в этих могильниках были сделаны прямоугольные ямы, некоторые из которых имели заплечики (рис. 56-58).

Использование дополнительных могильных сооружений из камня и дерева отмечено как для катакомбного, так и для бабинского периода. Для позднекатакомбных погребений различных групп характерны свои способы методы применения дополнительных материалов. В Н-видных округлых

катакомбах поздней донецкой, ингульской и бахмутской культур камера отделялась от колодца каменной плитой (Гать III к16/2, к24/п11), либо деревянными плашками (Александровский к1/п33, Нижняя Бараниковка к5/п8, Новолакедемоновка п12). Для позднекатакомбных погребений в ямах дерево применялось в виде перекрытия, которое укладывалось на подготовленные заплечики (Александровский к1/п18, Аксайский I к3/п11, Нижняя Бараниковка к2/п5), либо полностью накрывало подбой.

Использование заплечиков погребальной ямы не ограничивалось только размещением на них деревянных плах перекрытия. В некоторых захоронениях позднего катакомбного периода на уступах размещали голову животных и их конечности в сочленении (Санжаров, 2011. С. 337). Такие «чучела» животных могли также помещать в шахту катакомбы, либо в подбой (Братченко, 1976. С. 34, Санжаров, 2011. С. 309).

В приведенных выше курганных могильниках ориентировки поздних катакомбных и бабинских захороненных разнятся. Для первых из них характерны южные и северные направления (Гать III, Бургуста I, Аксайский I, курганы Миусского п-ва), реже встречаются западные ориентировки (Нижняя Бараниковка, Александровский). В то время как бабинские погребенные захоронены в большинстве случаев головой на запад, в меньшем – на восток, иногда на северо-восток, юго-запад.

Изменения происходят и в расположении погребенных - правобокое положение сохраняется для некоторых женских захоронений, доминирующим становится левобокая позиция. Редкая поза на спине с подогнутыми ногами, как в могильнике Аксайский I к1/п5, встречается на первом этапе существования ДДБК (Самарский II к1/п3, Веселый I к1/п32) и полностью исчезает уже в развитой период. При этом вытянутое положение, характерное для ингульской культуры, в погребениях ДДБК Нижнего Дона и Северо-Восточного Причерноморья не встречено, в отличие от крымских синхронных памятников (Тощев, 1998. С. 122). Фактором сближающим позднюю ингульскую и бабинскую культуры, помимо инвентаря, является вытянутая

поза рук в захоронениях раннего этапа ДДБК. Аналогичные положения рук встречаются в погребениях поздней манычской и среднедонской культурах катакомбного периода (Санжаров, 2011. С. 309-310).

Для некоторых поздних катакомбных и ранних бабинских захоронений характерны близкие позы рук погребенных. Например, в км Гать III встречено следующее положение рук - одна рука вытянута вдоль тела, а вторая чуть согнута в локте и направлена к бедрам. Такая «классическая» катакомбная поза рук прослеживается для некоторых ранних захоронениях ДДБК (Хапры-79 к1/п32, Большенаполовский IX к1/п5, Кузнецовский II к1/п3,4).

Иная поза отмечена для км Аксйский I, в ряде погребений могильника обоих периодов повторяется поза – одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте. Интересно, что в кургане 5 этого же могильника, присутствует погребение к5/п2 с поздним катакомбным инвентарем, но при этом руки захороненного уложены кистями у лица. Судя по стратиграфии, погребение является первым впускным в уже существующую катакомбную насыпь. Дальнейшие захоронения в кургане обладают уже более выраженными признаками бабинской культуры, но в двух из них сохраняется архаичная поза – одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте (рис. 56). Последнее погребение ДДБК в кургане, также содержит признаки обоих периодов, заключающиеся в левобокоем расположении и восточной ориентировки с добавлением позы - кисти рук у лица (рис. 56). Сочетание обрядовых составляющих позднего катакомбного времени и финала средней бронзы в кургане 5 Акайского могильника является отражением постепенного процесса смены погребальных традиций и приходом новых религиозных веяний. На территории Нижнего Подонья практически отсутствуют курганные могильники, для которых бы удалось детально реконструировать переход от одного обряда к другому. Иная ситуация складывается в районе среднего течения Северского Донца. В этом регионе существуют неоднократные свидетельства постепенной смены погребальной традиции (Братченко, 2003, 2008, Санжаров, 2011).

Еще одним связующим звеном позднекатакомбного и бабинского времени является погребальный инвентарь. Преемственность двух периодов находит свое отражение в формах и орнаментации керамических сосудов, украшениях, костяных изделиях и производственных наборах.

Керамические сосуды раннего периода существования ДДБК совместили в себе признаки поздних катакомбных культур, повлиявших на ее сложение. В разнообразии форм и узоров таких горшков прослеживаются различные культурные составляющие, ставшие основанием для сложения ДДБК. Так, например, в курганных могильниках Гать III, Александровский и Аксайский I в погребениях были обнаружены сосуды с характерным орнаментом для среднедонской группы. Биконические горшки приземистых и вытянутых пропорций, украшенные по широкой части налепными валиками, находят аналогии в поселенческих материалах бабинской культуры (Вареновка, Ягодинка II) и практически отсутствуют в захоронениях на исследованной территории. Схожие мотивы орнамента встречаются на сосудах из финальнокатакомбных (бабинских, по нашей терминологии) погребений Северского Донца (Санжаров, 2011. С. 308, 344, рис. 224, 24, с. 316, рис. 208, 34).

Наибольшая связь в керамическом комплексе прослеживается между памятниками бахмутского типа и ДДБК. Она заключается в преобладании горшков вытянутых пропорций с раструбной шейкой и низких баночных сосудов. Доминирует рельефная валиковая и прочерченная техника выполнения узоров (рис. 56). Орнамент наносится как на всю поверхность сосуда, так и только верхнюю его часть. В период ДДБК сохраняется обычай опоясывать основание шейки или бока налепными валиками, либо прочерченной линией, в редких случаях рядом наколов. Продолжают существовать зональные, паркетные композиции, доминируют узоры в виде треугольников с поднятой вверх вершиной. В редких случаях встречается орнамент по венчику в виде насечек или пальцевых зацепов. Сложные комбинированные узоры, выполненные из налепных валиков и прочерченных

линий, на ранних бабинских сосудах из тризн схожи с украшающими мотивами бахмутской керамики. При общем изменении техники нанесения орнамента на поверхность горшка сохраняется структура многорядности и сложности композиции. Схожая манера украшения присуща и для позднедонецкой группы. Опоясывающие множественные линии орнамента состояли из оттисков веревочки, образующей горизонтальный елочный узор, а по верхней части сосуда были дополнены треугольниками, направленными вершинами вниз или вверх.

Взаимосвязь позднедонецкой группы и ДДБК в большей степени прослеживается в наборах украшений из погребальных комплексов. В км Аксайский I в двух погребениях были обнаружены бронзовые бусины различных форм, подвески из шлифованных клыков, бронзовые и костяные трубочки-пронизи, а также витое бронзовое кольцо. Последнее изделие имеет прямую аналогию, происходящую из погребения финала средней бронзы этого же могильника (рис. 56).

Бронзовые бусины в захоронениях ДДБК на территории Нижнего Дона встречены в трех комплексах (рис. 27). Наиболее схожие предметы с аксайскими, бочковидной формы и опоясывающим ободком, относятся к женскому погребению из км Новый Егорлык-XIV (рис. 27). Более вытянутые овальные бронзовые бусины катакомбных захоронений км Аксайский I также находят аналогии в комплексах ДДБК (рис. 56). Трубочки-пронизи, выполненные как из скрученного листа бронзы, так и из кости, относятся к ранним комплексам бабинской культуры и встречаются исключительно в женских погребениях (рис. 27, 28).

Аналогичные украшения двух смежных периодов не ограничиваются только бронзовыми изделиями. На раннем этапе бабинской культуры распространены бусы, сделанные из речных раковин, сердолика, янтаря, фаянса, подвески, выполненные из сверленных клыков животных и камня (рис. 27, 56-58). Бусины-медальоны, изготовленные из камня, зачастую сердолика или сарда, по форме напоминают катакомбные бронзовые изделия

(рис. 56). Подражание изделиям прошлой эпохи может являться связующим звеном, обладающим определенной памятью о предках.

Еще один тип погребального инвентаря, а именно роговые пряжки-медальоны, маркируют взаимосвязь катакомбного и бабинского времен. По мнению С. Н. Санжарова, катакомбные захоронения с круглыми кольцевыми костяными изделиями могут быть синхронными явлениями с аналогичными предметами из бабинских захоронений. Подтверждением ученый считает наличие схожих категорий вещей в погребальных комплексах обоих периодов. (Санжаров, 2003. С. 243). Самыми близкими к пряжкам-медальонам бабинской культуры среднего течения Северского Донца, С. Н. Санжаров считает костяные кольца из захоронений бахмутской группы (Санжаров, 2003. С. 242). Р. А. Литвиненко частично поддерживает позицию С. Н. Санжарова, отмечая при этом сходство территорий распространения комплексов со схожими костяными изделиями. Но, из-за малой базы погребений, оставляет вопрос актуальным, для решения которого необходимо открытие новых памятников и получение свежей информации по данной проблеме (Литвиненко, 2004. С. 283).

К схожему выводу приходит В. В. Рогудеев, при рассмотрении аналогичных предметов из погребений, с территории Нижнего Дона. Но комплексы, в которых были обнаружены изделия, ученый относит к позднедонецкой катакомбной культуре (Рогудеев, 2001. С. 107).

Некоторые типы погребального инвентаря, существовавшие в катакомбный период, еще встречаются на раннем этапе ДДБК и совсем исчезают к развитому времени. Сокращение вещевого набора прежде всего связано с уменьшением металлообработки из-за климатических изменений. Уже на первом этапе ДДБК, по сравнению с поздним катакомбным временем, сокращается численность находок литейных форм, практически исчезают миски для плавки металла (Бровендер, 2016). Найденные глиняные формы для стрел в комплексах ДДБК Нижней Бараниковки и Александровского

курганных могильников являются редким инвентарем, маркирующим захоронение мастера.

Таким образом, преемственность позднего катакомбного и бабинского периодов заключается в сохранении доминирующей ориентировки головой на запад, средней скорченностью тела, положением рук захороненных, наличием чучела животного, а также сохранении некоторых типов инвентаря. Изменения в погребальном обряде, касающиеся преобразований формы могильной ямы, появлении новых поз рук и облика сопутствующих вещей, свидетельствует о постепенной смене религиозной составляющей древних племен. Дополнительным подтверждением выступают погребения, обладающие признаками обеих культур (рис. 56), из рассмотренных выше могильников. Для территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья на данный момент такие комплексы являются редкостью, в отличие от среднего течения Северского Донца.

Неоднозначная ситуация складывается и с определением основной культурной группы, участвующей в сложении бабинской культуры. Как видно из приведенных примеров, для отдельных микрорегионов характерны свои признаки, связывающие с разными предшествующими культурами. Так для комплексов с территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в большей степени характерны бахмутские признаки, реже манычской группы, с региона Северского Донца – среднедонские и бахмутские. Сложение ДДБК имело неоднородный характер, при котором на местный субстрат, выраженный различными культурными группами, оказывается влияние племенами с территорий Северного Кавказа и Западной Европы. В итоге, происходит формирование нового культурного явления, сложного по своей структуре и обладающего своими характерными признаками.

4.1.2. Соотношение погребальных комплексов днепро-донской бабинской культуры и раннесрубных комплексов исследуемого региона.

Угасание бабинской культуры связано с миграцией ранней срубной (покровской) культуры и возрастанием доминирования Волго-Уральского

очага культурогенеза. В курганных могильниках погребения ДДБК всегда предшествуют позднебронзовым захоронениям. Планиграфия таких погребений не имеет определенной закономерности. Захоронения могли впускаться в хаотичном порядке и совершаться в межкурганном пространстве (Бургуста I). Исключение составляют погребения из могильников Чир и Ейский, когда насыпь над основным бабинским захоронением остается не тронутой, таким образом как-бы отделяясь от иных традиций и верований.

Различия между двумя культурными группами прослеживаются и в положении погребенных. Среднескорченная поза сменяется на сильноскорченную, а западная ориентировка на восточную и северо-восточную. Для ранних захоронений срубной культуры сохраняется поза рук – одна рука вытянута вдоль туловища, вторая согнута в локте, по мнению Э. С. Шарафутдиновой, являющаяся архаичной и отражающая связь с племенами ДДБК (Шарафутдинова, 1983, с. 30, Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 44). Аналогичное положение рук характерно и для погребений с редкими для исследуемой территории кубками на поддоне федоровско-черкасульского типа (Ильюков, 2013. С. 157, Ларенок, Фурсова, 2022. С. 104). Единичность таких захоронений и их разрозненная локализация может являться свидетельством точечных проникновений представителей восточных племен. В качестве аргумента можно отметить ряд находок аналогичных сосудов и фрагментов на многослойных поселениях (Раздорское I, Вареновка, Дараганов-I, Левинсадовка).

Керамический комплекс захоронений ДДБК и покровско-срубной культур практически не имеет заимствованных форм и повторяющихся мотивов орнаментации на сосудах. Различия наблюдаются и в других типах погребального инвентаря. Расширяется номенклатура изделий из бронзы, включающая как различные категории украшений, так и оружие и орудия. В погребениях появляются инструменты для обработки кожи, выполненные из кости.

Одним из немногих связующих типов инвентаря между ДДБК и ранней срубной культурой является костяная пряжка-медальон. Такой тип изделий также является маркером в определении линий синхронизации культур. На примере могильников Ейский и Чир можно заметить, что бабинские захоронения с пряжками-медальонами датируются развитым периодом, в то время как позднебронзовые захоронения с аналогичными предметами относятся к раннему покровскому времени (Шарафутдинова, 2011). Схожая ситуация прослеживается и для могильников, расположенных в среднем течении Северского Донца (Литвиненко, 1996. С. 75). Следует отметить, что покровские захоронения с пряжками полностью отсутствуют на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Такую специфику локализации комплексов с костяными изделиями отмечали в своих работах Э. С. Шарафутдинова Р. А. Литвиненко (Шарафутдинова, 1990, Литвиненко, 1996). Последний автор пришел к выводу о том, что носители покровской культуры появляются в бассейне Дона в развитый период ДДБК, локализуясь в основном по берегам Северского Донца (Литвиненко, 1996. С. 75). Учитывая расположение курганных могильников Чирский и Ейский, выявляется не только контактная зона двух культурных групп, но и возможно, пути миграции покровско-срубных племен на Нижний Дон. Подтверждением являются результаты сопоставления погребальных памятников двух групп Р. А. Литвиненко, в результате которых была определена контактная зона и пути смещения носителями срубной культуры представителей ДДБК (Литвиненко, 1996. С. 75-76).

Более близкое культурное родство прослеживается между бабинскими и ранними сабашиновскими древностями. Оно заключается в конструкции погребений ранней сабашиновской группы в некоторых случаях заимствуется у предшествующих бабинских племен. Захоронения совершаются в прямоугольных ямах, перекрытых деревянными плахами, либо каменным закладом. На территории Побужья отмечены редкие захоронения в подбойных могилах. При этом доминирующим сооружением является каменный ящик с

закладом, либо полное отсутствие дополнительных конструкций (Березанская, Отрощенко и др., 1986. С. 94).

4.2.1. Относительная хронология поселенческих памятников финала средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

В связи с возросшим количеством археологических работ, связанных с прокладкой различных типов коммуникаций на территориях Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, были исследованы многослойные поселенческие комплексы, в ряде которых фиксировались фрагменты сосудов с характерными налепными валиками (Россошь II, Закатное II, Вареновка, Ягодинка II, Малая Сопка I). Зачастую, из-за сильной переотложенности слоев, не удавалось проследить сам культурный пласт, относящийся к периоду финала средней бронзы. Фрагменты бабинской керамики были обнаружены вперемешку с более ранними катакомбными, либо с позднебронзовыми древностями (Россошь II, Закатное II, Раздорское). Тем не менее, в ряде случаев была прослежена стратиграфическая колонка, позволяющая реконструировать этапы жизни поселений (Вареновка, Ягодинка II, Малая Сопка I). Открытие новых поселенческих комплексов позволило расширить представление о расселении племен ДДБК, а также определить их взаимосвязь с прошлыми и последующими культурными группами.

Слой с находками, относящимися к катакомбной культуре, был открыт на поселении Ливенцовка I и двух комплексах на территории Северского Донца – Трехизбенки, Капитаново II. Единичные находки фрагментов сосудов с штамповочным орнаментом, датируемые авторами раскопок эпохой средней бронзы, фиксировались на поселении Россошь II. По манере исполнения узоров, на стенках, венчиках и донцах можно предположить их отношение к донецкой катакомбной культуре (Дмитриенко, 2009, 2011-2012). Схожие материалы характерны и для пласта средней бронзы поселения Закатное I, II (Гудименко, 2003).

Средний бронзовый период ливенцовского поселения представлен следующими категориями инвентаря: керамикой разных типов, изделиями из металла, кости и камня (Братченко, 1976. С. 36-55). Проводя сопоставительный анализ найденных материалов, С. Н. Братченко пришел к выводу, о принадлежности слоя средней бронзы Ливенцовки I к донецкой катакомбной культуре. При этом ученый отмечал взаимосвязь нижнедонского памятника с поселениями среднего и нижнего течения Северского Донца (Братченко, 1976. С. 55). Но между Ливенцовкой I и свєвродонецкими комплексами, в том числе Трехизбенки и Капитаново II, все же прослеживается одно весомое отличие. Заключается оно в наличии пласта с поздними катакомбными древностями в стратиграфической колонке поселений Северского Донца и отсутствие его на Ливенцовке I. При этом С. Н. Братченко отмечал, что средний этап катакомбного периода относится к донецкой группе, с характерной керамикой, украшенной сложными тесемчатыми и шнуровыми округленными узорами (Братченко, 1998. С. 9-12).

Таким образом, можно предположить, что поселения Трехизбенки и Капитаново II существовали без больших временных разрывов, о чем свидетельствует наличие слоев с поздними катакомбными и финальнокатакомбными (по С.Н. Санжарову, по нашей терминологии – бабинскими) древностями. Керамический комплекс обеих культур, как уже неоднократно отмечалось, имеет сходство не только в доминирующих формах сосудов, но и стиле орнаментации. Иная ситуация складывается на поселении Ливенцовка I, где слой средней бронзы относится к донецкой группе, а промежуточный поздний катакомбный период отсутствует. Таким образом, образуется временной разрыв, когда поселение пустовало, вплоть до начала финала средней бронзы и появлением представителей бабинских племен.

Последующие этапы нижнедонских поселений связаны с сабашиновской (Вареновка) и срубной (Малая Сопка I, Россошь II, Закатное I, II) культурами. Аналогичное расположение бабинских и позднебронзовых древностей отмечено и для эталонного комплекса Ливенцовка I. Немного иная ситуация

была прослежена на поселении Ягодинка II, где помимо верхнего сабастиновского слоя, фиксировался промежуточный пласт, содержащий находки и постройку срубного времени (Цыбрий, 2009. С. 161, 2011. С. 101). Следует отметить, что на Ягодинке II отсутствовал слой катакомбной культуры, а первый этап формирования определен периодом неолита-энеолита. Не были обнаружены материалы средней бронзы и на таких поселениях как Вареновка и Малая Сопка I, исходя из этого можно определить изначальную точку в формировании комплексов бабинским временем.

Для поселений Северского Донца характерно аналогичное соотношение с поздними бронзовыми древностями. Отличием является культурная принадлежность племен, пришедших на места существования представителей ДДБК. По интерпретации С. Н. Санжарова, керамика со следами заглаживани и другие находки, найденные в поздних слоях таких комплексов, относятся к абашевской культуре (Санжаров, 2010. С. 33). Иную культурную принадлежность таких комплексов рассматривает Р. А. Литвиненко, определяя их принадлежность к древностям покровско-срубной культуре (Литвиненко, 2000. С. 79).

Культурную преемственность также можно проследить в керамическом комплексе. Манера украшения поверхности сосудов многочисленными рядами налепных валиков в ранний сабастиновский период угасает. Валиковый орнамент теперь наносится одной линией, реже двумя, по шейки или тулову. Налеп украшается пальцевыми вдавлениями, либо насечками, но по сравнению с бабинскими, они выполнены грубее. Ячейки от вдавлений при этом больше и могут практически полностью быть утопленными в валик.

4.2.2. Относительная хронология памятников каменско-ливенцовской культурной группы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

Период существования каменско-ливенцовской группы изначально был отнесен к финальному этапу периода финала средней бронзы, а ливенцовско-каратаевская крепость определена как поздний северокавказский памятник (Братченко, 1976). В более поздней работе С. Н. Братченко на основе

сопоставления костяной пряжки из погребения рва крепости с аналогичным изделием Гинчинской культурой, предположил, что падение укрепления произошло на II этапе Бабино (Братченко, 2006. С. 93). Подтверждением стала находка в развалах каратаевской крепости пряжки-медальона ДДБК ПА (Ильюков, 2016). Таким образом, верхний рубеж в жизни форпоста относится к первому периоду развитого этапа бабинской культуры, или фазе ПКБ II по Р. А. Мимоходу.

Вопрос относительной даты формирования укрепления раскрывается при помощи сопоставления сосудов, найденных в крепостных сооружениях с горшками из погребений в курганах за стенами сооружения. Связь керамического комплекса двух памятников прослеживается как в формах, так и в манере украшения поверхности сосудов (рис. 13). Датировка захоронений определена в рамках позднего катакомбного периода, что подтверждается наличием в курганах более ранних донецких погребений и поздних срубных.

Параллели между позднекатакомбными погребениями, в особенности донецкими, и материалами Ливенцовской крепости отмечал С. Н. Братченко. По мнению ученого, некоторое сходство прослеживается в манере украшения сосудов валиковым пояском в основании шейки или на боку, прочерченном и шнуровом орнаменте (Братченко, 2006. С. 219).

Финальный этап жизни крепости, связанный с ее разгромом, не раз затрагивался в научной литературе (Рыбалова, 1974, Шарафутдинова, 1978, Литвиненко, 2001, Отрощенко, 2002 Братченко 2006, Ильюков, 2012, Мимоход, 2022). Изначальная версия предполагала причину падения укрепления из-за миграции племен синташтинской (Отрощенко, 2002, Ильюков, 2012), либо срубной культур (Рыбалова, 1974, Шарафутдинова, 1978). Сам автор раскопок крепости связывал ее падение с внутренним конфликтом, произошедшим между представителями КЛГ и Бабино (Братченко, 2006. 171). На позднем периоде историографии развитие получила новая теория, о нападении на крепость племен с территорий Предкавказья (Литвиненко, 2009, Мимоход, 2013, 2022б).

После разрушения крепость не восстанавливается, о чем свидетельствуют погребения, совершенные во рву, но по всей видимости, возобновляет свое функционирование поселение, расположенное на нижней террасе. Связан новый период жизни Ливенцовки I с приходом представителей ДДБК и как следствие, с формированием 4-го слоя с многоваликовой керамикой.

Проведенный анализ позволил определить относительную хронологию существования Ливенцовской крепости в рамках первого и начала второго этапа финала средней бронзы (IA – ПА по типологии костяных пряжек, см. гл. 2). При этом не исключена возможность синхронизации начала функционирования Ливенцовско-Каратаевской крепости с позднекатакомбным периодом Северо-Восточного Приазовья, временем существования ингульской, ростово-луганской манычской и бахмутской позднекатакомбных культурных групп.

Подтверждается и гипотеза С. Н. Братченко, согласно которой КЛГ имеет общие черты в инвентарном комплексе с бабинской культурой, но не более чем для синхронных и родственных групп одного периода (Братченко, 2006. С. 219-220).

Находка костяной пряжки-медальона на территории Каратаевской крепости и в ряде погребений, отнесенных к КЛГ, является свидетельством контактов двух групп. Подтверждением также выступает наличие в бабинских слоях поселений Северского Донца керамики, украшенной вместо валикового орнамента насечками по тулову или под горлом. Аналогичные сосуды характерны для поселенческих комплексов Таманского полуострова (Кияшко, Ларенок, 2023). При этом, керамика Ливенцовской крепости и таманских памятников имеет отличия, по аналогии с бабинскими комплексами, что хорошо видно при сопоставлении материалов (рис. 48). Встречаемость сосудов на памятниках Тамани, Ливенцовской крепости и поселениях Северского Донца, с имитацией валикового орнамента, в виде насечек по

тулову либо под горлом, может является свидетельством взаимосвязей между синхронными культурными группами (рис. 52).

При сопоставлении такой категории инвентаря, как каменные топоры-молоты, также подтверждается взаимосвязь памятников Северного Кавказа - Ливенцовской крепости и Северского Донца – памятников ДДБК Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Как модно видеть на рис. 53, основные формы изделий ДДБК и КЛГ отличаются друг от друга. Но, при этом, найденные в Поднепровье топоры бородинского типа, отнесенные к бабинской культуре, схожи с Кавказкими и крепостными топорами-молотами. Некоторые аналогичные фрагменты предметов встречаются также в материалах из поселений Северского Донца (рис. 59). В результате, сопоставление топоров-молотов с указанных территорий в очередной раз является доказательством товарно-культурных взаимоотношений групп населения периода финала средней бронзы.

Сложение же каменско-ливенцовской группы, представленной на Нижнем Дону Ливенцовско-Каратаевскими форпостами, происходило при непосредственном участии как местного субстрата, так и Северокавказской культуры и каменной культуры Восточного Крыма. Об этом свидетельствуют схожие формы сосудов и их орнаментация, а также наличие ряда аналогичных типов изделий из камня, кости, металла.

4.3. Абсолютная хронология памятников периода финала средней бронзы.

Благодаря методике радиоуглеродного датирования возможным стало определение не только абсолютной хронологии археологических памятников, но выявления синхронных групп, существовавших древних культурных образований. Полученная серия калиброванных дат для погребений финала средней бронзы, на современном этапе науке, позволила окончательно определить расположение посткатакомбных древностей в хронологической шкале (Мимоход, 2009, Черных, 2016). Радиоуглеродные датировки памятников культурных групп финала средней бронзы в исследуемом регионе были получены только для ДДБК. Погребения и поселенческие памятники других синхронных культурных групп, к сожалению, не датированы. Поэтому в данной главе будут приведены даты C14, полученных из комплексов смежных регионов и основных ареалов распространения Лолы и ВДБК.

Основными материалами, для определения радиоуглеродной даты являются уголь, древесина, кость, растительные остатки, семена, за счет высокого содержания в них углерода. Развитие радиоуглеродного метода и применение технологии AMS датирования позволило также определять датировки по керамическим комплексам (Зазовская, 2016. С. 159-160). Благодаря проведению анализа C14 для святилища Рансырт I, керамический комплекс которого идентичен материалам Гамовской Балки, считающейся ранее синхронной с Ливенцовской крепостью, удалось определить дату существования памятника в рамках позднего бронзового века (Райнхольд и др., 2020. С. 427-438).

В исследуемом регионе, на данный момент лишь два погребальных комплекса ДДБК имеют радиоуглеродную датировку - Бургуста I и Ясиновский III. Дата погребения к5/п11 Бургуста I была получена при анализе нитки, сохранившейся от головного убора захороненной (Шишлина, Орфинская и др., 2020. С.671-680) (рис. 57). В км Ясиновский III в для анализа

погребений финала средней бронзы были отобраны кости человека (п6, п13, п19) и астрагал МРС (п10) (Мимоход, 2009, 2018). Полученные даты стали подтверждением стратиграфического и сравнительно-типологического метода, при котором захоронения были отнесены к посткатакомбному времени, XXIII-XVIII вв. до н. э., и распределены в рамках внутренней периодизации (Ларенок, 2018, 2022, Мимоход, 2009, 2013, 2018).

Наибольшее количество датированных комплексов ДДБК располагаются в основном ареале культуры. Полученные даты для таких погребальных комплексов, как Вапнярка около г. Одессы и курганов около С. Сторожевое, в очередной раз подтвердили верхнюю границу существования бабинской культуры в пределах XIX-XVIII веков до н.э. (Иванова, 2010. С. 73, Коваленко и др., 2012. С. 83-95). Для погребальных комплексов разных хронологических периодов Бабино степного Поднепровья также был сделан ряд радиоуглеродных дат, подтвердивших уже существующие временные рамки (Куштан, 2013. С. 168-169)

Для 15 погребений из всего ареала распространения лолинской культуры Р. А. Мимоходом было получено 18 калиброванных дат. Локализовались памятники в бассейне Восточного Маныча - на юге Калмыкии и севере Ставрополя. Полученные даты уложились в ранее намеченный ученым хронологический диапазон существования лолинской культуры, в рамках посткатакомбного времени (Мимоход, 2013. С. 281, 444, табл. 1).

При обосновании выделения волго-донской бабинской культуры Р. А. Мимоходом были приведены результаты радиоуглеродного анализа для 9 погребений. Показатели всей выборки вошли в калиброванный интервал между XXII-XVIII. В итоге, было подтверждены уже намеченные линии синхронизации с Лолой и ДДБК и скорректировано время существования посткатакомбных памятников Нижневолжского региона (Мимоход, 2013. С. 445, табл 3, 2014. С. 115, 116, табл. 1).

Особое значение радиоуглеродный метод имеет при сопоставлении памятников различных культур, как предшествующих, так и существующих в одном временном промежутке. При сопоставлении серии дат памятников родственных лопатинской и предшествующей ей восточноманычской культур, был зафиксирован промежуток наложения дат в рамках XXIII-XXI вв. до н. э. Схожие случаи Р. А. Мимоход отмечает для других связок поздних катакомбных и культур финала средней бронзы. Приводя примеры аналогичных ситуаций со схожим диапазоном наложения дат, ученый приходит к выводу об ошибке метода. Таким образом, необходимой частью анализа археологических комплексов остаются традиционные методы, определяющие относительную хронологию. В итоге, период существования развитой и поздней катакомбной культуры определяются в промежутке XXVI/XXV-XXIII, а финал средней бронзы - XII-XVIII вв. до н. э. (Мимоход, 2009. С. 254-255).

Следует отметить, что в последнее десятилетие произошло существенное увеличение количества полученных радиоуглеродных дат для посткатакомбных культур. По данным, приводимым Р. А. Мимоходом, банк дат увеличился практически в два раза, с 52 до 92 датировок (Мимоход, 2022а. С. 70). При этом, рамки существования культур финала средней бронзы остались прежними, подтверждая уже существующие наработки и исследования (Мимоход, 2022а. С. 71).

Метод радиоуглеродного датирования на современном этапе развития науки является необходимым инструментом в симбиозе с традиционными подходами. Высокая стоимость проведения анализа C14 не всегда доступна для ученых, но благодаря уже полученным датам возможным становится сопоставление комплексов и выявление их относительной хронологии. На основе представленных дат, хоть и в малом количестве, в исследуемом регионе в финальный этап периода средней бронзы занимает свое место в хронологической шкале эпохи бронзы между XXII-XVIII вв. до н. э.

Заключение.

В ходе исследования рассматривались древности на стыке периодов средней и поздней бронзы региона Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья, которые в последние полвека были выделены в качестве самостоятельной культурно-исторической эпохи.

Проведенный анализ 320 погребальных комплексов, вошедших в работу, показал, что наибольшее количество захоронений относится к днепродонской бабинской культуре. Погребения ДДБК представлены всеми этапами существования культуры с доминирующим количеством памятников двух ранних этапов – IА, Б и IIА и постепенным уменьшением комплексов к III-му финальному этапу. Такое различие в количестве памятников на протяжении развития ДДБК, вероятно, связано с происходящими климатическими изменениями в финале средней бронзы. Способствовала переменам и экспансия ранних срубно-покровских племен, пришедших с северо-восточных территорий. Также существенным фактором, внесшим изменения в устоявшийся уклад, является военный конфликт, произошедший на этапе IIА и последующее падение Ливенцовско-Каратаевской крепости.

Немногочисленные исследованные бытовые памятники изучаемого периода, кроме упомянутой крепости и расположенного рядом поселения Ливенцовка I, представлены невыразительными и часто переотложенными культурными слоями. Они не содержат остатков жилых и хозяйственных сооружений, а находки представлены в основном небольшими фрагментами керамики с многоваликовой орнаментацией. Для этих памятников (Вареновка, Ягодинка II, Раздорское I, Сухой Лог) даже не удалось реконструировать целых форм сосудов. Тем не менее, можно предположить, что большинство их относится к ДДБК.

Картография включенные в работу 188 курганных могильника, 12 поселений и 6 пунктов сбора подъемного материала выявила закономерности размещения памятников. Эти памятники тяготеют к водным артериям, концентрируясь на берегах таких водоемов как Дон, Маныч, Сал, Миус,

Северский Донец, Чир. Среди них, в свою очередь, большинство сосредоточено в низовьях Дона, в Азовском районе и по берегам Нижнего Маныча, остальные памятники находятся на водоразделах более мелких речушек и притоков крупных рек – Кундрючья, Гнилуша, Тузла, Большой Несветай, Мертвый Донец, Самбек, Кагальник, и т.д. (рис. 1). Своеобразными объединяющими пунктами являются поселения, расположенные в местах концентрации курганных могильников.

Таким образом, можно представить, как проходили пути сообщения между группами, населявшими Нижний Дон и Северо-Восточное Приазовье в период финала средней бронзы. Так, например, в начале финального этапа периода средней бронзы происходит расселение племен ДДБК на территориях Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона (Литвиненко, 2020. С. 335). При этом, между пришлой ДДБК и местной КЛГ на протяжении первых двух этапов финала средней бронзы (IA - IIА по хронологии костяных пряжек-медальонов), существовали обменно-торговые отношения.

В этой системе Ливенцовско-Каратаевская крепость являлась главным связующим звеном, между Северным Кавказом, Таманью, Крымом и степными нижнедонскими территориями, а также Северским Донцом и Поднепровьем. Подтверждением такого вывода может служить распространение таманского типа керамики и каменных топоров-молотов кавказского типа (рис. 59, 65). Контакты с регионами Северного Кавказа, Тамани и Восточного Крыма осуществляются на всем промежутке существования Ливенцовско-Каратаевской крепости.

Относительная хронология памятников финального этапа периода средней бронзы исследуемого региона прослеживается при анализе стратиграфии комплексов и имеет свои специфические особенности. На поселениях, расположенных в среднем течении Северского Донца, обнаружены слои с материалами предшествующей катакомбной культуры (Трехизбенка, Капитаново), сохраняется такое расположение пластов и для некоторых нижнедонских комплексов - Ливенцовка I и Раздорское. При этом,

в стратиграфической колонке большинства поселений со слоем финала средней бронзы, пласт с катакомбными древностями отсутствует (Вареновка, Ягодинка II, Сухой Лог I). Последующие слои на всех поселенческих комплексах представлены материалами и, в некоторых случаях остатками жилищ, сабастиновской (Вареновка, Ягодинка III), либо срубной культурой (Малая Сопка I, Сухой Лог I).

Особое значение в понимании процессов сложения культурных групп Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья имеют ряд погребальных комплексов, в обряде которых прослеживаются черты позднего катакомбного ритуала (Аксайский I, Ростовские курганы). Такие захоронения относятся к самому началу финала средней бронзы и были выделены в исследуемом регионе впервые.

Весомым дополнением стали использованные в работе данные радиоуглеродного датирования археологических комплексов, а также результаты антропологических, археозоологических исследований и спектрального анализа металла. Применяемые методы позволили более точно реконструировать процессы в финале средней бронзы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в общей системе культурогенеза периода.

Особый характер изучаемого периода в регионе связан с возникновением каменско-ливенцовской культурной группы и последующим угасанием её влияния при усилении влияния днепро-донской бабинской культуры. Последняя, в свою очередь, была оттеснена на запад представителями срубно-покровской культуры.

Североприазовский и нижнедонской регионы имеют особое значение для изучаемого периода, являясь своеобразной контактной зоной различных культурных образований. На финальном этапе периода средней бронзы в изучаемом регионе присутствовало четыре культурные группы. Первая из них – каменско-ливенцовская культурная группа, основным памятником которой является Ливенцовско-Каратаевская крепость в низовьях Дона. Вторая и третья связаны между собой обобщающим понятием культурный круг

Бабино – днепро-донская и волго-донская бабинская культуры. ДДБК имела доминирующее влияние в регионе и представлена наибольшим количеством памятников. Основная зона распространения ДДБК охватывает западную часть Нижнего Дона и Северо-Восточное Приазовье. Памятники ВДБК, преимущественно располагаются в северо-восточной части исследуемого региона, распространяясь далее по течению реки Волги. Памятники четвертой культурной группы встречены в юго-восточной части Нижнего Дона в виде двух погребений, относящихся лолинской культуре. Основной ареал Лолы относится к степным просторам Северо-западного Прикаспия.

В итоге исследования следует отметить, что была предпринята попытка реконструкции широкого круга культурно–исторических процессов в пределах обозначенных территорий – Нижний Дон и Северо–Восточное Приазовье. В работе показана сложность, многофакторность и своеобразие этих процессов. Их неотъемлемой частью являлись контакты нижнедонских групп с центрами Крыма, Тамани и Северного Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.Л., 1998. Топор бородинского типа из погребения КМК у с. Балабино // Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 105–108
2. Беляшевский Н.Ф., 1892. Раскопки на Княжьей горе в 1891 г. // Киевская старина. – К. – Т. XXIX. – С. 61–104
3. Березанская С.С., 1960. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. – М. – №4. – С. 26–41
4. Березанская С.С., 1962. О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. – Одесса. – Вып. 4. – С. 5–15
5. Березанская С.С., 1987. Абашевская культура на территории Украины // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 25–38
6. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К. – 166 с.
7. Березанская С.С., 1998. КМК–культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 60–65
8. Берестнев С.И., 2001. Восточнoукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). – Харьков. – 264 с.
9. Беспалый Е.И., 2002. Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990–91 гг. // Аксайские древности. – Ростов–на–Дону. – С. 111–188
10. Беспалый Е.И., 2002. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. – Ростов–на–Дону. – С. 19–110
11. Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. – Ростов–на–Дону. – Т. 1. – 224 с.

12. *Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Навоалександровка. – Ростов–на–Дону. – Т. 2. – 223 с.
13. *Богданов С. В., 1998.* Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург. – Вып. II. – С. 17-37
14. *Бочкарев В.С., 2013.* К вопросу об относительной хронологии металло производства позднего бронзового века южной половины Восточной Европы (зоны степи и лесостепи) // Бронзовый век Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э. – СПб. – С. 477–525
15. *Братченко С.Н., 1967.* Раскопки крепости бронзового века у Ростова– на– Дону // АО 1996г. – М. – С. 66– 69
16. *Братченко С.Н., 1969.* Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. – К. – Т. XXII. – С. 210– 231
17. *Братченко С.Н., 1976.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К.– 251 с.
18. *Братченко С.Н., 1977.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К. – С. 21–43
19. *Братченко С.Н., 1985.* Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 451– 458
20. *Братченко С.Н., 1985а.* Каменско– ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 458– 462
21. *Братченко С.Н., 1995.* Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпох энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – Часть II. – С. 8–26
22. *Братченко С.Н., 2001.* Донецька катакомбна культура раннього етапу. – Луганск. – 124 с.

23. *Братченко С.Н., 2003.* Могили бронзової доби в басейні р. Деркул // МІАВУ. – Луганск. – Вып. 1. – С. 162–225
24. *Братченко С.Н., 2006.* Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. – Луганск. – Вып. 6. – С. 32–307
25. *Братченко С.Н., 2008.* Олександрівські могили–кургани в долині Лугані // МДАСУ. – Луганск. – Вып. 8. – С. 134–217
26. *Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С. 2000.* Ливенцовский могильник I // ИАИАНД в 1998 г. – Азов. – Вып. 16. – С. 160–215
27. *Бровендер Ю.М., 2016.* Донецкий горно–металлургический центр эпохи бронзы. Рукопись дис. ... д–ра ист. наук – К. – 776 с.
28. *Вангорская О.Г., 1987.* О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 38–48
29. *Василенко А.И., 1996.* Курган культуры многоваликовой керамики у с. Чугуно–Крепинка в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск. – С. 178–181
30. *Веселов В.В., 1957.* Стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове близ поселков Каменка, Глейки, Маяк // ИАИДК. – К. – С. 35–39
31. *Власкин М.В., 2002.* Раскопки курганных могильников «Холодный Плес», «Калиновский II» и «Лиховский II» в Красносулинском районе // ИАИАНД в 2001 году. – Азов. – Вып. 18. – С. 95–97
32. *Власкина Т.Ю., 2002.* Исследования курганного могильника «Ребриковский I» в Красносулинском районе // ИАИАНД в 2001 году. – Азов. – Вып. 18. – С. 97–98
33. *Глебов В.П., 2002.* Раскопки курганов в Красносулинском районе Ростовской области // ИАИАНД в 2001 году. – Азов. – Вып. 18. – С. 97–98

34. *Глебов В.П., 2004.* Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды АНИБ. – Ростов–на–Дону. Т.1. – С. 51–186
35. *Городцов В.А., 1905.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Труды XII археологического съезда в Харькове (1902). – М. – Т.1. – С. 174–226
36. *Гудименко И.В., 2007.* Спасательные раскопки отряда археологической экспедиции ЗАО «Ростспецархеология» в 2006 г. // ИАИАНД в 2006 году. – Азов. – Вып. 23. – С. 75–91
37. *Гудименко И.В., Дмитриенко М.В. 2009.* Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения Дюнное–5 у станции Старочеркасская // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 6. – С. 46–50
38. *Дергачев В.А., 1986.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. – Кишинев. – 117 с.
39. *Добровольский А.В., 1957.* Поселение бронзового века Бабино III // КСИА УССР. – К. – Вып. 7. – С. 40–45
40. *Дубовская О.Р., 1985.* Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо–Восточного Приазовья // Тезисы областного семинара «Археология и краеведение – школе». – Донецк. – С. 19–21
41. *Егорейченко А.А., 1991.* Очковидные подвески на территории СССР // СА. – М. – №2. – С. 171–182
42. *Зазовская Э. П., 2016.* Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. – №1. – С. 151–164
43. *Иванов И.В., 1985.* Изменение климата южной Украины в голоцене // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск. – С. 27–32

44. *Ильюков Л.С., 2002.* Крепость бронзового века в низовьях Дона // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 152–153
45. *Ильюков Л.С., 2012.* Кто штурмовал Ливенцовско–Каратаевскую крепость? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга 2. – С. 122–125
46. *Ильюков Л.С., 2013.* Кто осаждал Ливенцовско–Каратаевскую крепость в низовьях Дона? // КСИА. – М. – Вып. 231. – С. 21–28
47. *Ильюков Л.С., 2014.* Новый тип бабинских пряжек: костяная застежка в виде бусины // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* 2(2). – С. 54–58
48. *Ильюков Л.С., 2016.* Курган 1 могильника Чикмари II / ИАИАИАНД в 2013–2014 гг. – Азов. – Вып. 29. – С. 267–278
49. *Ильюков Л.С., 2016а.* Миниатюрные сосуды из Левенцовской крепости // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). – СПб. – С. 88–91
50. *Ильюков Л.С., Казакова Л. М., 1988.* Курганы Миусского полуострова. – Ростов–на–Дону. – 168 с.
51. *Ильюков Л.С., Ромащенко Н.И., Шеф А.В., 2001.* Исследования Каратаевской крепости в 2001 // ИАИАИАНД. – Азов. – Вып. 18. – С. 100–102
52. *Казарницкий, А.А. 2013.* Краниология населения бабинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. – Вып. 2. – С. 70–78

53. Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1999. Жилой комплекс Гамовская балка – новый памятник эпохи средней бронзы на Северо–Западном Кавказе // АВ. – СПб. – №6.– С. 86–101
54. Каменецкий И.С., 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. – М. – Вып. 1. – 400 с.
55. Кислый А.Е., 1987. О лепной керамике памятников типа Каменки–Ливенцовки // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк. – С. 56–58
56. Кислый А.Е., 1990. Об относительной хронологии каменско-ливенцовских памятников // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 20-22
57. Кислый А.Е., 1999. Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский, киммерийская культура на Боспоре // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб. – С. 102–106
58. Кислый А.Е., 2000. Каменная культура Восточного Крыма // Научные работы исторического факультета Запорожского государственного университета. – Запорожье. – Вып. IX. – С. 206–228
59. Кислый А.Е., 2005. Население и памятники каменной культуры Восточного Крыма // StratumPlus. – С. 93– 126
60. Кислый А.Е., 2005а. Новый памятник культурных связей Восточного Крыма – поселение Глейки II // ССПК. – Запорожье. Вып. XII. – С. 116– 120
61. Кислый А.Е., 2015. Планиграфия памятников каменной культуры Восточного Крыма: поселения Долины Любви и Азовского побережья под Керчью // Древности Боспора. – М. – Вып. 19. – С. 184–206
62. Кислый А.Е., 2016. О стенах (специальные постройки Каменной Культуры Восточного Крыма) // Древности Боспора. – М. – Вып. 20.– С. 269–288

63. *Кислый А.Е., 2022.* Каменская культура Восточного Крыма: древность и современность. – Ростов–на–Дону. – 191 с.
64. *Кияшко А. В., 2002.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград. – 268 с.
65. *Кияшко А.В., 2003.* Погребения пришлых культур развитой финальной средней бронзы в курганах Волго–Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 26–37
66. *Кияшко А.В., 2016.* Культурные слои эпохи средней бронзы поселения Раздорское I на Нижнем Дону // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). – СПб. – С. 84–88
67. *Кияшко А.В., 2018.* О специфике поселения позднего бронзового века // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. – М. – С. 31–33
68. *Кияшко А.В., 2022.* К вопросу о культурно–хронологической позиции поселения бронзового века Гамовская балка на р. Уруп // XVII международная археологическая конференция студентов и аспирантов. Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья. – Ростов–на–Дону – Таганрог. – С. 26–29
69. *Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2019.* Комплексы днепро–донской бабинской культуры в кургане 1 могильника Веселый I на Нижнем Дону // Археология и история древнего мира. – Ростов–на–Дону – Таганрог. – С. 3–7
70. *Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2020.* Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // XV всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов. Проблемы археологии Восточной Европы. – Ростов–на–Дону – Таганрог. – С. 97–106

71. *Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2023.* О выделении керамики таманского типа финала периода средней бронзы // АВ. – СПб. № 38.– С. 155–175
72. *Кияшко В.Я., 1987.* Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. – М. – Вып. 192. – С. 73–74
73. *Кнауэр Ф.И., 1983.* Раскопки Бессарабской губернии // Отчет археологической Комиссии за 1981 год. – СПб. – С. 82–86
74. *Ковалева И.Ф., 1981.* Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). – Днепропетровск. – 80 с.
75. *Ковалева И.Ф., 1998.* К вопросу об идеологических представлениях катакомбных племен Поднепровья // Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 19–23
76. *Козубовский А.Ф., 1933.* Археологические открытия на территории БоГЭСу в 1930–1931 гг. // Итоги разведок в районе затопления Бугской ГЭС. – К. – С. 97–98
77. *Колотухин В.А., Тоцев Г.Н., 2000.* Курганные древности Крыма. – Запорожье. – Вып. III. – 245 с.
78. *Корневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. – Тула. – 139 с.
79. *Кривцова–Гракова О.А., 1955.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. – М. – 166 с.
80. *Кузьмин В. Н., 2005.* Исследования кургана 1 могильника Степнянский II // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 4.– С. 165–177

81. *Куприянова Е.В., 2008.* Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). – Челябинск. – 244 с.
82. *Ларенок В.А., Ларенок О.П., 2018.* Биспиралевидные подвески из кургана №5 курганного могильника «Бургуста 1» Красносулинского района. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения. – Карачаевск. – С. 216–219
83. *Ларенок О.П., 2017.* Погребения культуры многоваликовой керамики в Провальской степи. // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк. – Вып. 9. – С. 104–107
84. *Ларенок О.П., 2017.* Уникальный женский комплекс бронзового века из раскопок курганного могильника «Бургуста–1». // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. – Ростов–на–Дону. – С. 74–79
85. *Ларенок О. П., 2018.* Раскопки курганного могильника «Бургуста 1» в Красносулинском районе Ростовской области. // XII Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов. Проблемы археологии восточной Европы. – Ростов–на–Дону – Таганрог. – С. 69–74
86. *Ларенок О.П., 2018.* Группа погребений культуры многоваликовой керамики из курганного могильника «Бургуста 1» в Красносулинском районе Ростовской области. // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. – М. – С. 53–55
87. *Ларенок О.П., 2019.* Анализ бронзовых изделий из курганного могильника Бургуста I // V международная конференция молодых ученых. Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. – М. – С. 64–65

88. Ларенок О.П., Фурсова И.М., 2022. Об одной редкой находке позднебронзового кубка на территории города Таганрога // Археология Волго–Донского междуречья: культурогенез от камня до раннего средневековья. Сборник в честь 60–летия А. В. Кияшко. – Ростов–на–Дону. – С. 104–108
89. Ларенок П.А., Ларенок В.А., 1998. Каталог курганов Северо–восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево–Курганский районы Ростовской области). – Ростов–на–Дону. – 260 с.
90. Ларенок П.А., 2000. Охранные раскопки кургана на территории базы производственного объединения «Красный металлист». – Ростов–на–Дону. – 66 с.
91. Ларенок П.А., 2002. Курганы Чатал Оба (некоторые полевые наблюдения о развитии погребального обряда в эпоху средней бронзы на правом берегу дельты реки Дон) // IV Донские археологические чтения. «Нижний Дон – этнические контакты», памяти Е. И. Беспалова. – Ростов–на–Дону. – С. 30–32
92. Латынин Б.А., 1964. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – СПб. – Вып. 6. – С. 53–71
93. Литвиненко Р.А., 1995. Территориально–хронологическое соотношение культур многоваликовой керамики и доно–волжской – абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – С. 80–83
94. Литвиненко Р.А., 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо–восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). – Донецк. – Часть 1. – С. 65–71
95. Литвиненко Р.А., 1996а. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой.

Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. – СПб. – С. 98–101

96. *Литвиненко Р.А., 1996б.* Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно–Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 2. – С. 46 – 50

97. *Литвиненко Р.А., 1997.* Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно–Донецького регіону (Матеріали 3–го Українсько– Російського польового археологічного семінара). – К. – Вороніж.– Перевальськ. – С. 29–33

98. *Литвиненко Р.А., 1998.* Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго–Восточной Европы» – Ростов–на–Дону. – С. 48–50

99. *Литвиненко Р.А., 1998а.* Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно–Донецкого региона (материалы 4–го Украинско–Российского полевого археологического семинара). – Воронеж. – С. 46–52

100. *Литвиненко Р.А., 1998б.* Погребения КМК с производственным инвентарем // Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 97 – 105

101. *Литвиненко Р. А., 1999.* К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. Региональные

особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск – Аркаим. – С. 130–132

102. *Литвиненко Р.А., 1999а.* К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в Доно–Волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк. – С. 68–72

103. *Литвиненко Р.А., 1999б.* Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Матеріали археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя) – Дніпропетовськ. – С. 83–86

104. *Литвиненко Р.А., 2000.* К относительной хронологии культур конца средней – начала поздней бронзы бассейна Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 76–79

105. *Литвиненко Р.А., 2000а.* Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 12–19

106. *Литвиненко Р.А., 2001.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара. – С. 161-169.

107. *Литвиненко Р.А., 2004.* Пряжки» и колесничество: проблемы соотношения // МДАСУ. – Луганск. – Вип. 2. – С. – 257–291

108. *Литвиненко Р.А., 2006.* Днепро–Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ. – Луганск. – Вип. 5.– С. 157–188

109. *Литвиненко Р.А., 2006а.* Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино //

Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк. – Т. 3. – С. 215-236

110. *Литвиненко Р.А., 2011.* Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 108–123

111. *Литвиненко Р.А., 2020.* Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы // Узы невозврата. Практические миграции в потоке культуры. StratumPlus. – СПб. – Кишинев. – Одесса. – Бухарест. – Вып. 2. – С. 333–357

112. *Литвиненко Р.А., 2022.* Шкура копытного в курганных погребениях бронзового века: жертва или психопомп // StratumPlus. – СПб. – Кишинев. – Одесса. – Бухарест. – Вып. 2. – С. 105-137.

113. *Лысенко С.Д., 2011.* К вопросу о культурно–хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье // КСИА. – М. Вып. 225. – С. 123–143

114. *Магомедов Р.Г., 1998.* Гинчинская культура. – Махачкала. – С. 378 с.

115. *Мамонтов В.И., 1999.* Материалы курганного могильника у озера Подгорное // Историко–археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Волгоград. – Вып. 3. – С.46–89

116. *Мамонтов В.И., 2000.* Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). – Волгоград: – 145 с.

117. *Марина З.П., 1983.* Кавказские импорты Левобережного Поднепровья в памятниках эпохи бронзы // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов–на–Дону. – С. 24–26

118. *Марковин В.И., 1978.* Дольмены Западного Кавказа. – М.– 327 с.

119. *Мимоход Р.А., 2003.* О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию

деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. Конф. – М. Часть I. – С. 103-107

120. *Мимоход Р.А., 2005.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка вопроса) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганск. – С. 70–74

121. *Мимоход Р.А., 2007.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо–западного Прикаспия / РА. – М. – №4. – С. 143–154

122. *Мимоход Р.А., 2009.* Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья // Пятая кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 253–257

123. *Мимоход Р.А., 2011.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 28–53

124. *Мимоход Р.А., 2013.* Лолинская культура. Северо–западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. – М. – 568 с.

125. *Мимоход Р.А., 2014.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго–донской бабинской культуре // Краткие сообщения института археологии. – М. – Вып. 232. – С. 100–119

126. *Мимоход Р.А., 2014а.* Радиоуглеродная хронология архонской культурной группы // XXVIII Крупновские чтения. – М. – С. 76–80

127. *Мимоход Р.А., 2018.* Стратифицированные курганы бронзового века на правом берегу Северского Донца. – М. – 287 с.

128. *Мимоход Р.А., 2018а.* Посткатакомбный период в Волго–Уральском регионе // XXI Уральское археологическое совещание. – Самара. – С. 140–144

129. *Мимоход Р.А., 2018б.* Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте

ближневосточных влияний // Археологические вести. – СПб. – №24. – С. 249-275

130. Мимоход Р.А., 2021. «Загадочные» сидячие захоронения бронзового века в Волго-Уралье // Российская археология. – Мск. – №3. – С. 52-66

131. Мимоход Р.А., 2022. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира // рукопись диссертации д-ра ист. наук. – Мск. – 1106 с.

132. Мимоход Р.А., 2022а. Десять лет спустя или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта). Тезисы докладов конференции. – Мск. – С. 70-73

133. Мимоход Р.А., 2022б. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. – Мск. – Вып. 266. – С. 79-96

134. Мимоход Р.А., 2023. Кольцевые костяные пряжки/подвески в Центральной и Восточной Европе на рубеже III-II тыс. до н.э., или конвергенция минус // КСИА. – Мск. – Вып. 270. – С. 187-203

135. Мимоход Р.А., Гак Е.И., Хомутова Т.Э., Рябогина Н.Е., Борисов А.В., 2022. Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней – начале поздней бронзы // РА. – М. – Вып. 1. – С. 24–38

136. Нефедов В., 1998. Каменный топорик бородинского типа из реки Днепр у о. Хортица // Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. –108–113

137. *Отрощенко В.В., 1978.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. – Ужгород. – С. 34–35
138. *Отрощенко В.В., 1990.* Катакомбная общность – срубная общность: возможность контакта // Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности. – Запорожье. – С. 76–78.
139. *Отрощенко В.В., 1998.* Феномен костяных пряжек // Проблемы изучения катакомбной КИО и КИО многоваликовой керамики. – Запорожье. – С. 113– 117
140. *Парусимов И.Н., 2009.* Раскопки курганов у хут. Потапов // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 6. – С. 177–181
141. *Парусимов И.Н., 2011.* Раскопки курганов у г. Новошахтинска // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 7. – С. 71–77
142. *Писларий И.А., Филатов А.П., 1972.* Тайны степных курганов. – Донецк. – 137 с.
143. *Писларий И.А., 1975.* О двух культурно–хронологических группах погребений в срубках бассейна Северского Донца / Новейшие открытия советских археологов. – К. – Ч.1. – С. 89–91
144. *Писларий И.А., 1991.* Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. – К. – С. 52–66
145. *Писларий И.А., 1992.* О содержании некоторых археологических понятий // Теоретические проблемы исторического исследования. Киев. – С. 23– 28
146. *Пыслару И., 2009.* Культура Делакэу–Бабино и киммерийская проблема // ССПК. – Запорожье. – С. 149–156
147. *Попова Т.В., 1955.* Племена катакомбной культуры // Труды государственного исторического музея. – М. – Вып. 24.– 188 с.
148. *Попова Т.Б., 1960.* К вопросу о многоваликовой керамике // СА. – М. – Вып. 4. – С. 42–46

149. *Посегун А.А., 2009.* Исследования курганного могильника Почтовый II в Октябрьском районе Ростовской области // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 6. – С. 63–74
150. *Потанов В.В., 2005.* Раскопки курганов на правом берегу р. Миус // Труды АНИБ. – Ростов–на–Дону. Т. II. – С. 70–94
151. *Потанов В.В., 2013.* Погребения эпохи финальной бронзы из могильника Крест в дельте Дона // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. Вып. 8. – С. 213–230
152. *Прокофьев Р.В., 2002.* Раскопки курганов у с. Киселево Красносулинского района // ИАИАИАНД в 2001 году. – Азов. – Вып. 18. – С. 114–119
153. *Прокофьев Р.В., 2004.* Курганы с камнем на правом берегу Северского Донца // ИАИАИАНД в 2003 году. – Азов. – Вып. 20. – С. 240–326
154. *Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2009.* Раскопки курганов на побережье Таганрогского залива // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 6. – С. 74 – 94
155. *Прокофьев Р.В., 2009.* Раскопки курганов на Северском Донце и Маныче // Археологические записки. – Ростов–на–Дону Вып. 6.– С. 94–114
156. *Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2017.* Курганный могильник «Мокрый IV» // Нижневолжский археологический сборник. – Волгоград. – Т. 16.– С. 125–142
157. *Радлов В.В., 1989.* Из Сибири. – М. – 750 с.
158. *Райнхольд С., Белинский А. Б., 2015.* О культурогенетических процессах в позднем бронзовом веке на Северном Кавказе // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140–летию Александра А. Миллера). – СПб. – С. 147–150

159. Райнхольд С., Белинский А. Б., Атабиев Б. Х., 2020. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке. – СПб. – С. 405–455
160. Рогудеев В.В., 2000. Связи населения Южнорусских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов. – С. 52–57
161. Рогудеев В.В., 2001. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург. – С. 107–109
162. Рогудеев В.В., 2002. Исследования в Аксайском, Красносулинском и Тарасовском районе Ростовской области в 2001 году // ИАИАИАНД в 2001 году. – Азов. – Вып.18. — С. 106–112
163. Рогудеев В.В., 2005. Исследование курганов в Северо–восточном Приазовье // Труды АНИБ. – Ростов–на–Дону. – Т. II. – С. 129–149
164. Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // Археологический сборник. – Ленинград. – Вып. 16. – С. 19–50
165. Савва Е.Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско–Прутского междуречья. – Кишинев. – 114 с.
166. Санжаров С.Н. 1991. Позднекатакомбные погребения из Северо–Восточного Приазовья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 235–253
167. Санжаров С.Н., 1992. Северодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. – Луганск. – 50 с.
168. Санжаров С.Н., 1999. О позднекатакомбных памятниках ингульского типа на территории Северо–восточного Приазовья // Древности Северского Донца. – Луганск. – С. 44–61
169. Санжаров С.Н., 2000. О проблемах финальнокатакомбной культуры, культурогенезе КМК и покровских памятниках Северского

Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 72–74

170. Санжаров С.Н., 2001. Катакомбные культуры Северо–восточного Приазовья. – Луганск. – 172 с.

171. Санжаров С.Н., Черных Е.А., 2005. Кременские курганы на р. Красная в Подонцовье // МАИАВУ. – Луганск. – Вып. 4. – С. 170–198

172. Санжаров С.Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. – Луганск. – 488 с.

173. Санжаров С.Н., 2013. Проблемы финала катакомбного культурогенеза и керамический комплекс поселения Бабино III // МАИАВУ. – Луганск. – Вып. 12. – С. 53–81

174. Санжаров С.Н., Черных А.Е., 2021. Курганные древности эпохи бронзы Привольнянской излучины Северского Донца. – Луганск. – 276 с.

175. Селимханов И.Р. 1970. Разгаданные секреты древней бронзы. – М. – 80 с.

176. Сергеева О.В., 2009. Охранные исследования курганного могильника Киреевка 4 в Октябрьском районе Ростовской области в 2008 году // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 6. – С. 145–160

177. Сергеева О.В., 2011. Охранные раскопки курганного могильника Лисыный II // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 7. – С. 59–71

178. Тоцев Г.Н., Черняков И.Т., 1985. Культурно–хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо–западного Причерноморья. – К. – С. 5–31

179. Тоцев Г.Н., 1998. Погребения с костяными пряжками эпохи средней бронзы в Крыму // Проблемы изучения катакомбной культурно–

- исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 117–125
180. *Тощев Г.Н., 2005.* Период КИОМК Крыма // На пошану Софії Станіславівни Березанскої. – К. – С. 143–148
181. *Тощев Г.Н., 2007.* Крым в эпоху бронзы. – Запорожье. – 305 с.
182. *Узянов А.А., 1977.* Курган 1 Кузнецовского II могильника // Древности Дона. – Ростов–на–Дону. – С. 128–163
183. *Усачук А.Н., Бровендер Ю.М., 1993.* Изделия из кости поселения поздней бронзы у с. Лиман // Древние культуры Подонцовья. – Луганск. – С. 175–186
184. *Усачук А.Н., 1998.* Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики / Проблемы изучения катакомбной культурно–исторической общности (ККИО) и культурно–исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. – 125–135
185. *Усачук А.Н., 2013.* Пряжка из погребения 3 кургана 1 могильника Угледар / Археологический альманах. – Донецк. – Вып. 30. – С. 172–178
186. *Цыбрий А.В., 2002.* Исследования археологических памятников в Милютинском и Тарасовском районах Ростовской области в 2001 году // ИАИАИАНД в 2001 году. – Азов. – Вып. 18. – С. 119–123
187. *Цыбрий Т.В., 2009.* Исследование поселения Ягодинка 2 в Октябрьском районе Ростовской области в 2007 г. // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 6. – С. 160–166
188. *Цыбрий Т.В., 2011.* Комплексы срубного времени на поселении Ягодинка–2 // Археологические записки. – Ростов–на–Дону. – Вып. 7. – С. 101–109
189. *Черных Е.Н., 2016.* Радиоуглеродная хронология и принцип развития «от простого к сложному» // Междисциплинарная интеграция в археологии. – М. – С. 44–51

190. *Черняков И.Т., 1985.* Северо– западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. – К. – 172 с.
191. *Шарафутдинова И.Н., 1982.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – К. – 156 с.
192. *Шарафутдинова Э.С., 1983.* Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов–на–Дону. – С. 29–34
193. *Шарафутдинова Э.С., 1987.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск. – С. 27–48
194. *Шарафутдинова Э.С., 1990.* Нижнедонские памятники культур многоваликовой керамики в системе древностей Юго–Восточной Европы // Проблемы древней истории Северного Причерноморья. – СПб. – С. 27–47
195. *Шарафутдинова Э.С., 1995.* Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго–Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара. – С. 121– 140
196. *Шарафутдинова Э.С., 1996.* О восточной и северо–восточной границах распространение памятников бабинской культуры (КМК) // Северо–Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит–бронзовый век). – Донецк. – Ч.1. – С. 56– 59
197. *Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г., 2011.* Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – 180 с.
198. *Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П., Зазовская Э.П., Анкушева П.С., Й. ван дер Плихт, 2020.* Шерстяные ткани бронзового века Северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. – М. – Т. 15. – Вып. 5. – С. 671–680

199. *Штерн Э.Р., 1914.* Бессарабская находка древностей 1912 года // *Материалы по археологии России.* – СПб. – С. 1–14
200. *Щульц П.Н., 1937.* О работах Евпаторийской экспедиции // *СА.* – М. – Т. III. – С. – 252–254
201. *Vodolazhskaya L.N., Ilyukov L.S., 2019.* Archaeoastronomical studies of the pillars complex of the Bronze Age on the Karataevo fortress // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* – С. 148–198
202. *Lytvynenko R.A., 2013.* Central European parallels to the Dniepr–Don center of Babyno culture // *The Ingul–Donets early bronze cavitation as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic drainage basin 3200–1750 BC.* – Poznan. – Vol. 18. – С. 121–139
203. *Pâslaru I., 2006.* *Cultura Delacâu-Babino.* – Mangalia. – 278 s.

Архивные материалы

1. Белинский И.В. Отчет о археологических раскопках Манычского отряда археологической экспедиции Азовского краеведческого музея в 1989 г. // Архив ИА РАН, Р-1, 16603
2. Беспалый Е. И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1984 г. // Архив Азовского краеведческого музея. №10489/1
3. Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области в 1987 году. 1988. Архив ИА РАН. Р-1. № 12382,12382–а 12382–б
4. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Отчет о работах Приморского археологического I отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области в 1986 году. Ч. II. Архив АМЗ, КВФ – 10647/2,4 и Архив РАН. Р-1. № 11387
5. Братченко С.Н. Отчет об исследованиях Ливенцовской археологической экспедиции в 1964 году. - Архив ИА РАН, № Р-1, 2986
6. Братченко С.Н. Отчет об исследованиях Ливенцовской археологической экспедиции в 1966 году. - Архив ИА РАН, № Р-1, 3641
7. Брашинский И.Б. Отчет о работах Новочеркасской археологической экспедиции в 1964 // Архив ИА РАН. Р-1 № 2994
8. Власкин Н. М. Отчет об археологических раскопках курганных могильников №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, в составе объекта археологического наследия федерального значения «I курганный могильник у Аксайского поворота» в Аксайском районе Ростовской области в 2011–2011 годах. Архив ГАУК РО «Донское наследие». б/н.
9. Воронина Р.Ф. 1973. Отчет за 1973 год // Архив ИА РАН. Р-1, д. 5642
10. Горбенко А.А., Фомичев Н.М., Максименко В.Е, Кореняко В.А., Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 г. // Архив АКМ, КВФ-9797, ОА/19-20 // Архив ИА РАН, Р-1, 5422

11. Гордин И. А. Отчет о спасательных археологических исследованиях курганного могильника Вшивый–V (одиночный курган) в Семикаракорском районе Ростовской области в 2003 г. 2005. Архив Ростовской областной инспекции. б/н.
12. Дворниченко В.В. Отчет Багаевского отряда Донской экспедиции Института археологии АН СССР о раскопках курганов в зоне строительства Багаевско–Садковской оросительной системы в сезоне 1973 года. 1974. Архив ИА РАН. Р–1. № 5216,5216–а
13. Ильюков Л. С. Отчет об исследовании Каратаевской крепости в Ростове-на-Дону в 2001 г. 2002. Архив Ростовского областного музея краеведения. б/н.
14. Исаков А. Л. Отчет о раскопках кургана Камышевахский IV в Аксайском районе Ростовской области в 2016 г. 2016. Архив ООО «Южархеология». б/н.
15. Каменецкий И.С., Державин В.Л., Смирнов Ю.А. Отчет Донской экспедиции ИА АН СССР за 1975 г. - Архив ИА РАН, № Р-1, 6031
16. Капошина С. И. Отчет о раскопках Кобяковской экспедиции в 1959 г. Архив ИА РАН Р-1 №2022-а,б
17. Копылов В.П. Кузнецов В.В. Янгулов С.Ю. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Ростовского Госпединститута в 1990 году. - Ростов-на-Дону, 1991. // Архив ИА РАН, № Р-1, 15059
18. Лагоцкий К.С. Отчет 1-го Манычского отряда Донской экспедиции за 1972 г. // Архив ИА РАН, № Р-1, 5240
19. Ларенок П.А. Отчет об исследованиях Таганрогской Археологической экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН, Р-1, 20235
20. Мошкова М.Г. Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Архив ИА РАН, № Р-1, 4267
21. Науменко С. А., Власкин М. В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Красный IV в Аксайском районе Ростовской области в 2007 г. 2007. Архив Донского наследия. б/н.

- 22.Саяпин В.В. Отчет о раскопках могильника Отрадный II в 1989 г. // Архив ИА РАН, Р1, 14081
- 23.Узянов А.А. Отчет Донской экспедиции ИА АН СССР за 1975 год. Том III: Работы Багаевского отряда. Архив ИА РАН. Р-1. № 8107, 8107-а
- 24.Федорова-Давыдова Э.А. Отчет о работе Багаевского отряда Донской археологической экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН, Р-1, 5991
- 25.Шарафутдинова Э.С. Отчет о работах второго Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 году. 1973. Архив ИА РАН. Р-1. № 4879,4879-а
- 26.Шилов В.П. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции за 1962 г. - Архив ИА РАН, Р-1, 2727
- 27.Цыбрий Т. В. Отчет о раскопках курганного могильника Российский II в 2013 году. Открытый лист – № 233 от 29.04.13. 2014. Архив Донского археологического общества. б/н.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На правах рукописи

Ларенок Оксана Павловна

ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА
ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА И
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Исторические науки:
Специальность 5.6.3 Археология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 2. Приложения

Научный руководитель:
д.и.н. Кияшко А. В.

Ростов-на-Дону 2023

Приложение 1. Список вошедших в исследование памятников археологии финального этапа периода средней бронзы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

№ п/п	Название памятника	шифр	ФИО Исследователя	год
1	Гиреева могила	п4	Капошина С. И.	1959
2	Лысый-60г.	к1/п15	Братченко С. Н.	1960
3	Кудинов	к2/п2, 3, 13, 14	Капошина С. И.	1961
4	Институт Виноградорства	п3	Савченко Е. И.	1962
5	Соколовский	к5/п1	Капошина С. И.	1963
6	Северо-Западный I	к1/п9	Братченко С. Н.	1963
7	Ливенцовский мог.	п2А, п5	Братченко С. Н.	1965
8	Ливенцовские курганы 10 и 11	к10/п15, к11/п19, 20, 22	Братченко С. Н.	1965
9	Койсуг-68	к5/п5	Максименко В. Е.	1967
10	Погр. во рву Ливенцовской крепости	п2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13	Братченко С. Н.	1967
11	Четыре брата II	к12/п10	Мошкова М. Г.	1970
12	Ясырев I	к5/п6; к8/п9	Мошкова М. Г.	1970
13	Первая Веселовская группа	к3/п 9, 10, 11	В. Е. Максименко, Мошкова М. Г.	1971
14	Алитуб	к3/п2	Засецкая И. П.	1971
15	Устьман	к1/п3; к3/п2	Засецкая И. П.	1971
16	Шахаевская II	к3/п4	Федорова-Давидова Э. А.	1972
17	Механический завод	к15/п1	Казакова Л. М.	1972
18	Крепинский I	к19/п2	Лагоцкий К. С.	1972
19	Шахаевская I	к1/п2, к4/п18	Федорова-Давидова Э. А.	1972
20	Холодный I	к2/п6	Цимлянская археологическая экспедиция	1972

21	Александровский I	к1/п3, 4, 23; к8/п1, к9/п13, 19, 20	Братченко С. Н.	1972
22	Веселый II	к2/п2	Горбенко А. А., Максименко В. Е., Фомичев Н. М., Коренько В. Я.	1973
23	ТЭЦ-2	к5/п3	Казакова Л. М.	1973
24	Каракашев	к3/п3	Горбенко А. А., Максименко В. Е., Фомичев Н. М., Коренько В. Я.	1973
25	Северный II	к8/п2	Горбенко А. А., Максименко В. Е., Фомичев Н. М., Коренько В. Я.	1973
26	Восход II	к1/п6	Дворниченко В. В.	1973
27	Южный	к3/п2, 3	Горбенко А. А., Максименко В. Е., Фомичев Н. М., Коренько В. Я.	1973
28	Русский колодец (юж. группа)	VII/2/п8, VII/4/п2	Копылов В. П., Науменко С. А.	1974
29	Четыре брата I	к2/п6, 8; к3/п9, 10	Романовская М. А.	1974
30	Котлубань IV	к1/п4	Лисицын И. П.	1974
31	Романовский	к2/п33	Романовская М. А.	1974
32	Русский колодец (северная группа)	КIII / 2 / П2;	Казакова Л. М.	1974
33	Лебединый	к1/п1	Балабина В. И.	1975
34	Ежовка	к3/п1	Мамонтов В. И.	1975
35	Жутово	к21/п4	Мамонтов В. И.	1975
36	Маньчский-I	к1/п13	Донская археологическая экспедиция	1975
37	Гайевка-каймакчи	КXV/1/П8, 9, 11, 18; КXV/4/П2	Казакова Л. М.	1975
38	Русский колодец (северная группа)	КII / 2 / П2, 7; KIV/2/П3	Казакова Л. М.	1975
39	Русский колодец (юж. группа)	VII/1/п5	Ильюков Л. С.	1976
40	Кузнецовский II	к1/п3, 4, 5	Узянов А. А.	1976
41	Сторожевой	п8	Романовская М. А.	1976

42	Харинка	к23/п5	Каменецкий И. С.	1976
43	Потаповский IV	к5/п1	Донская экспедиция	1976
44	Балабинский I	к36/п1	Смирнов Ю. А.	1977
45	Столетовский	к1/п5; к2/п3, 4	Мамонтов В. И.	1977
46	Новогиреевка	к1/п1, 10	Самойленко В. Г., Пыслару И.	1977
47	Сагванский I	к3/п7	Стеганцова В. Я.	1977
48	Спорный	к11/п44	Верхнесальская экспедиция	1977
49	Кировский IV	к3/п7	Новочеркасская археологическая экспедиция	1977
50	Лакедмоновка	к1/4/п3, к1/4/п5	Ильюков Л. С.	1977
51	Сухой Чалтырь	к1/п11	Ларенок П. А.	1978
52	Верхне-Чирский	к2/п12	Мамонтов В. И.	1978
53	Сагванский II	к1/п9	Стеганцова В. Я.	1978
54	Хапры-79	к1/п32	Ларенок П. А.	1979
55	Молодогвардейский	к2/п2, 3, 4, 5, 6	Самойленко В. Г., Пыслару И.	1979
56	Самойлово	к1/п3	Швецов М. Л.	1979
57	Грушевский XIII	к1/п5	Новочеркасский отряд Ростовской экспедиции	1979
58	Беглица (16-й участок)	к2/п7, к3/п27	Ильюков Л. С., Казакова Л. М.	1979
59	Новолакедемоновка	п7, 10, 13	Ильюков Л. С., Казакова Л. М.	1979
60	Винновка	п8	Мамонтов В. И.	1980
61	Комаров II	к13/п2	Головкова Н. Н.	1980
62	Глушица	к1/п1	Мамонтов В. И.	1981
63	Криволиманский III	к7/п12	Ильюков Л. С.	1981
64	Химкомбинат	к4/п9	Мамонтов В. И.	1981
65	Чикмари II	к1/п3	Гамаюнов А. К., Ильюков Л. С.	1983
66	Ясиновский	к1/п1	Житников В. Г., Шарафутдинова Э. С.	1983

67	Ейский	к1/п1	Житников В. Г., Шарафутдинова Э. С.	1983
68	Кулешовка-83	к1/п7, 12, 18	Беспалый Е. И.	1983
69	Колдыри	к24/п3	Беспалый Е. И.	1983
70	Высочино VII	к14/п3, к30/22	Беспалый Е. И.	1984
71	Каратаево-Сады	к2/п8	Ларенок П. А.	1984
72	Красногоровка-84	к1/п22	Беспалый Е. И.	1984
73	Хохлач	к1/п3	Капошина С. И.	1984
74	Новосадковский	к30/п2, 3, 4;	Ильюков Л. С.	1985
75	Бушуйка	к2/в центре кургана	Беспалый Е. И.	1985
76	Красногоровка I	к14/п2	Беспалый Е. И.	1985
77	Житков-85	к5/п1	Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.	1985
78	Константиновский	к1/п16	Копылов В. П.	1985
79	Подгорный	к5/п2	Мамонтов В. И.	1985
80	Мокро-Дюдеревский	к2/п4	Смоляк А. Р.	1986
81	Ново-Александровский I	к33/п3; к34/п2	Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.	1986
82	Мокрый Керчик	к1/п3	Раев Б. А.	1986
83	Сухо-Дюдеревский II	к4/п11	Житников В. Г.	1986
84	Житков-II-86	к1/п9	Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.	1986
85	Высочино V	к5/п5	Беспалый Е. И.	1986
86	Серебряковка	к1/п6, 22	Семенов А. И.	1986
87	Советская Россия I	к7/п3	Бейсова Г. С.	1987
88	Малаяевка	к1/п2	Железчиков Б. Ф.	1987
89	Хапры-87	к7/п11, 15	Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.	1987
90	Упраздно-Кашальницкий-IV	к1/п9	Копылов В. П.	1987
91	Прогресс I	к2/п6	Марченко К.К.	1987
92	Чир-I	к2/п5	Мыськов Е. П.	1987
93	Красный Металлист	п27	Ларенок П. А.	1987

94	Рясни	к1/п9	Гордин И. А.	1988
95	Берданоовка	к3/п13, к5/п2	Беспалый Е. И.	1988
96	Ближнероссошский I	к17/п1	Житников В. Г.	1988
97	Поляков	к4/п2, к7/п7	Парусимов И. Н.	1988
98	Золотые Горки II	к2/п30	Парусимов И. Н.	1988
99	Богоявленская	к7/п10	Копылов В. П.	1988
100	Гать II	VIK14/ П5	Беспалый Е. И.	1988
101	Самарский II	к1/п3, к2/п6, к3/п4	Ларенок В. А.	1989
102	Федоровка II	к1/п10	Ларенок П. А.	1989
103	Круча II	к2/п5	Труды Новочеркасской археологической экспедиции	1989
104	Отрадный II	к21/п5	Саяпин В. В.	1989
105	Отрадный XIII	к2/п3	Белинский И. В.	1989
106	Пирожок	к1/п1	Гордин И. А.	1989
107	Федоровка I	к1/п5	Ларенок П. А.	1989
108	Горный	к2/п3, 4, 7	Мамонтов В. И.	1989
109	Займо-Обрыв	к18/п5	Беспалый Е. И.	1989
110	Базки	к1/п9	Мамонтов В. И.	1989
111	Чернухино	к1/п3	Гершкович Я. П.	1989
112	Москва-I	п16	Белинский И. В.	1989
113	Искра I	к2/п1	Белинский И. В.	1989
114	Крутенький I	к1/п4; к2/3/п1, 4, 5, 7, 9, 11, 22	Раев Б. А.	1989
115	Плоский I	к2/п2	Копылов В. П., Янгулов С. Ю.	1989
116	Никитин I	к3/п9	Ларенок В. А.	1989
117	Гать III	K23/П7; к16/п3, 5; к17/п1; к21/п5; к15/п4, 5	Беспалый Е. И.	1989
118	Ветютнев-90	к2/п1	Клепиков В.М.	1990
119	Аэродром	к4/п7	Белинский И. В.	1990
120	Таврия II	к1/п2	Ларенок В. А.	1990

121	Ромашкин II	п11	Мамонтов В. И.	1990
122	Поповка V	к1/п1	Труды Новочеркасской археологической экспедиции	1991
123	Астаховский	к2/п12	Евдокимов Г. Л.	1991
124	Донской	к2/п5	Ильюков Л. С.	1991
125	Теплый	к1/п5, 10	Новочеркасская археологическая экспедиция	1991
126	Николаевка	к3/п1	Братченко С. Н.	1991
127	Верхне-Рубежный I	к3/п4	Мамонтов В. И.	1992
128	Аглицкий II	к1/п1	Потапов В. В.	1993
129	Мухин I	к5/п3	Беспалый Е. И.	1993
130	Мухин II	к1/п5, 6	Беспалый Е. И.	1993
131	Октябрьский II	к6/п3	Потапов В. В.	1993
132	Каменный II	к2/п3	Яценко В. В.,	1995
133	Краснозоринский	к6/п5, 13	Санжаров С. Н., Бирюк А. А.	1996
134	Чугуно-Крепинка	к1/п1	Василенко А. И.	1996
135	Мокрый Чалтырь	п4, 8	Ларенок В. А., Потапов В. В.	1996
136	Юдинский III	к2/п7	Яценко В. В.	1997
137	Степнянский II	к1/п1, 6	Кузьмин В. Н.	1998
138	Волошиново-IV-97	к1/п9	Ларенок В. А.	1998
139	Федосеевка II	к7/п8	Потапов В. В.	1999
140	Репный I	к7/п1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 15	Глебов В. П.	2000
141	Сухоеланский I	п1, 12	Рогудеев В. В.	2000
142	Шкляр	к1/п8; к2/п1	Санжаров С. Н.	2000
143	Шахтерск	к1/п9; к2/п1	Санжаров С. Н., Братченко С. Н., Прынь А. Е.	2000
144	Другой I	к1/п3, 16	Рогудеев В. В., Кузьмин В. Н.	2000
145	Божковка I	к1/п5	Кузьмин В. Н.	2000
146	Кисилев II	к3/п6, 9, 17, 18	Прокофьев Р. В.	2001

147	Рестумов II	к1/п2	Кузьмина В. Н.	2001
148	Маленький I	к2/п2; к3/п2	Рогудеев В. В.	2001
149	Бережной IV	к2/п2	Потапов В. В.	2001
150	Нижняя Бараниковка	к5/п10, 11	Братченко С. Н.	2001
151	Ребриковский I	п4, 5	Власкина Т. В.	2001
152	Пришиб	к2/п14	Братченко С. Н.	2001
153	Каратаевская крепость		Ильюков Л. С.	2001
154	Ребриковка II	к1/п3, 4, 5, 6, 7	Прокофьев Р. В.	2001
155	Калиновский II	к1/п5	Прокофьев Р. В.	2001
156	Ребричанский II	к2/п4	Парусимов И. Н.	2002
157	Лимаревка	к1/п13, 20	Санжаров С. Н.	2002
158	Нижнедонские частые курганы	к20/п6	Ильюков Л. С.	2003
159	Новый Егорлык XIV	к1/п6	Гордин И. А.	2003
160	Хавалы II	кй/п7; к3/п2	Трубников В. В.	2003
161	Ливенцовский VII	к70/п1	Ильюков Л. С.	2003
162	Закатное I, II		Гудименко И. В.	2003
163	Ливенцовский III	к17/п1	Мячин С. В.	2004
164	Засальский	к5/п4	Прокофьев Р. В.	2005
165	Засальский II	к5/п3, п4	Прокофьев Р. В.	2005
166	Шипиловка	к1/п5, 6, 7, 10	Санжаров С. Н.	2006
167	Ягодинка II		Цыбрий В. В.	2006
168	Почтовый II	к1/п9, 11	Посегун А. А.	2007
169	Перекопка V	к1/п2	Сергацков И. В.	2007
170	Дюнное V	п4, 5, 11, 15	Дмитриенко М. В.	2007
171	Красный IV	к12/п7	Науменко С. А.	2007
172	Большенароловский IX	к1/п5, 6	Рогудеев В. В.	2007
173	Авилов-07	к2/п8	Мячин С. В.	2007
174	Вареновка		Потапов В. В.	2007

175	Сухой Лог I		Бездудный В. Г., Захариков А. П.	2007
176	Киревка 4	к1/п4, 5	Сергеева О. В.	2008
177	Лисиый II	к8/п1; к9/п1, 2, 4	Сергеева О. В.	2008
178	Тельмановский	п5	Санжаров С. Н.	2008
179	около Луганска	п2	Санжаров С. Н.	2008
180	Новоамросиевский	к1/п8	Санжаров С. Н.	2008
181	Темерницкий I	к6/п3	Бездудный В. Г.	2009
182	Могильник Крест	п32	Прокофьев Р. В.	2009
183	Елкинский I	к1/п6, 9	Прокофьева Т. В.	2009
184	Ливенцовский X	к1/п2	Бакушев М	2010
185	Аксайский I	к1/п2, к3/п12, к4/п3, к5/п1, 2, 9, 11, 12, к7/п1	Власкин Н. М.	2012
186	Российский-II	к14/п8	Цыбрий Т. В.	2013
187	Западный III (Таганрог)	к2/п3	Качевский П. С.	2013
188	Камышевахский-IV	к1/п4, 14	Исаков А. Л.	2015
189	Раздорское		Кияшко А. В.	2016
190	Бургуста I	к3/п12, к4/п4,5,к5/п10,11	Ларенок В. А.	2017
191	Мокрый IV	к1/п9	Прокофьев Р. В.	2017
192	Малая Сопка I		Юдин А. И.	2017
193	Веселый I	к1/п4	Гугуев Ю. К.	2018
194	Ясиновский III	к1/п6, 10, 11, 13, 18, 19	Мимоход Р. А.	2018
195	Таловый I	к2/п2	Мимоход Р. А.	2018
196	Лагутник		Волынец Б. К.	2018
197	Ливенцовское поселение		Братченко С. Н.	1962-64
198	Ливенцовская крепость		Братченко С. Н.	1964-68
199	Дубенцовский	к1/п1, к2/п5	Копылов В. П., Науменко С. А., Прохорова Т. А.	1972-1973
200	Сборы на р. Самбек		Ларенок П. А.	1976-78
201	Росошь I		Дмитриенко М. В.	2009, 2011-12

Приложение № 2. Данные антропологии из погребений ДДБК Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья

Мужские погребения			Женские погребения			Детские погребения		
№ кургана/ погребения	Положение скелета	Пол/ возраст	№ кургана/ погребения	Положение скелета.	Пол/ возраст	№ кургана/ погребения	Положение скелета	Пол/ возраст
Бургуста , К3 / П12	СЛБ, на 3.	М. 18 20 лет	Бургуста , К5 / П11	СПБ, на В	Ж. 18 лет	Киреевка 4 К1 / П5	Парное, СЛБ, на 3	Подростки: 10 лет; 18 лет
К4 / П4	«пакет», на 3.	М. 20 25 лет	Киреевка 4 К1 / П4	СЛБ, на СЗ	Ж, 25 лет	Гаевка Каймакчи К;9 /1/П9	СЛБ, на ЮЗЗ	ребенок
К4 / П5	СЛБ, на 3	М.	Гать ,, , К14/ П5	СЛБ, на СЗ; – СЛБ, на запад	Ж, 18 25 лет; ребенок, 10 лет	К;9 /1/П18	СЛБ, на ЮЮЗ	ребенок
К5 / П10	Парное (А, Б), СЛБ, на 3	М	Высочино9,, К14/П3	СЛБ, на В	Ж (?)	К;9 /4/П2	Сохр только голова на 3	ребенок
Самарский ,, К1/П3	На спине, скорчено, на 3	М, 35 45 лет	Темерницкий, К6/П3	ССПБ, на СВ	Ж, старше 30 лет	Гать ,, , К14/ П5	СЛБ, на СЗ; – СЛБ, на запад	Ж, 18 лет; ребенок, 10 лет

Первая Веселовская группа курганов К3/П11	СЛБ, на В СВ	М (?)	Нижнедонские частые курганы К20/П6	СЛБ, на ССВ	Ж, 30 лет	К23/П7	СЛБ, на З	17 лет
Веселый ,, К2/П2	СЛБ, на ЗСЗ, нижняя часть разрушена	М	Кисилев,, К3 / П6	Скорчено, на спине, на ЮВ	Ж, старше 45 лет	К16/П5	СЛБ, на З	17 лет
Отрадный ,, К21/П5	СЛБ, на СЗ	М, 20 25 лет	Ребриковка, К1/П4	СПБ, на СВ	Ж, 35 лет	Четыре Брата ,, К12/П10	Завал на спину, СЛБ, на З	Ребенок до 3х лет
Пирожок К1/П1	СЛБ, на З	М (?)	К1/П5	СПБ, на ЮВ	Ж., 20 25 лет	Мех завод К15/П1	на З	ребенок
Новосадковски й К30/П2	СЛБ, на З	М (?) лет	К1/П7	СЛБ, на ВСВ	Ж, 25 лет	Кисилев,, К3 / П9	СЛБ, на СЗ	Ребенок 4 6 лет
Аглицкий ,, К1/П1	СЛБ, на С	М (?), старше 45 лет	Ясиновский ,, К1/П10	СБП, на Юг	Ж, 25 лет	Ребриковка ,, К1/П6	СЛБ, на ЮЗ	детское
Хапры К1/П32	СЛБ, на СВ, с завалом на грудь	М, до 25 лет	Верхне Чирский К2/П12	СЛБ, на СЗ	Ж	Ясиновский ,, К1/11	Плохая сохранность костей	Подросток

	Кисилев,, К3 / П1	СЛБ, на Ю	М, 40 45 лет	Мокрый ,9 К1 / П9	СПБ, на 3	Ж, 25 лет; Ребенок до 5 лет	К1/П19	СЛБ, на 3	М, 15 лет
	К3/П18	СЛБ, на Юг	М, 45 50 лет	Репный , К7 / П7	СПБ, на ВЮВ, ноги поджаты. 2. СЛБ, ЗСЗ	Ж – 20 лет. Ребенок 8 лет	Таловый , К2/П2	СЛБ, на ЮЗ, с небольшим завалом на спину	ребенок
	Рибриковка,, К1/П3	СЛБ, на 3	М, 35 40 лет	Сухоеланский, П12	СПБ, на 3	Ж, 45 лет	Мокрый ,9 К1 / П9	СПБ, на 3	Ж, лет; Ребенок до 5 лет (череп)
	Ясиновский ,, К1/П6	ССЛБ, на СЗ	М, 45 55 лет	Озерки К17/П1	СПБ, на ВСВ	Ж	Репный , К7 / П7	СПБ, на ВЮВ, ноги поджаты. 2. СЛБ, ЗСЗ	Ж – лет. Ребенок 6 8 лет
	К1/П13	СЛБ, на 3	М, 30 40 лет	К21/П5	СПБ, к ВСВ	Ж, 20 лет	Красногоров ка, К14 / П2	СЛБ, на 3	ребенок
	К1/П19	СЛБ, на 3	М, 15 18 лет	Мухин ,, К2/П6	СПБ, на ССВ	Ж., 25	Криволиман ский,,, К7/П12	СЛБ, на 3	ребенок

	Крест П32	СЛБ, на ЗСЗ	М, 30 35 лет	Плотина , К1/П4	СПБ, на З	Ж., 25	Шахаевская , К1/П2	СБЛ, на З	ребенок
	Новоалександр овка , К33/П3	СЛБ, на З	М	Степнянский,, К1/П6	СПБ, завал на грудь, на СВ	Ж., 35 40 лет	Краснозорин ский К6/П	СЛБ, на В	ребенок
	Ясиновский К1/П1	СЛБ, на ЮЗ	М	Бережной ,9 К2/П2	СЛБ, на ЮЗ	Ж, лет	Шкляр К1/П8	СЛБ, на З	Ребенок 5 6 лет
	Камышевахски й,9 К1 / П4	СЛБ, на ЮЮЗ	М, 45 55 лет	Другой , К1/П3	ССЛБ, на ЮЗ	Ж, 45 лет	Высокий лес К15/П5 (Впускное)	СЛБ, на З	ребенок
	К1/П14	СЛБ, на ЮЗ	М, 25 35 лет	Новопалестинск ий, К1/П1	СПБ, на ССВ, с завалом на спину	Ж, 45 лет	Шипиловка К1/П5	СЛБ, на В	подросток
	Сторожевой П8	На спине, скорчено, на З	М, 20 25 лет	Ребриковский, П5	С, на спине	Ж., 45 50 лет	К1/П7	СПБ, на СВ	ребенок
	Репный , К7 / П3	СЛБ, ВСВ	М, 40 45 лет	П4	СПБ, на ЮЗ	Ж., 30 35 лет			
	К7 / П6	СЛБ, на З	М, 40 45 лет	Ливенцовский ,,, К70/П1	СПБ, на ЮВВ	Ж., 25 30 лет			

	К7 / П9	СЛБ, ЗСЗ	М, 30 35 лет						
	К7 / П10	Слабо скорчено, на спине, на З	М, 25 30 лет						
	К7/П13	СЛБ, на С	М., 45 лет						
	К7/П15	«Пакет»	М, 30 35 лет						
	Ребричанский К2/П4	СЛБ, на З	М, старше						
	Горный К2 / П3	Скорчено, на спине, на Юг	М, 25 30 лет						
	К2 / П4	СЛБ, с завалом на спину, на З	М, 25 30 лет						
	Сухоеланский П1	СЛБ, на СЗ	М, 35 40 лет						
	Дюнное 9 Кв. М 24 / П4	Нижняя часть отсутствует, на З	М						

	Кв. М 24 / П5	Голова отсутствует, СЛБ, позвоночником на 3	М						
	П11	СПБ, на 3	М						
	П15	СПБ, на 3Ю3	М						
	Базки К1/П8	СЛБ (в анатомической последовательности), на В	М, 35 45 лет						
	Мухин , К5/П3	СЛБ, на С3	М, 45 50 лет						
	Лысянский К1/П4	СЛБ, на С3	М						
	Сухо ДюдеревскийК 4/П11	СЛБ, на СС3	М, 20 30 лет						
	Степнянский К1/П1	СЛБ, на 3	М						

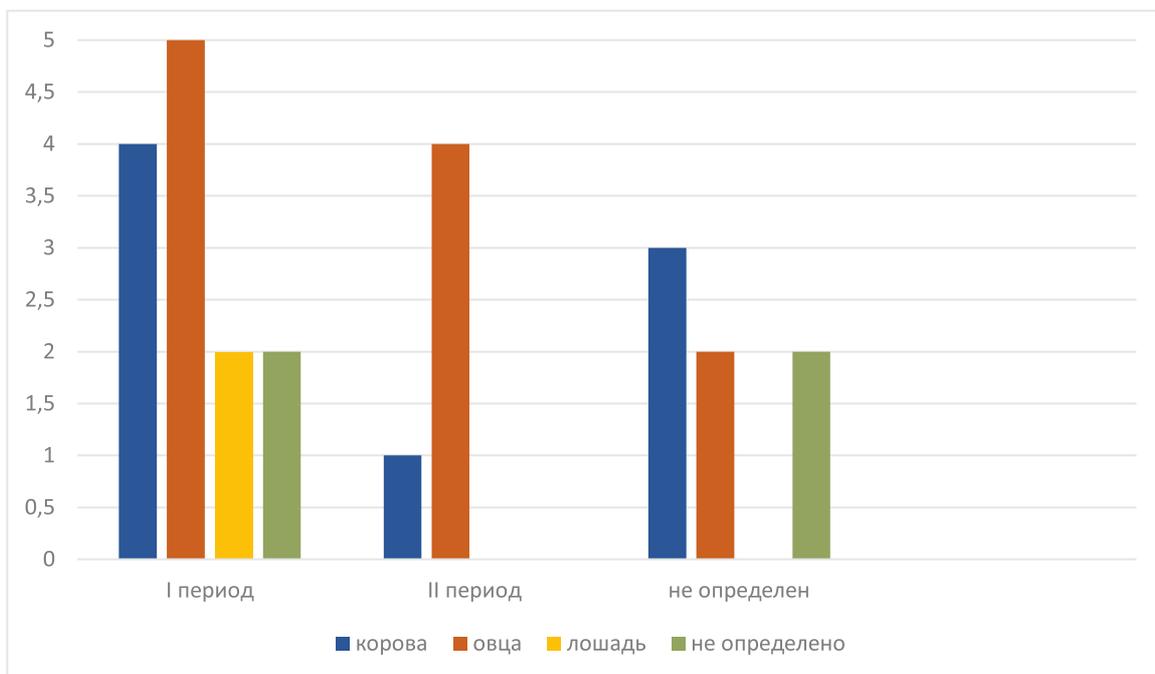
	Москва ,	СЛБ, на СЗ	М., 35 45 лет						
	Красный ,9 К12/П7	СЛБ, на ЮЗ	М., 35 40 лет						
	Ветютнев К2/П1	СЛБ, на ССЗ	М, 20 25 лет						
	Сагванский,, К3/П7	СПБ, на ЮЗЗ	М., 20 30 лет						
	Озерки К15/П4	СБЛ, на З.	М, 25 30 лет						
	Большенаролов ский,; К1/П5	СПБ, на ЮЗ	М, 45 50 лет						
	К1/П6	СПб, на ЮЗ	М, 40 45 лет						
	Другой , К1/П16	С, на спине, на СЗ	М, 25 35 лет						
	Холодный К2/П6	СЛБ, на З	М, 30 35 лет						

	Мокрый Чалтырь П8 (2002г.)	СПБ, на СЗ	М., 40 лет						
	Потапов ,,, К6/П1	СПБ, на ЗЮЗ	М., 35 40 лет						
	Ажинов, К1/ПЗ	СЛБ, на З	М, 35 40 лет						
	Елкинский, К1/П6	СЛБ, на ЮЗ	М., 25 30 лет						
	К1/П9	СЛБ, на Юз, завал на спину	М., 35 40 лет						

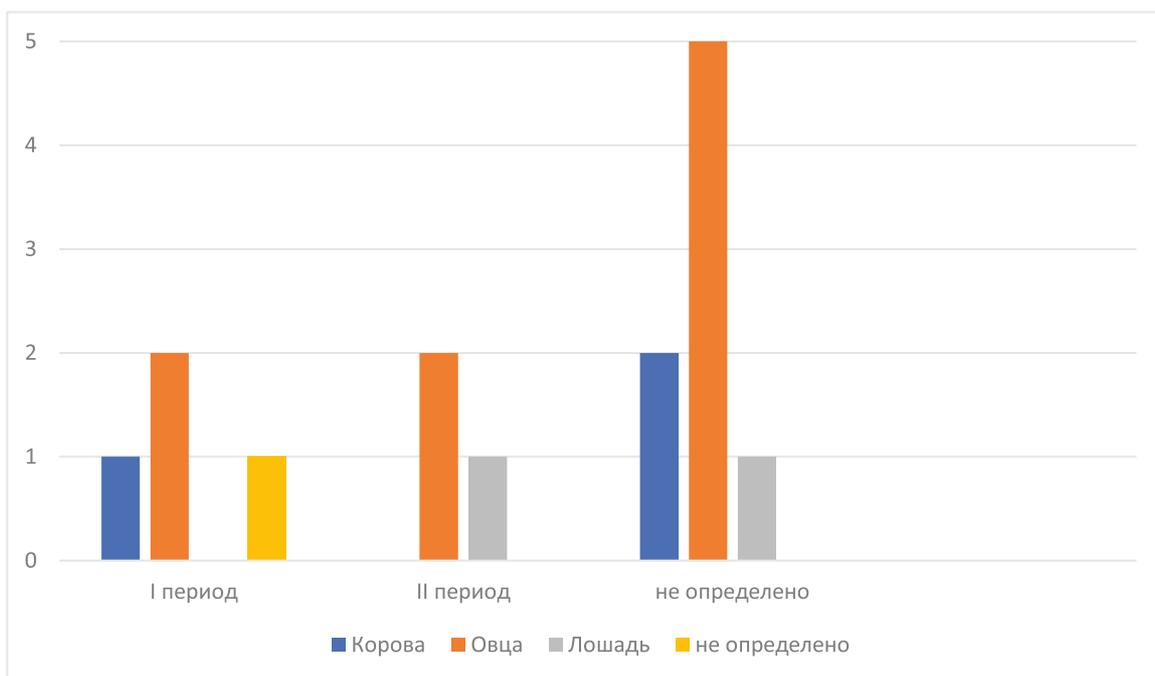
Приложение 3. Основные типы конструкций могильных ям ДДБК на территории Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья.

периоды	яма		заплевички	подбой			перекрытие				ящик + перекрытие		ступенька	ограда		итого
	яма	в скале		подбой	дерево	перекрытие: дерево+ камыш +деревянный ящик	дерево	камень	камыш	Дерево+ камень+ камыш	дерево	камень		камень	деревянное перекрытие	
I	14	1	2	-	-	-	14	3	-	2	3	2	-	-	-	41
II	34	-	1	1	2	-	4	2	2	1	-	-	1	2	-	50
III	6	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
?	214		-	-	1	1	20	16	-	7	1	-	-	1	1	262

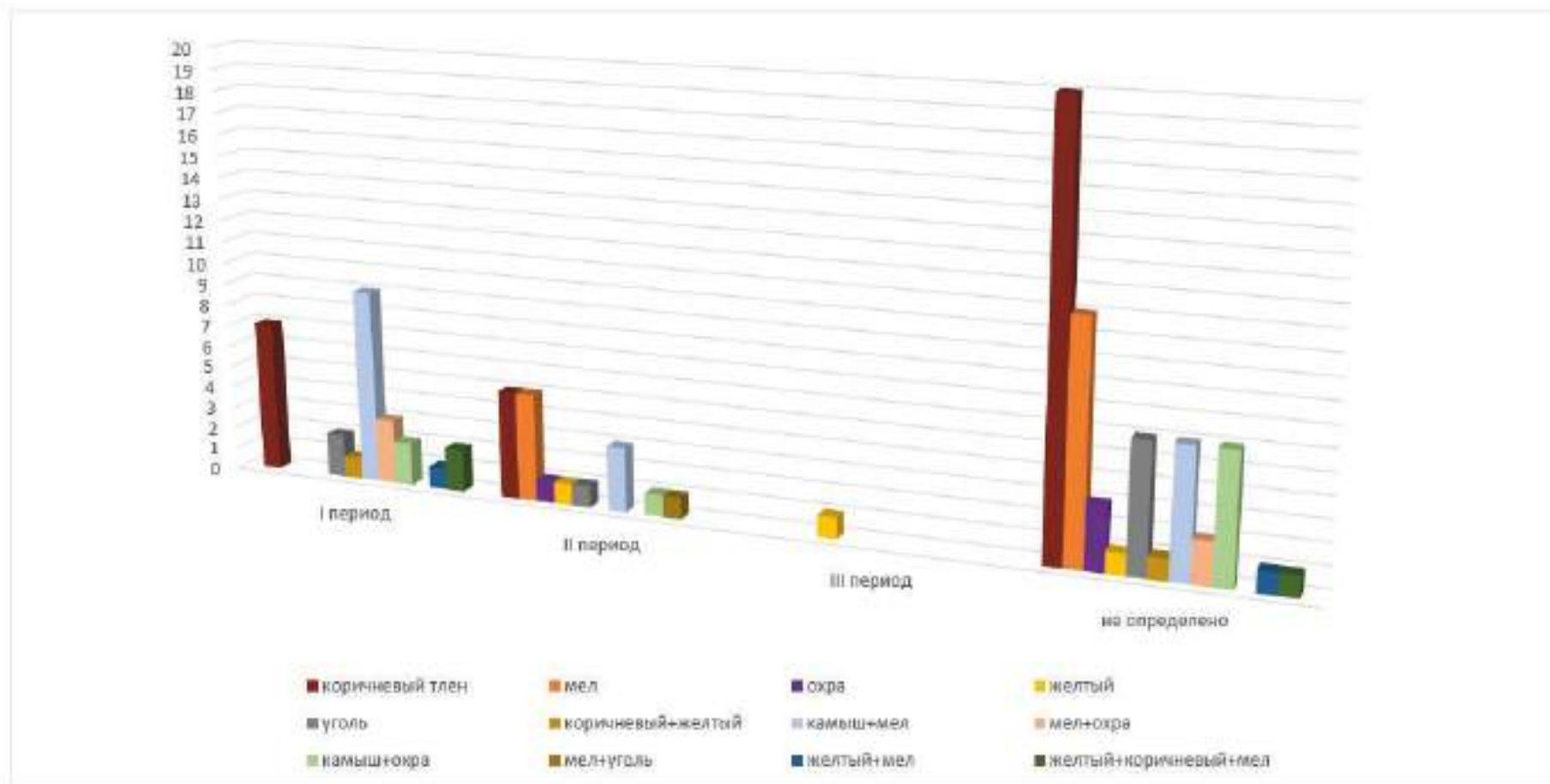
Приложение 4. «Чучела» животных на перекрытии могильных ям ДДБК.

Приложение 4А. Кости животных в погребениях ДДБК.

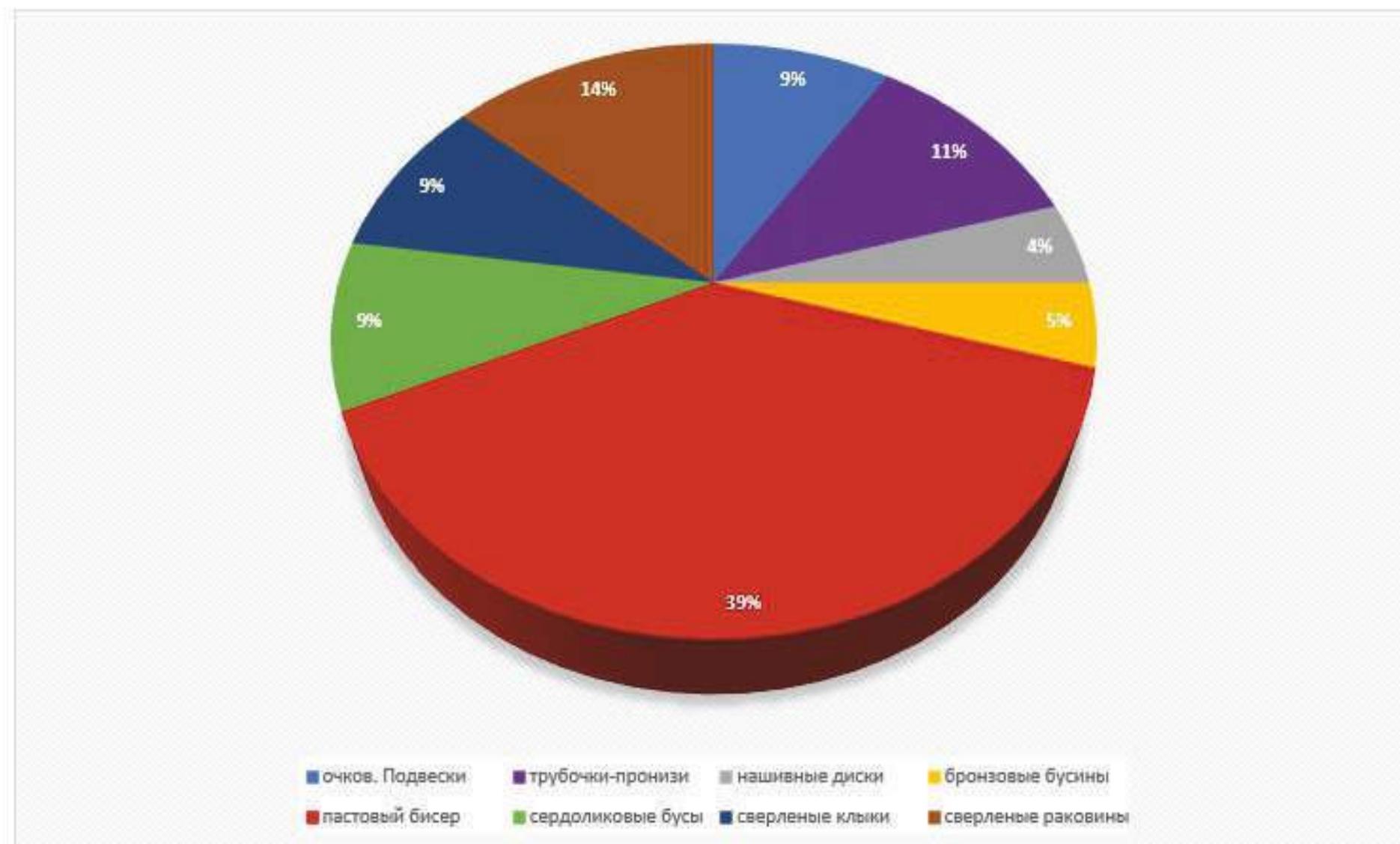
Приложение 5. Типы подстилки на дне погребений ДДБК.

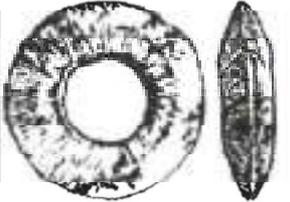
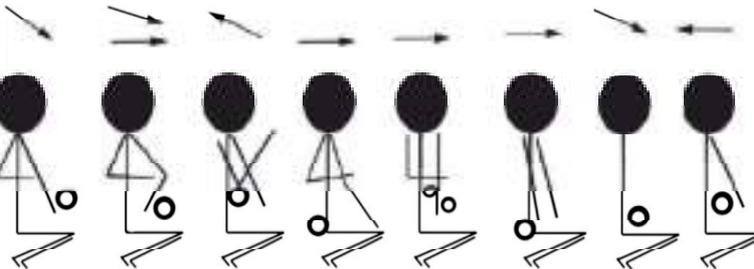
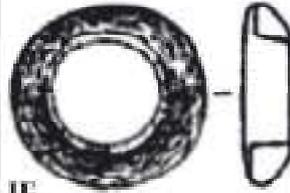
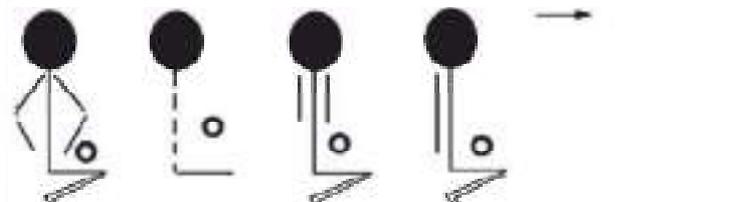
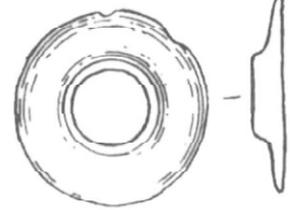
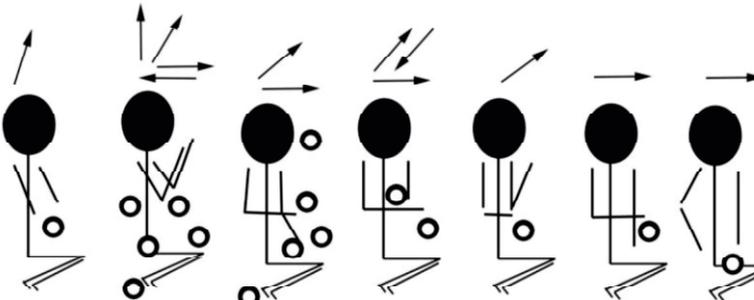
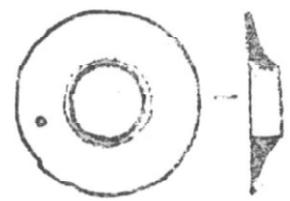
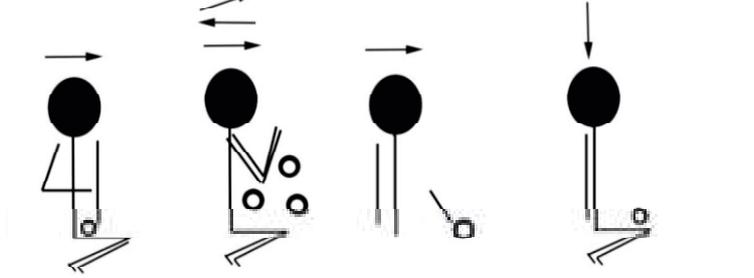
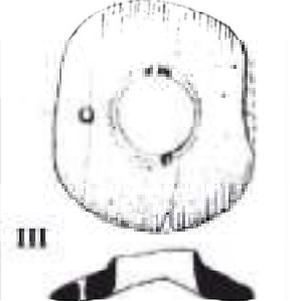
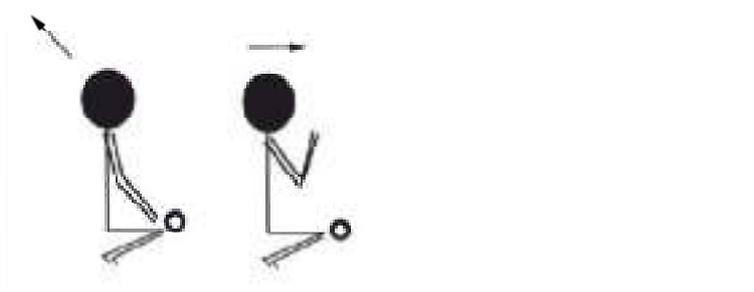
Приложение 6. Типы украшений из женских погребальных комплексов ДДБК.

шифр	ориентировка	Очковидные подвески	Трубочки-пронизи		Нашивные диски	бр. бусины	Пастовый бисер			Каменные бусы	Сверл. клыки	Сверл. раковины
			кость	бронза			Цилиндр	Двурож	Трехрож			
Бургуста I к5/п11	СПБ, на В	++	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+
Высочино VII к14/п3	СЛБ, на В	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	+
Ближнероссошский I к17/п1	СЛБ, на СЗ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
НДЧК к20/п6	СЛБ, на ССВ	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Ребриковка II к1/п7	СЛБ, на ВСВ	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+
Чикмари II к1/п3	СЛБ, на В	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Репный I к7/п7	СПБ, на ВЮВ	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+
Гать III к17/п1	СПБ, на ВСВ	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-
Гать III к21/п5	СПБ, на ВСВ	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Новосадковский к30/п3	СПБ, на ЮВ	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-
Новый Егорлык к1/п6	СЛБ, на З	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-
Ветютнев-90 к2/п1	СЛБ, на ЮЗЗ	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
Ребриковский I п4	СПБ, на ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

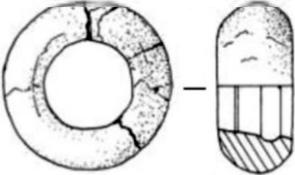
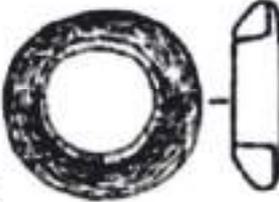
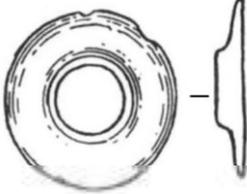
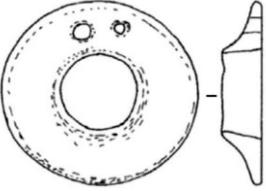
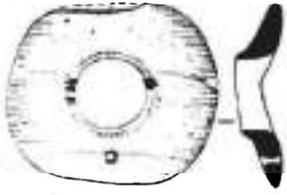
Приложение 6.1. Бронзовые изделия в погребальных комплексах ДДБК.

Приложение 7. Соотношение костяных пряжек медальонов и поз погребенных ДБК по хронологическим периодам

 <p>IA</p>	
 <p>IB</p>	
 <p>IIA</p>	
 <p>IIB</p>	
 <p>III</p>	

Приложение 7. 1. Количественное и процентное соотношение костяных пряжек медальонов ДБК по типам

КОЛИЧЕСТВО / ТИП	3	1	13	11	45	12	7	92	100	
В процентах	3	1	14	12	49	13	8			
В штуках	3	1	13	11	45	12	7	92	100	
								Итого		

Приложение 8. Пример погребений ДДБК по обрядовым группам.

Обрядовая группа 1	Обрядовая группа 2	Обрядовая группа 3	Обрядовая группа 4	Обрядовая группа 5	Обрядовая группа 6
Бургуста I к3/п12	Почтовый II к1/п9	Веселый I к1/п4	Константиновский к1/п16	Бургуста I к5/п11	Новолакедемоновка п10
Пирожок к1/п1	Федоровка II к1/п10	Большеналовский IX к1/п6	Самарский II к21/п6	Бургуста I к4/п5	Поповка V к1/п1
Красный IV к12/п5	Веселый II к2/п2	Репный I к7/п5	Новолакедемоновка п7	Шишиловка к1/п10	Большеналовский к1/п5
Киреевка IV к1/п4	Четыре брата II к12/п10	Кудинов к2/п13	Кузнецовский II к1/п5	Шишиловка к1/п7	Лакедемоновка I/4/п3
Гать III к17/п9	Керчик к23/п7	Самарский II к1/п3	Винновка п8	Ребриковка II к1/п7	Новосадовский к30/п2
Отрадный XIII к2/п3	Лакедемоновка к1/4/п5	Гать III к16/п5	Балабинский к36/п1	Новый Егорлык XIV к1/п6	Киреевка IV к1/п5
Молодогвардейский к2/п5	Кузнецовский II к1/п3	Русский колодец (северный) кIV/2/п3			
Молодогвардейский к2/п6	Высочино V к5/п5				
Степнянский II к1/п6	Шишиловка к1/п6				
Федоровка I к1/п5	Кудинов к2/п14				

Приложение №9. Типы орнаментов на керамических сосудах Каратаевской крепости.

Тип орнамента	Количество фрагментов
Налепной валик, треугольный в сечении	17
Налепной валик с пальцевыми вдавлениями	27
Налепной волнообразный валик	1
Налепная шишечка	1
Прочерченные горизонтальные линии	6
Прочерченные уголки-елочки	6
Вдавления пальцем/ногтем	6
Оттиск веревочки	7
Вдавления концом палочки	1
Штамповочный	2
Прямоугольные вдавления	1
Налепной валик с вдавлениями + косые прочерченные линии	1
Вдавления концом палочки + горизонтальные линии	1
Штамповочный + горизонтальные линии	1

Приложение №9.1. Формы сосудов Каратаевской крепости.

Форма сосуда	Количество
Безшейные сосуды	5
Низкошейные сосуды	18
Среднейшейные сосуды	29

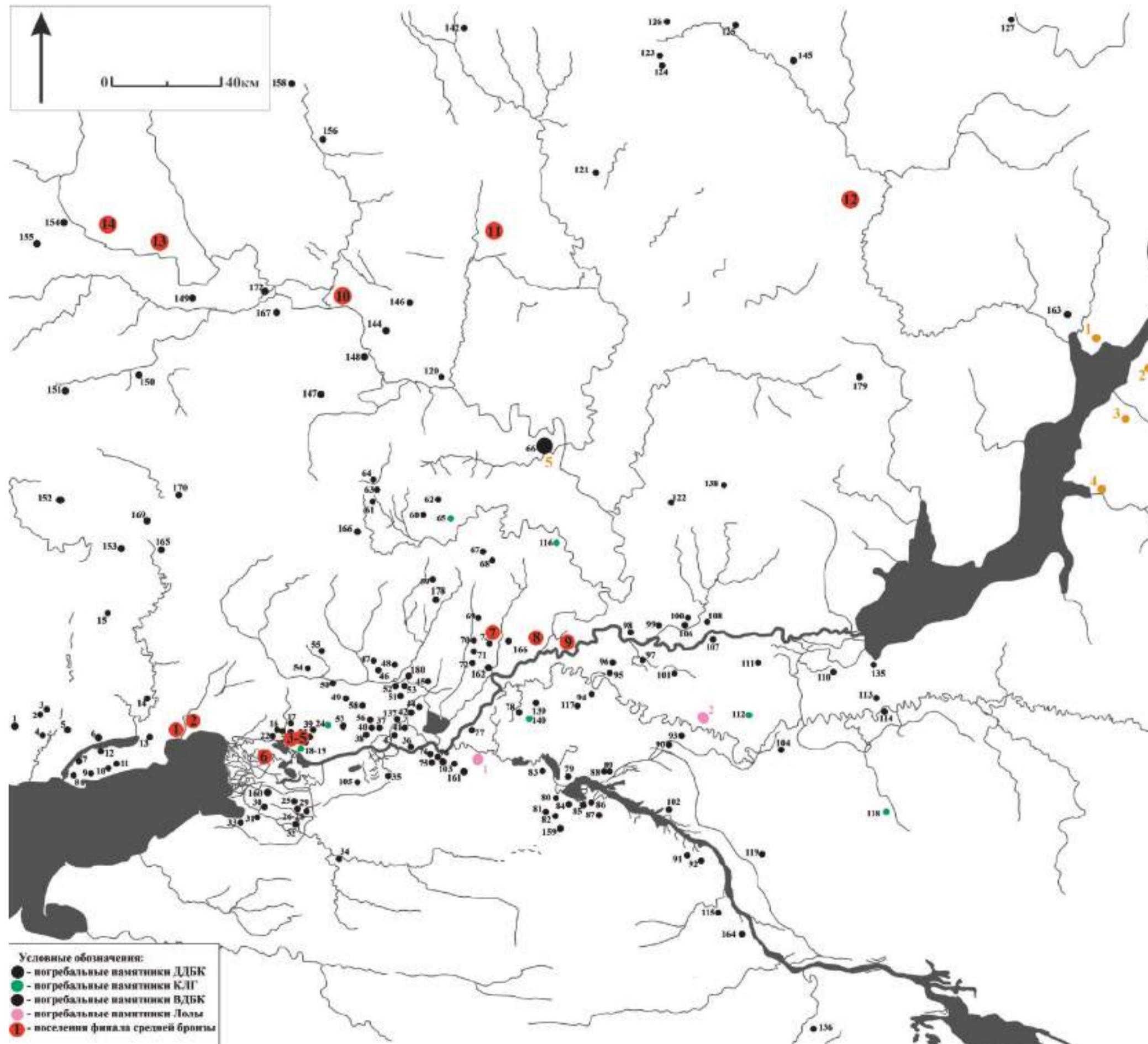

Рис. 1. Памятники финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья

Рис. 1. Памятники финального этапа периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья

Погребальные памятники: ДДБК: 1. Самойлово; 2. Федоровка I; 3. Федоровка II; 4. Щербаков II; 5. Никитин I; 6. Таврия II; 7. Лакедемоновка; 8. Беглица 16-й участок; 9. Новолакедемоновка; 10. Русский колодец (юж. Гр.); 11. Русский колодец (сев. гр.); 12. Гаевка-Каймакчи; 13. Западный III; 14. Федосеевка II; 15. Самарский II; 16. Хапры-79; Хапры – 87; Мокрый Чалтырь; 17. Хавалы; 18. Каратаево-сады; 20. Ливенцовский III, VII, X; 21. ТЭЦ-2; 22. Сухой Чалтырь; 23. Механический завод; 25. Кулешовка-83; 26. Высочино V; 27. Высочино VII; 28. Новоалександровка I; 29. Красногоровка; 30. Рясни; 31. Крест; 32. Бушуйка; 33. Займо-Обрыв; 34. Степнянский; 35. Советская Россия; 36. Дюнное V; 37. Российский II; 38. Аксайский I; 39. Красный металлист; 40. Мухин I, II; 41. Берданосовка; 42. Аглицкий II; 43. Ближнероссошский I; 44. Сторожевой курган; 45. Курган у инст. Виноградарства; 46. Камышевахский IV; 47. Чеботарев III; 48. Веселый I; 49. Гиреева Могила; 50. Октябрьский II; 51. Хохлач; 52. Кировский I; 53. Соколовский; 54. Юдинский III; 55. Волошино; 56. Крутенький; 57. Северо-западный I; 58. Рассвет; 59. Таловый I; 60. Чикмари II; 61. Бургуста I; 62. Калиновский II; 63. Кисилев II; 64. Ребриковка II; 65. Ясиновский III; 66. Репный I; 67. Почтовый II; 68. Киреевка 4; 69. Мокрый IV; 70. Мокрый Керчик; 71. Озерки; 72. Поляков; 73. Гать III; 74. Устьман; 75. Перекопка V; 76. Алитуб; 77. Восход II; 78. Кудинов; 79. Первая Веселовская группа курганов; 80. Веселый II; 81. Отрадный II; 82. Отрадный XIII; 83. Москва I; 84. Бережной IV; 85. Житков-85; 86. Житков-II-86; 87. Каракашев; 88. Шахаевская II; 89. Шахаевская I; 90. Новосадковский; 91. Северный II; 92. Искра I; 93. Комаров II; 94. Четыре брата I, II; 95. Лебединый; 96. Кузнецовский II; 97. Балабинский I; 98. Курган у Константиновского поселения; 99. Красногоровка II; 100. Мокро-Дюдеревский; 101. Пирожок; 102. Каменный II; 103. Крепинский I; 104. Криволиманский III; 105. Койсуг-68; 106. Сухо-Дюдеревский; 107. Дубенцовский; 108. Упраздно-кагальницкий; 109. Спорный; 110. Потаповский I, III; 111. Холодный; 112. Засальский; 113. Теплый; 114. Серебряковка; 115. Южный; 116. Другой I; 117. Сагванский I, II; 118. Ясырев I; 119. Ребричанский II; 120. Поповка V; 121. Круча II; 122. Нижнедонские частые курганы; 123. Ясиновский; 124. Ейский; 125. Большенаполовский IX; 126. Верхне – Чирский; 127. Базки; 128. Горный; 129. Котлубань IV; 130. Харинка; 131. Химкомбинат; 132. Винновка; 133. Маляевка; 134. Крепинский; 135. Столетовский; 136. Новый Егорлык XIV; 137. Красный IV; 138. Лисиный II; 139. Ажинов I; 140. Елкинский; 141. Глушица; 142. Маньково V; 143. Петрово-Ханжоновский; 144. Маленький I; 145. Сухоеланский; 146. Плотина;

147. Молодогвардейский; 148. Нижняя Бараниковка; 149. Новогиреевка;
150. Краснозоринский; 151. Чернухино; 152. Шахтерск; 153. Астаховский; 154. Шкляр;
155. Лимаревка; 156. Городище; 157. Цимлянка II; 158. Деркул; 159. Мосива I;
160. Аэродром; 161. Плоский I; 162. Золотые горки II; 163. Чир I; 164. Манычский I;
165. Куйбышево; 166. Богоявленская; 167. курган около Луганска; 168. Тельмановская
группа; 169. Новоамросиевский; 170. Чугуно-Крепинка; 171. Беева Могила;
172. Александровск (Луганск); 173. ЦАЭ-72; 174. – Ветютнев-90; 175. Шипиловка;
176. Ежовка; 177. Жутово; 178. Авилон-07; 179. Пришиб; 180. Грушевский;
181. Рестумов II.

КЛГ: 19. Ливенцовский I, погребения во рву Ливенцовской крепости и к10-11 около
крепости; 20. Ливенцовский III; 24. Темерницкий I; 65. Ясиновский III; 112. Засальский;
116. Другой I; 118. Ясырев I; 140. Елкинский; 141. Глушица; 175. Шипиловка.

ВДБК: 1. Чир II; 2. Верхне-Рубежный I; 3. Ромашкин II 4 – Репный I.

Лола: 1. Колдыри; 2. Кировский IV.

Поселения финала средней бронзы:

1. Вареновка; 2. Сборы на р. Самбек; 3. Ливенцовка I; 4. Ливенцовская крепость;
5. Каратаевская крепость; 6. Лагутник; 7. Ягодинка II; 8. Малая Сопка I; 9. Раздорское;
10. Закатное I, II; 11. Россошь II; 12. Сухой Лог I; 13. Трехизбенки; 14. Капитаново.

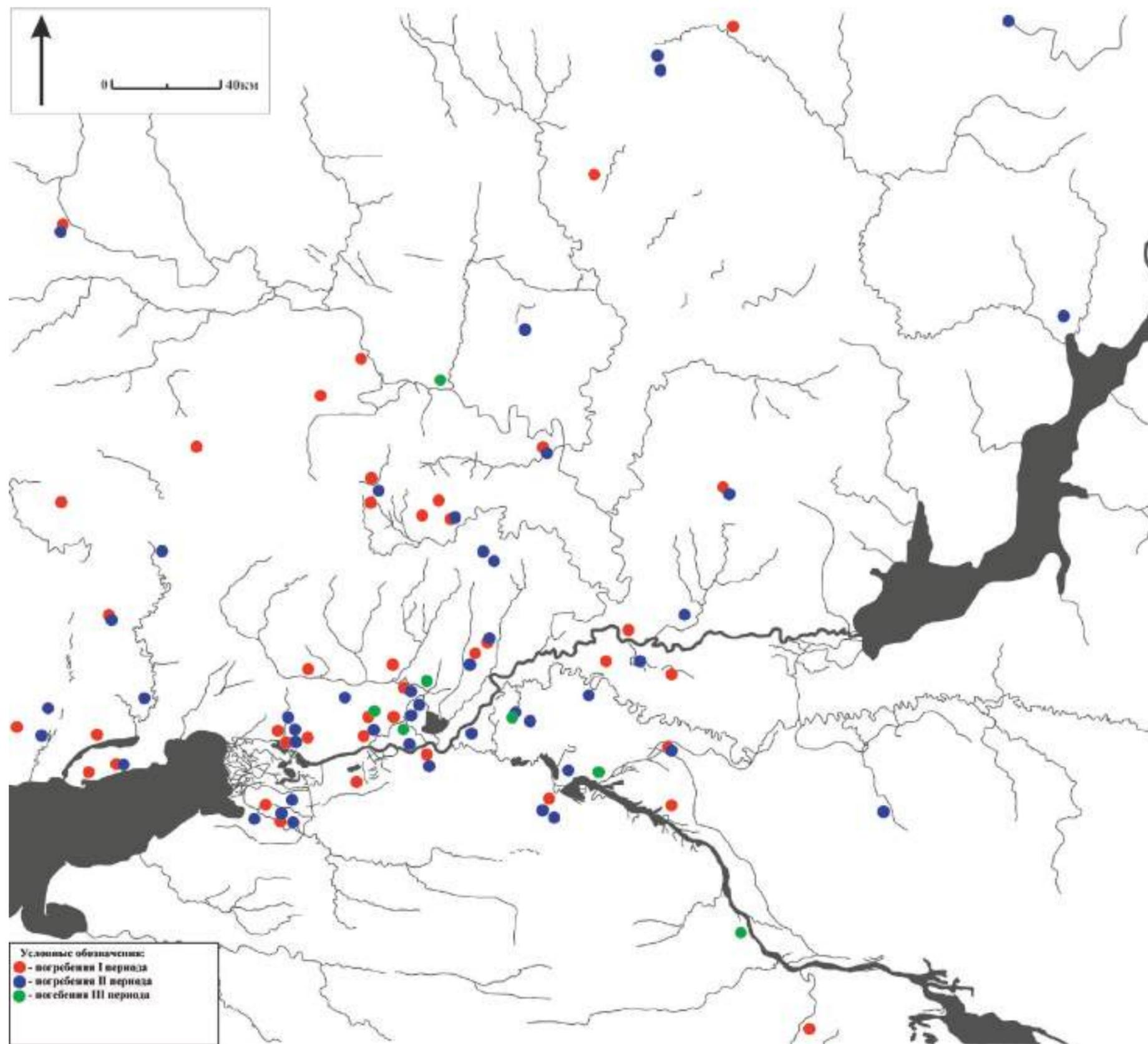

Рис. 1А. Распределение погребальных комплексов финального этапа периода средней бронзы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья по хронологическим этапам.

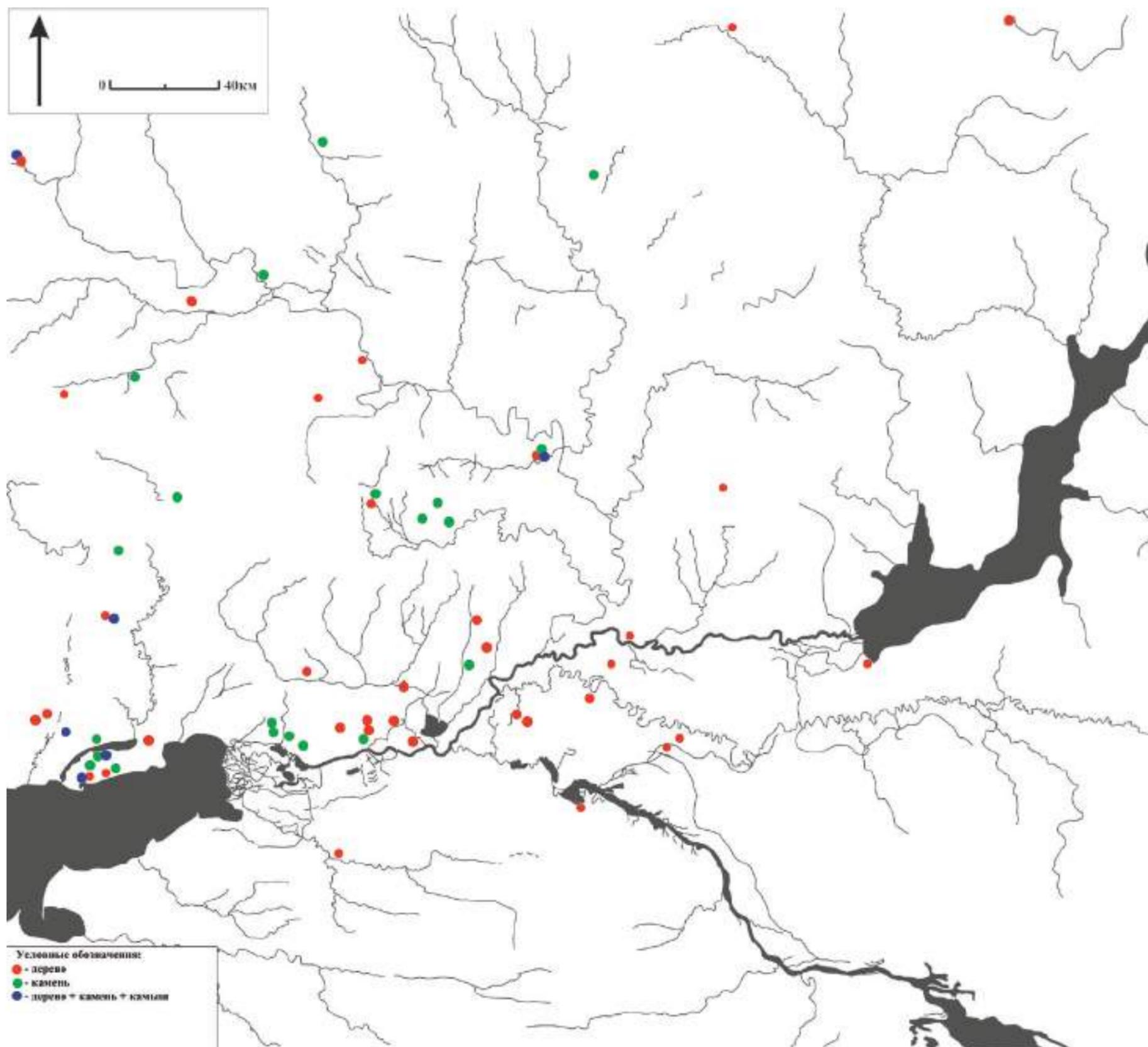

Рис. 1Б. Расположение погребальных памятников финального этапа периода средней бронзы с различными материалами, используемыми в надмогильных конструкциях.

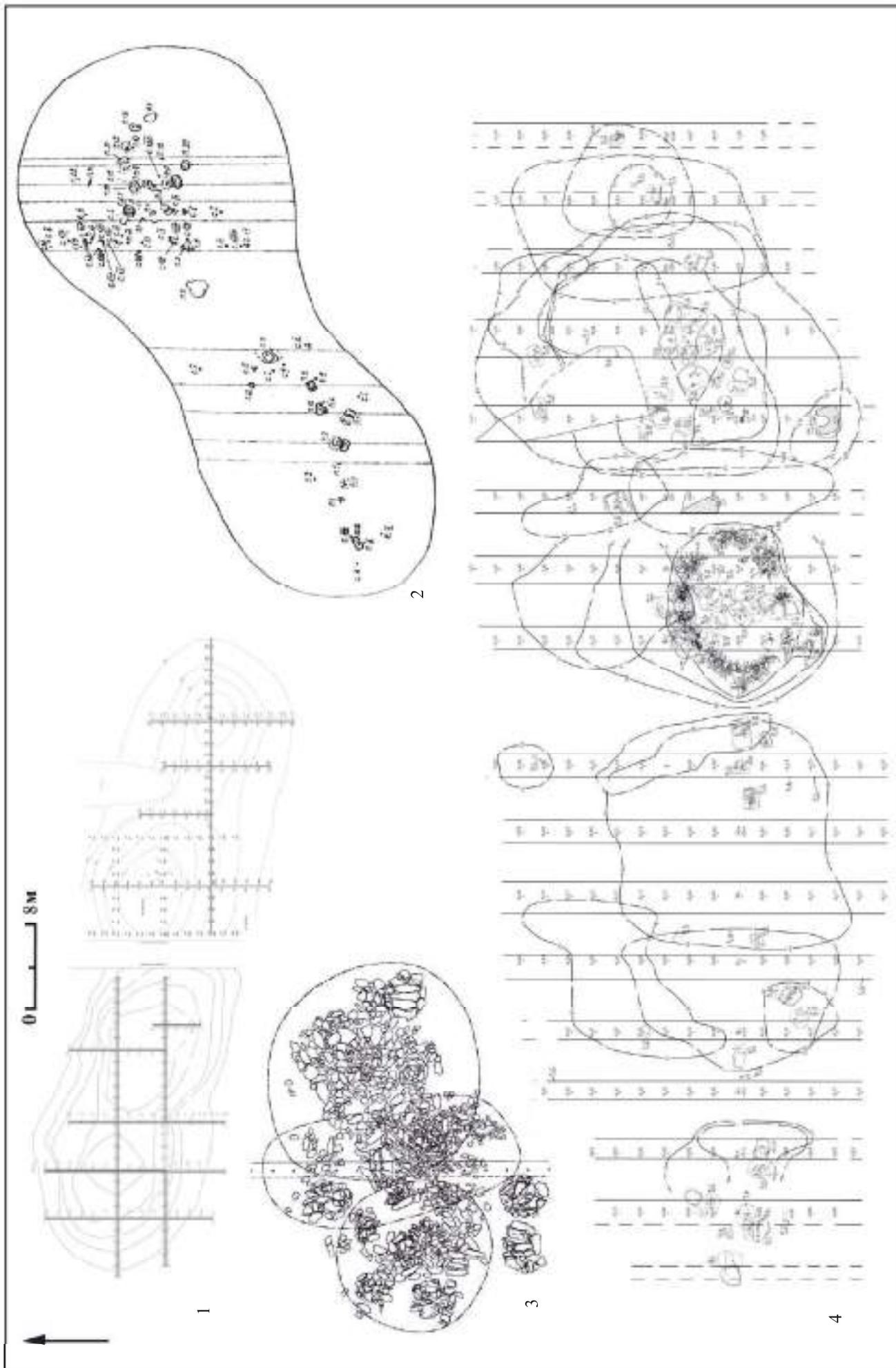

Рис. 2. Пример курганных могильников с погребениями ДДБК: 1 - Бургуста I к3-4, 2 - Гать III к24-16, 3 - Кисилев II к3, 4 - Аксайский I к6-5-4-3.

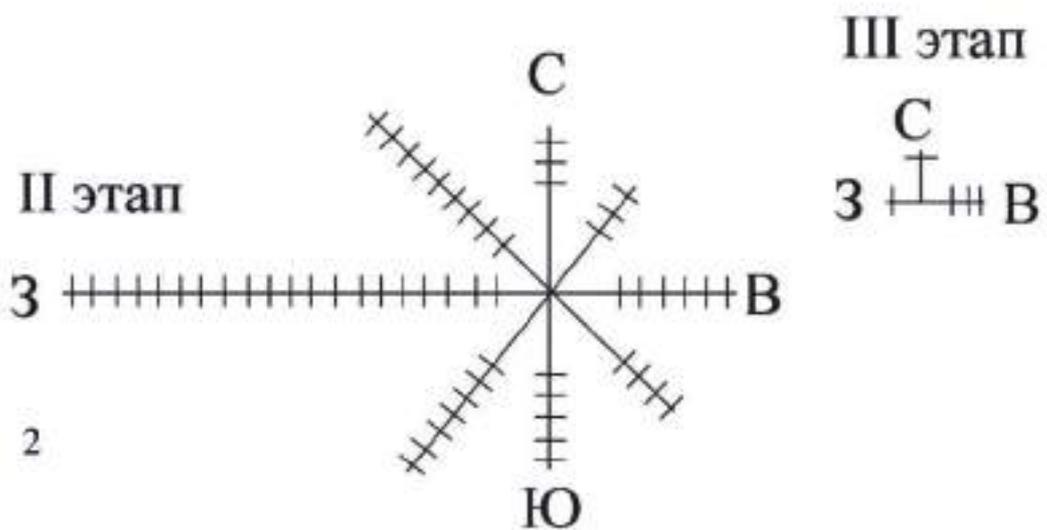
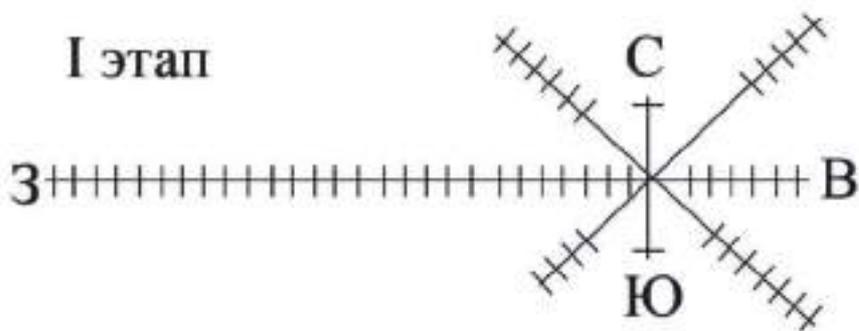
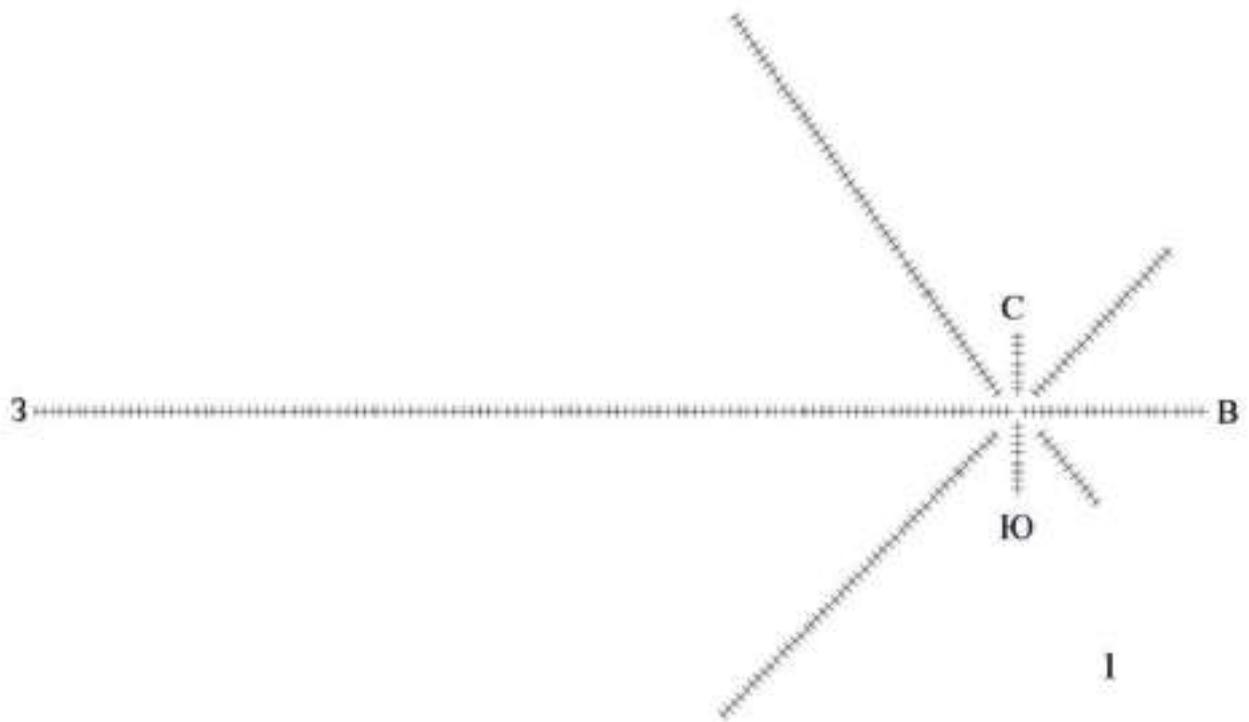

Рис. 3. Ориентировка погребенных в захоронениях ДДБК:
 1 - Всех комплексов; 2 - по хронологическим периодам.

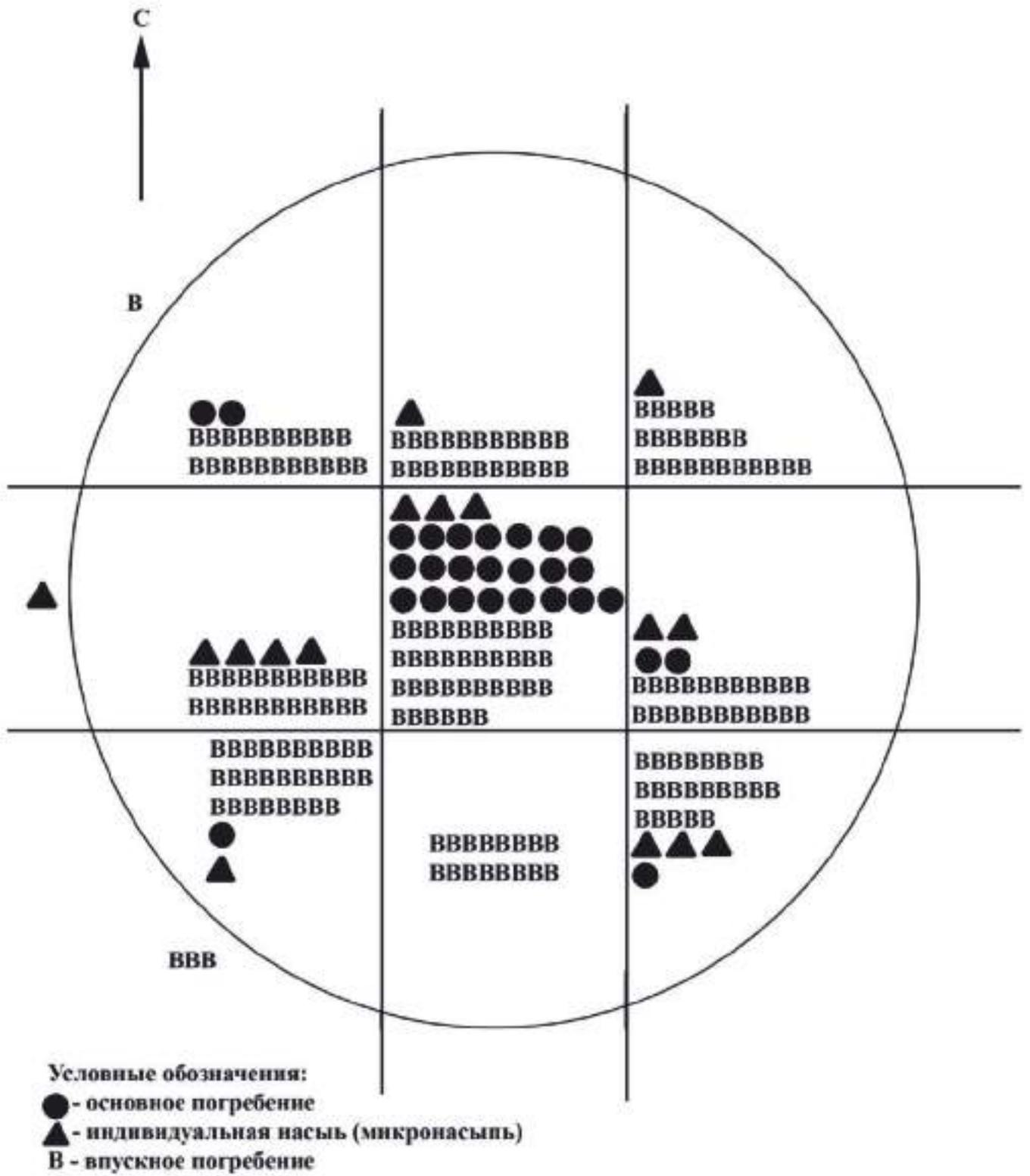

Рис. 4. Схема расположений погребений ДДБК по основным секторам кургана.

Рис. 5. Группы погребальных конструкций ДБК Нижнего Дона и Северо-восточного Приазовья

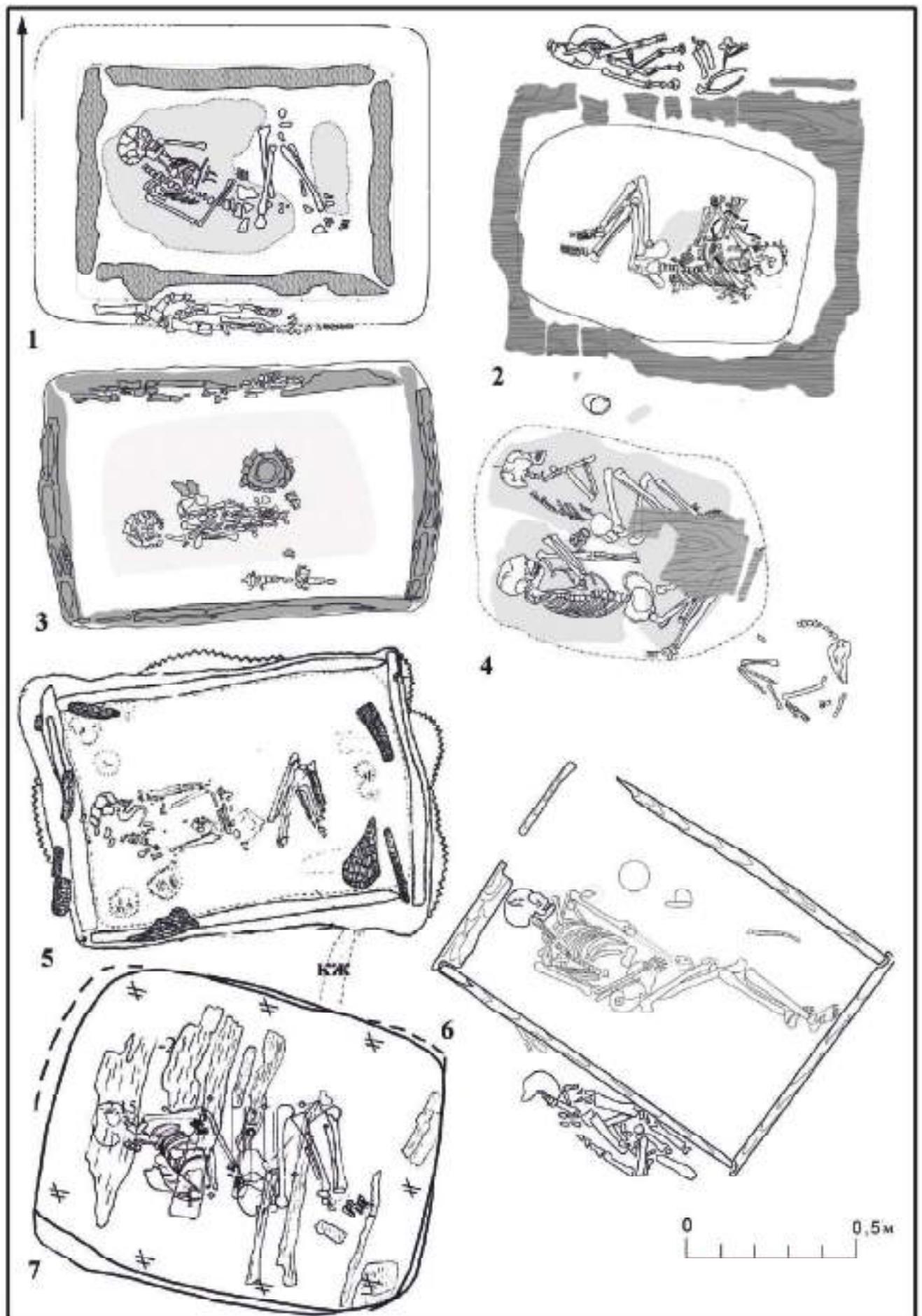

Рис. 6. Погребения ДДБК с деревянными конструкциями: Бургуста I: 1-к3/п12, 2- к5/п11, 3 - к4/п4, 4 - к5/п10; 5 - Молодогвардейский к2/п3; 6 - Николаевка к1/п8; 7 - Новосадковский к30/п2.

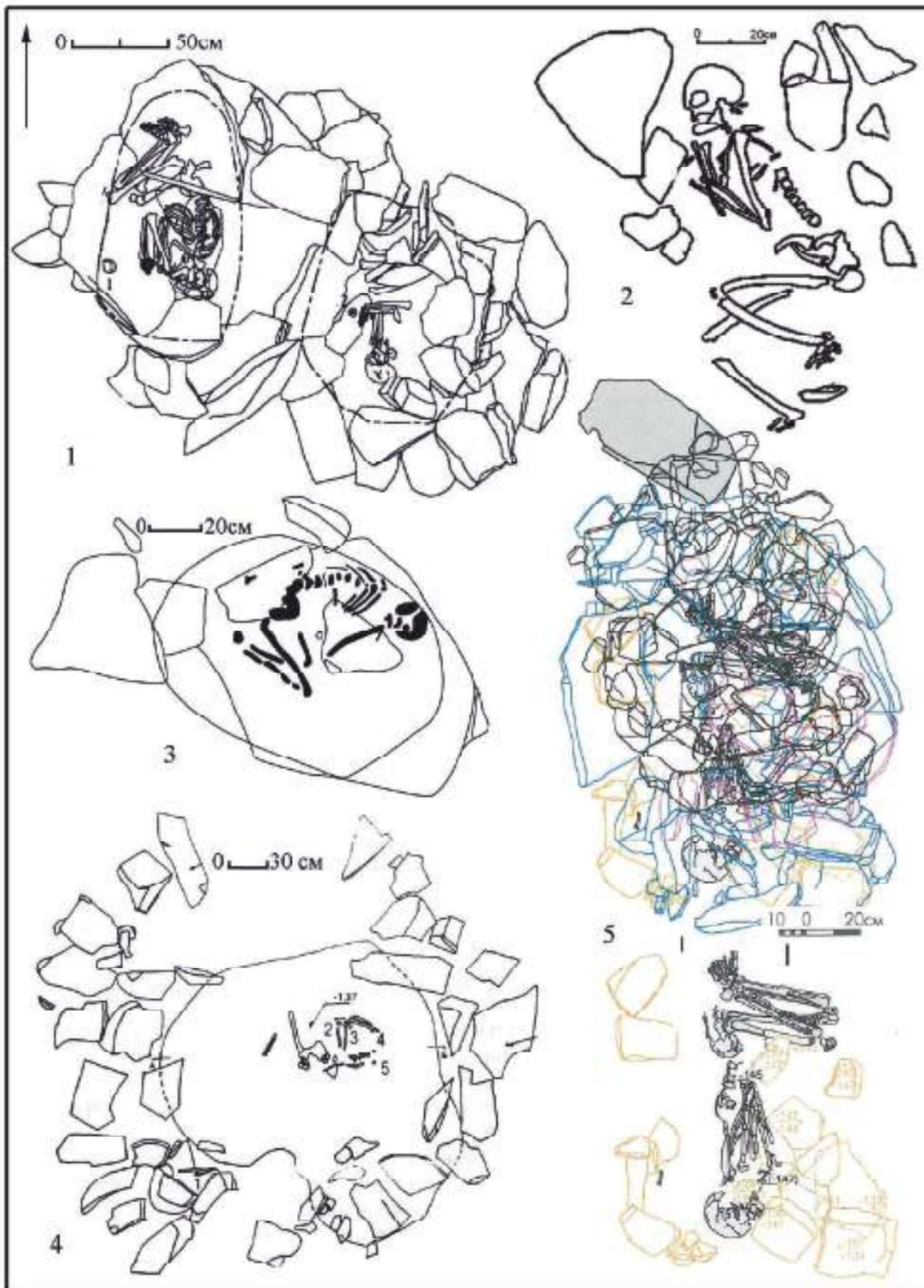

Рис. 7. Погребения ДДБК с каменными конструкциями: 1 - Кисилев II к3/п17-18; 2 - Хапры-79 к1/п1; 3 - Хапры-79 к1/п32; 4 - Чикмари II к1/п4; 5 - Ясиновский III к1/п10.

Рис. 8. Основные типы групп конструкций погребальных ям ДДБК I этапа.

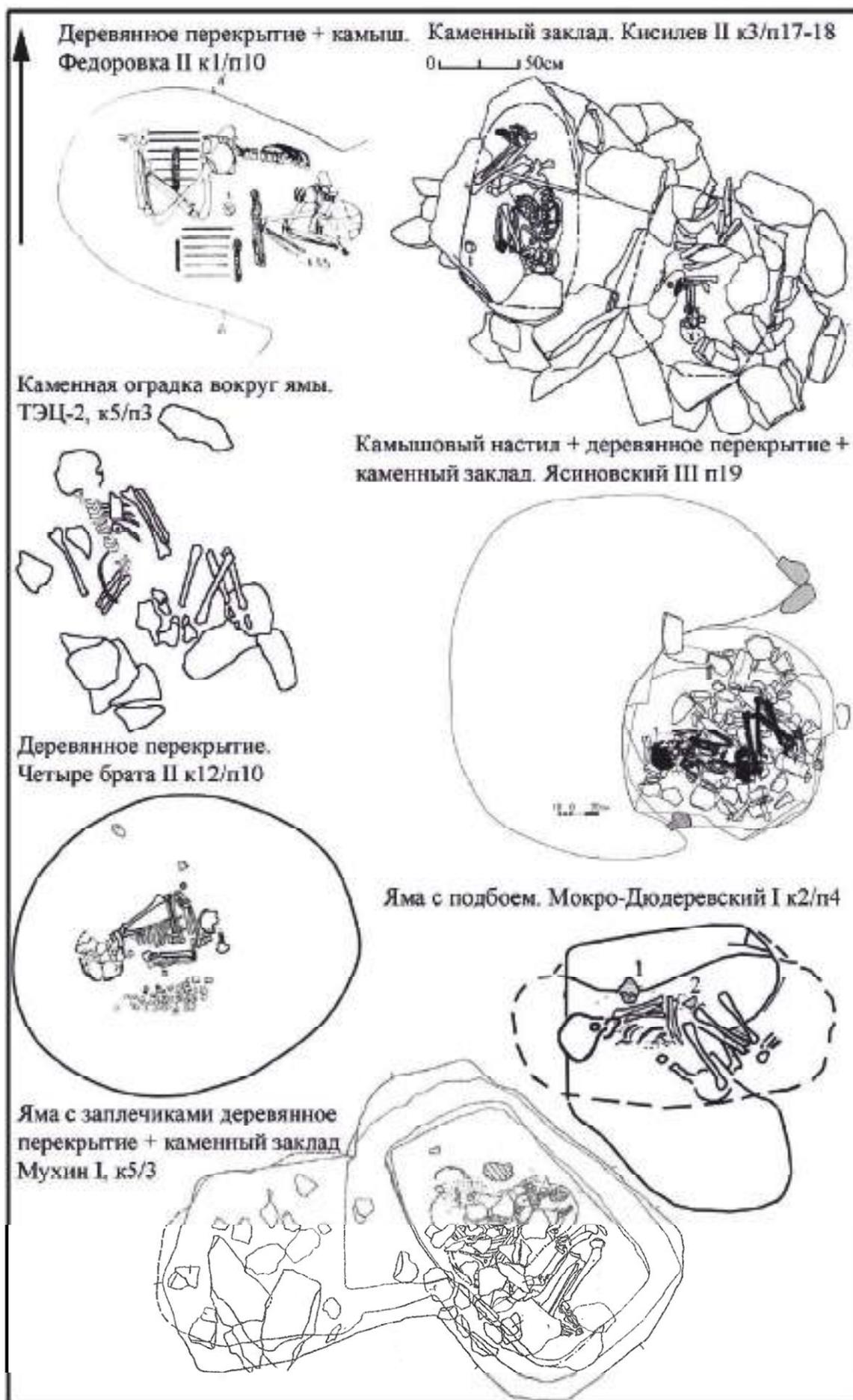

Рис. 9. Основные типы групп конструкций погребальных ям ДДБК II этапа.

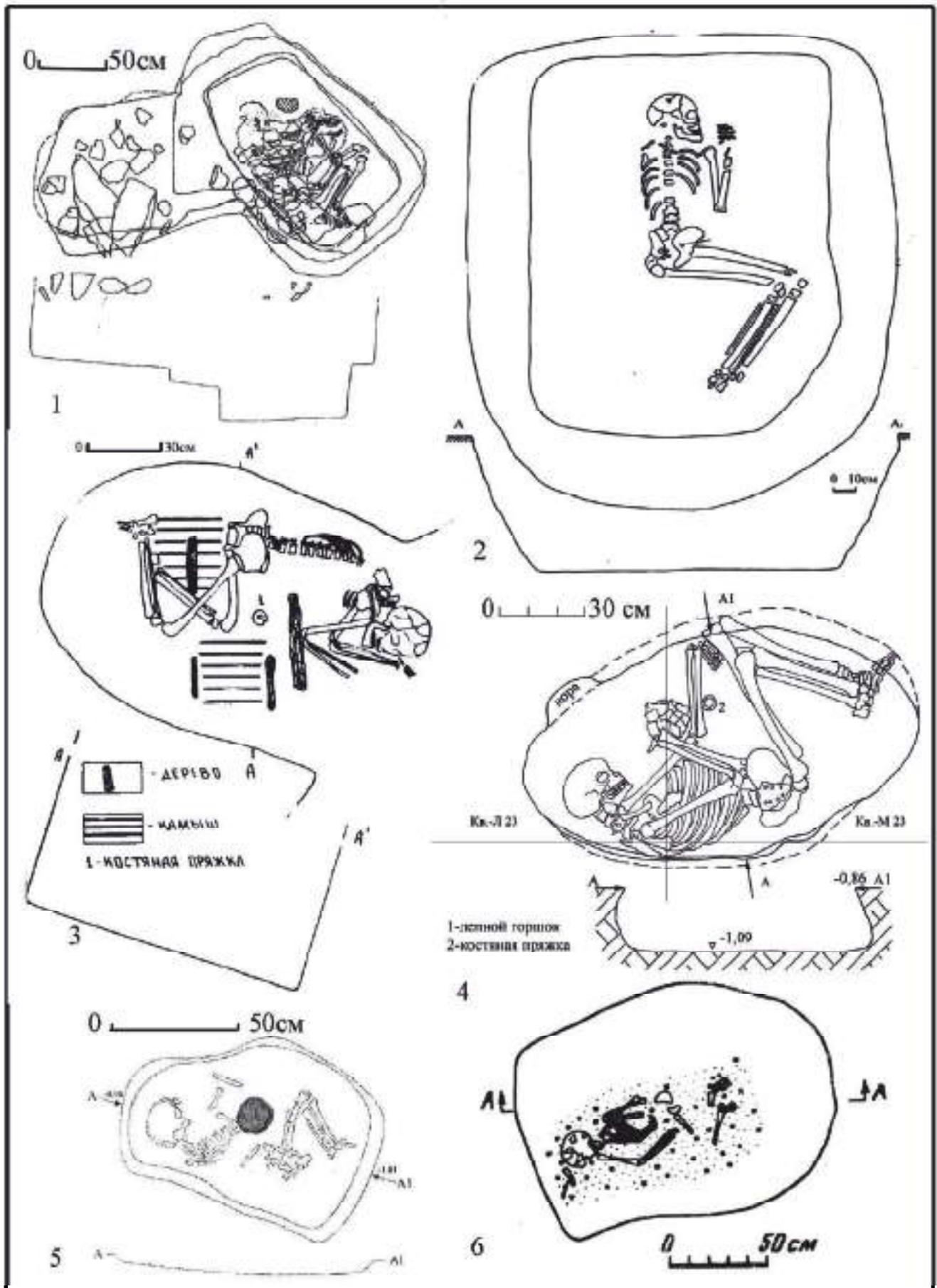

Рис. 10. Погребения ДДБК II этапа: 1 - Мухин I к5/п3; 2 - Перекопка V к1/п2; 3 - Федоровка I к1/п10; 4 - Дюнное V п15; 5 - Почтовый II к1/п9; 6 - Сторожевой п8.

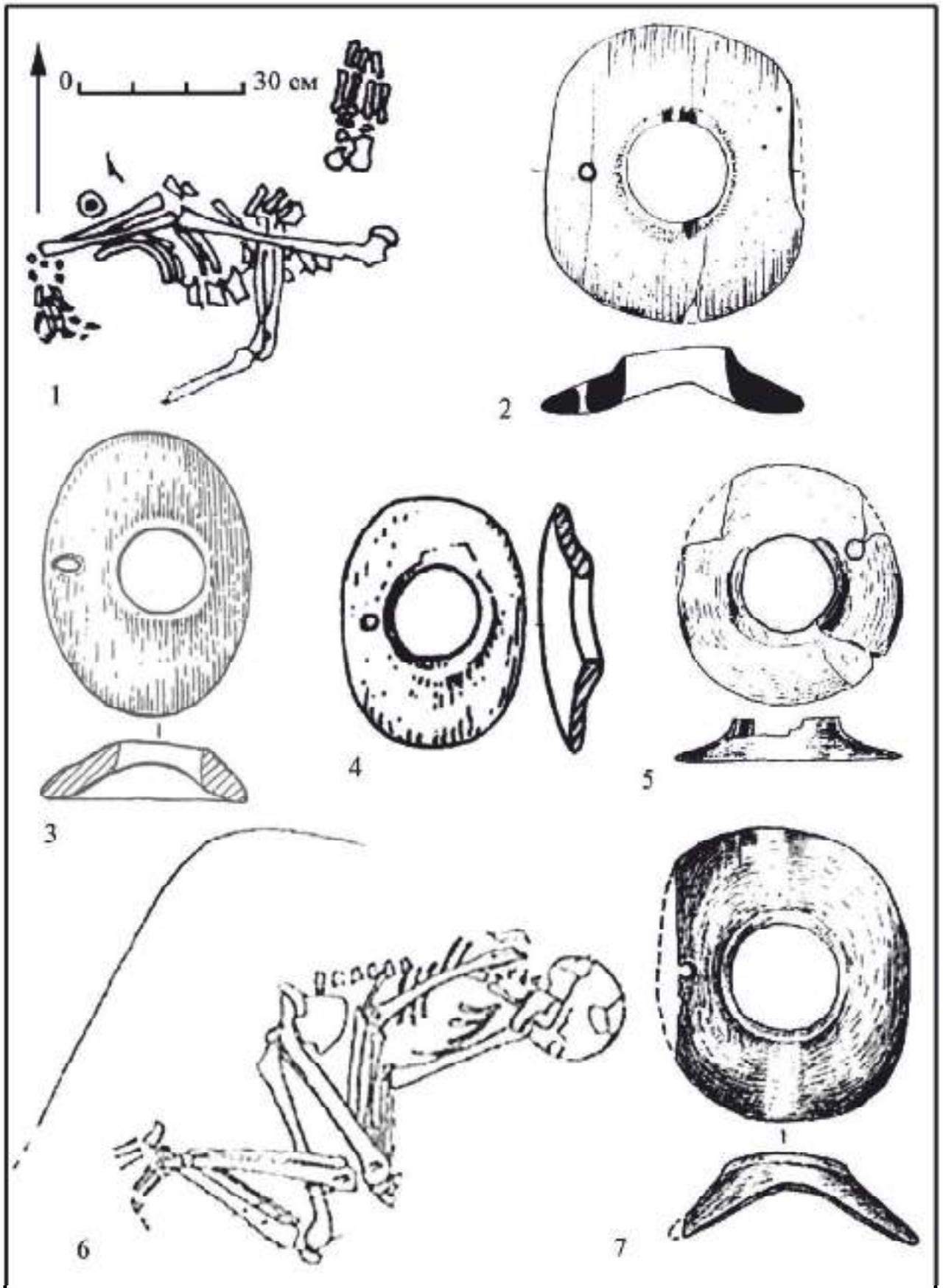

Рис. 11. Погребения ДДБК и пряжки-медальоны III этапа:
 1 - 2 - Крутенький I к1/п4; 3 - Кудинов к3/п14; 4 - Шахаевская II к3/п44;
 5 - Берданосовка к3/п13; 6 - Поповка V к1/п1.

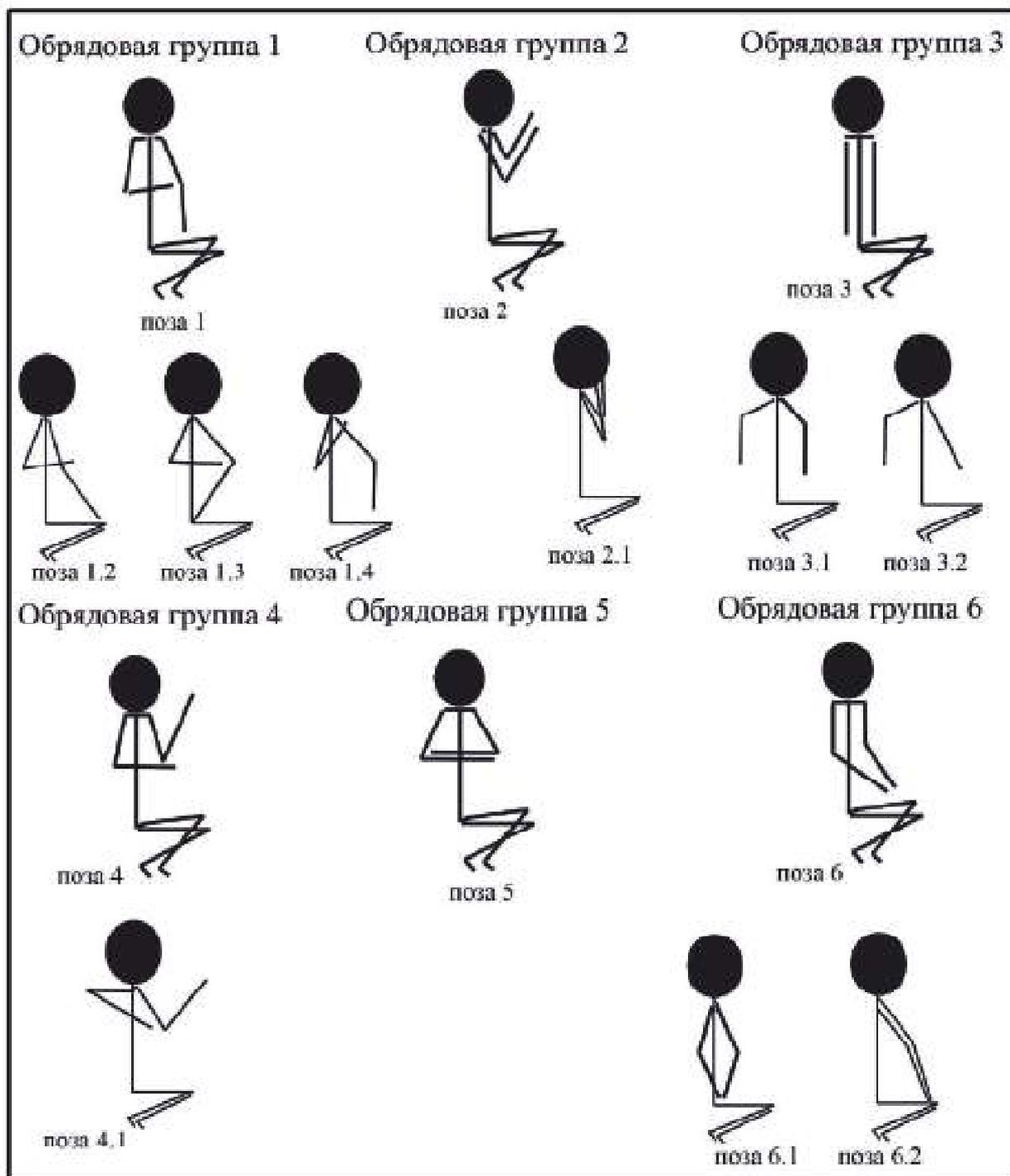

Рис. 12. Обрядовые группы и расположение рук погребенных ДБК.

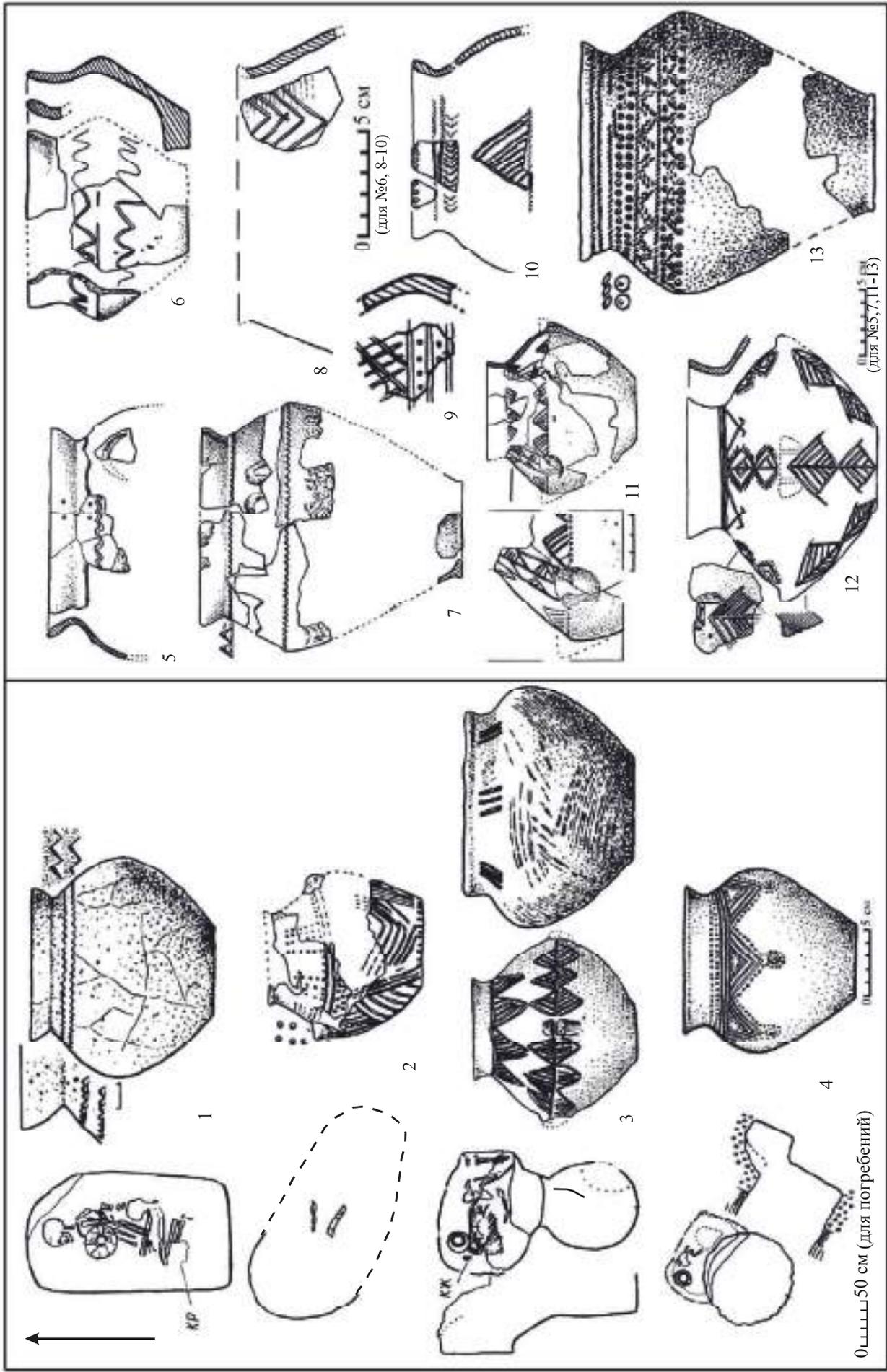

Рис. 13. Сравнение керамики из погребений поздней катакомбной культуры из курганов около Ливенцовского укрепления.

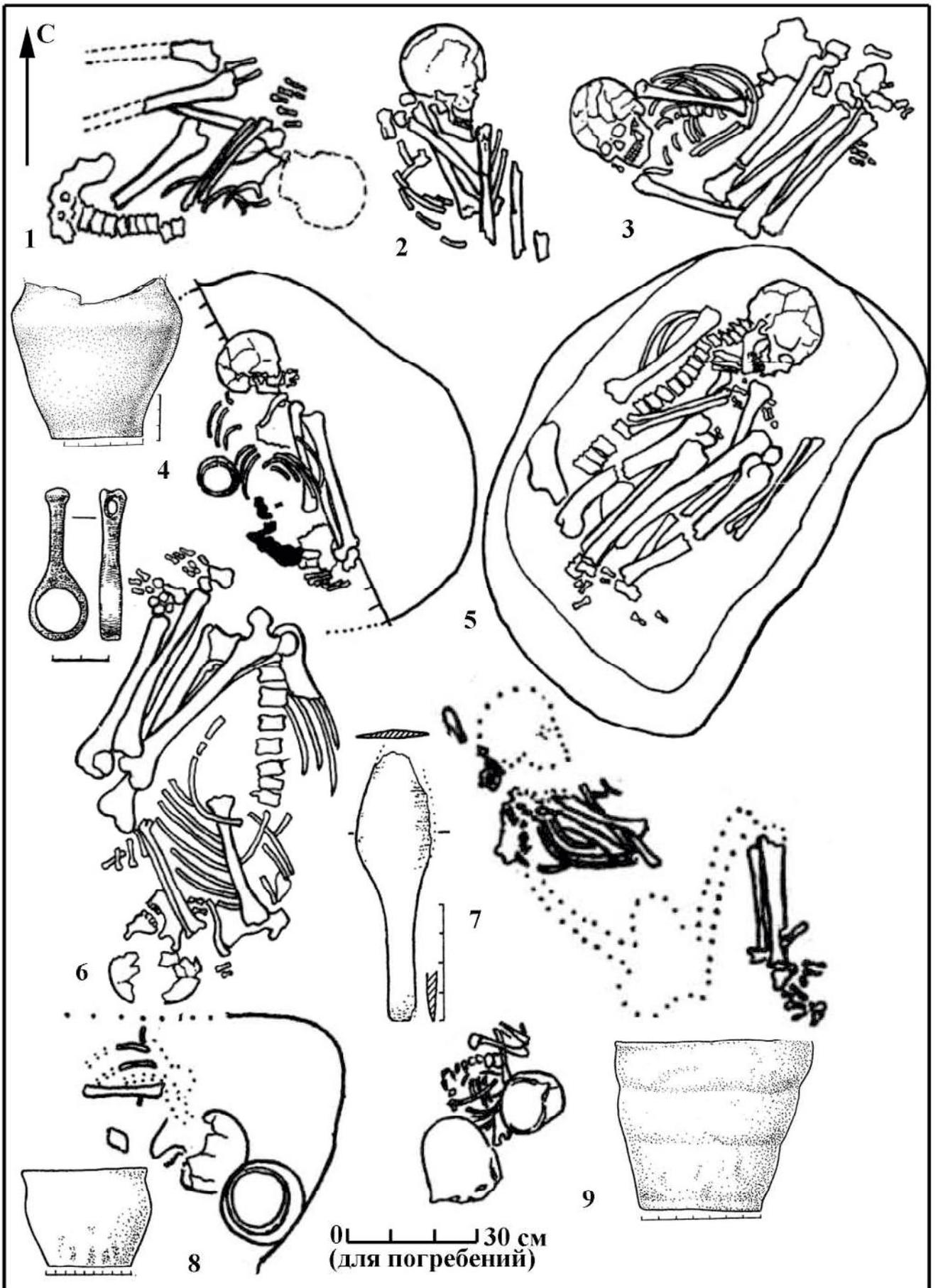

Рис. 14. Погребения во рву Ливенцовской крепости: 1 - п2; 2 - п7; 3 - п5; 4 - п3; 5 - п8; 6 - п6; 7 - п9; 8 - п13; 9 - п10.

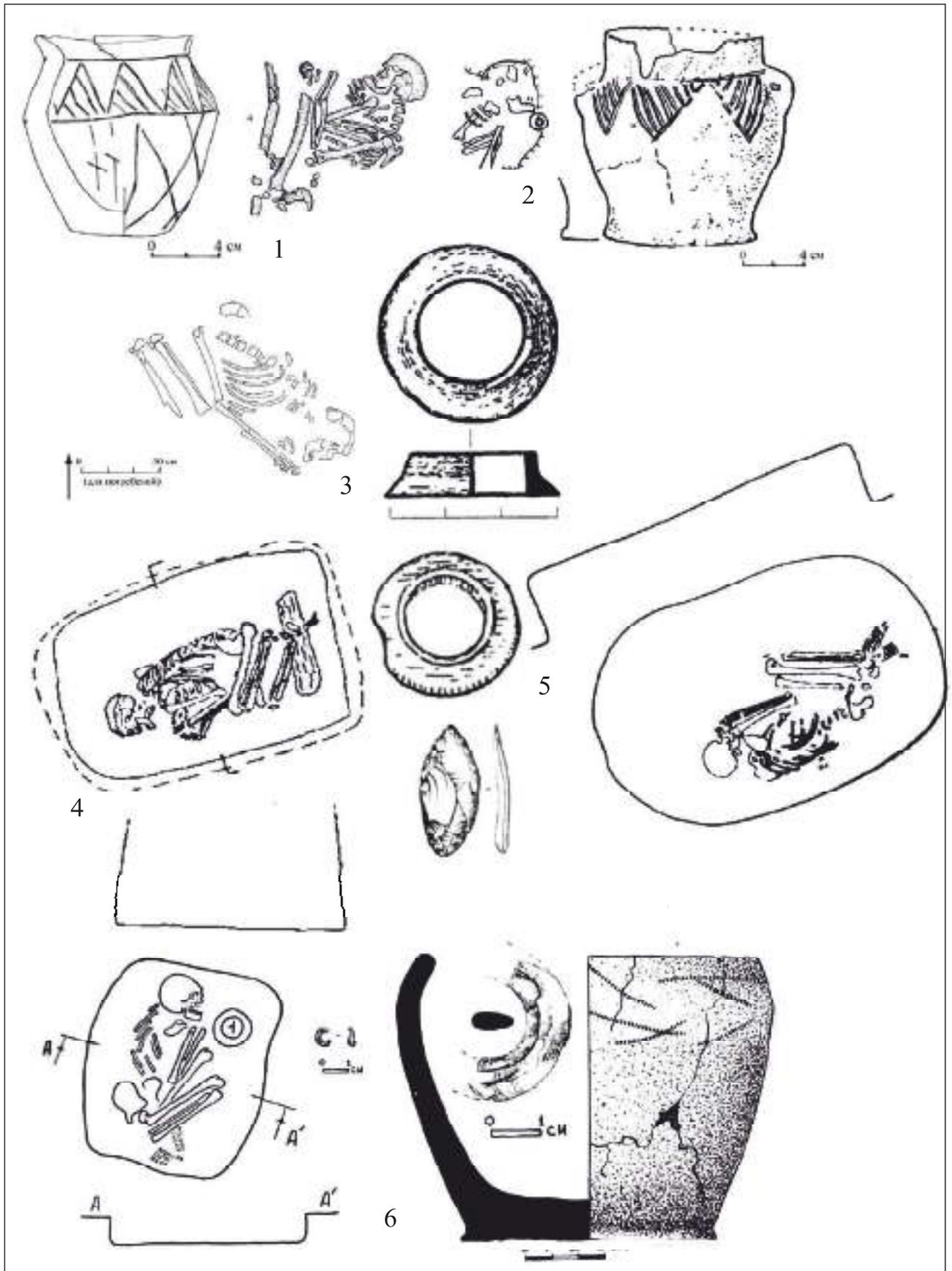

Рис. 14А. Сильноскорченные погребения финального этапа периода средней бронзы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья:

1 - Темерницкий I к6/п3, 2 - Ливенцовский мог. I п5, 3 - Засальский II к5/п3, 4 - Другой I к1/п3, 5 - Ясырев I к8/п9, 6 - Рясни к1/п9.

Волго-донская бабинская культура			
Обрядовая группа I (по Р. А. Мимоходу)			
			
Чир II к2/п1 Ромашкин II п11 Репный I к7/п13	Верхне- Рубежный I к3/п4	Репный I к7/п17	Репный I к7/п5
Лолинская культура			
Обрядовая группа VIIIБ (по Р. А. Мимоходу)		Обрядовая группа IIБ (по Р. А. Мимоходу)	
			
Колдыри к24/п3		Кировский IV к7/п2	

Рис. 15. Обрядовые группы ВДБК и лолинской культуры.

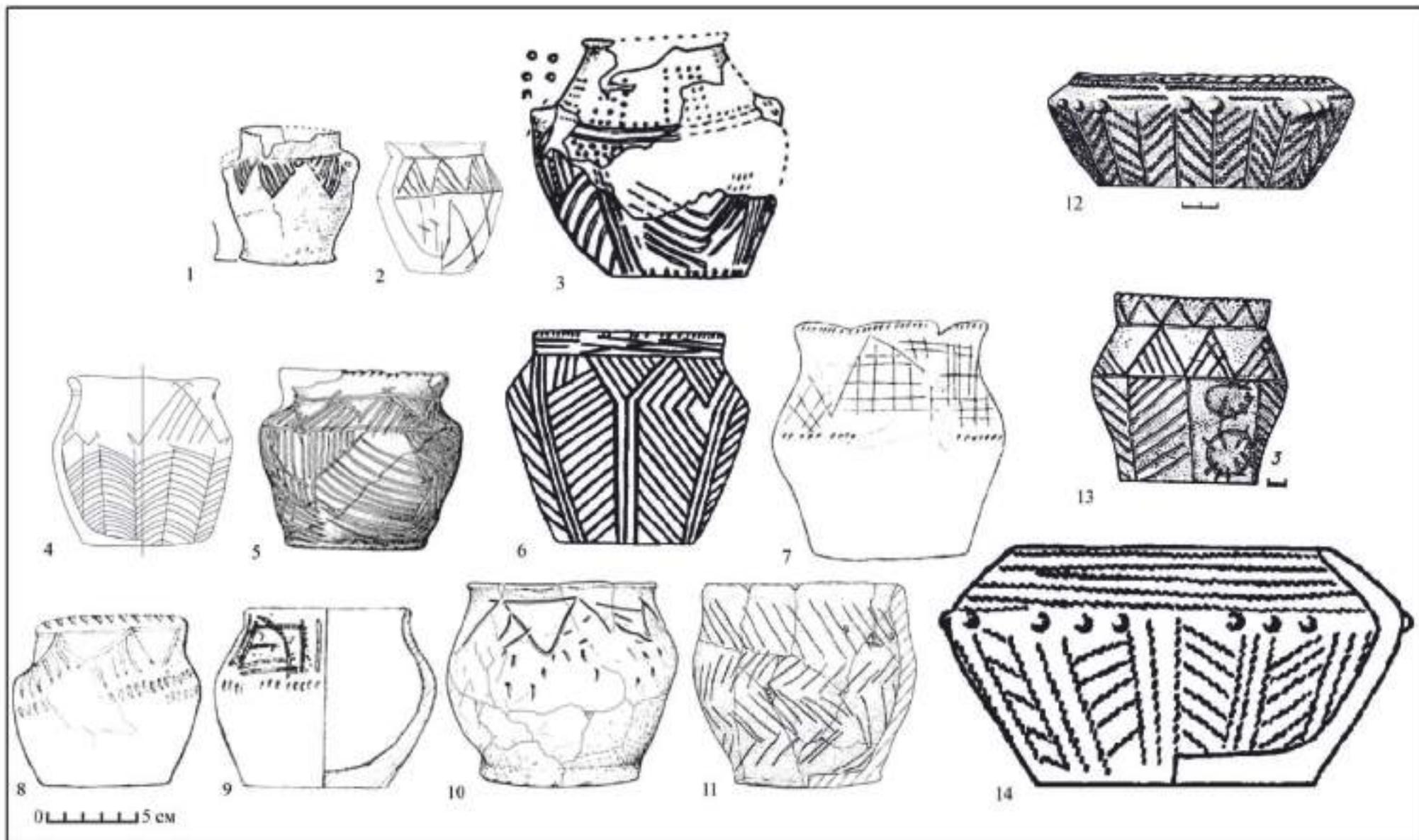

Рис. 16. Сосуды из погребальных комплексов финального этапа периода средней бронзы. КЛГ: 1 - Ливенцовский мог. п5, 2 - Темерницкий I к6/п3, 3 - Ливенцовка к10/п21. ДДБК: I этап: 4 - Бургуста I к5/п10, 5 - Самойлово к1/п3, 6 - Николаевка к8/п6, 7 - Лакедемоновка к1, насыпь; II этап: 8 - Веселовская гр. I к3/п11, 9 - Балабинка I к36/п1, 10 - Мокро-Дюдеревский к2/п4, 11 - Почтовый 2 к1/п9. Аналогии (по С. С. Березанской, 1986 г.): 12 - Компанейцы, 13 - Садовое, 14 - Губниха.

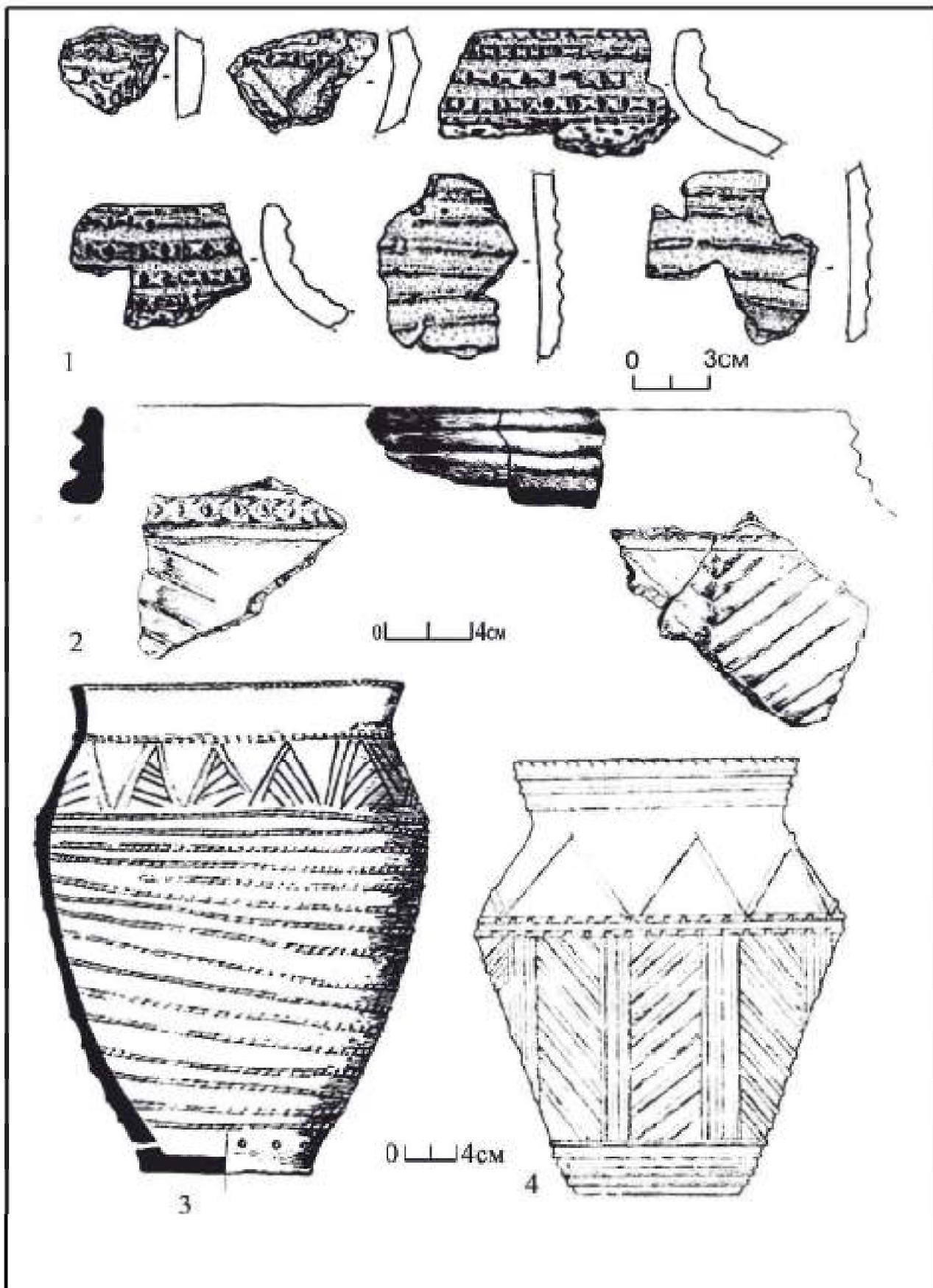

Рис. 17. Керамика найденная на поминальных площадках ДДБК:
 1 - Репный I к7/сит. 6; 2 - Столетовский к2/ сит. 4;
 3 - Круча II к2/ сит. 5; 4 - Жутово к21/п4.

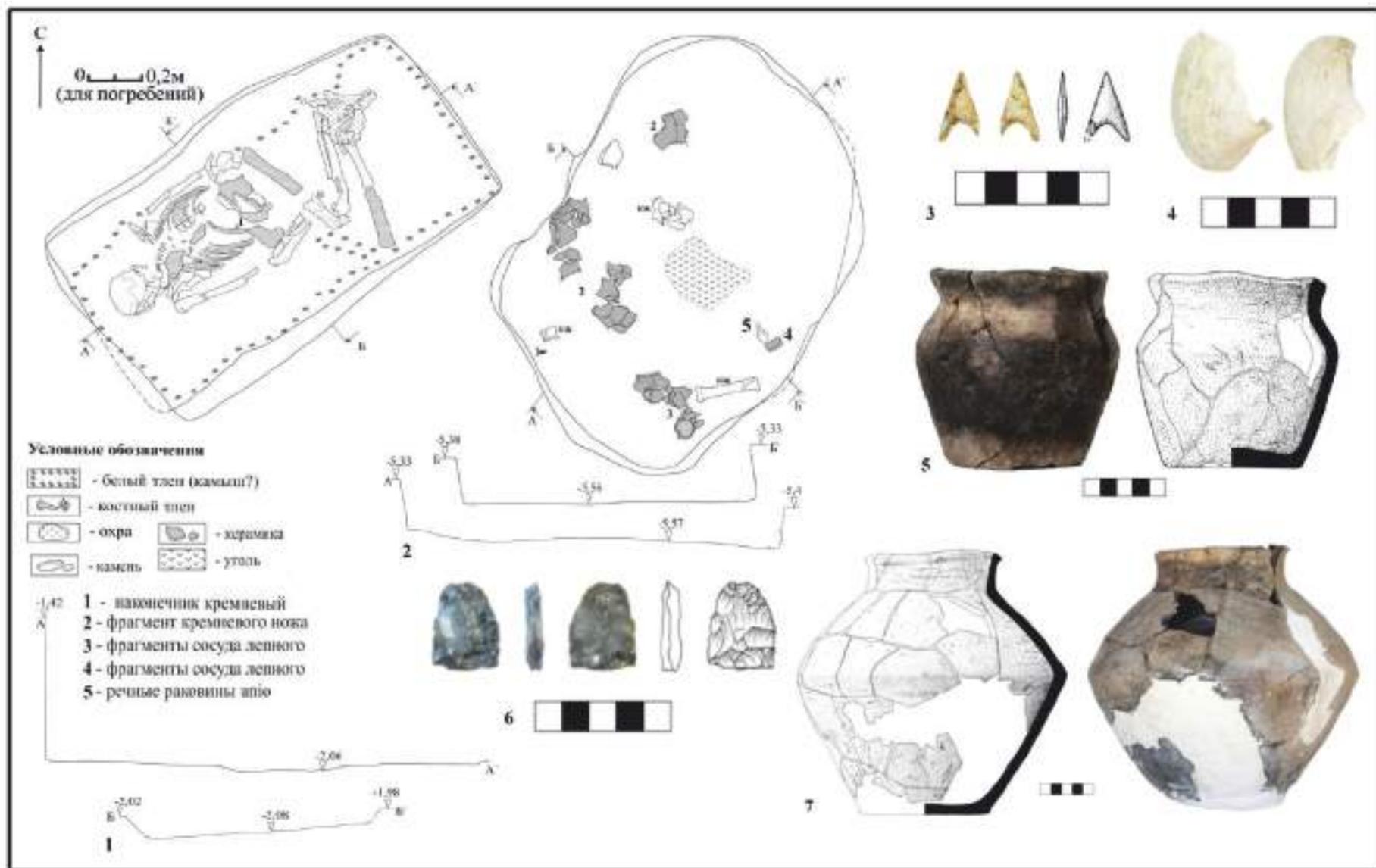

Рис. 17. Курганный могильник Веселый I, курган 1: 1 - погребение 4, 2 - поминальная площадка (погребение 32), 3 - кремневый наконечник стрелы из п4, 4 - раковина *unio* из п32, 6 - фрагмент кремневого ножа из п32, 5, 7 - сосуда из п32.

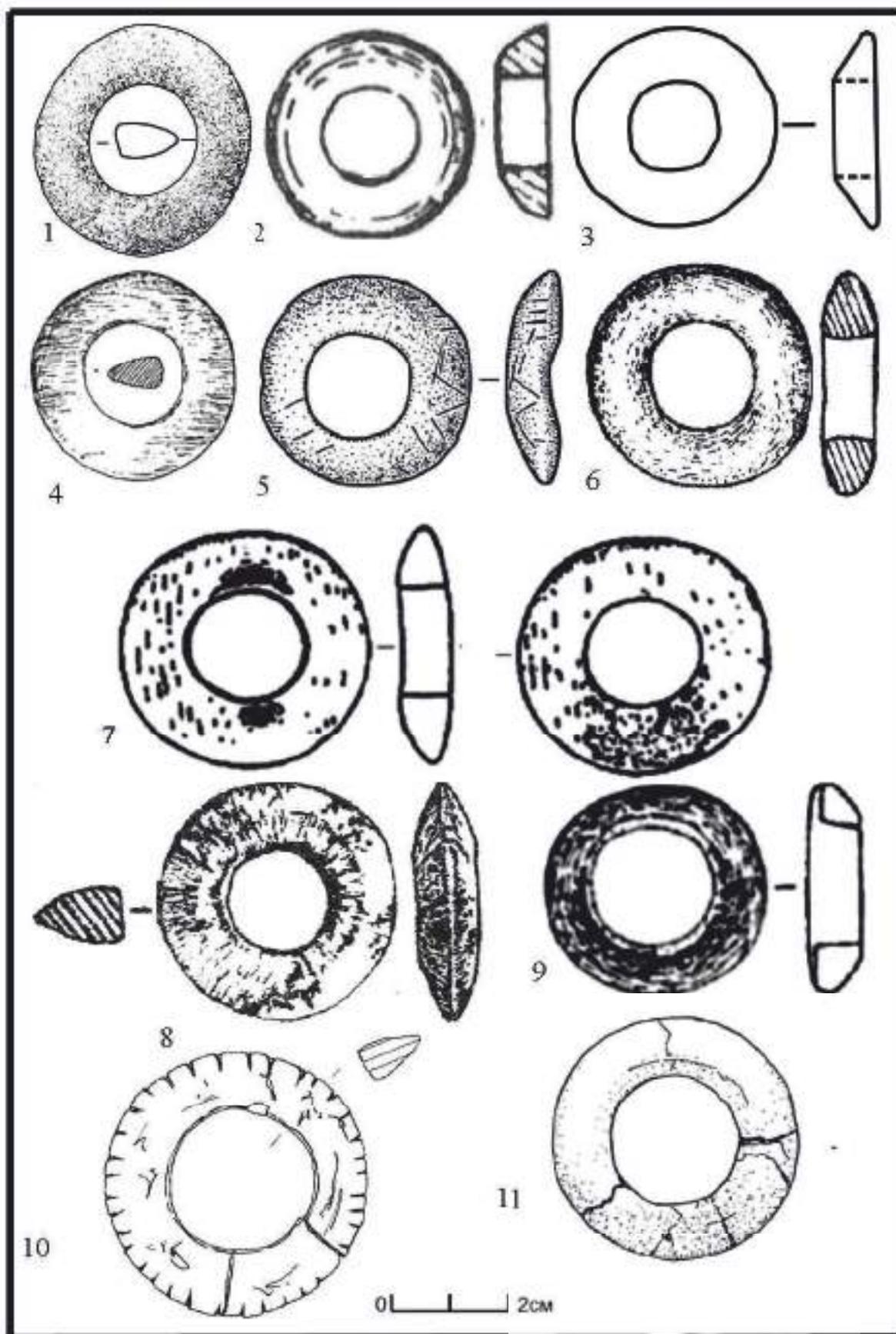

Рис. 19. Костяные пряжки-медальоны ДДБК I этапа: 1 - Пирожок к1/п1; 2 - Миус IV к2/п3; 3 - Новосадковский к30/п2; 4 - Гать III к14/п5; 5 - Шкляр к2/п1; 6 - Нижняя Бараниковка к5/п10; 7 - Репный I к7/п7; 8 - Молодогвардейский к5/п2; 9 - Репный I к7/п1; 10 - Аксайский к5/п1; 11 - Красный IV к7/п12.

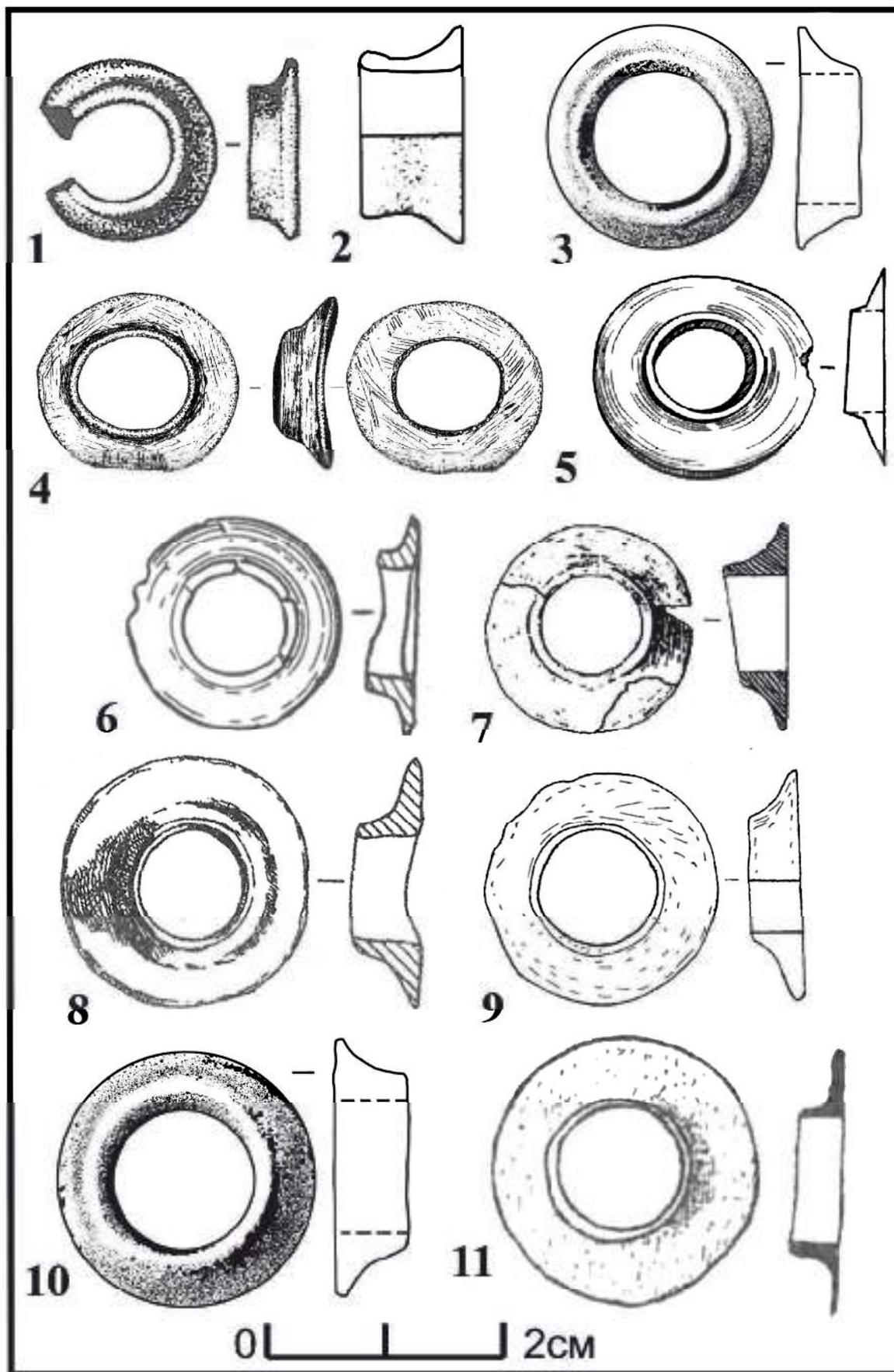

Рис. 20. Костяные пряжки-медальоны ДДБК II этапа: 1 - Киреевка 4 к1/п4; 2 - Хавалы II к3/п2; 3 - Высочино V к5/п5; 4 - Базки к1/п8; 5 - Сторожевой п8; 6 0 Кудинов к2/п13; 7 - Гать III к14/п7; 8 - Мухин I к5/п3; 9 - Дюнное V п5; 10 - Отрадный XIII к2/п3; Аглицкий II к1/п1.

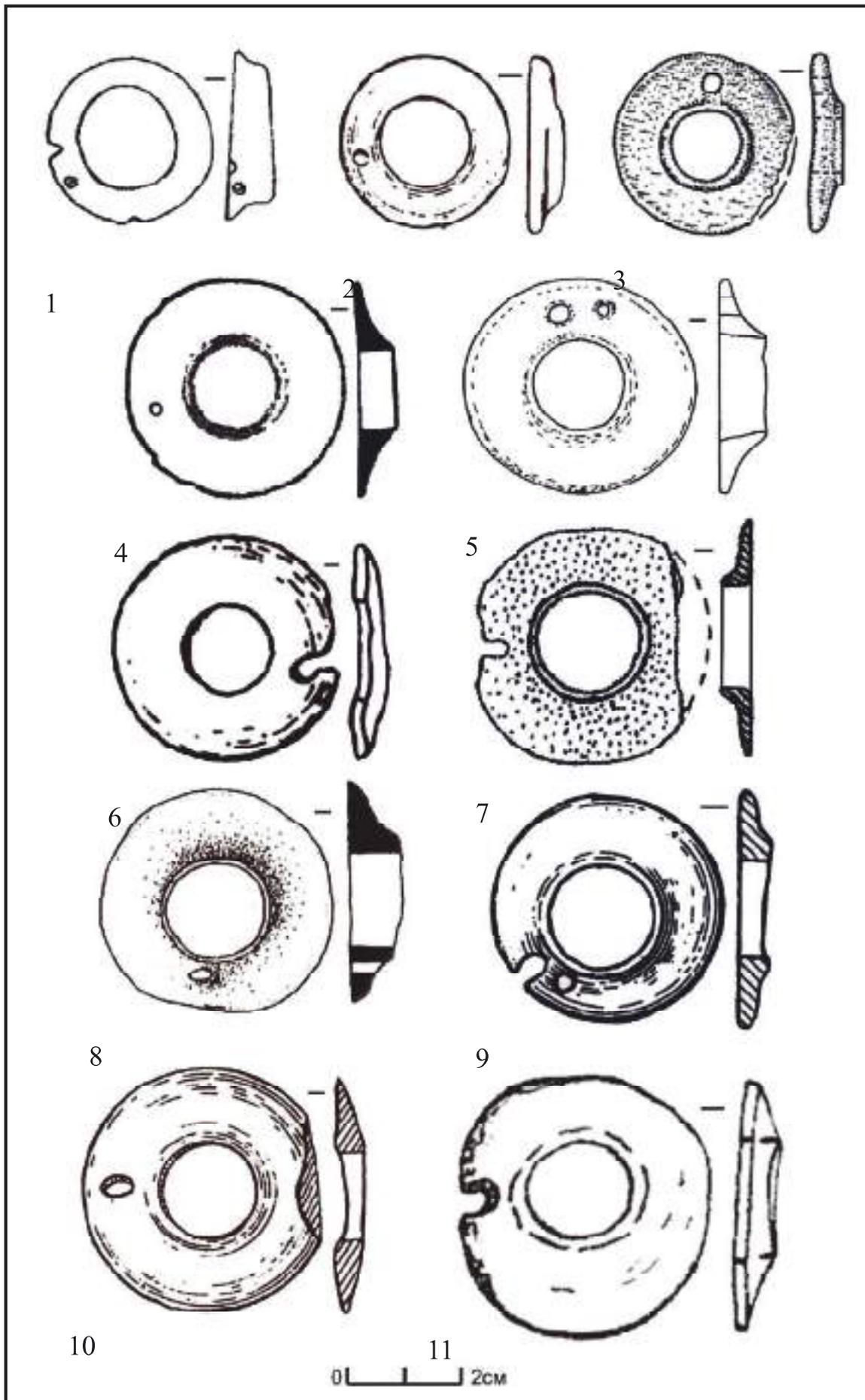

Рис. 21 . Костяные медальоны-пряжки типа ПБ ДДБК: 1 - Ейский к1/п1, 2 - Гиреева мог. п4, 3 - Шкляр к1/п8, 4 - Русский колодец (сев. гр.) кII/2/п7, 5 - Дюнное V п4, 6 - Балабинский I к10/п11, 7 - Щербаков II к5, 8 - Кисилев II к3/п18, 9 - Кудиновк2/п3, 10 - АрпачинII к22/п9 11 - Федоровка II к1/п10.

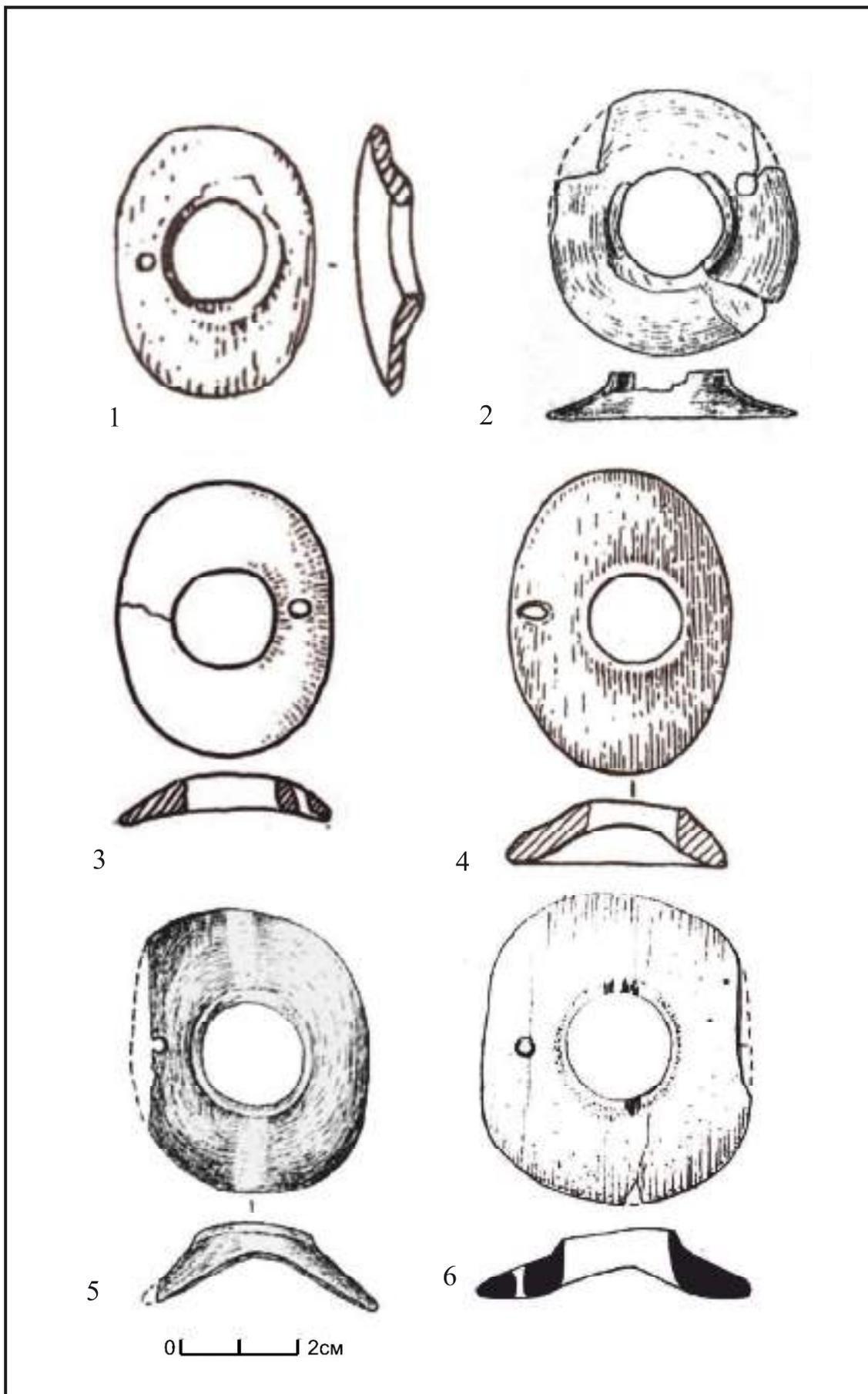

Рис. 22 . Костяные медальоны-пряжки типа III ДДБК:
 1 - Шахаевская II к3/п4, 2 - Берданосовка к3/п13,
 3 - Александровский к1/п1, 4 - Кудинов к3/п14, 5 - Поповка V к1/п1,
 6 - Крутенький I к1/п4.

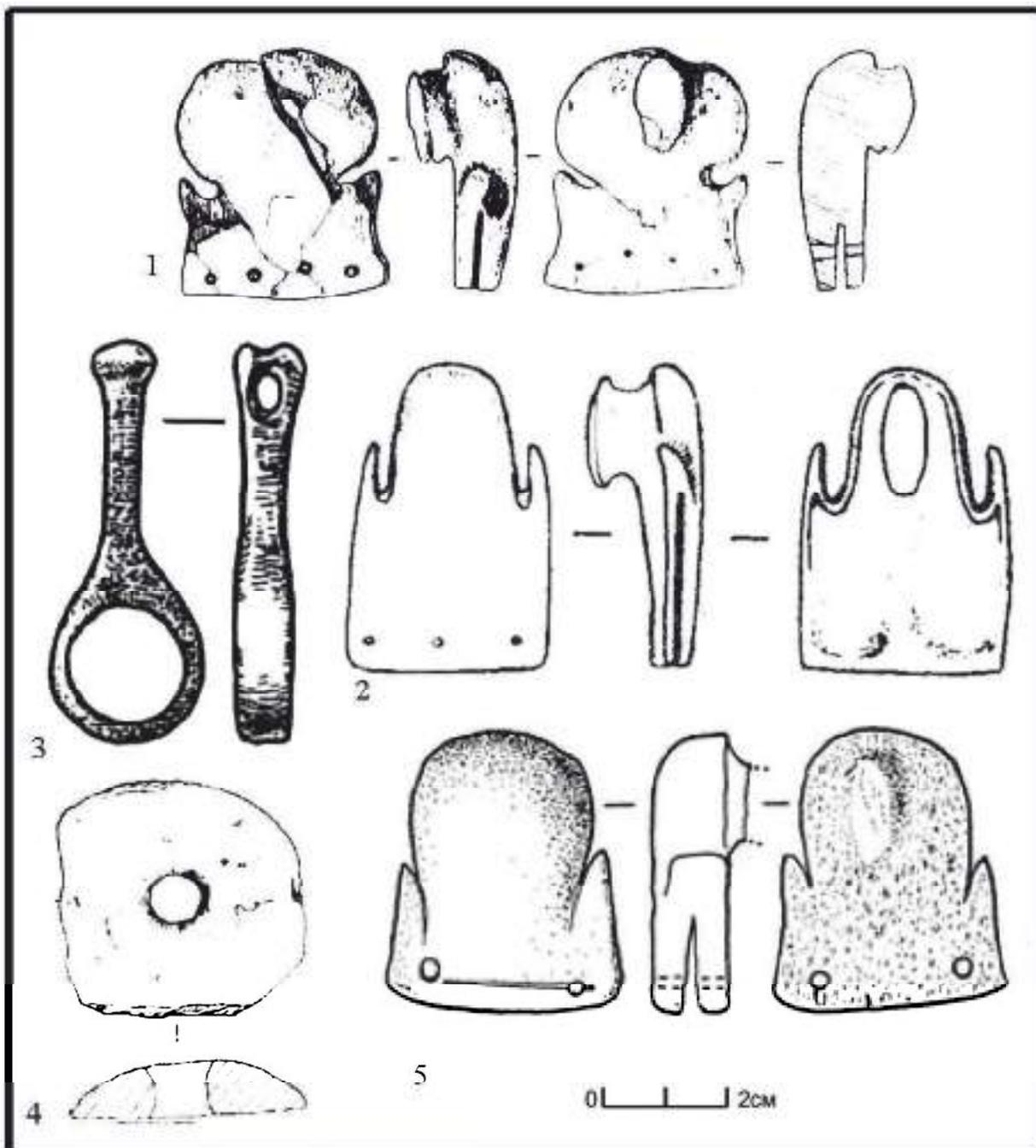

Рис. 23. Костяные изделия - пряжки финального этапа периода средней бронзы: 1 - Беева могила п3, 2 - Новолакедемоновка п3, 5 - Александровский мог. I п4, 3 - погребение во рву Ливенцовской крепости п6, 4 - Заготовка костяного изделия Гуково - водокачка - 06 сит. 6.

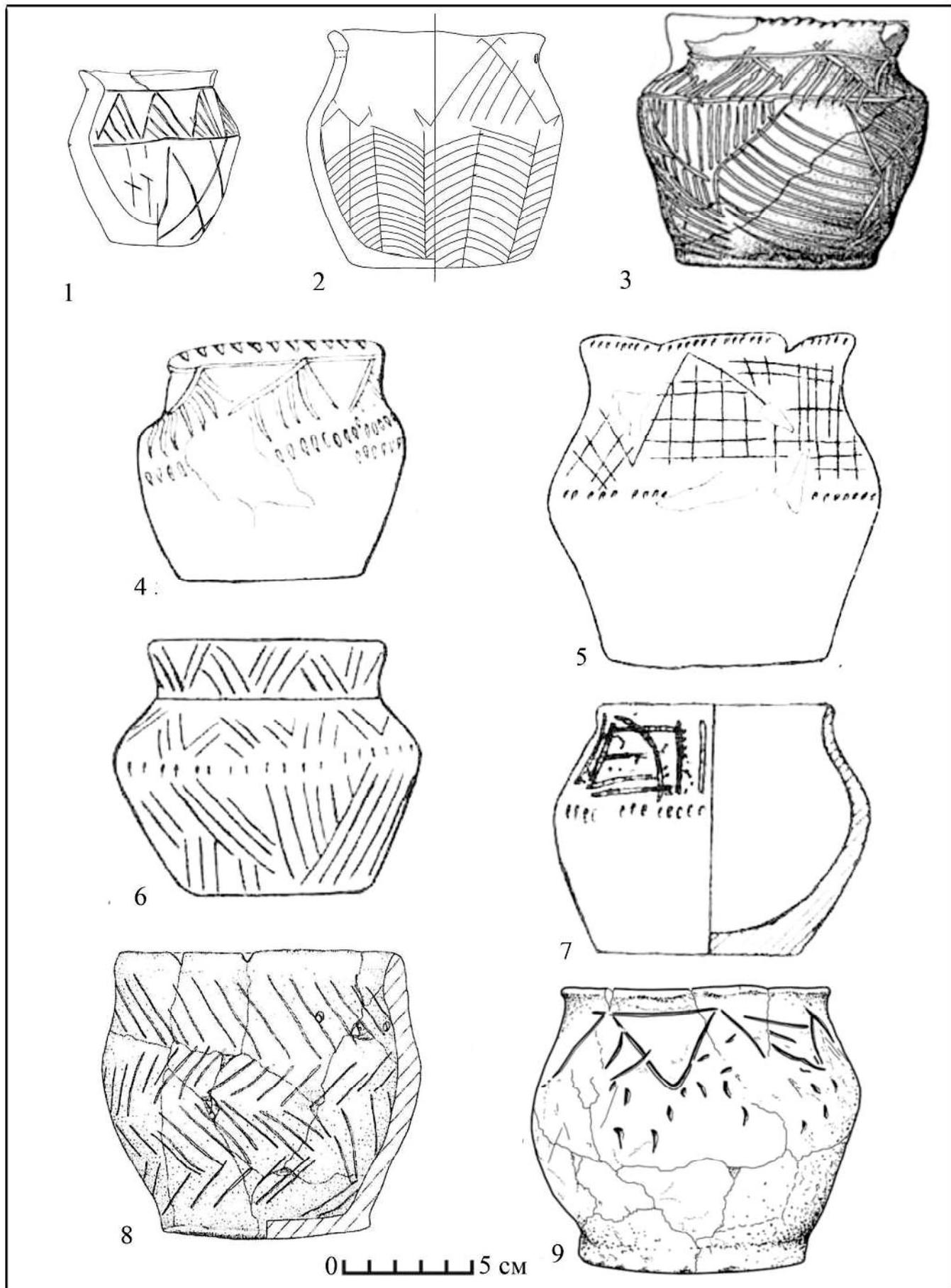

Рис. 24. Миниатюрные сосуды из погребений ДДБК по этапам:
 I: 1 - Темерницкий I к6/п3; 2 - Бургуста I к5/п10; 3 - Самойлово к1/п3;
 5 - Лакедемоновка к1; 6 - Веселый II к2/п2.
 II: 4 - Первая Веселовская группа к3/п11; 7 - Балабинка I к36/п1;
 8 - Почтовый 2 к1/п9; 9 - Мокро-Дюдеревский I к2/п4.

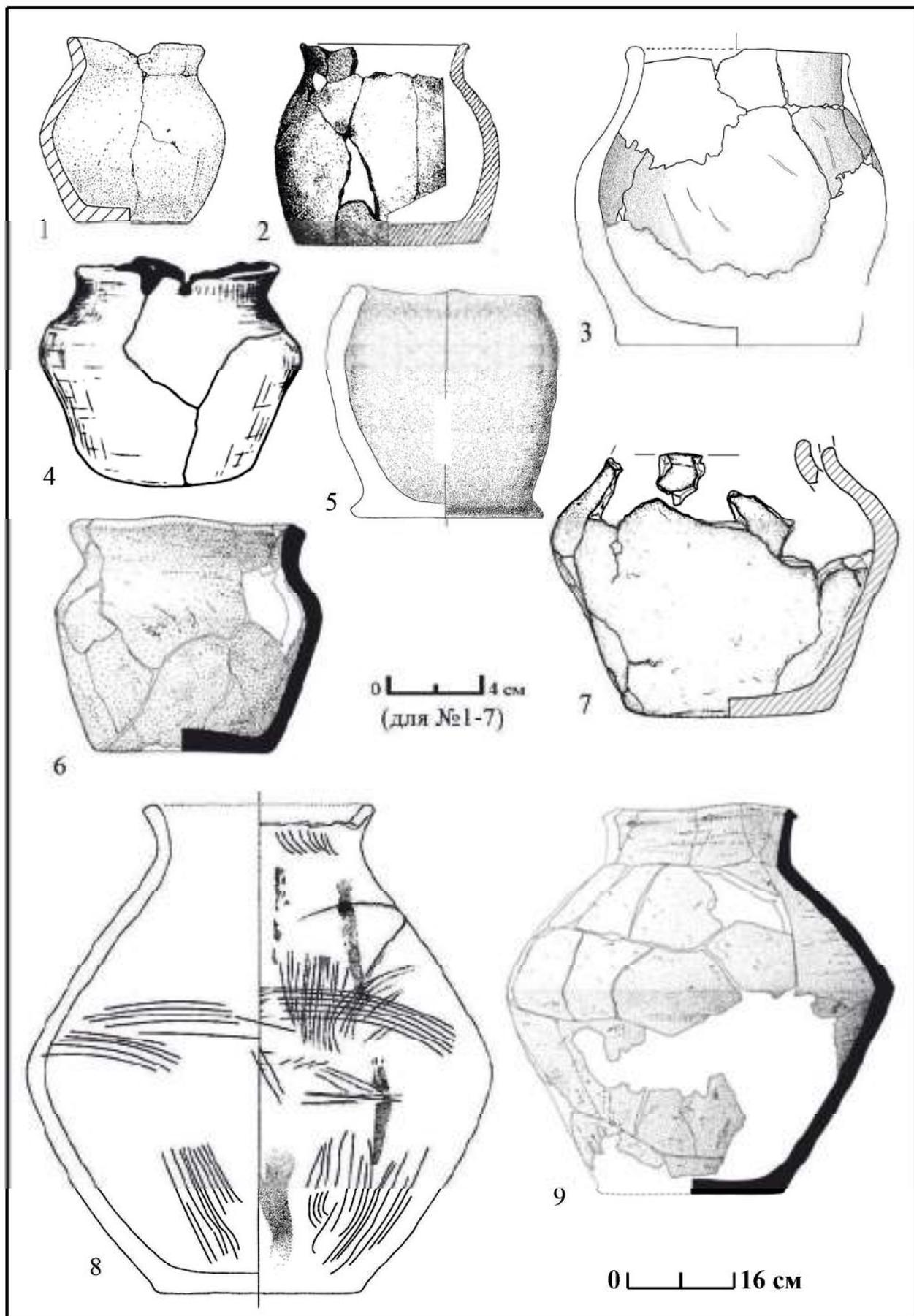

Рис. 25. Сосуды из погребений ДДБК: 1 - Крест п32; 2 - Киреевка 4 к1/п5; 3 - Камышевахский IV к1/п4; 4 - Гайевка-Каймакчи к1/п9; 5 - Бургуста I к5/п10; 6, 9 - Веселый I к1/п32; 7 - Аксайский I к5/п9; 8 - Бургуста I к4/п4.

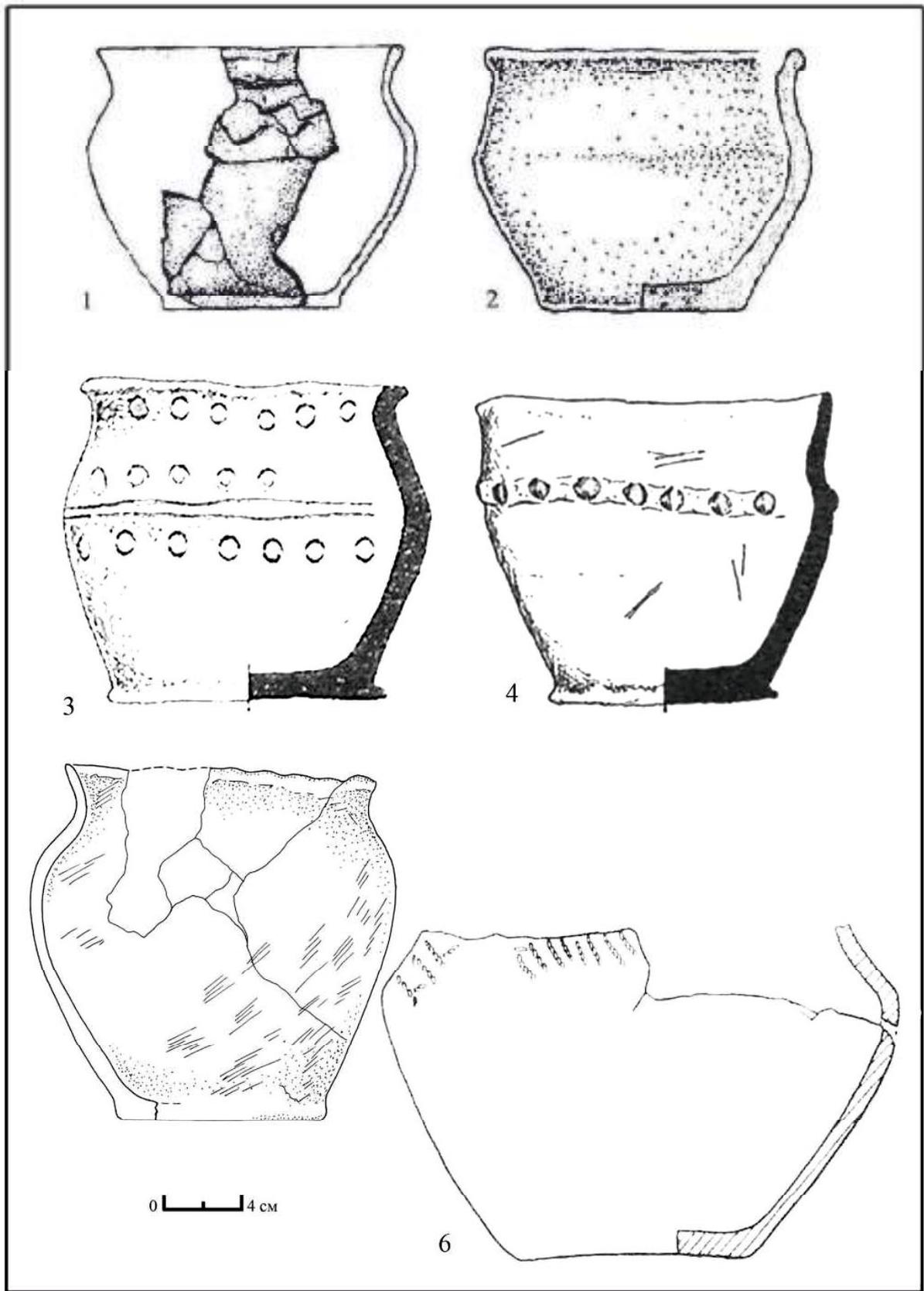

Рис. 26. Сосуды из погребений ДДБК: 1 - Ребриковка II к1/п6;
 2 - Кисилев II к3/п6; 3 - Поповка V к1/п1; 4 - Берданосовка к3/п13;
 5 - Дюнное V п15; 6 - Первая Веселовская группа к3/п11.

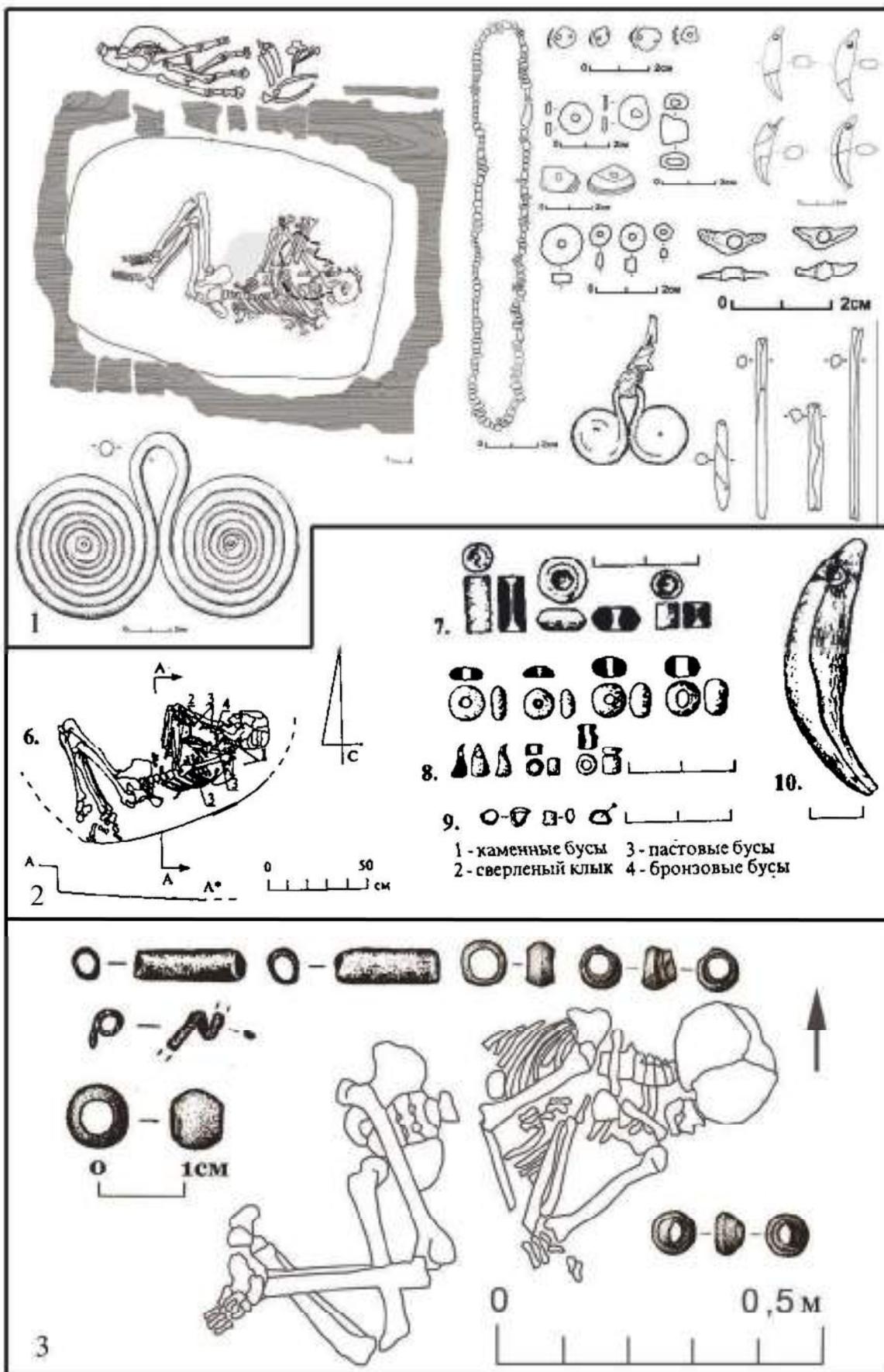

Рис. 27. Женские погребения ДДБК с наборами украшений:
1 - Бургуста I к5/п11; 2 - Ребриковка II к1/п7; 3 - Новый Егорлык IV к1/п6.

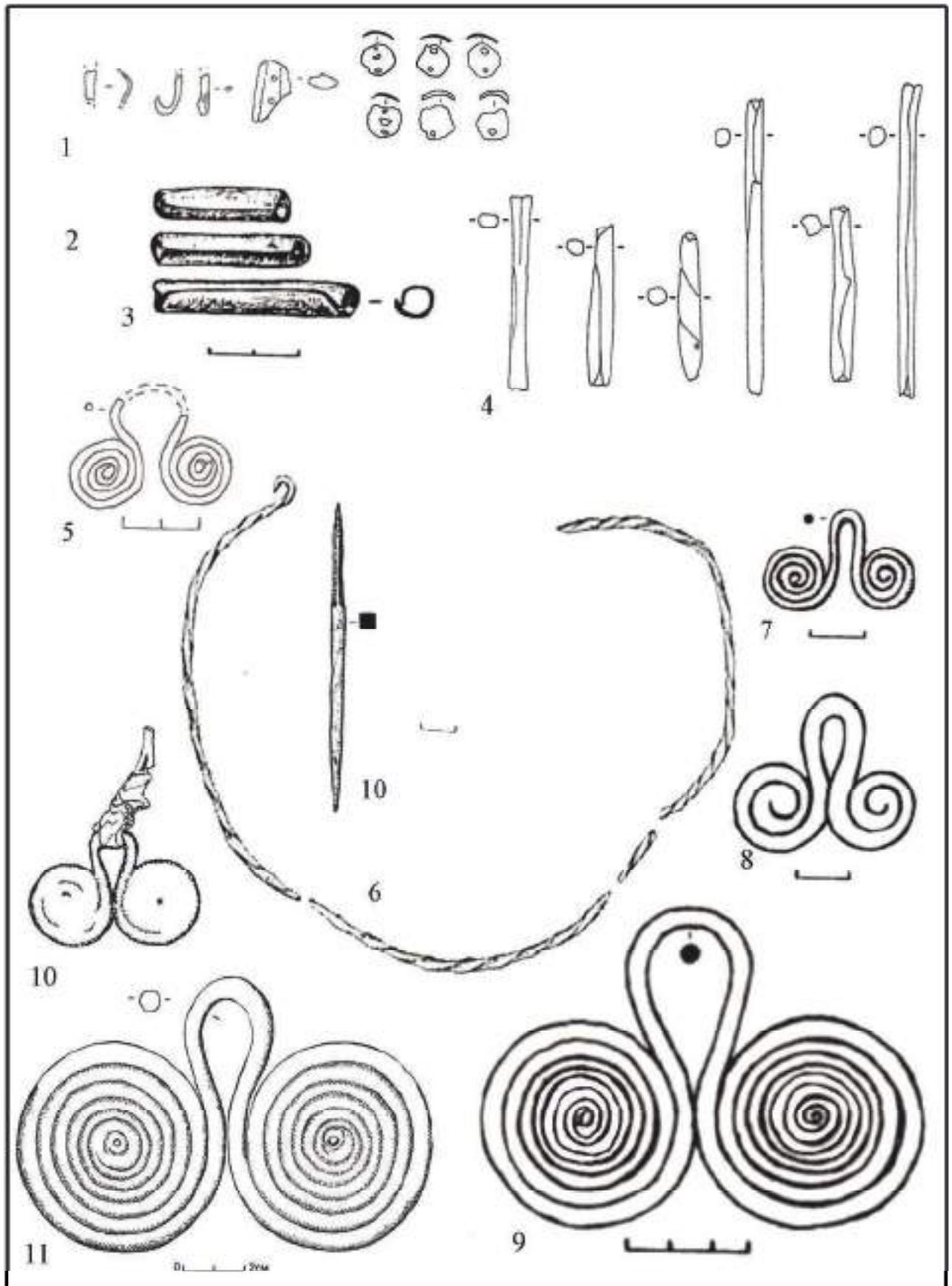

Рис. 28. Бронзовые изделия из погребений ДДБК: 1, 5 - Чикмари II к1/п3;
 2, 4, 10-11 - Бургуста I к5/п11; 6 - Гать III к16/п5;
 7 - 9 - Шахтерск к1/п1, п2, п6, п7; 10 - Мокрый IV к1/п9.

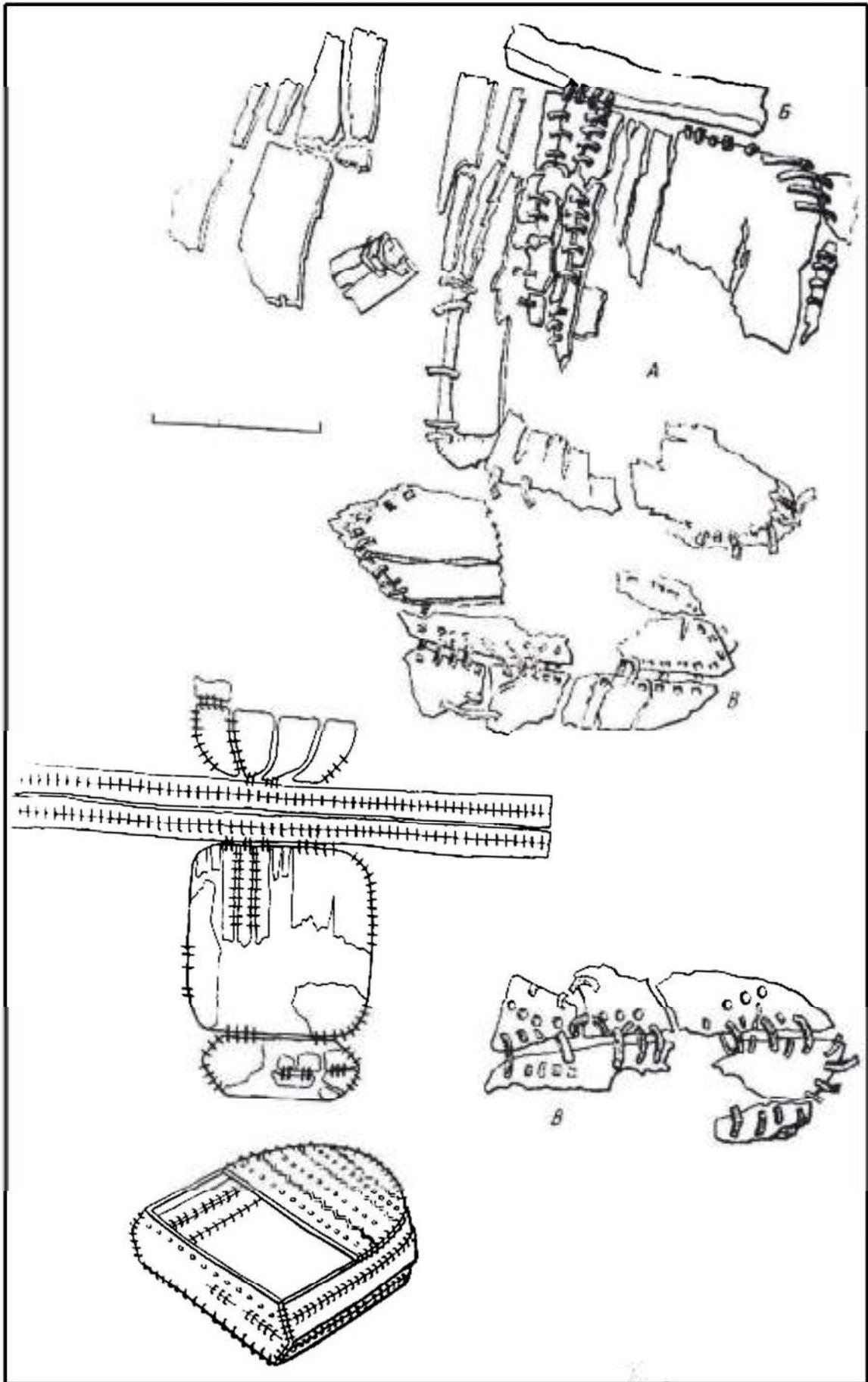

Рис. 29. Реконструкция деревянной шкатулки с бронзовыми скобами из погребения Кузнецовский II к1/п3.

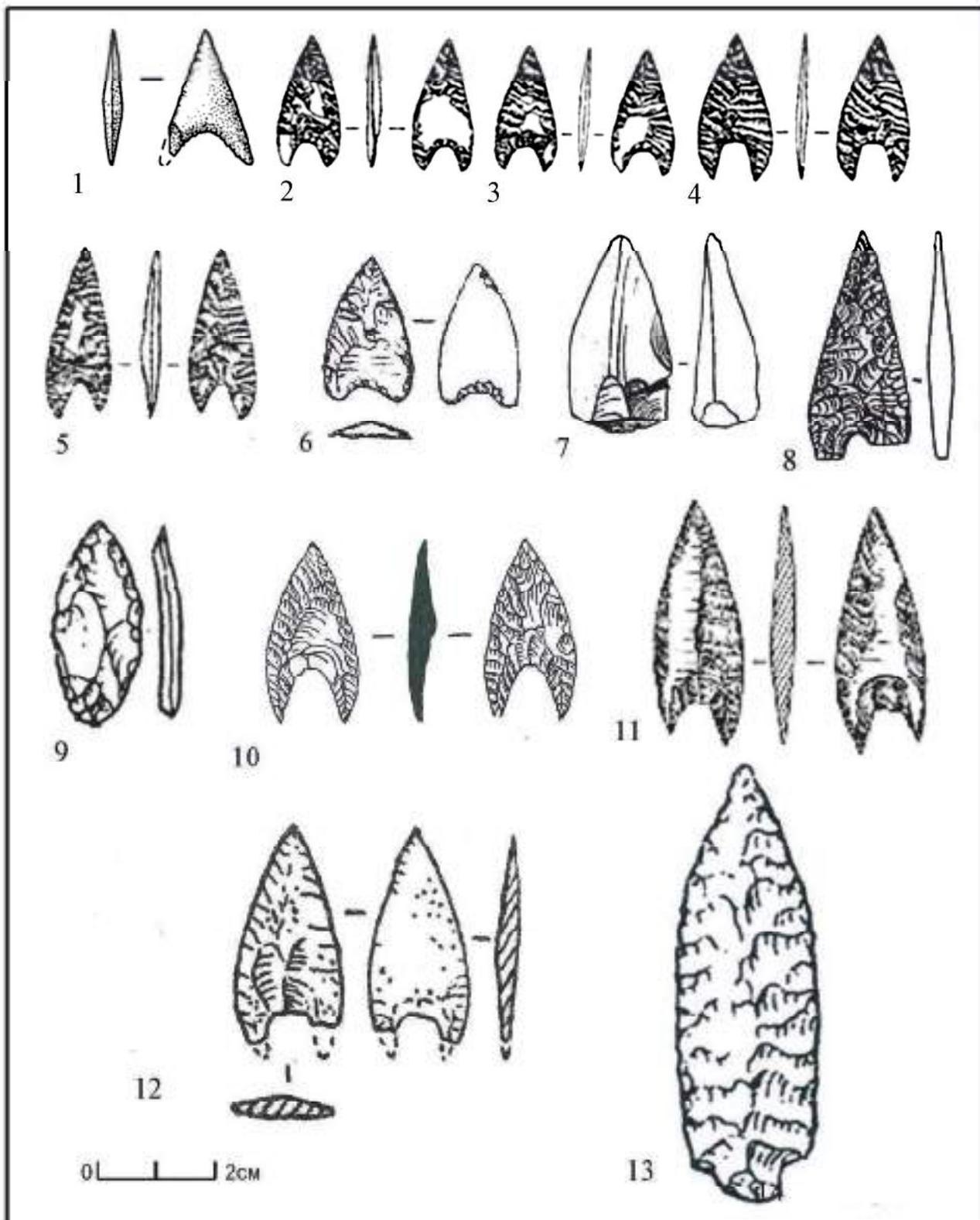

Рис. 30. Кремневые наконечники стрел из погребений финального этапа периода средней бронзы: 1 - Веселый I к1/п4; 2 - 5 - Репный I к7/п10; 6 - Нижняя Бараниковка к5/п10; 7 - 8 - Керчик к17/п1; 9 - Ясырев I к8/п9; 10 - Рестумов I к1/п2; 11 - Маленький I к2/п2; 12 - Молодогвардейский к2/п5; 14 - Ростов-Западный к5/п3.

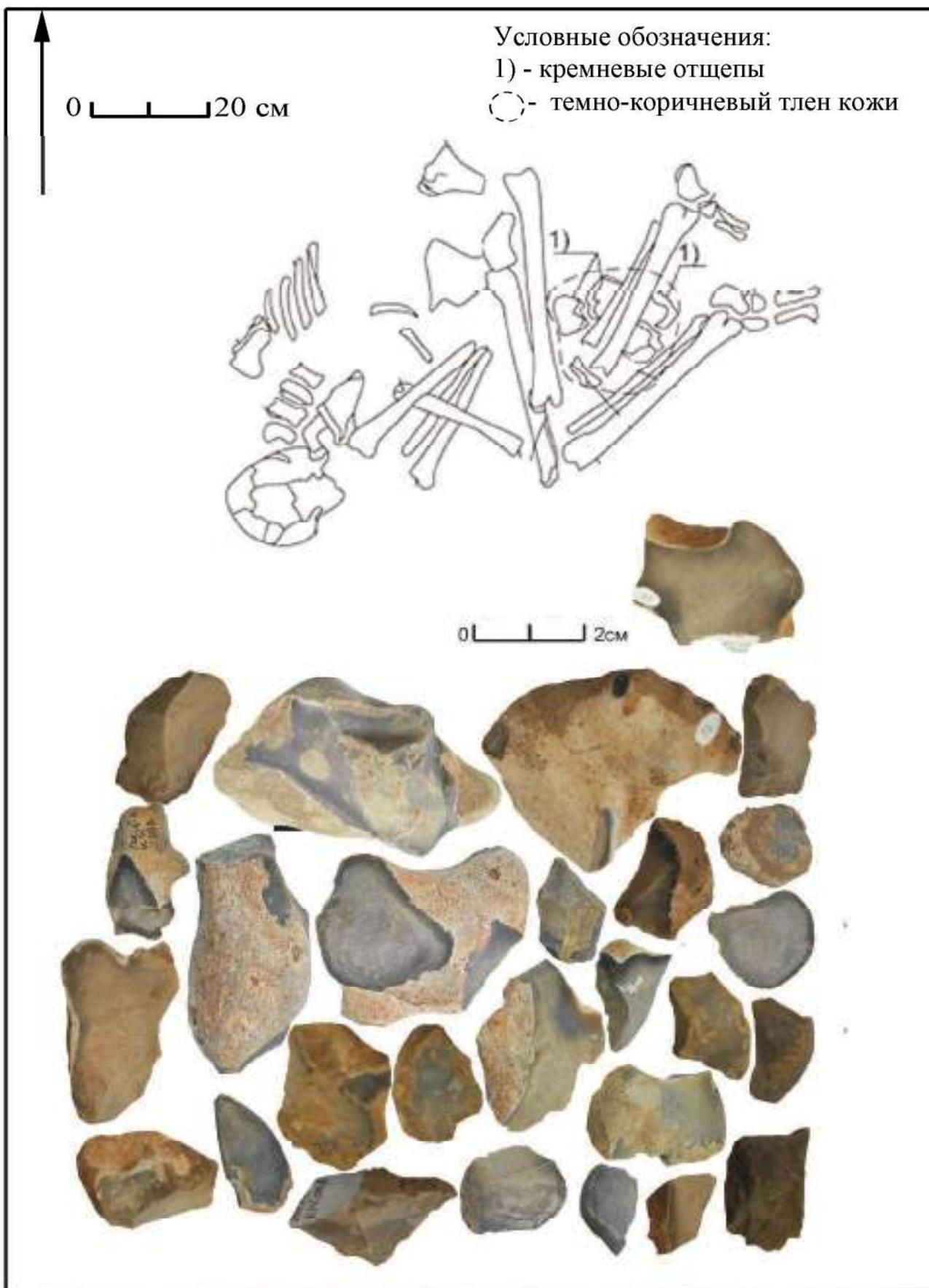

Рис. 31. Погребение ДДБК с набором кремневых заготовок:
Российский II к14/п8.

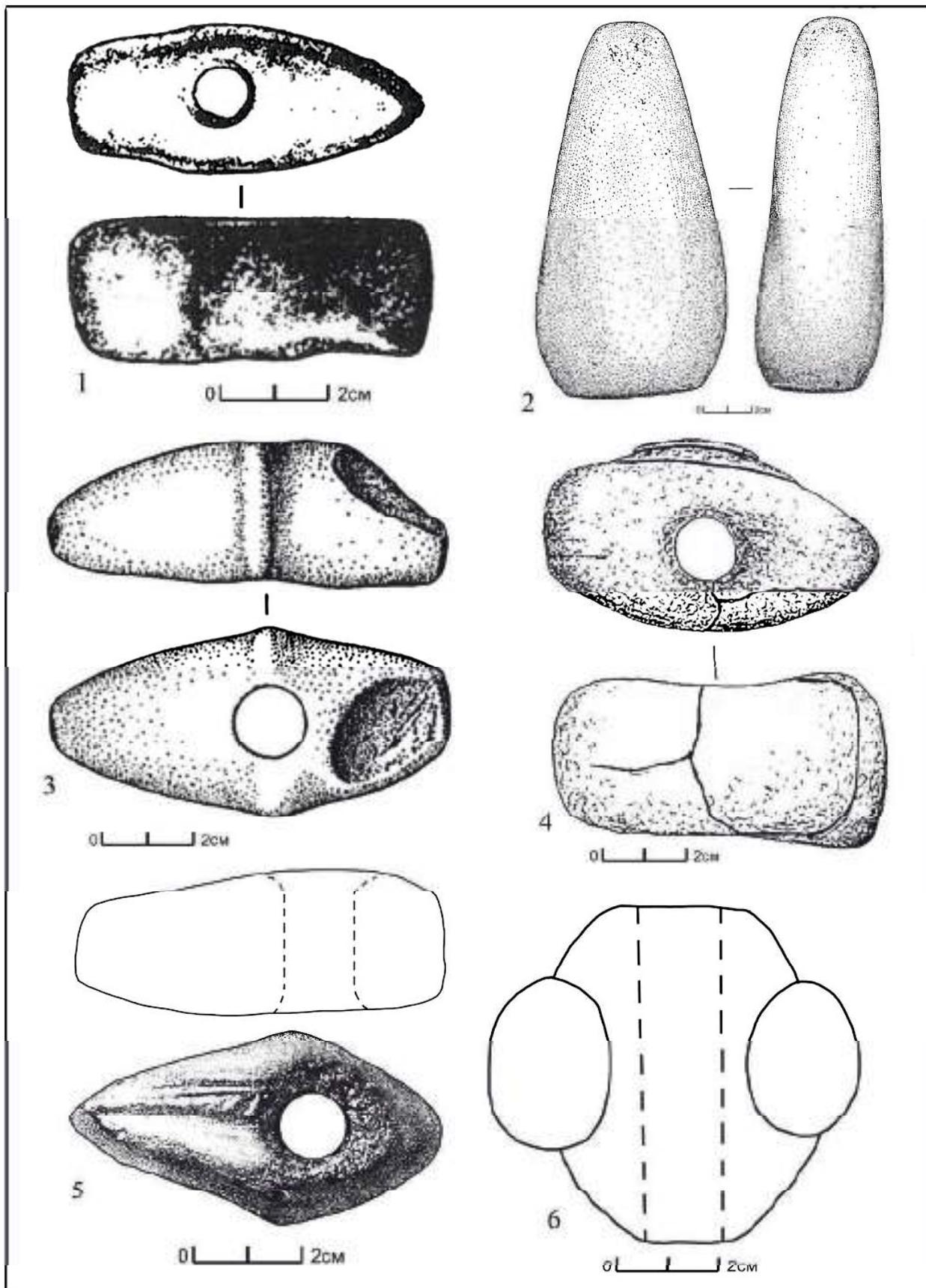

Рис. 31А. Изделия из камня в погребениях ДДБК:

1 - Первая Веселовская группа к2/п4; 2 - Рестумов II к1/п2;

3 - Репный I к7/п10; 4 - Гать III к16/п5; 5 - Четыре брата II к12/п10;

6 - Устьман к3/п2.

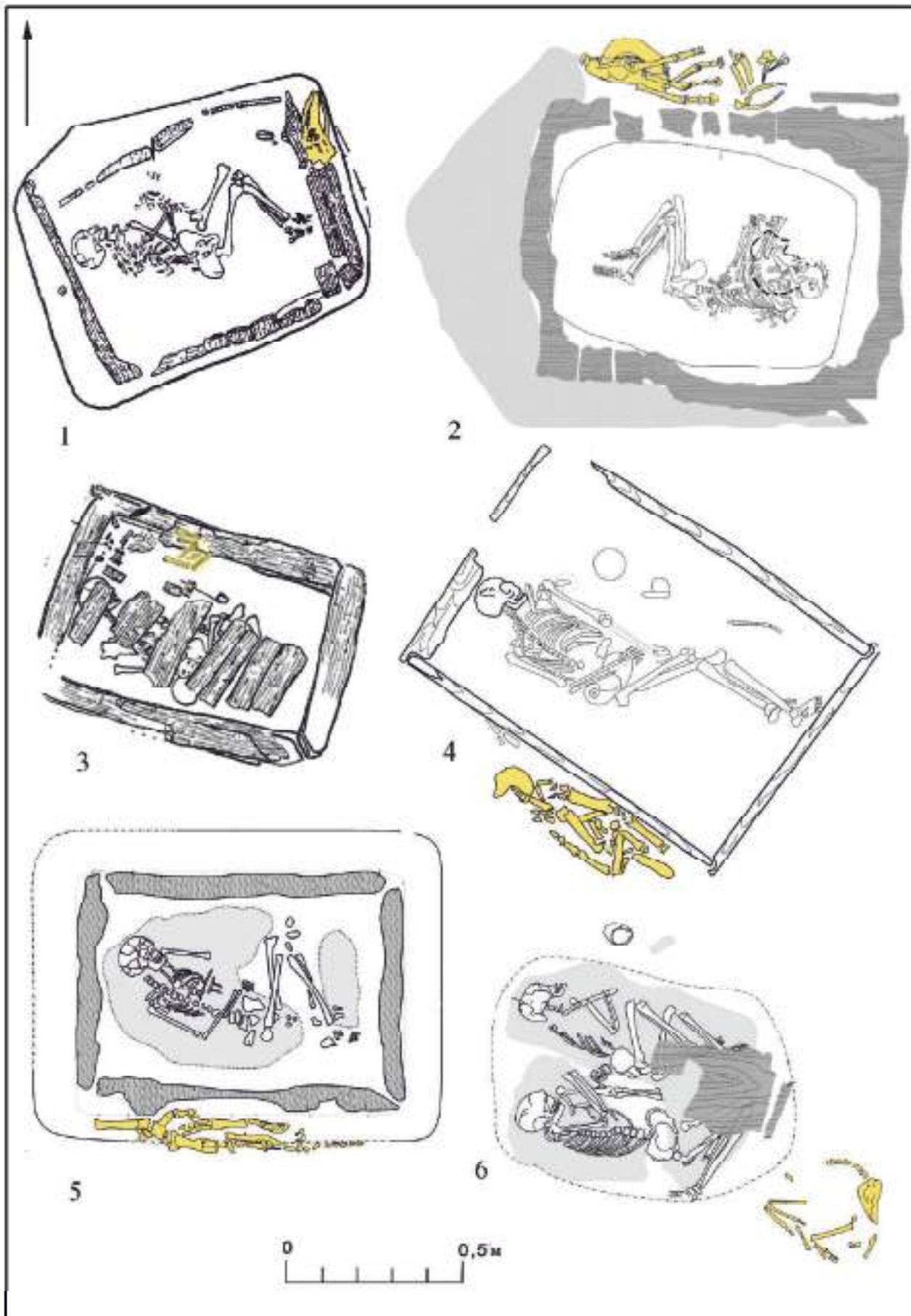

Рис. 32. Положение «чучел» животных в погребениях ДДБК:

- 1 - Нижняя Бараниковка к5/п10; 2 - Бургуста I к5/п11;
- 3 - Александровский мог. к1/п4; 4 - Николаевка к1/п8; 5 - Бургуста I к4/п4;
- 6 - Бургуста I к5/п10.

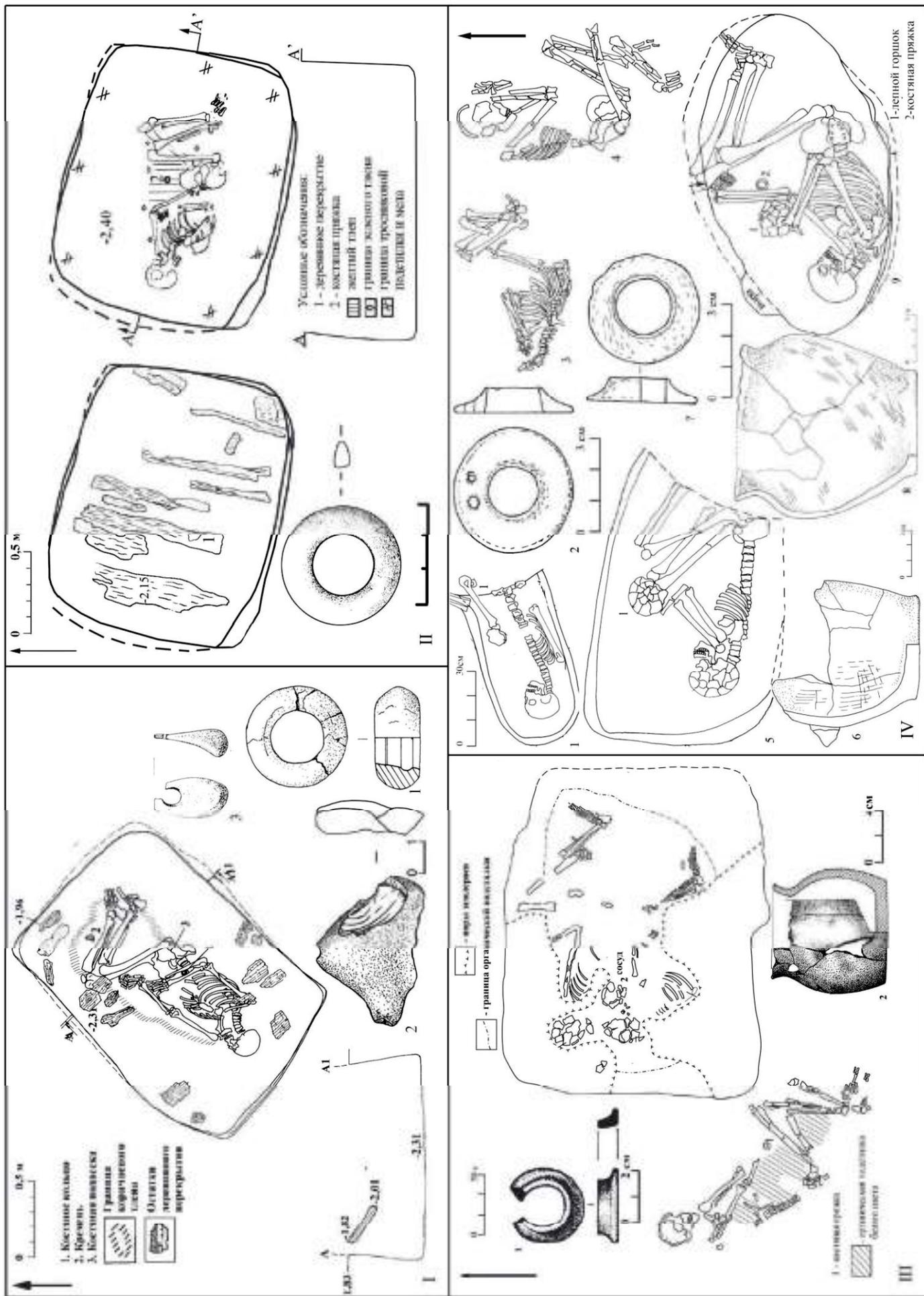

Рис. 33. Комплексы ДДБК периода I: I - Красный IV к12/п7; II - Новосадковский к30/п2; периода II: III - Киревка 4 к1/п4 и п5; IV - Дронное V: 1 - 2 - п4, 3 - п5, 4 - п12, 5 - 6 - п11, 7 - 9 - п15.

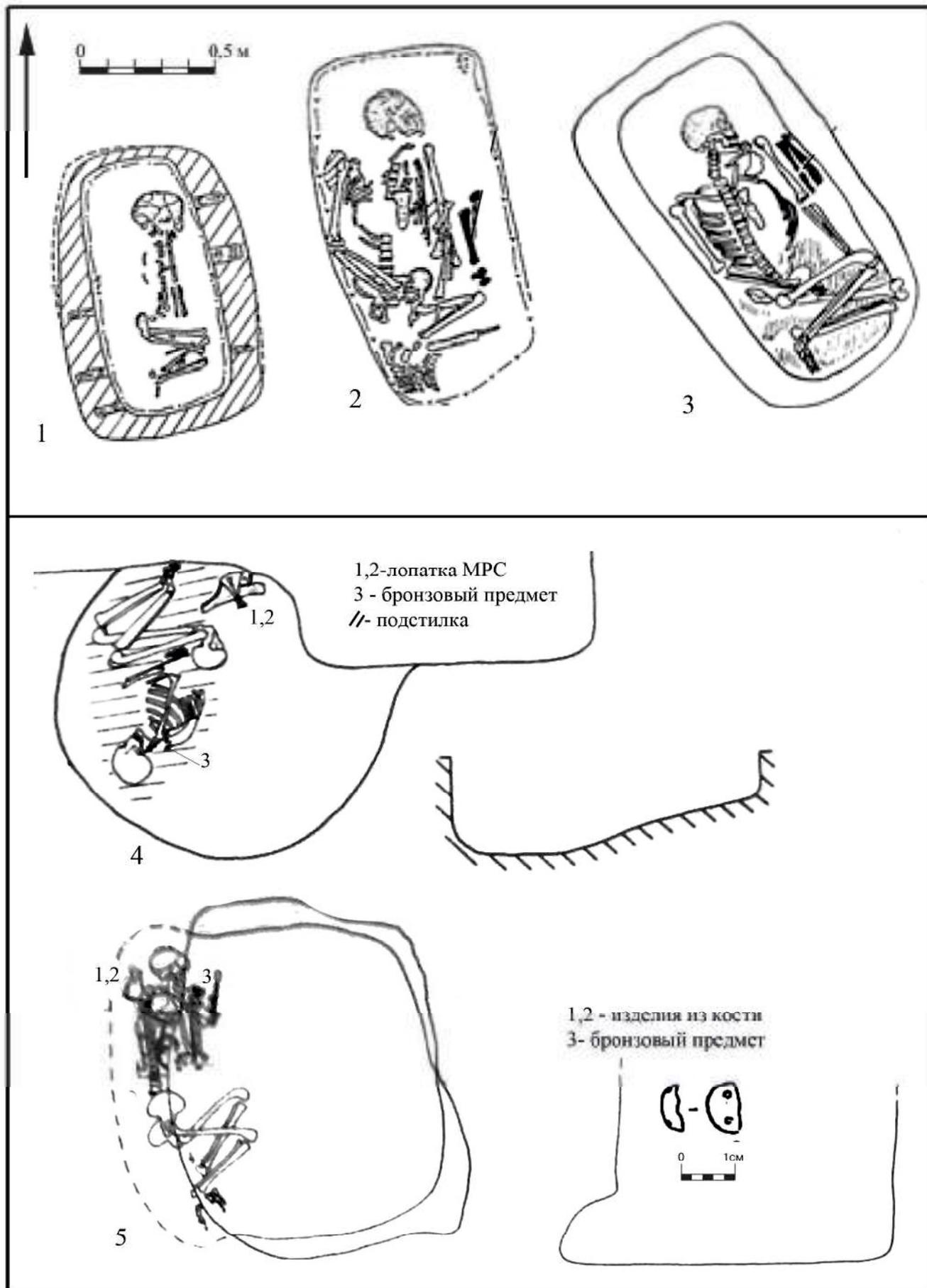

Рис. 34. Погребения ВДБК: 1 - Репный I к7/п5; 2 - Репный I к7/п13;
3 - Ромашкин II п11.

Погребения лолинской культуры: 4 - Колдыри к24/п3, 5 - Кировский IV к7/п2.

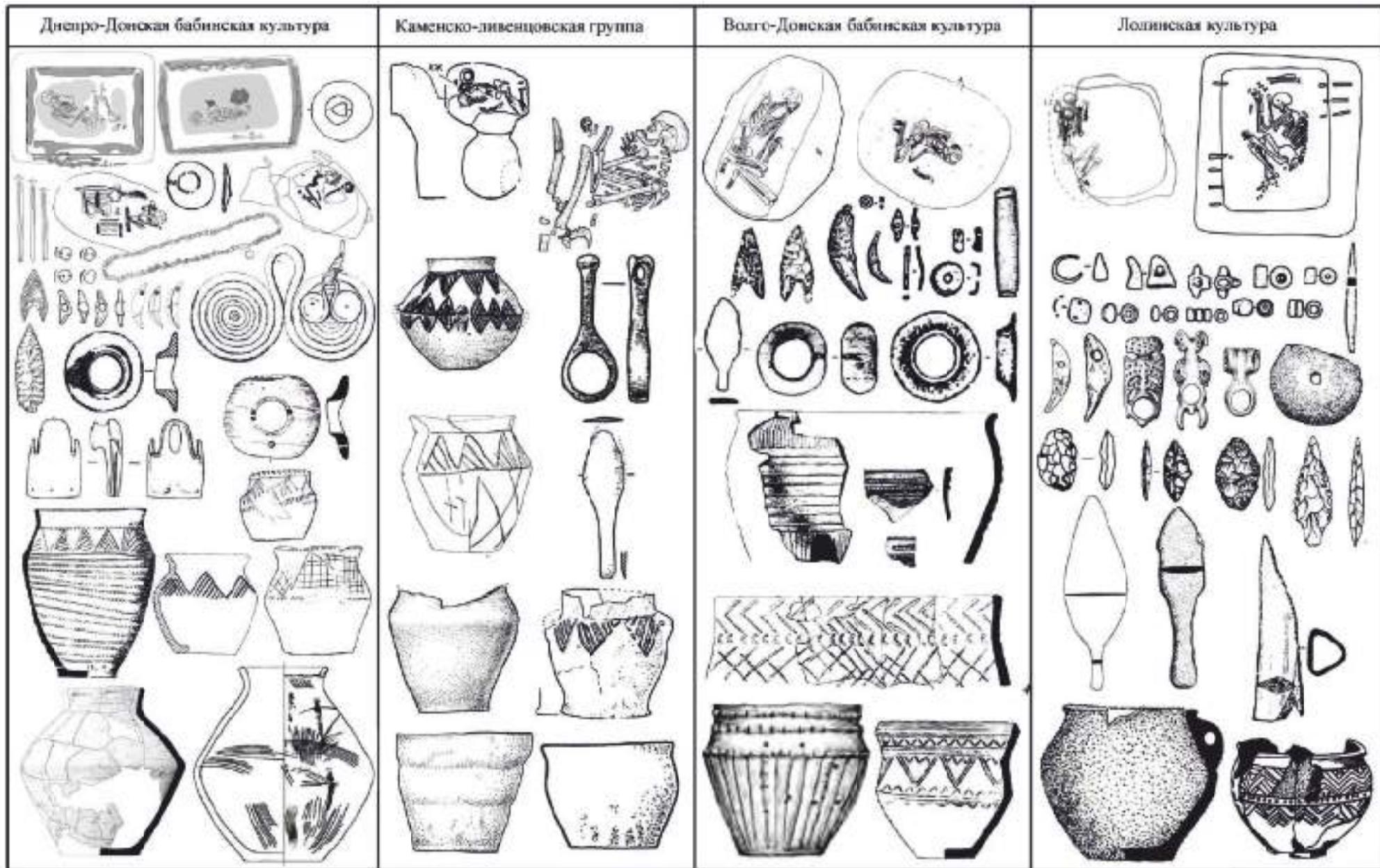

Рис. 35. Сопоставление погребального инвентаря культур финального периода средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

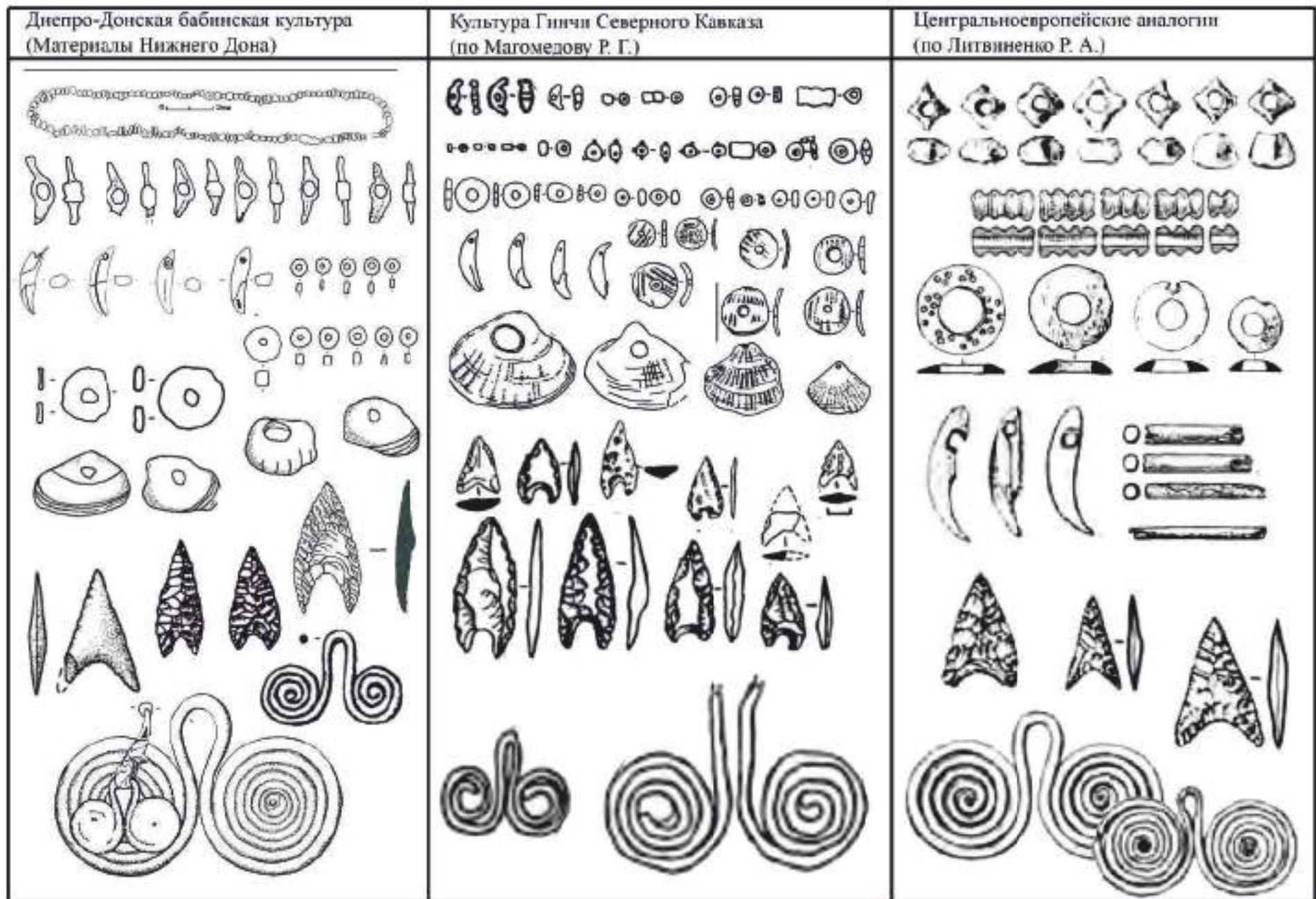

Рис. 36. Сопоставительные материалы из погребений ДДБК Нижнего Дона, культуры Гинчи Северного Кавказа (Р. Г. Магомедов) и культур Центральной Европы (Р. А. Литвиненко).

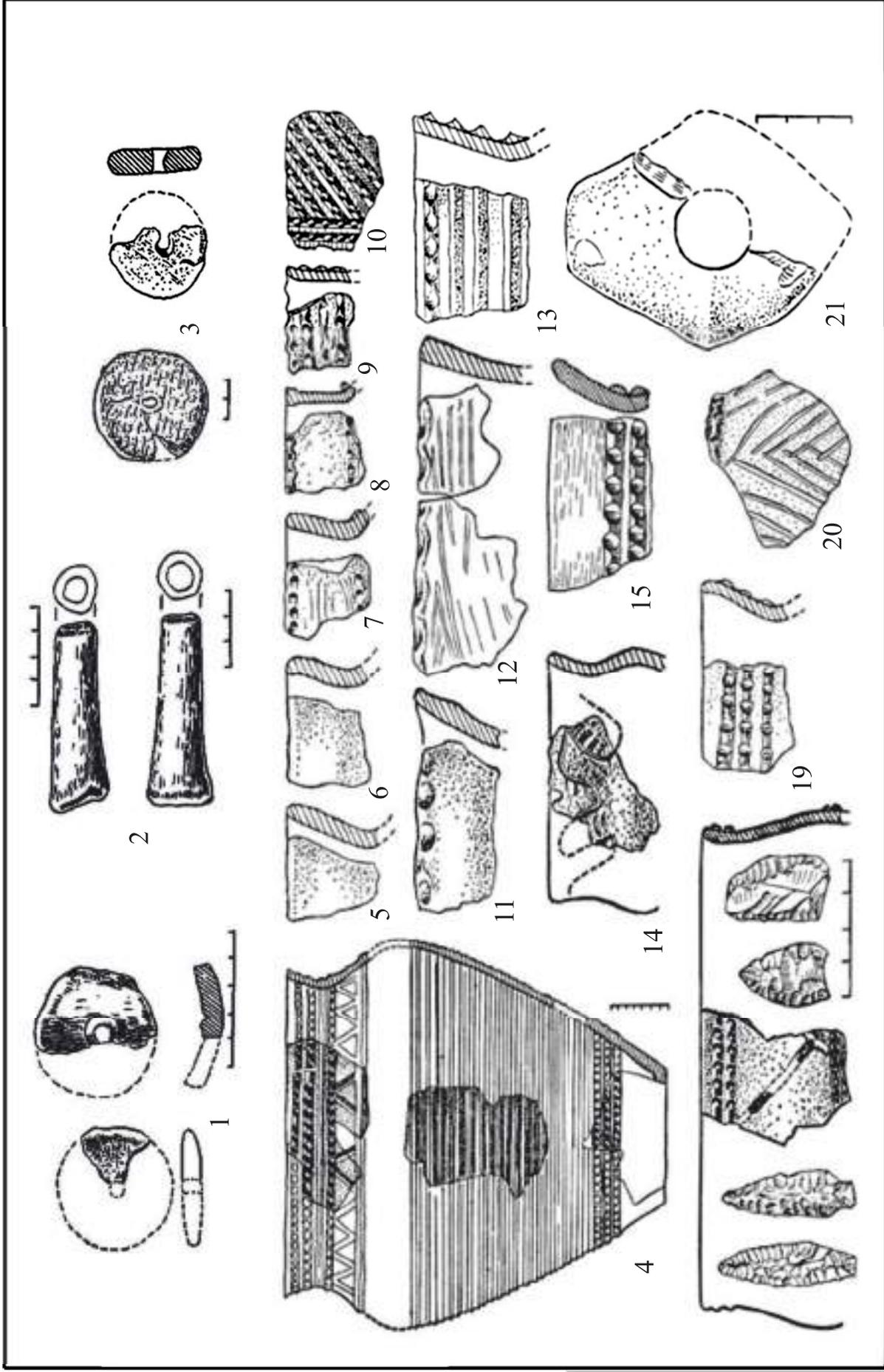

Рис. 37. Материалы из слоя ДДБК поселения Ливенцовское I (по С. Н. Брагченко).

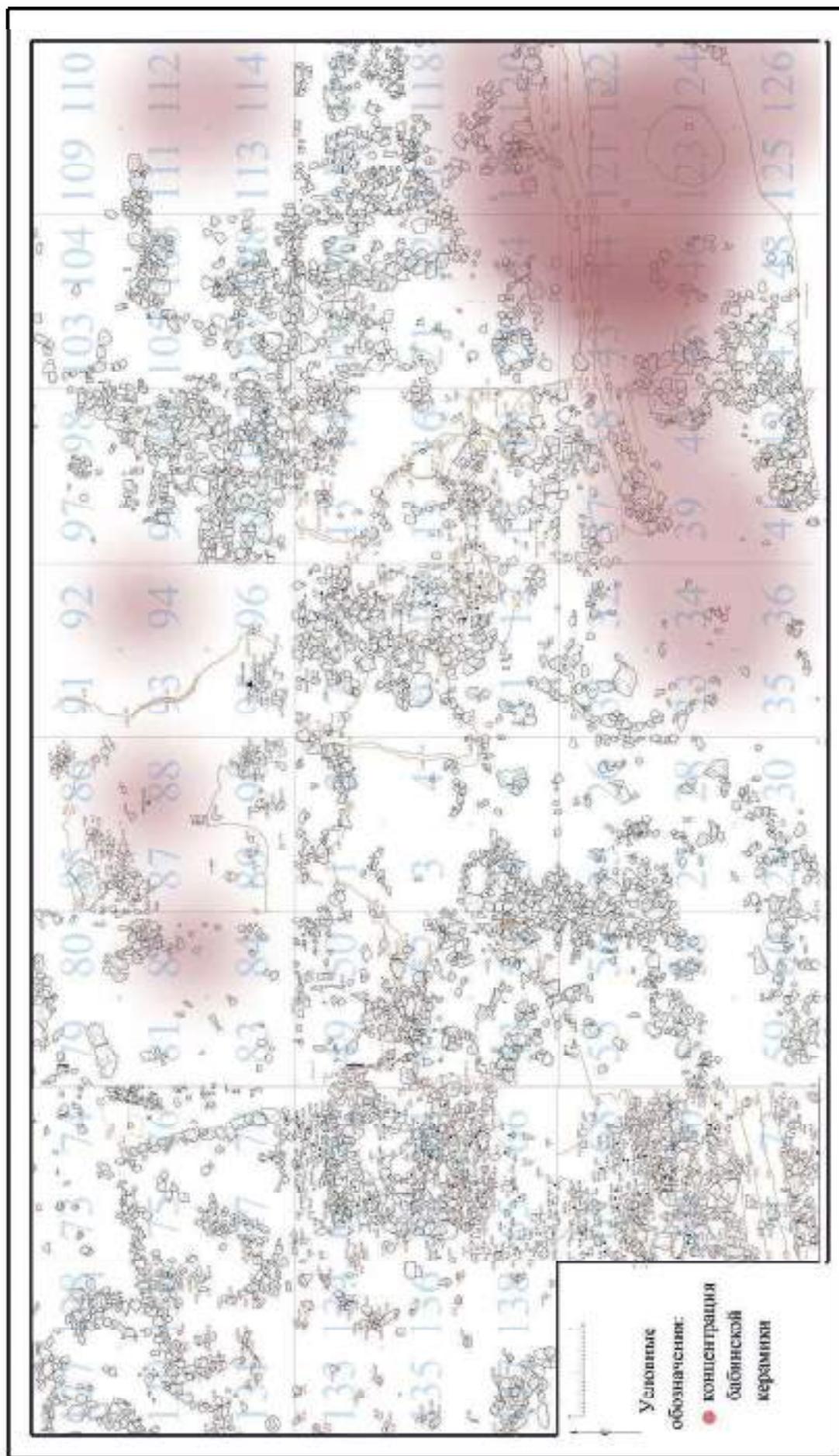

Рис. 38. Распределение керамики бабинского периода на общем плане раскопа 5 поселения Вареновка-07.

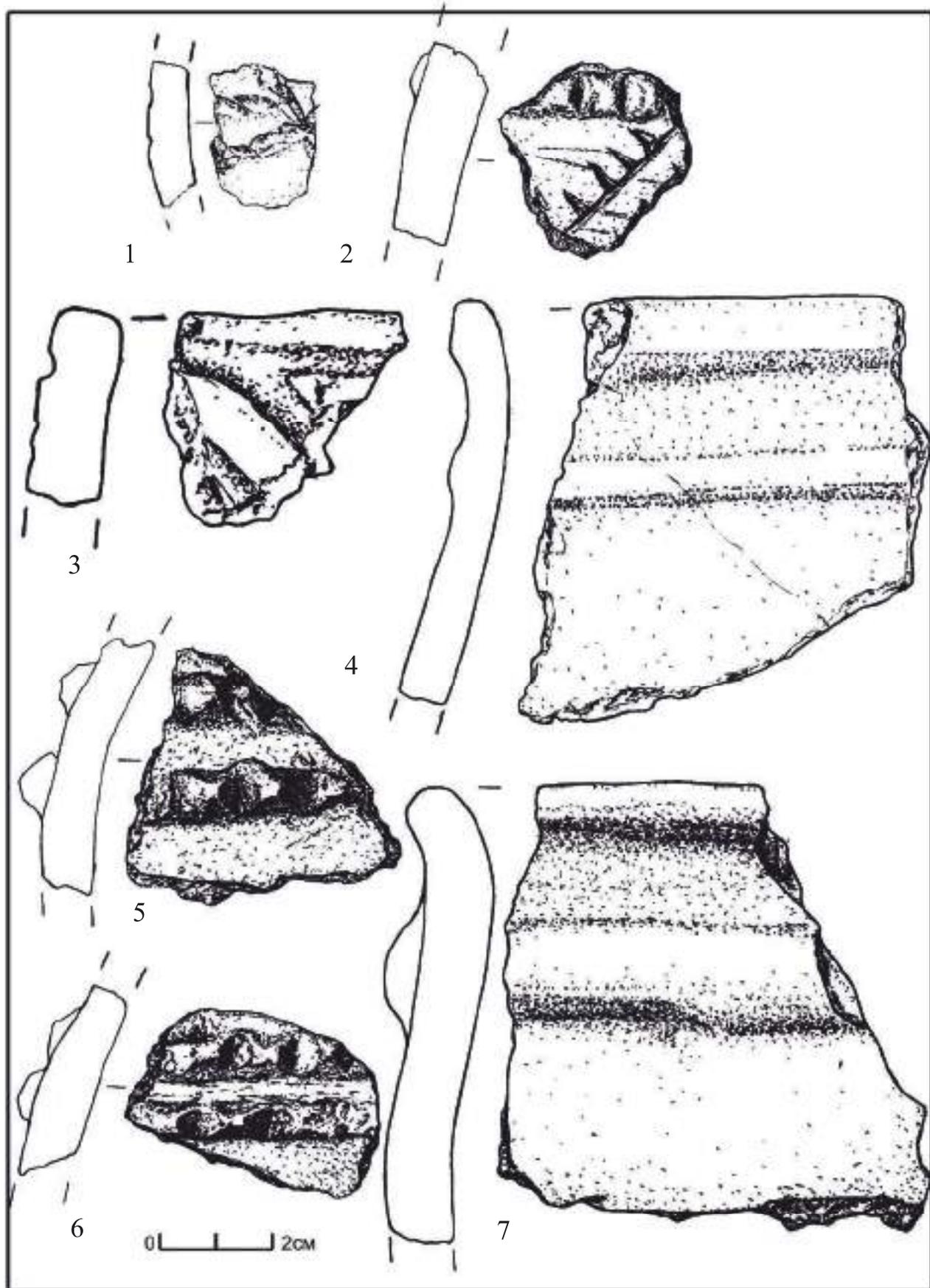

Рис. 39. Керамика ДДБК из слоя раскопа 3 поселения Вареновка-07.

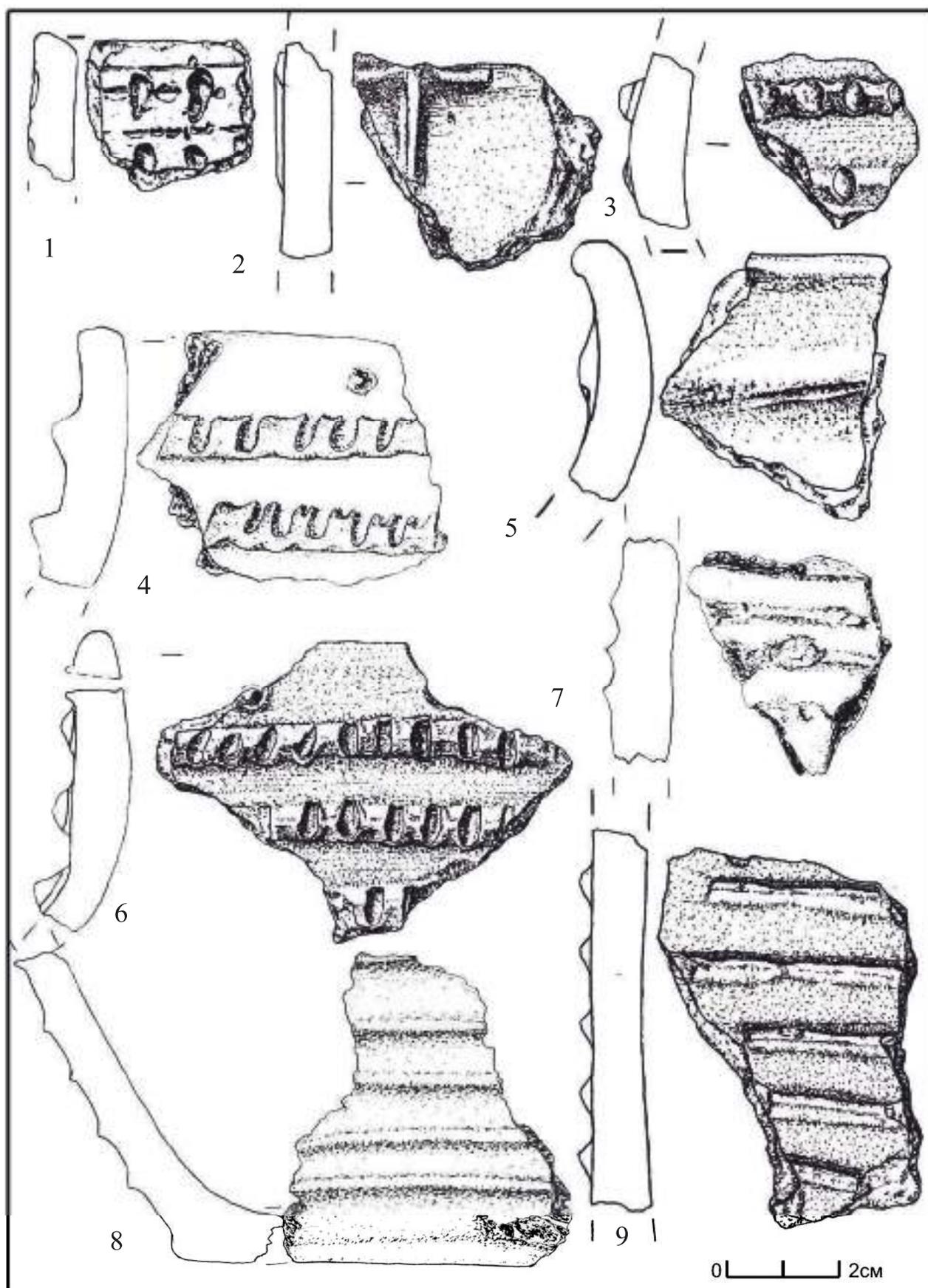

Рис. 40. Керамика ДБК из слоя раскопа 5 поселения Вареновка-07.

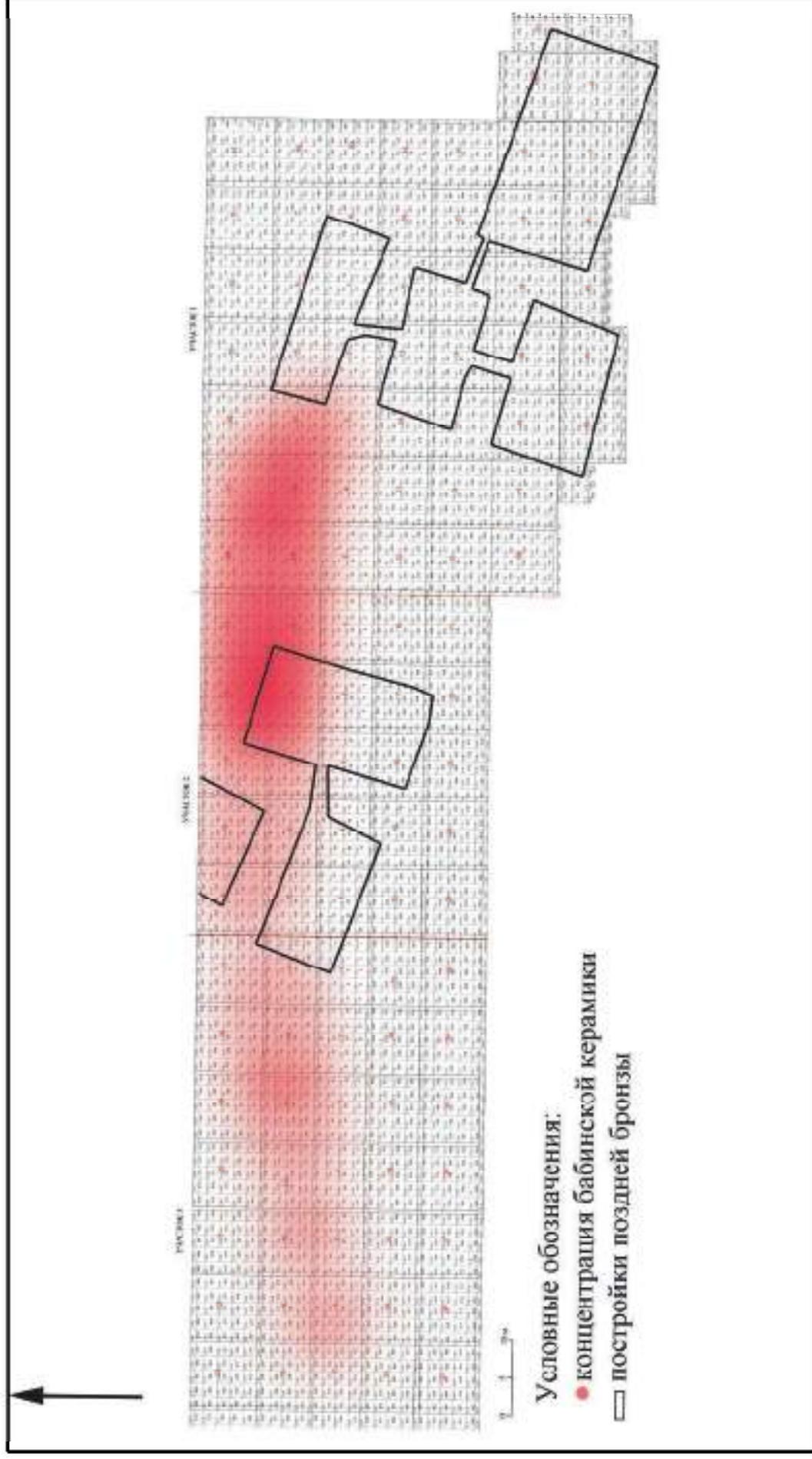

Рис. 41 . Схема распределения находок разных периодов на общем плане поселения Ягодинка II

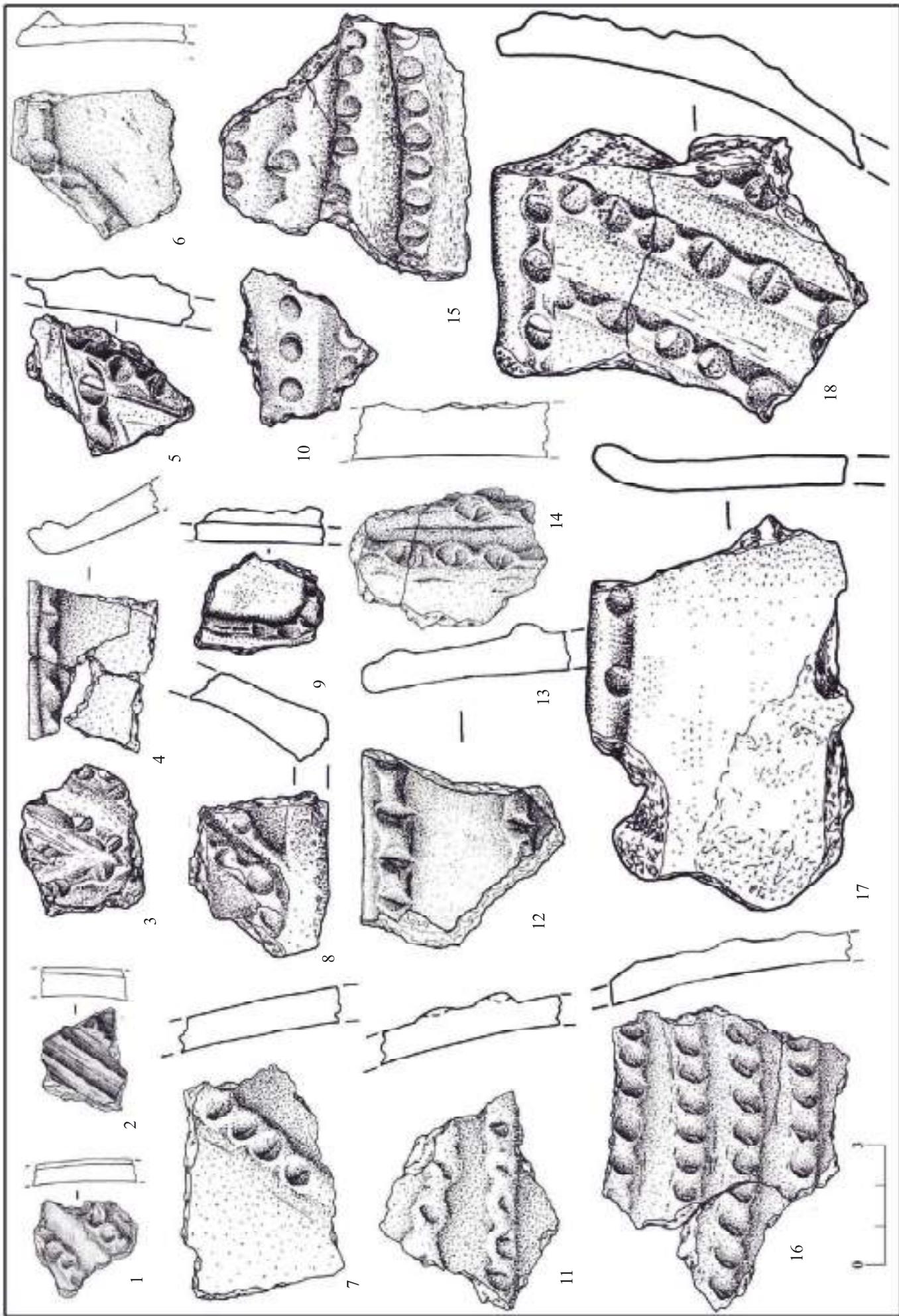

Рис. 42. Керамический комплекс поселения Ягозинка II времени ДБК.

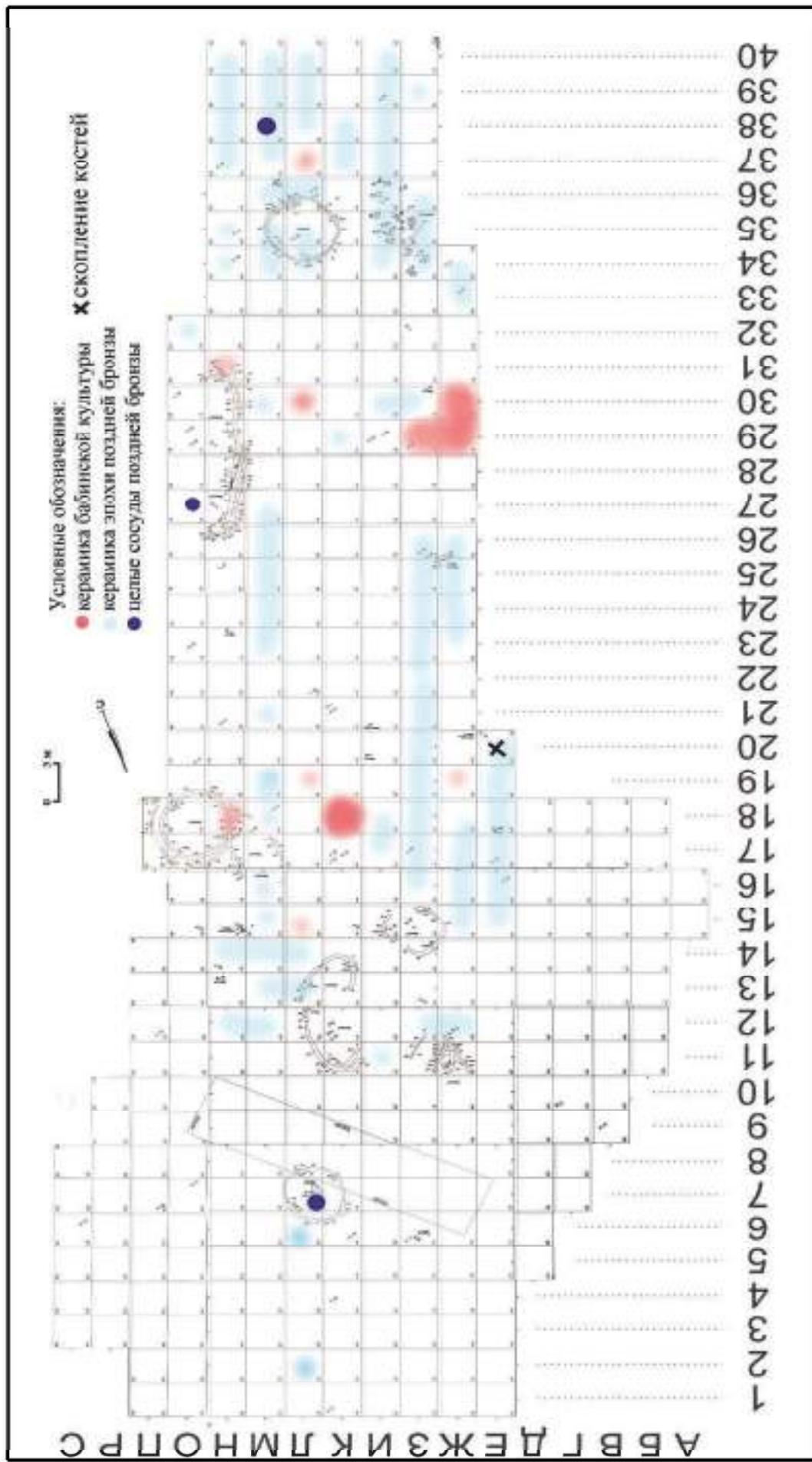

Рис. 43. Схема распределения находок разных периодов на общем плане поселения Малая Сопка I.

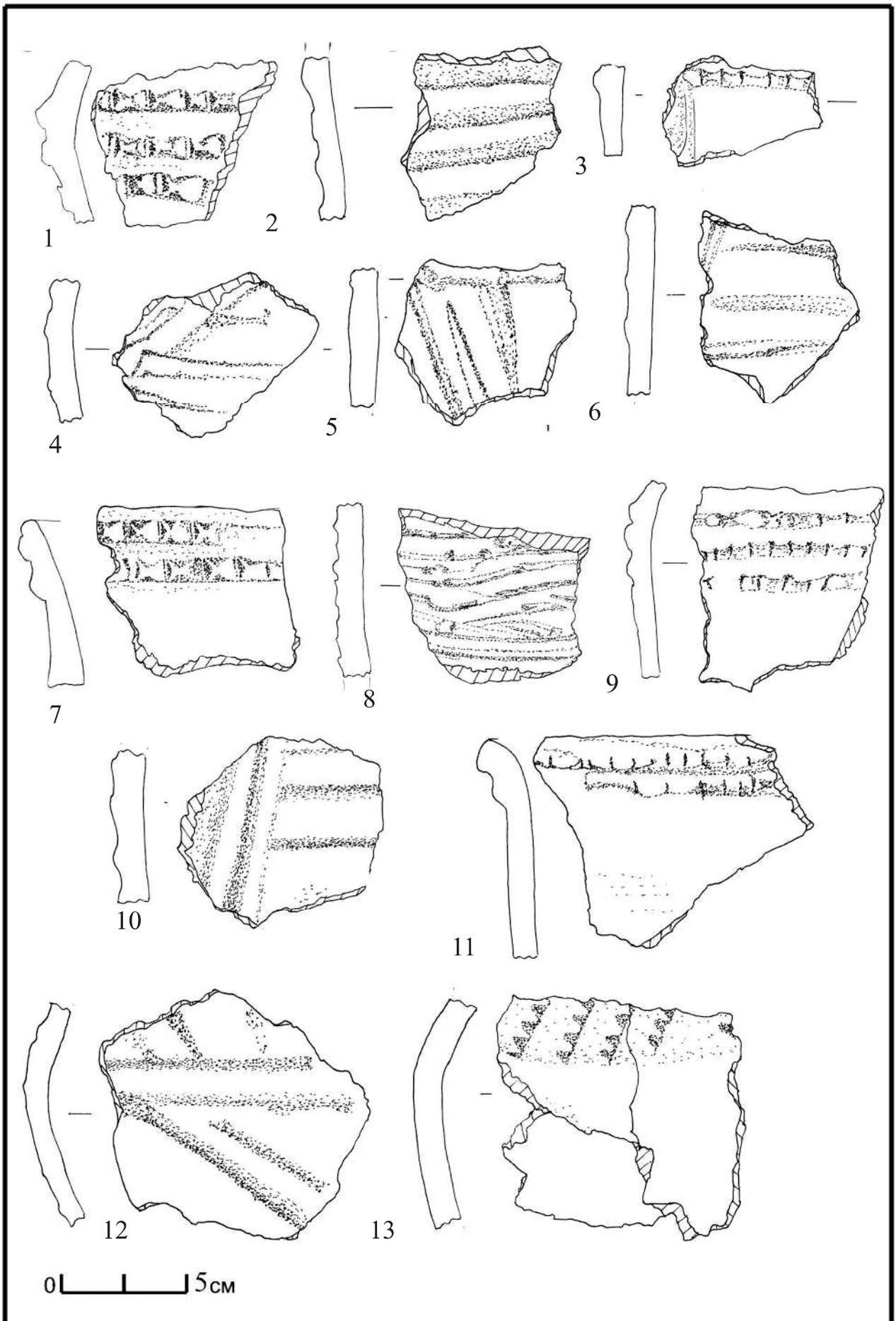

Рис. 44. Керамический комплекс периода ДДБК с поселения Малая сопка I.

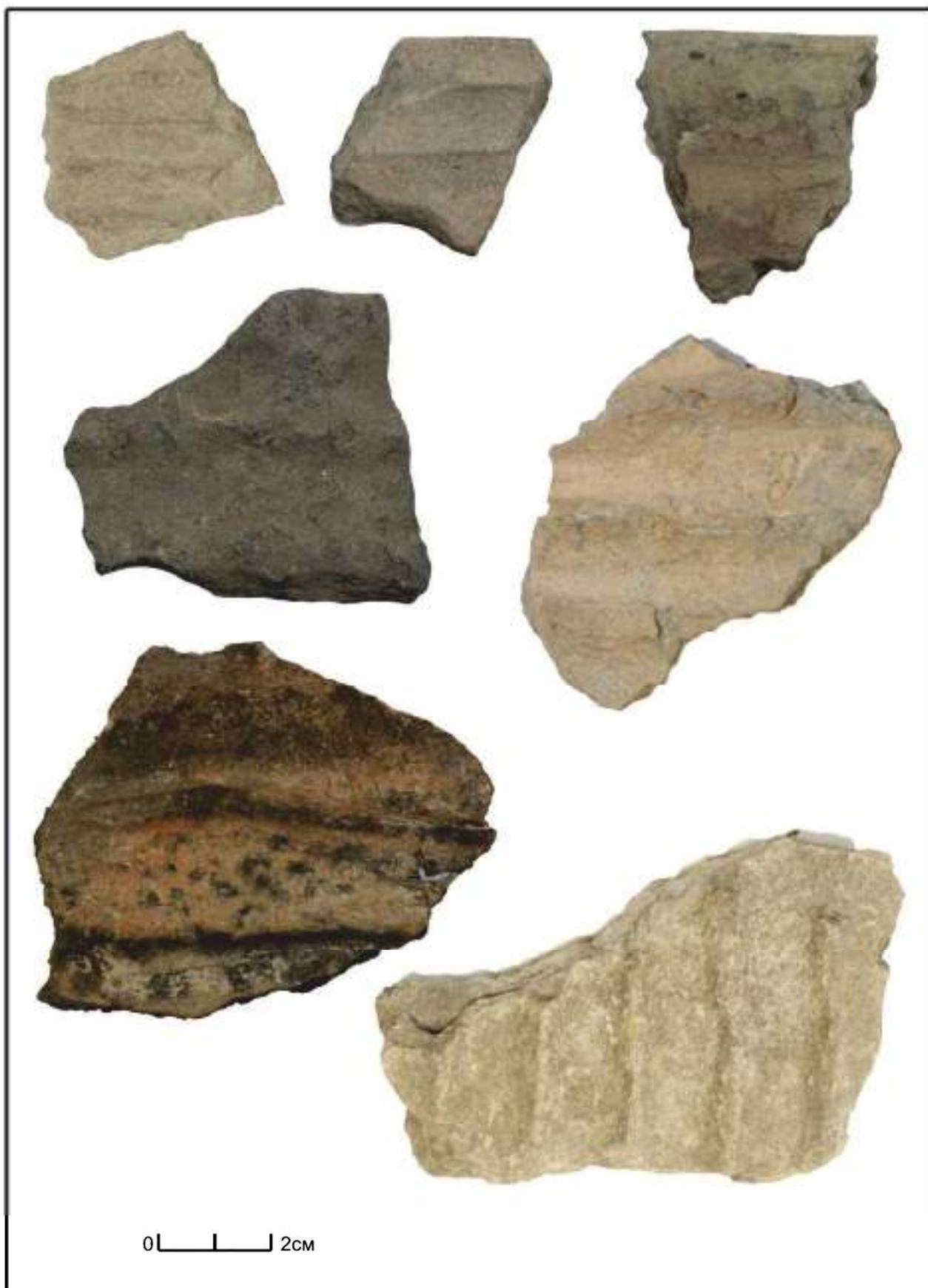

Рис. 45. Керамика периода ДДБК с пунктов сбора по руслу реки Самбек.

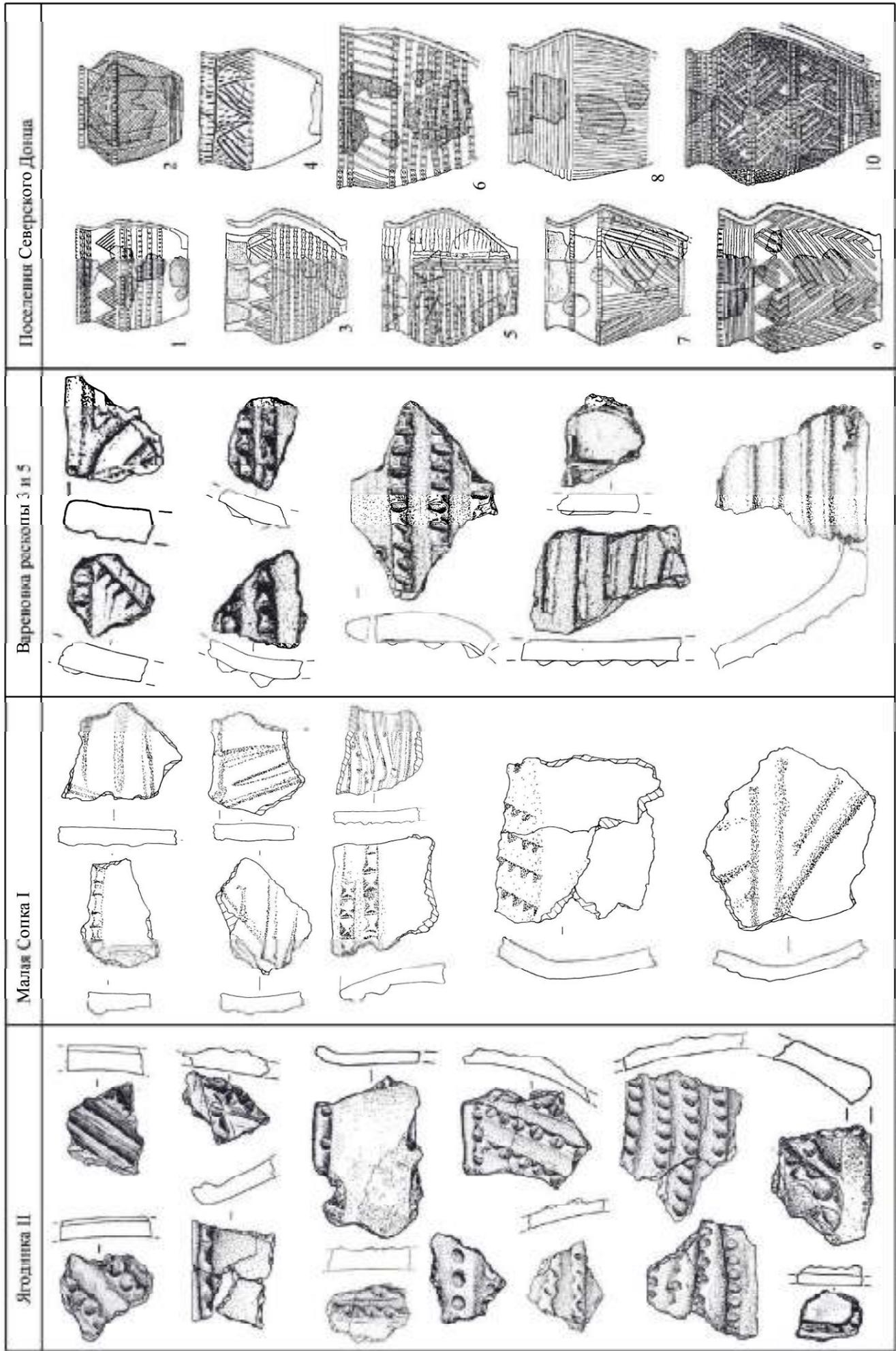
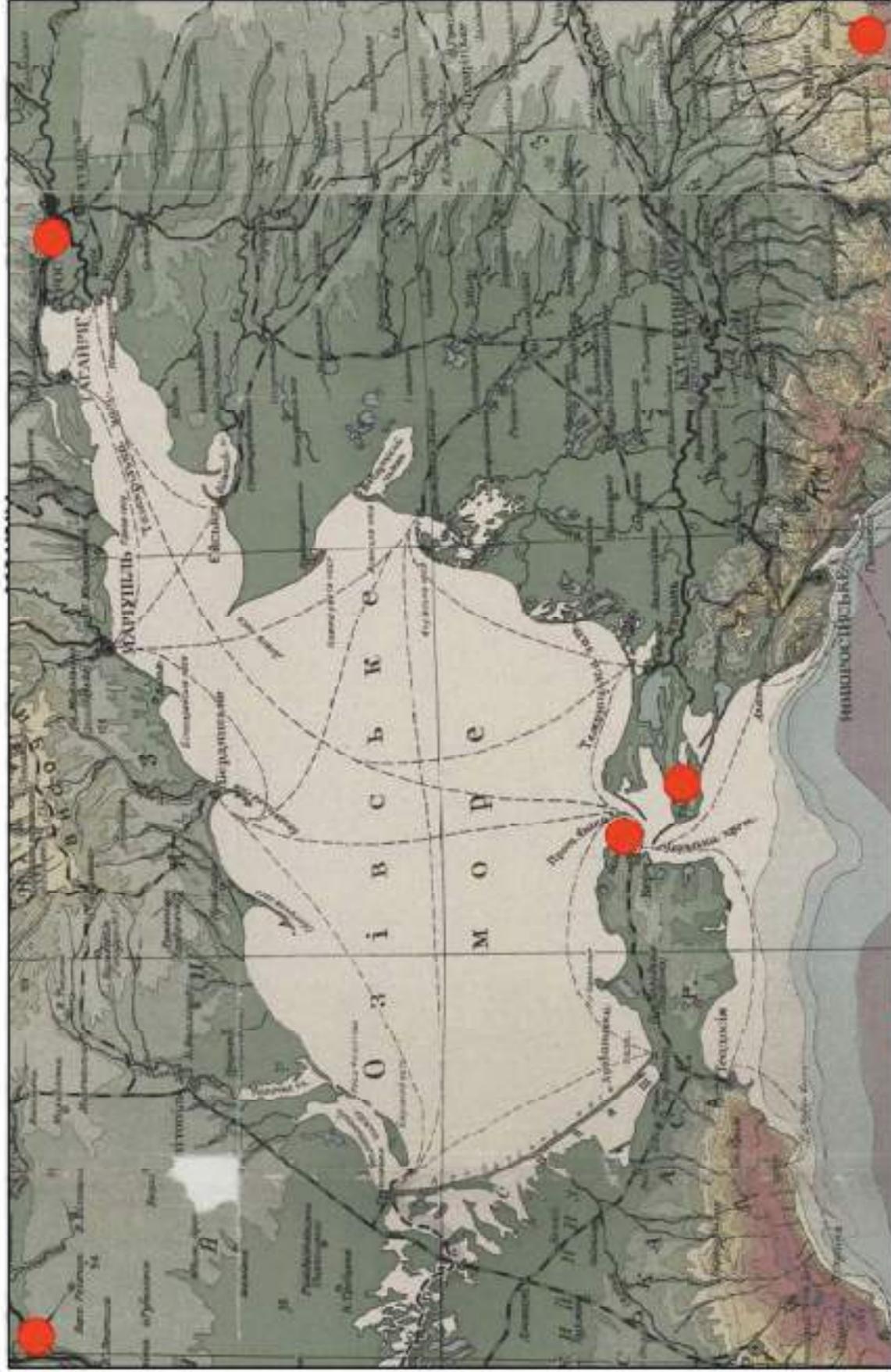

Рис. 46. Материалы с поселений ДДБК на территории Нижнего Дона, Северо-восточного Приазовья и среднего течения Северского Дона. Сосуды с поселений Северского Дона: 1 - Песчаное 2; 2, 8 - Черниково Озеро I; 3, 7 - Серебрянское; 4 - Яровые II; 5 - Круглое Озеро; 6 - Черниково Озеро III; 9, 10 - Зеленая Горница 4.

Условные обозначения: ● - поселенческие памятники периода финала средней бронзы:

- 1 - Бабино III; 2 - Ливенцовско-каратаевская крепость; 3 - Каменка;
- 4 - Балка Хреева III; 5 - Гамовская Балка.

Рис. 47. Расположение поселенческих памятников периода финала средней бронзы.

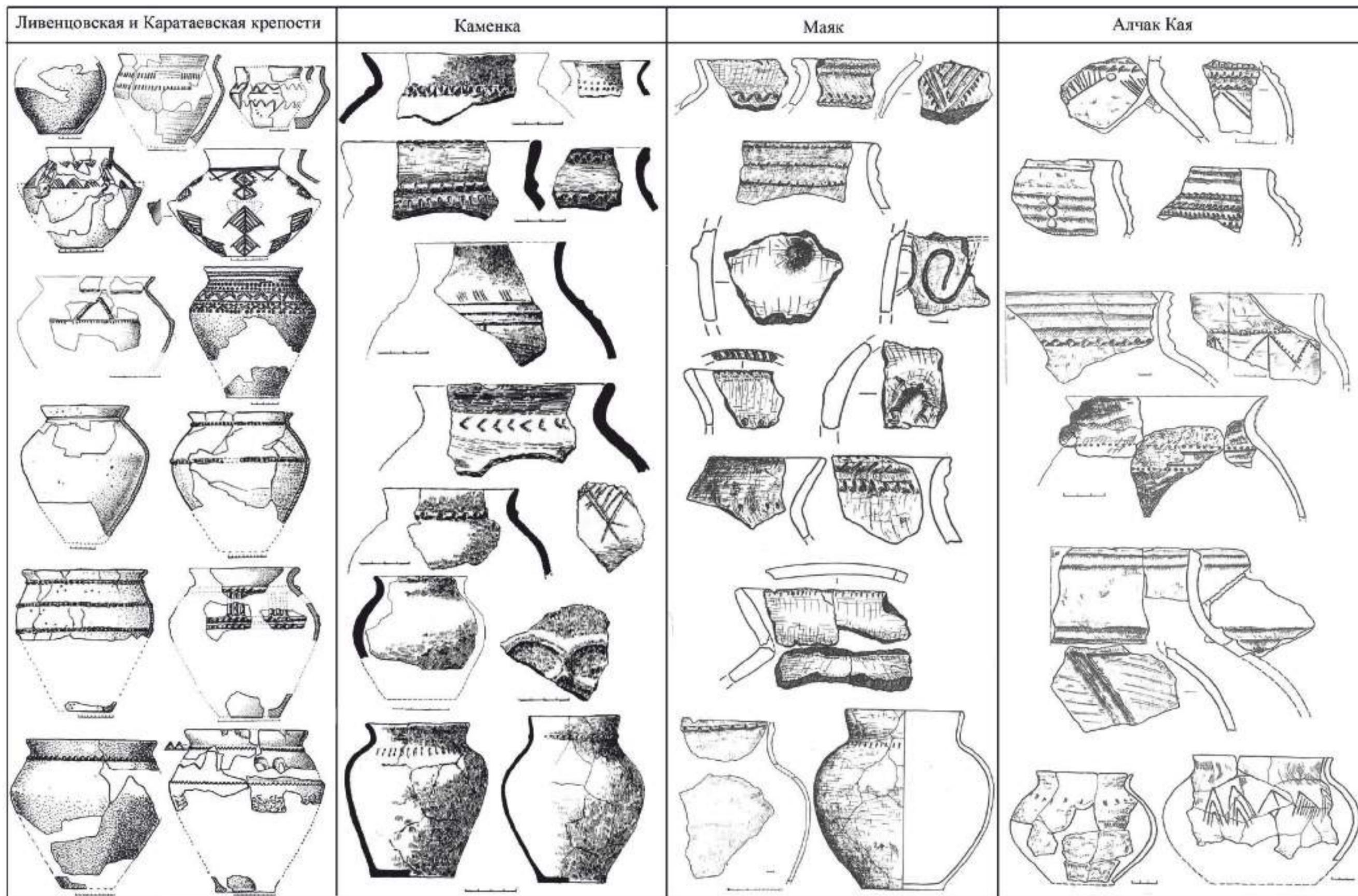

Рис. 48. Сравнение керамического комплекса памятников финального этапа периода средней бронзы Нижнего Дона и Крымского полуострова.

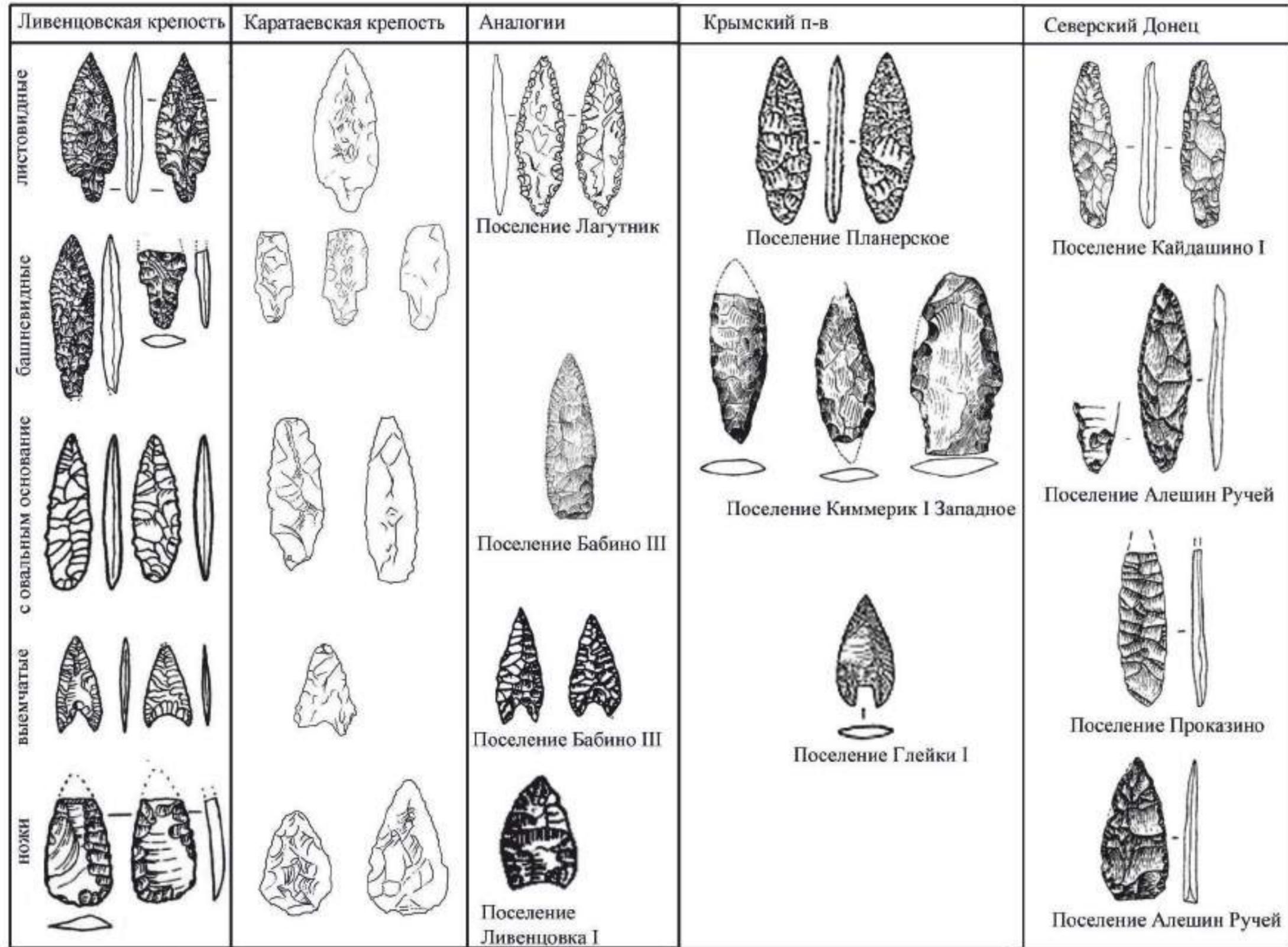

Рис. 49. Сравнение кремневых наконечников стрел с поселений финального этапа периода средней бронзы.

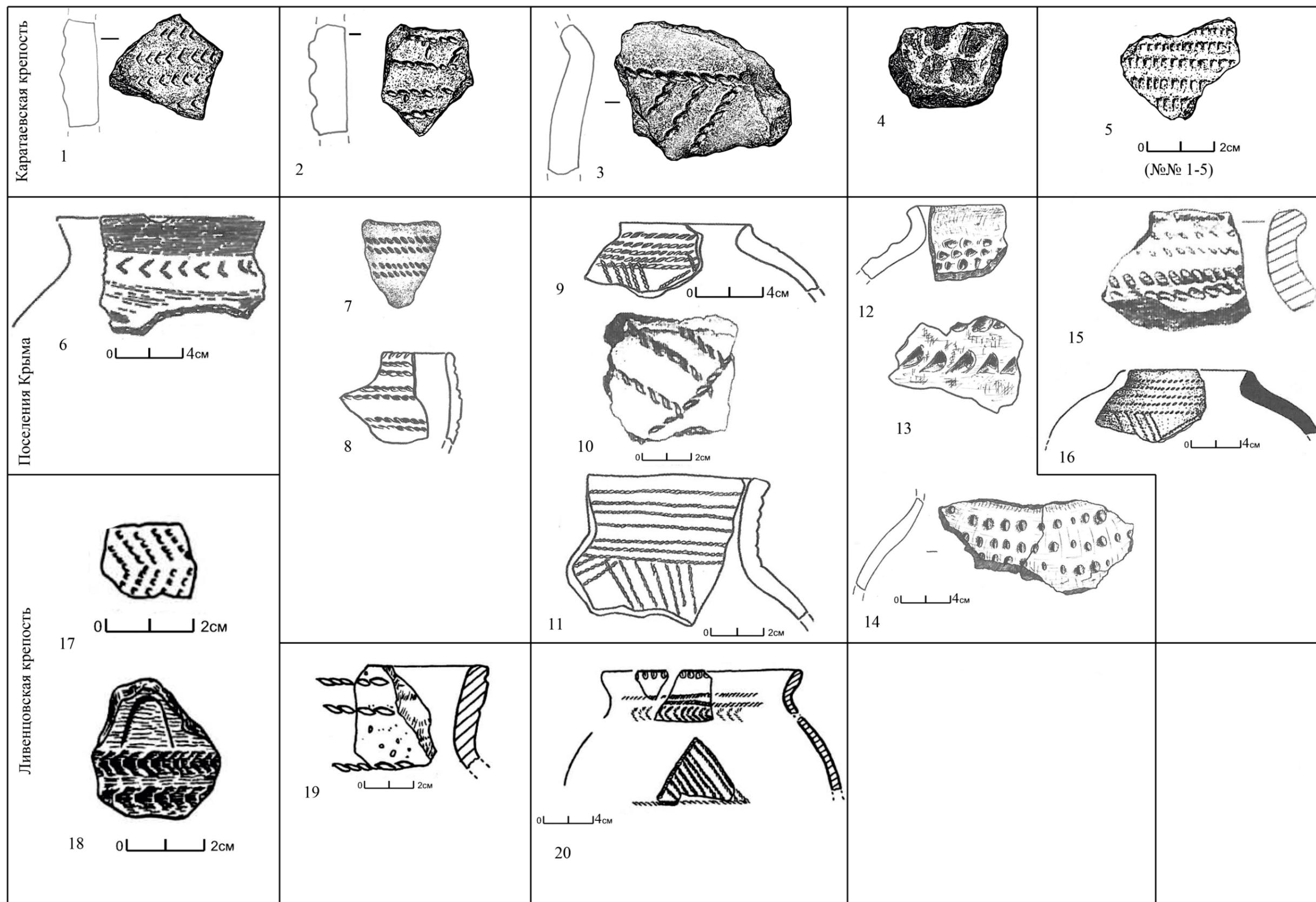

Рис. 50. Сравнительные материалы. Орнаментация сосудов укреплений Нижнего Дона и поселений Крыма. Нижний Дон: 1-5 - Каратаевская крепость; 17 - 18 - Ливенцовская крепость; Крымский п-в: 6, 12 - Каменка; 7 - Щebetовка; 8 - Чалка; 9, 11, 16 - Алчак Кая; 10, 15 - Планерское; 13, 14 - Маяк.

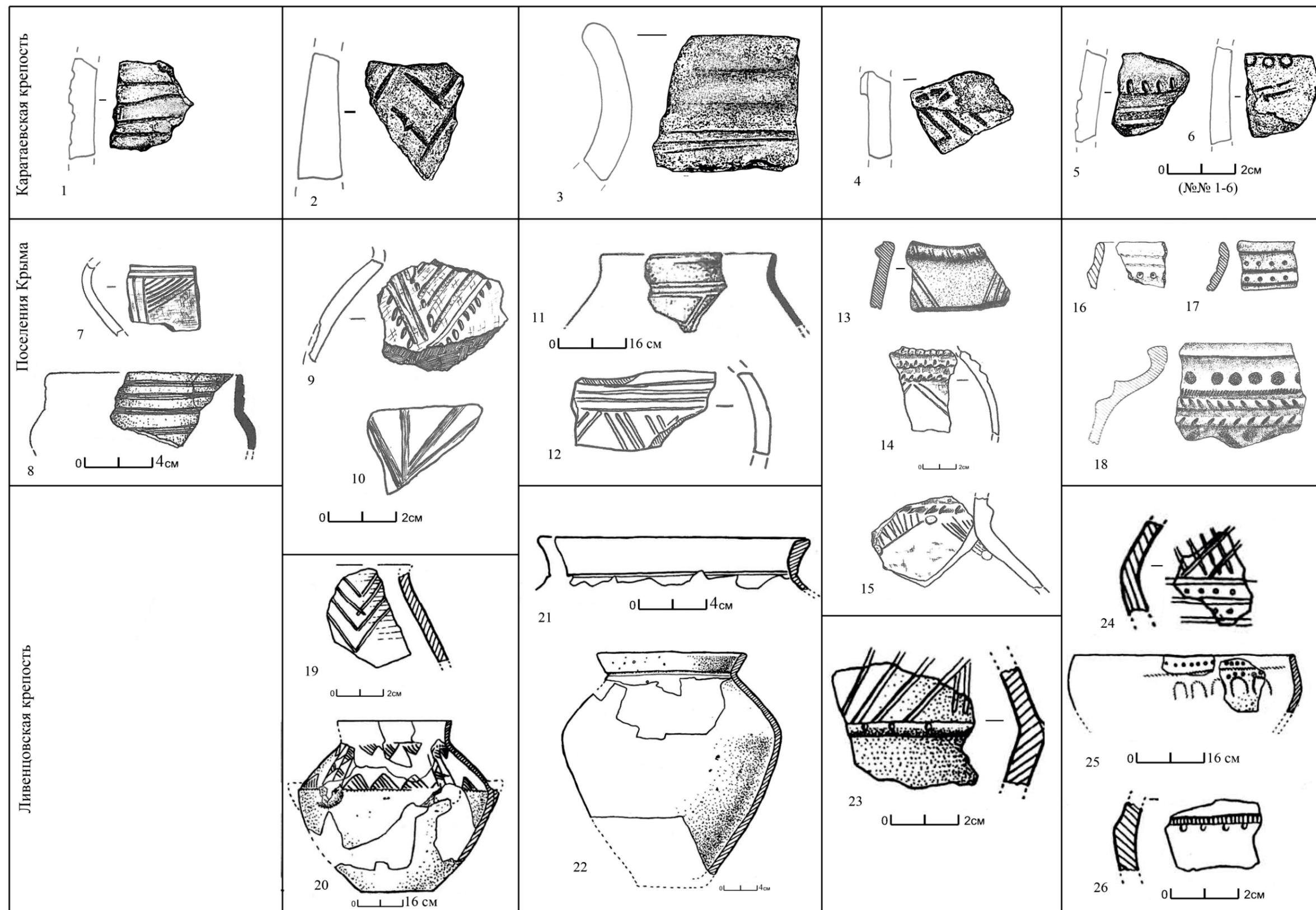

Рис. 51. Сравнительные материалы. Орнаментация сосудов укреплений Нижнего Дона и поселений Крыма. Нижний Дон: 1-6 - Каратаевская крепость; 19 - 26 - Ливенцовская крепость; Крымский п-в: 7 - 8 - Каменка; 9 - Маяк; 10 - Чалка; 11, 16 - Планерское; 12 - Слюсареву; 13, 17 - Щebetовка; 14, 15 - Алчак Кая; 18 - Киммерик.

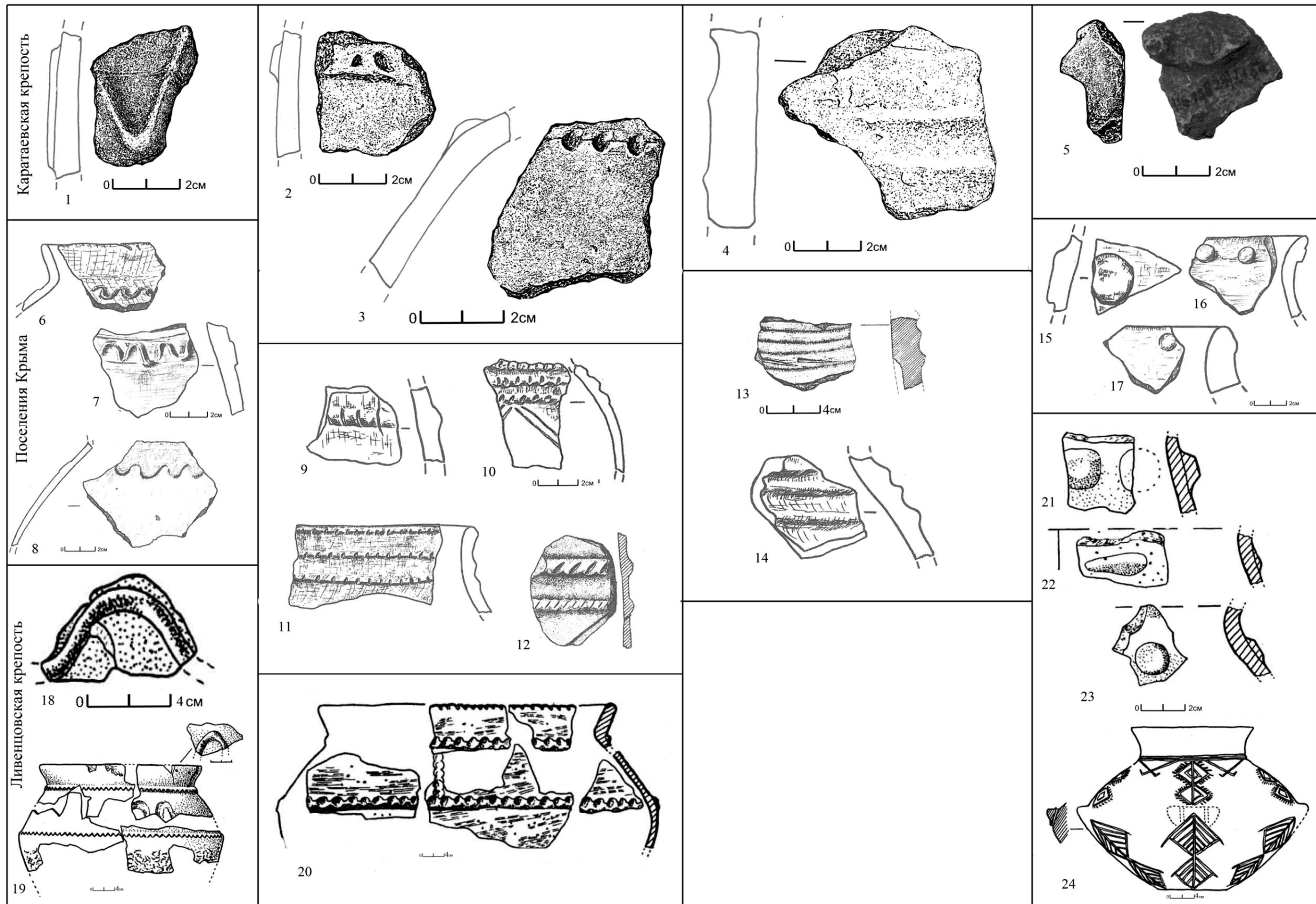

Рис. 52. Сравнительные материалы. Орнаментация сосудов укреплений Нижнего Дона и поселений Крыма. Нижний Дон: 1 - 5 - Каратаевская крепость; 18 - 24 - Ливенцовская крепость; Крымский п-в: 6, 11 - Маяк; 7, 8 - Каменка; 9, 14 - Чалка; 10 - Алчак Кая; 12 - Киммерик; 13 - Планерское; 15, 16 - Глейки; 17 - Слюсареву.

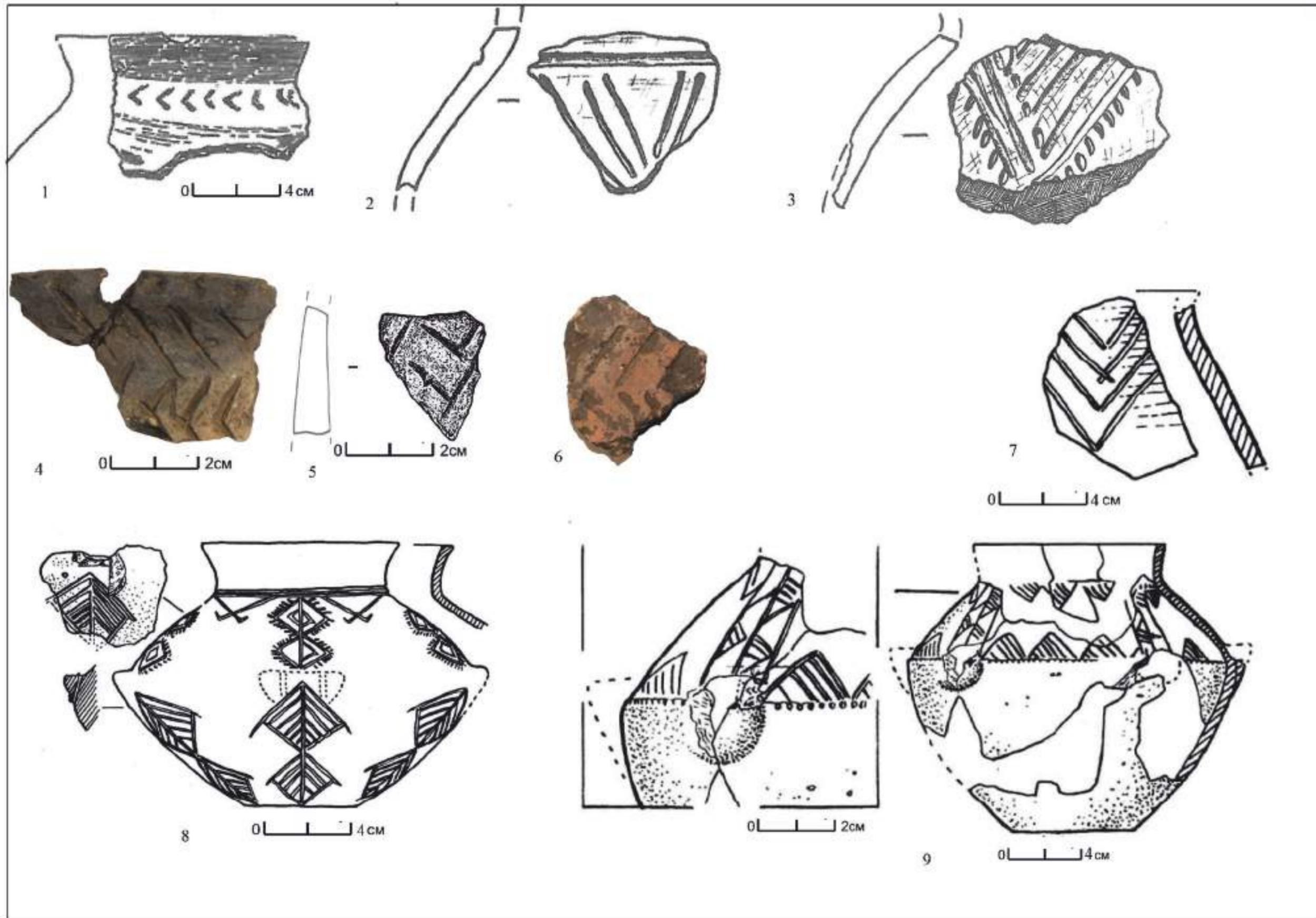

Рис. 55. Сравнительные материалы. Орнаментация сосудов укреплений Нижнего Дона и поселений Крыма. Нижний Дон: 4 - 6 - Каратаевская крепость; 8 - 9 - Ливенцовская крепость; Крымский п-в: 1 - 2 - Каменка; 3 - Маяк.

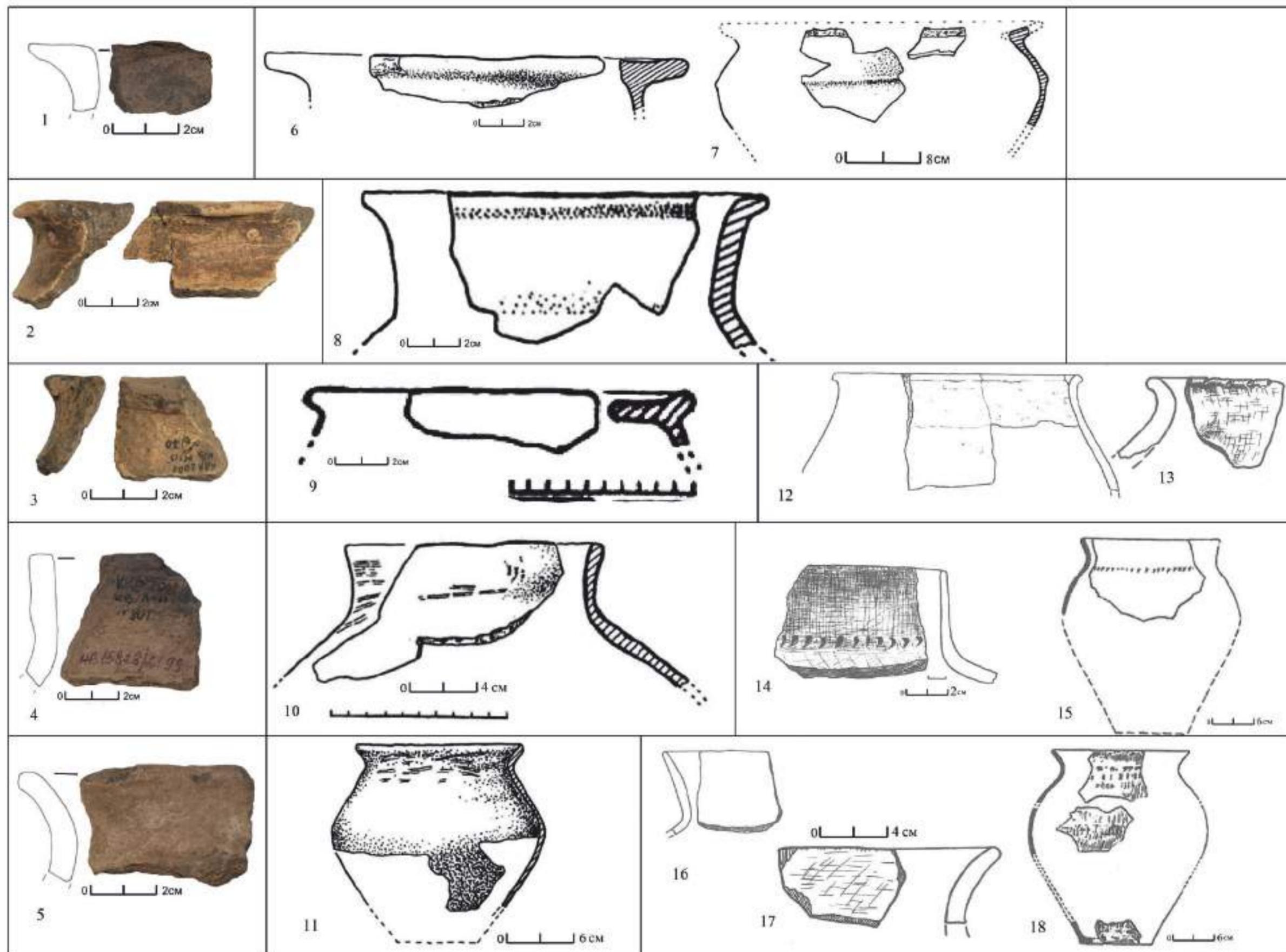

Рис. 53. Сравнительные материалы. Формы сосудов укреплений Нижнего Дона и поселений Крыма. Нижний Дон: 1- 5 - Каратаевская крепость; 6 - 11 - Ливенцовская крепость; Крымский п-в: 12, 14, 15, 18 - Каменка; 13, 16 - Глейки; 17 - Слюсареву.

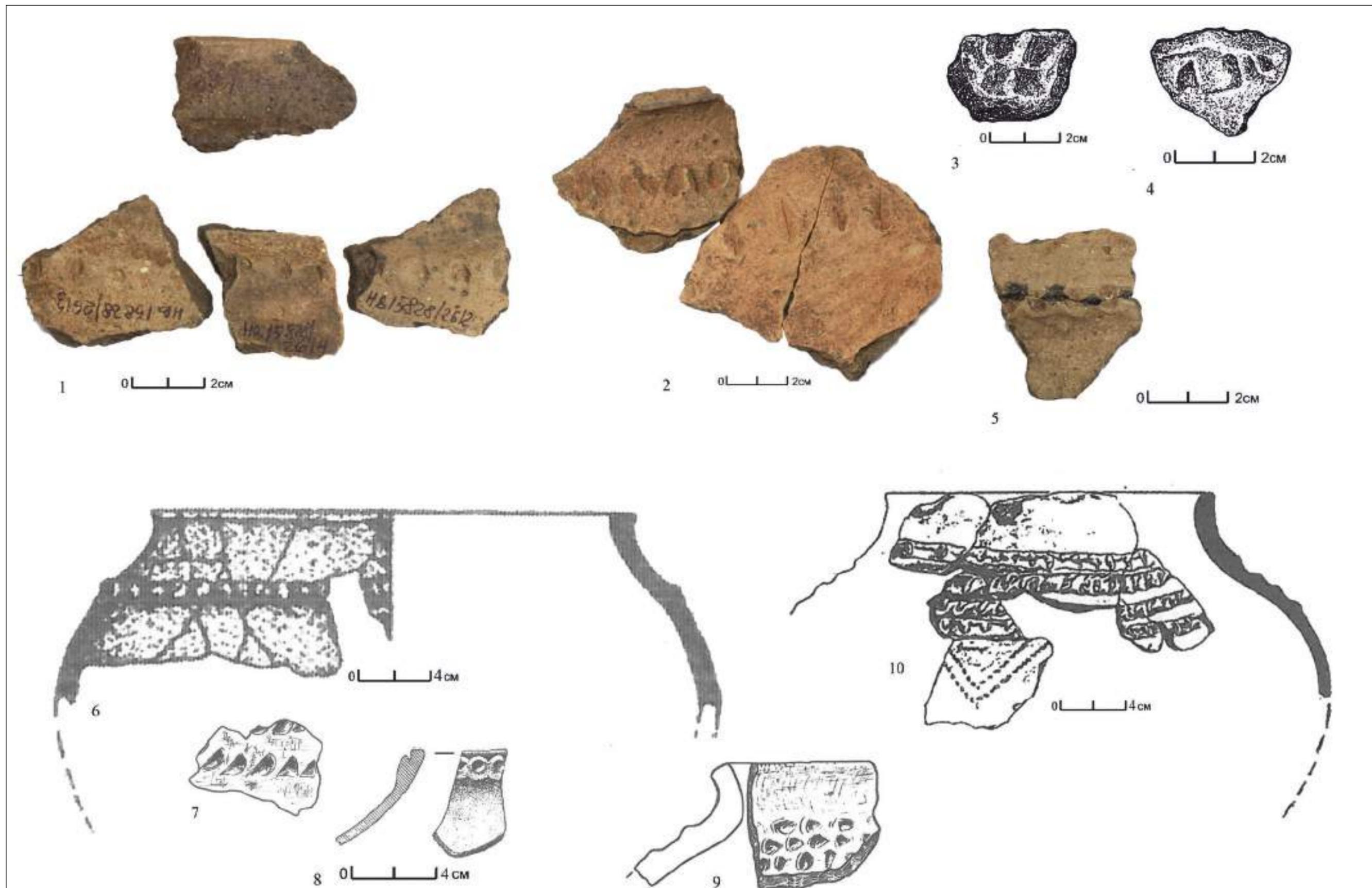

Рис. 54. Сравнительные материалы. Формы сосудов Каратаевкой крепости (1-5) и поселений Крыма: 6, 10 - Планерское; 7 - Маяк; 8 - Киммерик; 9 - Каменка.

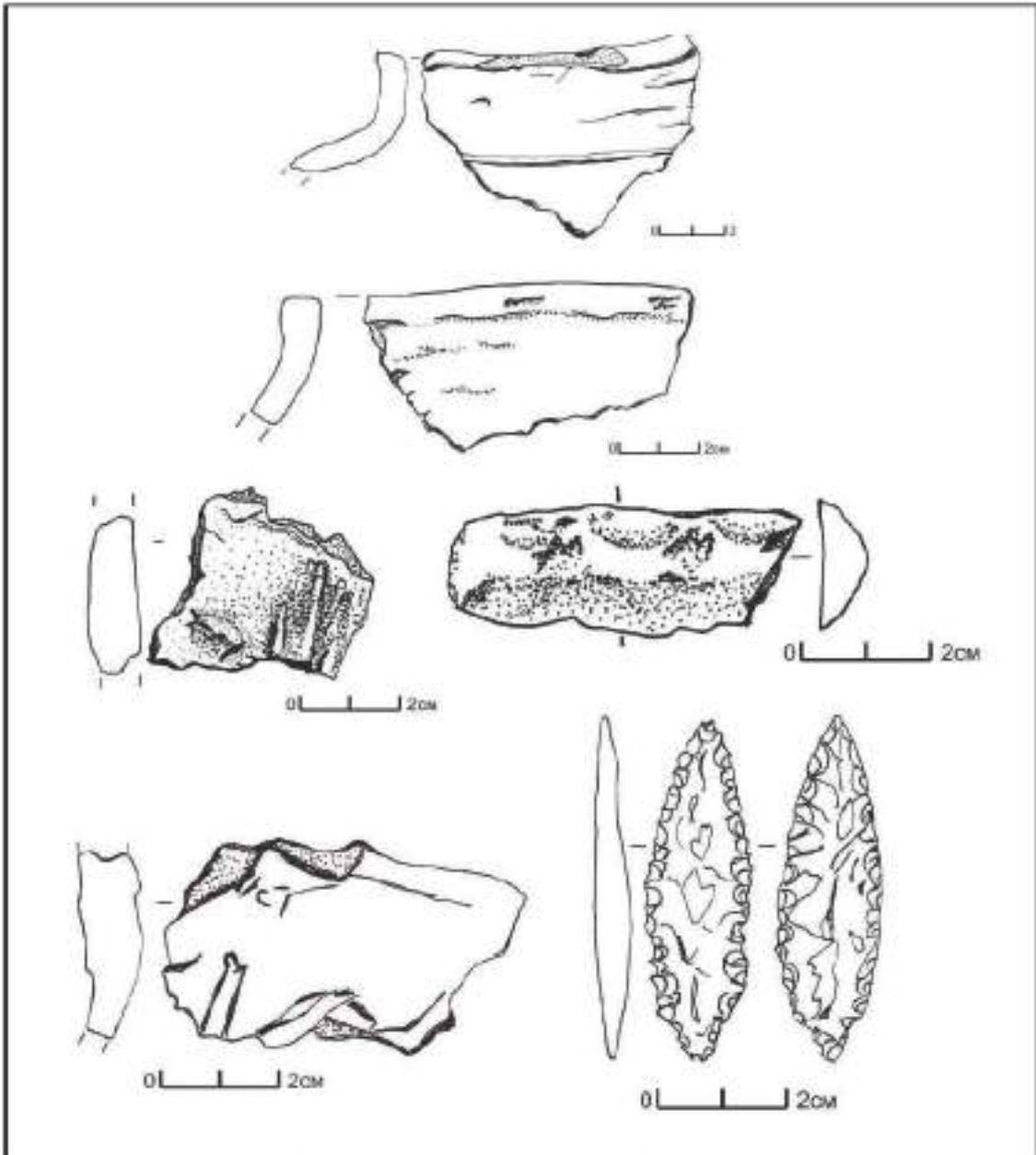

Рис. 56. Материалы финального этапа периода средней бронзы поселения Лагутник в дельте реки Дон.

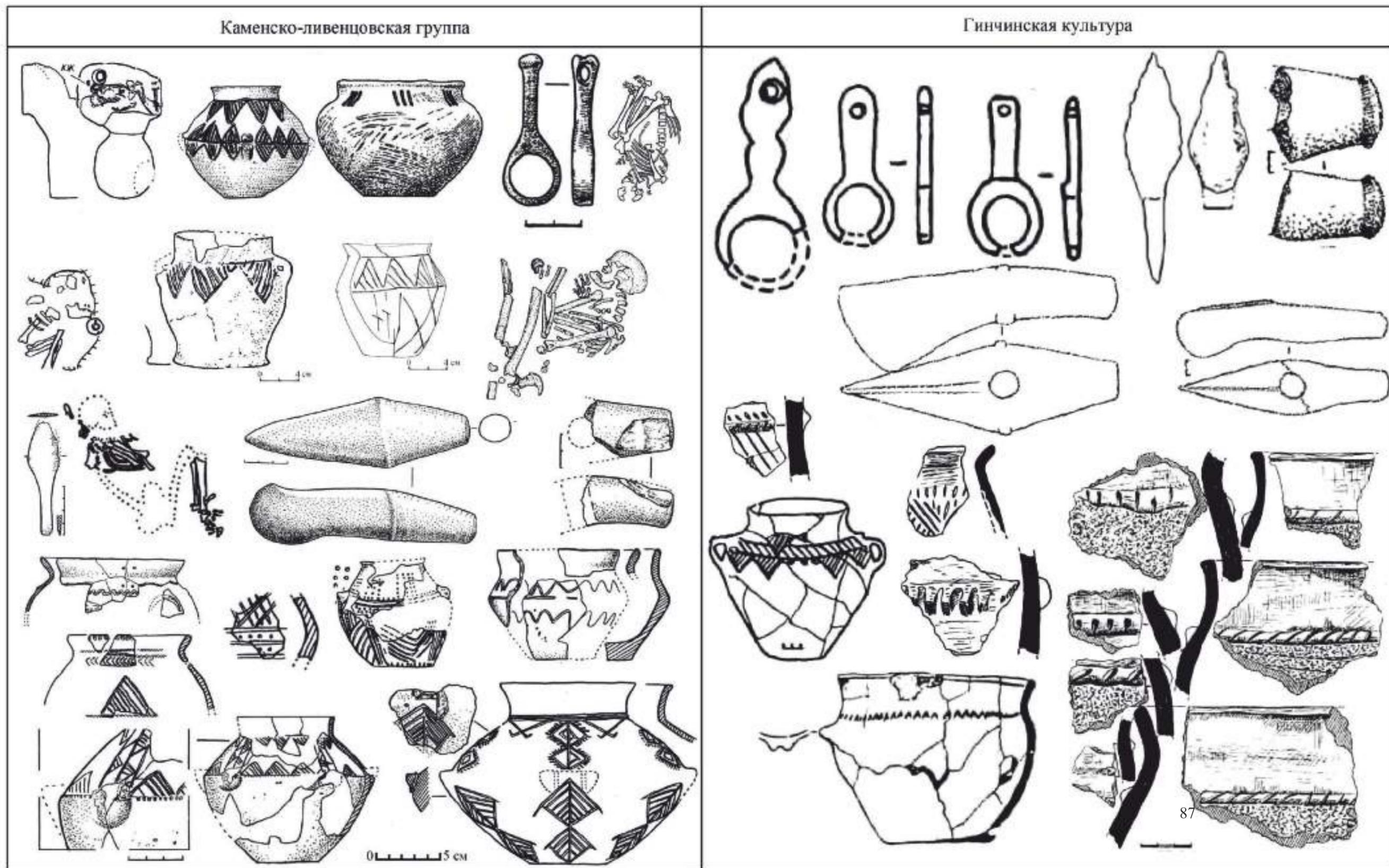

Рис. 57. Сопоставление материалов каменско-ливенцовской группы Нижнего Дона и культуры Гинчи Северного Кавказа (Р. Г. Магомедов).

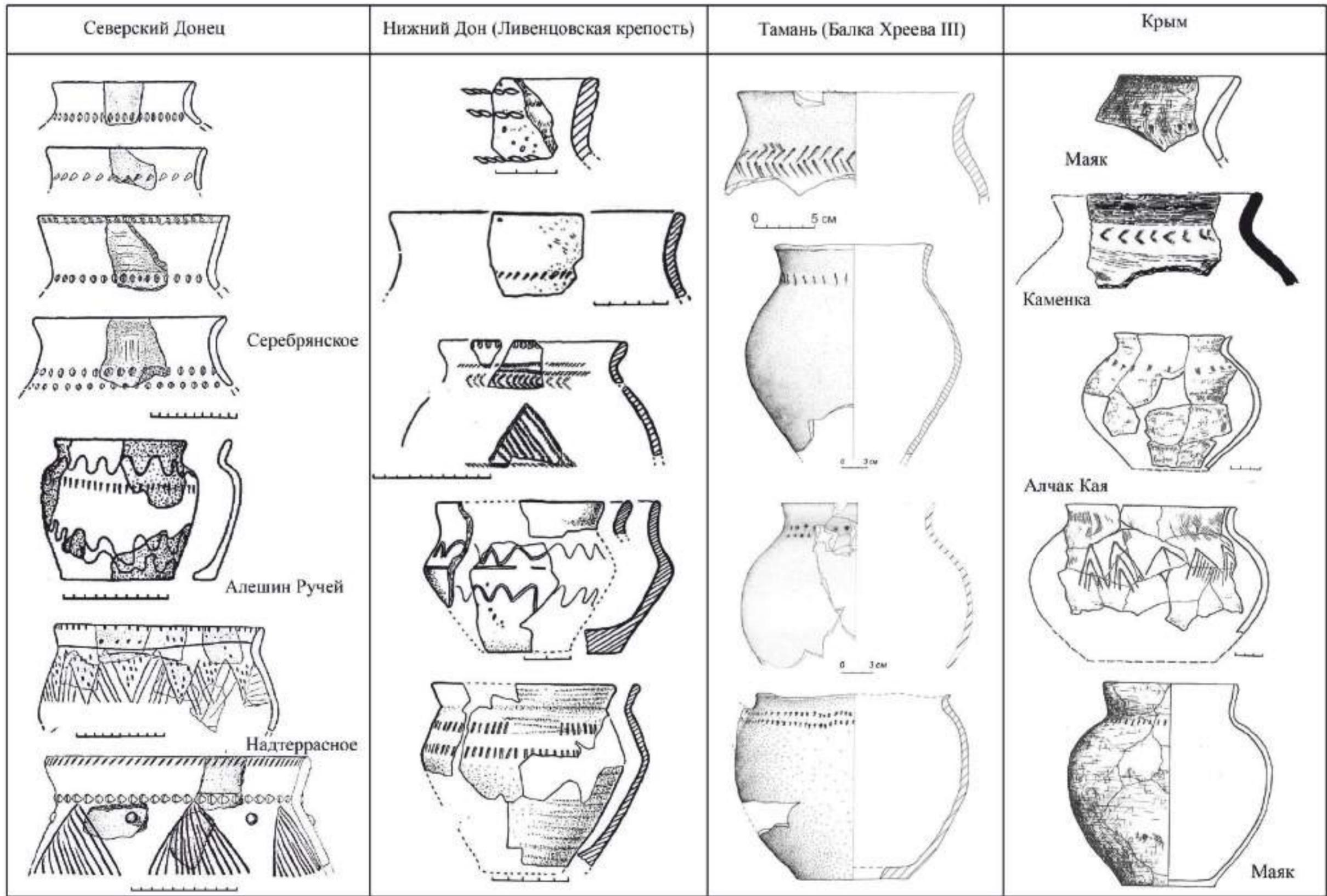

Рис. 58. Сопоставление форм сосудов и их орнамента с памятников среднего течения Северского Донца, Нижнего Дона, Тамани и Крыма.

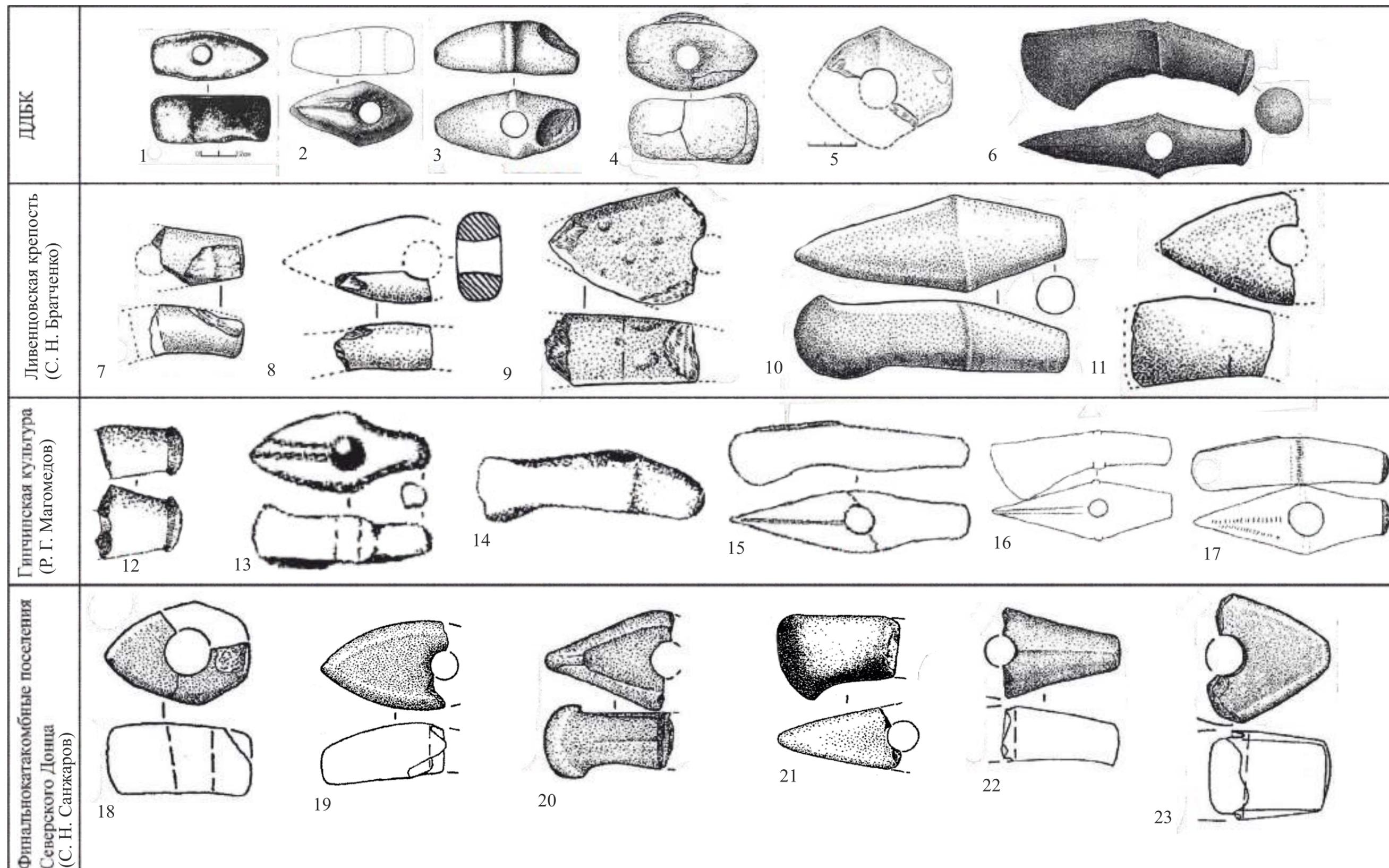

Рис. 59. Сопоставление каменных топоров-молотов культур финального этапа периода средней бронзы. Погребения ДДБК: 1 - Первая Веселовская группа к2/п4; 2 - Четыре брата II к12/п10; 3 - Репный I к7/п10; 4 - Гать III к16/п5; 6 - Балабино к1/п2. Поселения ДДБК Нижнего Дона: 5 - Ливенцовское I; Северского Донца (по С. Н. Санжарову): 18 - Славяногорск; 19, 22, 23 - Серебрянское; 20 - Трехизбенка I; 21 - Раздольненское. Поселение КЛГ: 7-11 - Ливенцовско-Каратаевская крепость. Материалы из могильников Гинчинской культуры (Р. Г. Магомедов, 1998 г.): 12, 14 - Гатык-Кале; 13 - Дуба-юрт; 15-17 - Бельты.

	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Группа 6	Группа 7	Группа 8
тип орнамента название поселения	1	2	3	4	5	6	7	8
Ливенцовка I								
Вареновка Р-3								
Вареновка Р-5								
Ягодинка II								
Малая Сопка I								
Россошь								
Закатное								
Раздольное (Сев. Донец)								
Сухой Лог I								
Бабино III								

Рис. 60. Сопоставление типов орнаментов сосудов финального этапа периода средней бронзы.

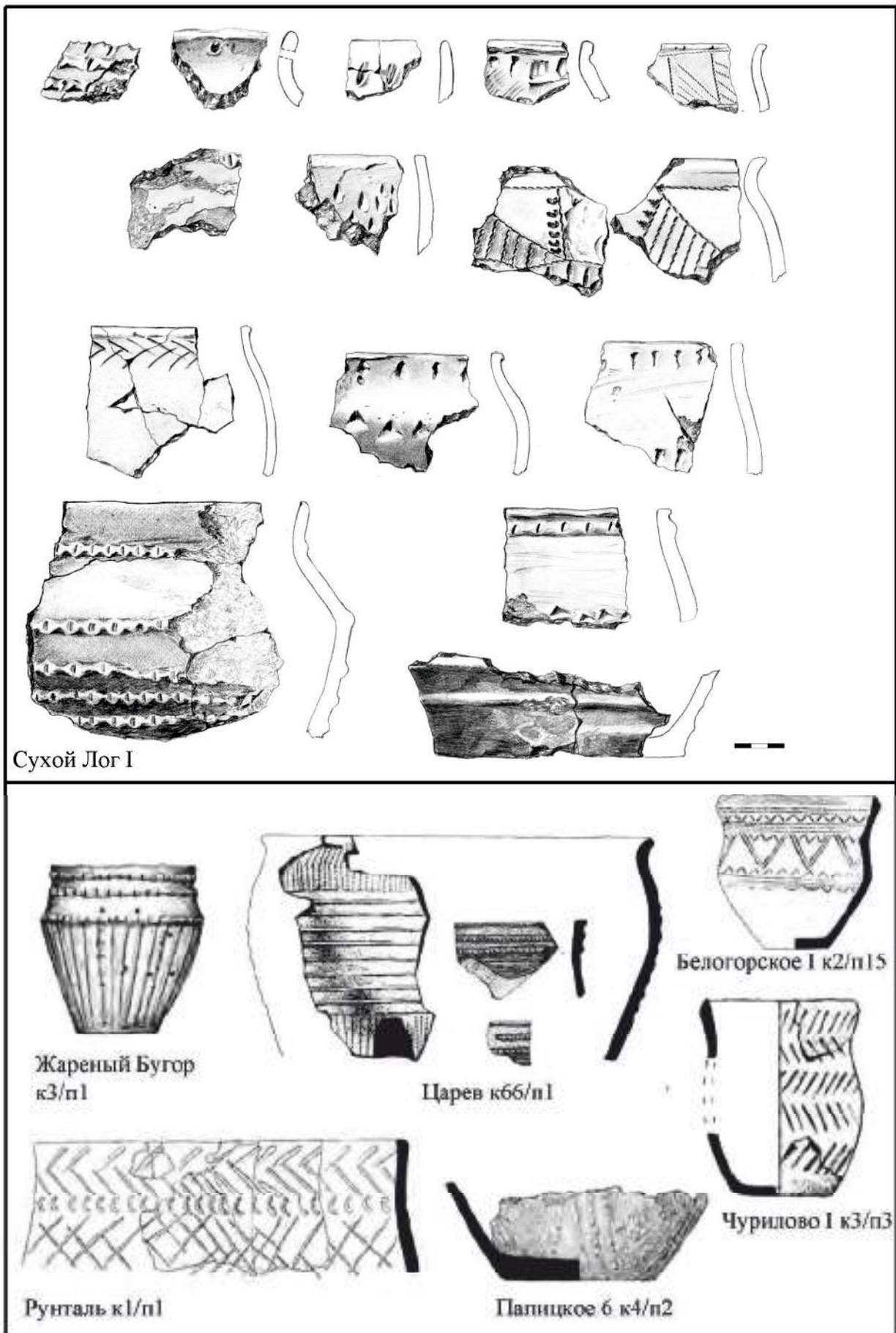

Рис. 61. Сравнение керамического комплекса поселения Сухой Лог I и сосудов из погребений ВДБК.

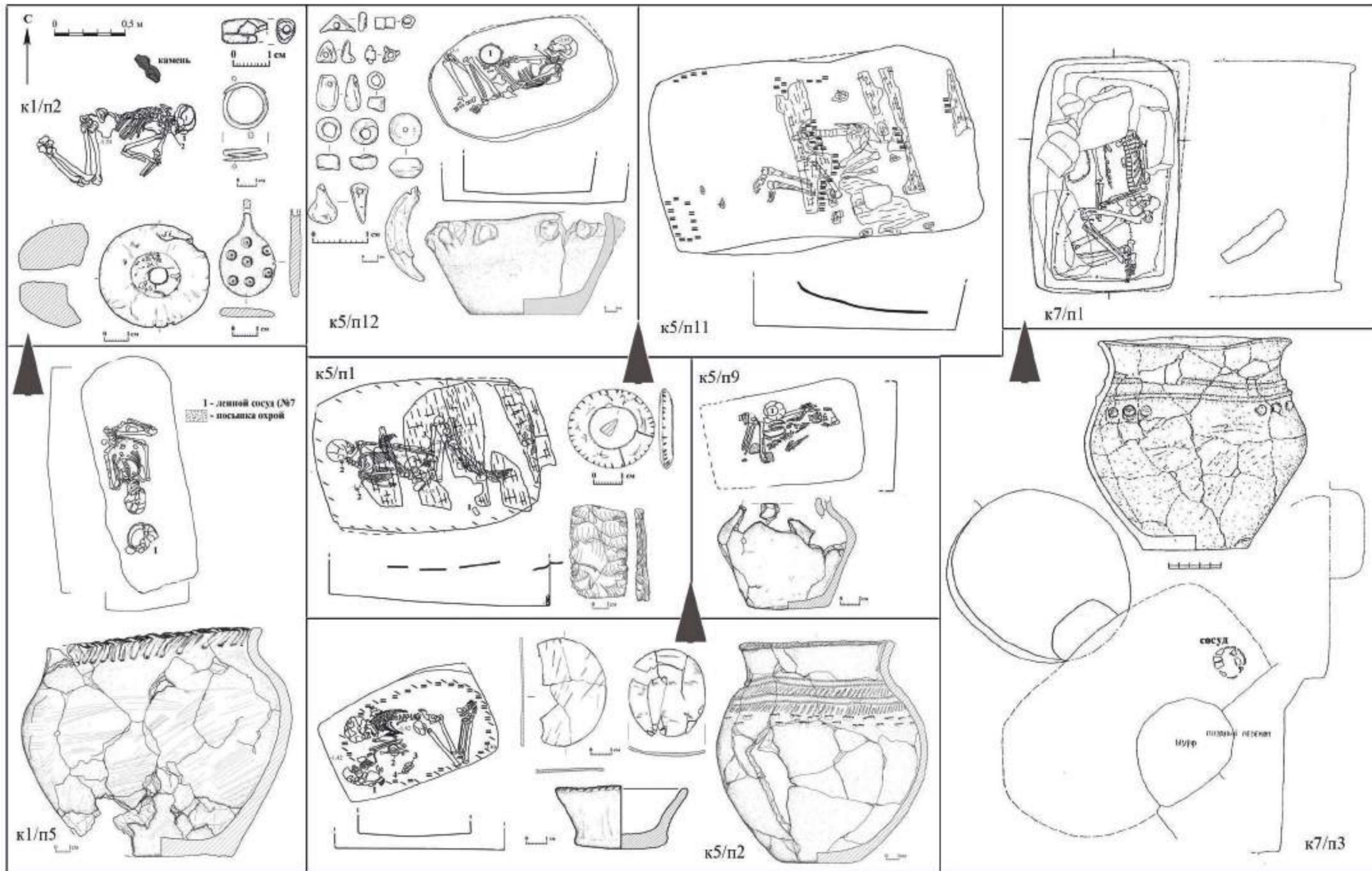

Рис. 62. Стратиграфическое соотношение погребений позднего катакомбного периода и финального этапа периода средней бронзы курганного могильника Аксайский I

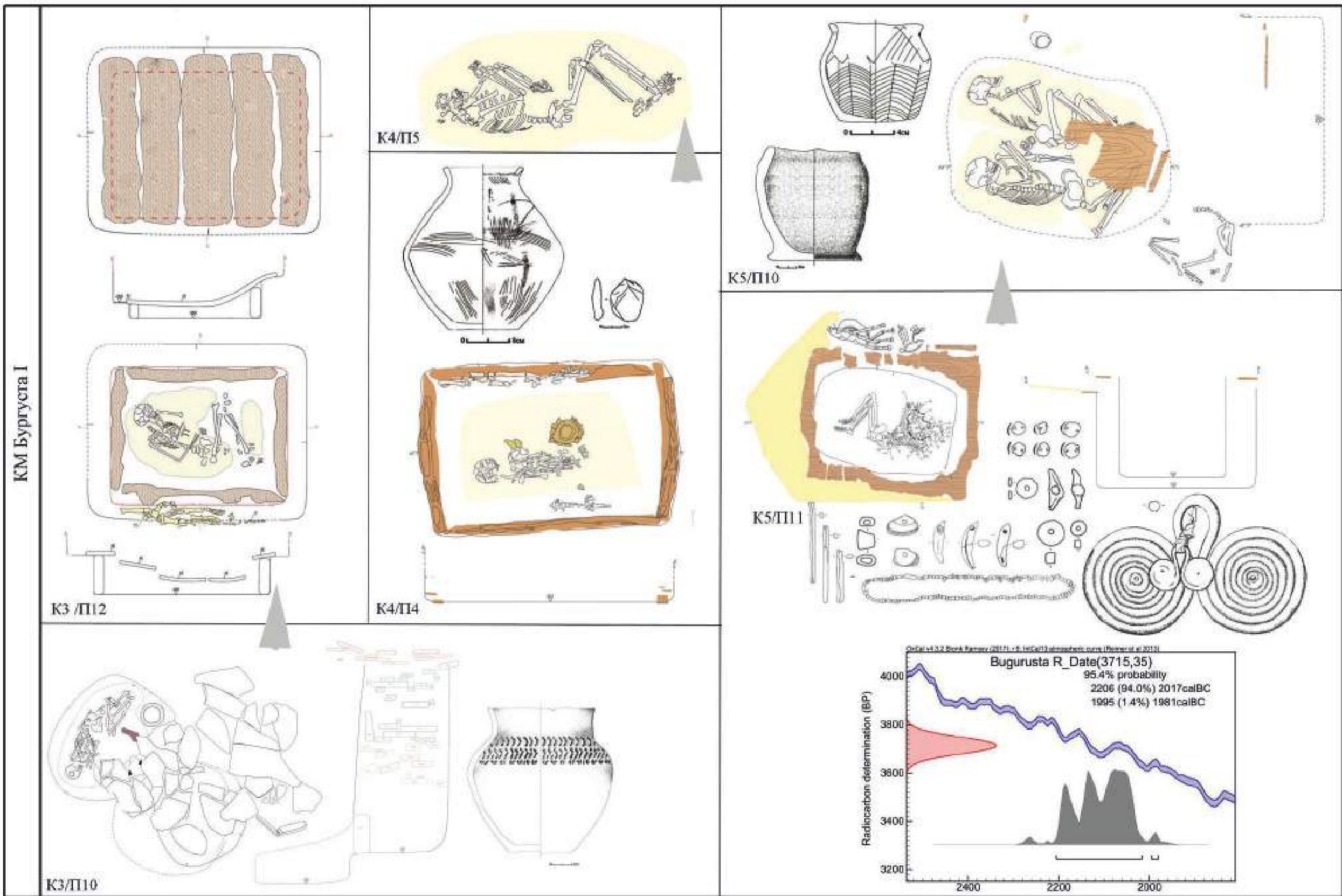

Рис. 63. Стратиграфическое соотношение погребений катакомбного периода и финального этапа периода средней бронзы курганного могильника Бугурста I и дата C14 для погребения к5/п11.

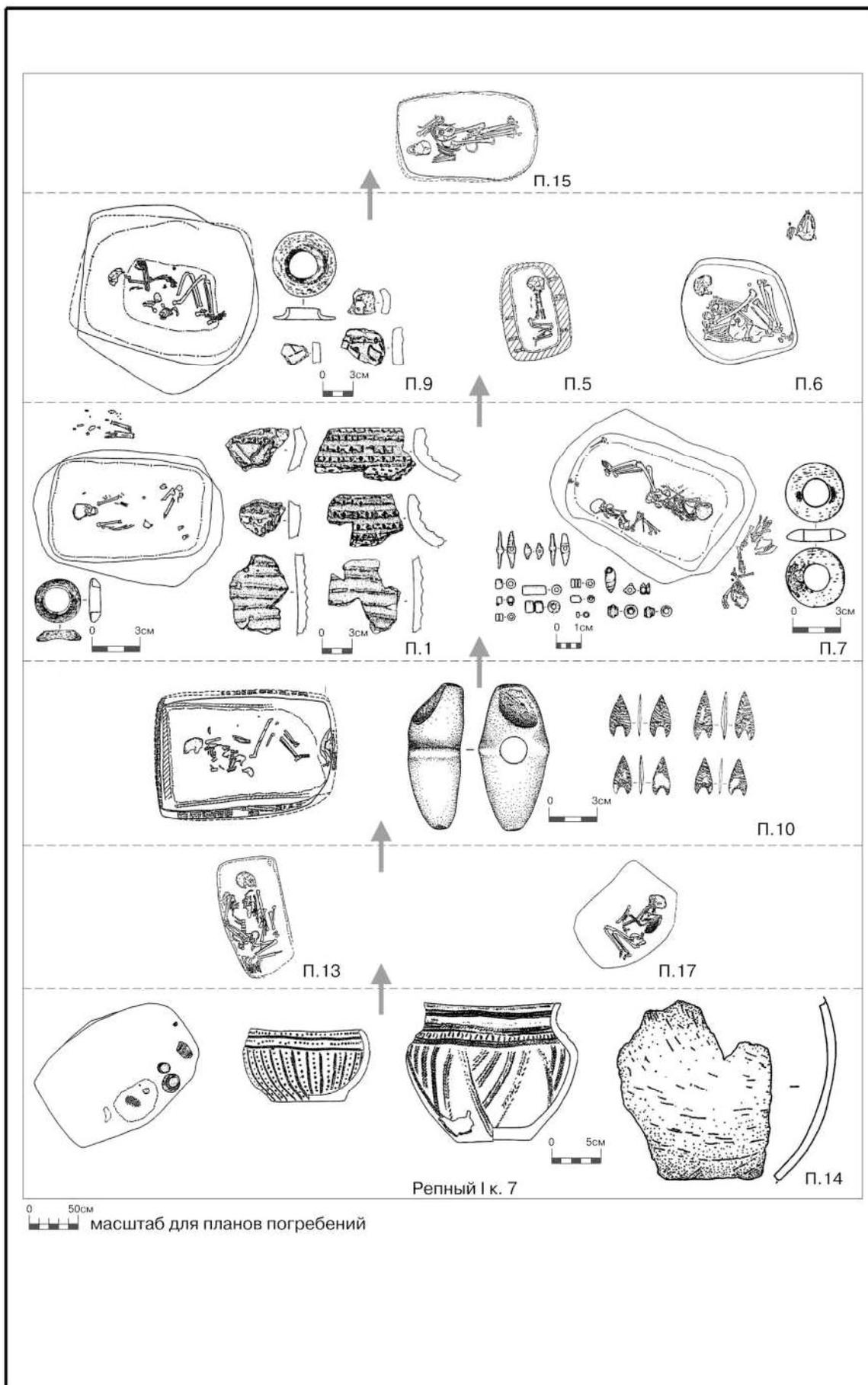

Рис. 64. Стратиграфическое соотношение погребений катакомбного периода и финального этапа периода средней бронзы курганного могильника Репный I (Р. А. Мимоход, 2013. С. 528).

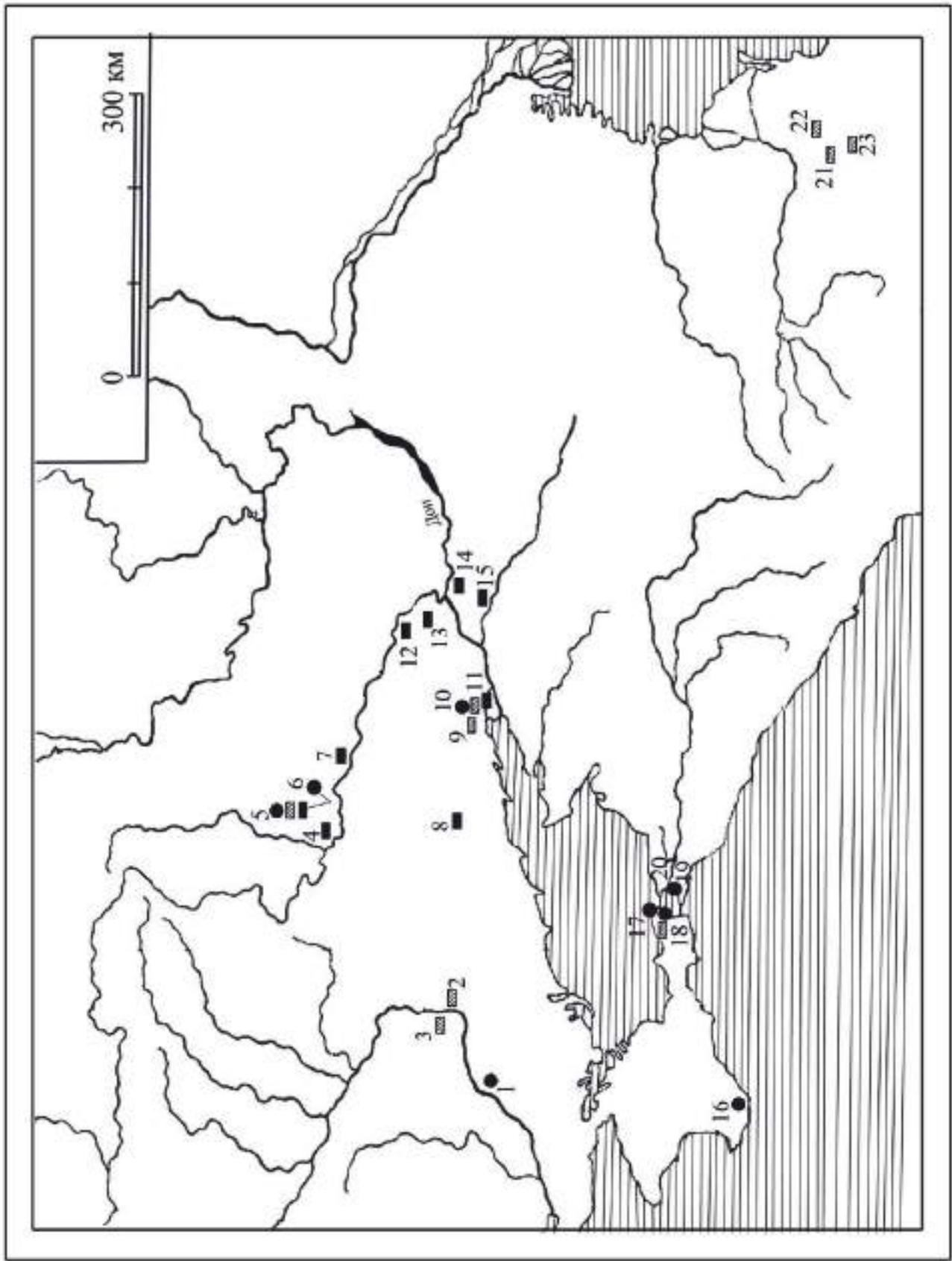

Рис. 65. Памятники финального этапа периода средней бронзы Восточной Европы.

Рис. 65. Памятники финального этапа периода средней бронзы
Восточной Европы.

Днепро-донская бабинская культура, поселения:

1 - Бабино III; 3 - Случайная находка на о. Хортица; 4 - Славяногорск; 5 -
Серебрянское; 6 - Алешин Ручей и Надтеррасное; 7 - Трехизбенка I; 8 -
Раздольненское; 11 - Ливенцовское I.

Погребальные комплексы:

2 - Балабинский курган I; 12 - Репный I; 13 - Гать III; 14 - Первая Веселовская
группа; 15 - Четыре брата II.

Каменско-Ливенцовская группа памятников, поселения:

10 - Ливенцовско-Каратаеская крепость.

Погребальные комплексы: 9 - Ростовский курган.

Каменская культура Восточного Крыма, поселения:

16 - Алчак-Кая; 17 - Каменка; 18 - Маяк.

Поселения Таманского полуострова:

19 - Балка Хреева III; 20 - Балка Лисовицкого.

Могильники Гинчинской культуры (Р. Г. Магомедов, 1998 г.):

21 - Гатык-Кале; 22 - Бельты; 23 - Дуба-юрт.